ПИСЕМСКІЙ

ИЗЪ БИБЛІОѲЕКИ.

<36637661460011

<36637661460011

Bayer. Staatsbibliothek

Opp: 658 x/22

Ex libris Georgii Ducis Megapolitani

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

XVc, 45-22

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

Второе посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

I.

I. ИПОХОНДРИКЪ—комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.
II. РАЗДѢЛЪ—комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.
III. ХИЩНИКИ—комедія въ пяти дѣйствіяхъ.
IV. ФИНАНСОВЫЙ ГЕНІЙ—комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

BIBLIOTEKA

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1896

Ga 164 1513

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ.

Дозвол. цензур. 19 февраля 1895 г.—Редакторъ-Издатель А. М. Вольфъ

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

ИПОХОНДРИКЪ

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Николай Михайлычъ Дурнопечинъ, (ипохондрикъ), 35 лѣтъ.

Соломанида Платоновна, тетка его, 60 лѣтъ.

Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, братъ Н. М. Дурнопечина въ 4-мъ колѣнѣ, 48 лѣтъ.

Настасья Кирилловна Бѣлогривова, дама, лѣтъ 50, дальняя родственница Н. М. Дурнопечина.

Ваничка, сынъ ея, 21 года.

Надежда Ивановна Каноричъ, дѣвица, 36 лѣтъ.

Михайло Иванычъ Каноричъ, братъ ея, 33 лѣтъ.

Никита, слуга Дурнопечина, 40 лѣтъ.

Сергѣй, цирюльникъ, слуга Соломаниды Платоновны.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ комнату въ родѣ кабинета; столъ съ различными вещами; мебель хорошая; на диванѣ разложено платье; на стѣнѣ виситъ большое зеркало, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ *(сидитъ передъ столомъ, въ ваточномъ пальто)*. Вотъ тебѣ и родина, а все эта тетушка выписала... воздухъ здѣсь, писала, очень хорошъ. Нечего сказать: славный? Что вотъ ни пріѣхалъ сюда, все хуже и хуже. Удивительное дѣло, какъ идетъ моя жизнь! Страхъ какой-то... тоска... скука... *(Вздыхаетъ)*. А какъ другіе, посмотришь, прекрасно живутъ, веселые такіе... смѣлые... жизнью какъ-то умѣютъ пользоваться, а ты вотъ сиди себѣ да думай; но это бы еще ничего, жилъ бы себѣ просто, такъ нѣтъ: безпрестанно наскакиваешь на затруднительныя положенія, изъ которыхъ не знаешь какъ и выпутаться. Вотъ хоть бы взять изъ моихъ отношеній къ Надеждѣ Ивановнѣ, чѣмъ я тутъ виноватъ? что̀ я такое сдѣлалъ? Мальчишкой бывши покуртизанилъ, а теперь вотъ и раздѣлывайся: «Руки, пишетъ, на себя наложу, если не женитесь»... а какой я женихъ? куда я годенъ? А съ другой стороны и въ

самомъ дѣлѣ подумаешь: что если вправду руки на себя наложитъ? что тогда ляжетъ на совѣсть? Пожалуй, и самъ не перенесешь... особенно при моемъ здоровьѣ... вонъ, опять начало давить подъ ложкою... такъ... пора... конечно пора... Охъ, ужь это мнѣ утро! ужасное это время утро... Вчера даже мало и ужиналъ, желудокъ долженъ бы быть хорошъ. *(Беретъ зеркало со стола и смотритъ языкъ)*. Ну, такъ и есть, желтоватъ... съ краевъ-то ничего — красенъ, а въ серединѣ желтоватъ. *(Входитъ Никита)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ и Никита.

Никита *(про себя)*. Опять ротъ пялитъ передъ зеркаломъ.

Дурнопечинъ *(услышавъ его шаги)*. Никита! а Никита! поди сюда, встань поближе, встань вотъ тутъ, противъ меня!

Никита *(подходя)*. Ну-съ?

Дурнопечинъ *(глядя ему въ глаза)*. Скажи мнѣ, братецъ,—только, смотри, говори правду, не лги: чувствуешь ты что-нибудь по утрамъ?

Никита. Какъ не чувствовать: на то живой человѣкъ, чтобы чувствовать.

Дурнопечинъ. Что-жь ты чувствуешь?

Никита. Да что чувствовать-то?—все чувствую-съ.

Дурнопечинъ. А, братецъ, какой ты безтолковый?.. я не про то тебѣ говорю.

Никита. Про что же вы говорите?

Дурнопечинъ. Я тебя спрашиваю: не чувствуешь ли ты по утрамъ, или послѣ обѣда—вечеромъ, этакого... непріятнаго ощущенія... тяжести?

Никита. Нѣтъ-съ: этого, кажись, не чувствую.

Дурнопечинъ. Припомни-ка хорошенько.

Никита. Чего припоминать-то, право не чувствую-съ. Вонъ, грѣшнымъ дѣломъ, иногда съ похмѣлья, такъ болитъ голова по утрамъ.

Дурнопечинъ. По-крайней-мѣрѣ, не хочется-ли тебѣ, этакъ, вставши по утру, поскорѣе бы на воздухъ? или вотъ, напримѣръ, скажи мнѣ, братецъ: можешь ли ты сейчасъ по утру заниматься чѣмъ-нибудь, не чувствуешь ли ты этакой лѣни, тоски...

Никита *(съ улыбкою махнувъ рукою)*. Не знаю, что̀ вы такое говорите. Наше извѣстное дѣло: не хочешь, да дѣлаешь. Вонъ за водой сходишь, сапоги вычистишь, самоваръ тоже велишь поставить поваренку,—не этакая жизнь-то, какъ ваша: валяться некогда.

Дурнопечинъ *(разсердясь)*. Что̀ ты за околесную городишь? Чортъ тебя знаетъ: о сапогахъ да о самоварѣ мелешь. Все не то говоришь, о чемъ тебя спрашиваютъ.

Никита. Что же мнѣ говорить-то? Вѣдь я не баринъ какой-нибудь ученый.

Дурнопечинъ. Ну ладно, ступай. *(Никита хочетъ уйти. Дурнопечинъ, проведя по лбу рукою, поблѣднѣвъ и сконфуженнымъ голосомъ)*. Никита, постой... поди сюда... у меня, братецъ, опять изнурительная испарина показалась.

Никита. Ничего нѣтъ, никакой совсѣмъ испарины не бывало.

Дурнопечинъ *(еще болѣе блѣднѣя)*. Какъ нѣтъ? Дай-ка сюда руку. *(Беретъ у Никиты руку и водитъ по своему лбу)*. На лбу-то не чувствуешь? что нѣтъ?... а? нѣтъ, спорщикъ этакой?

Никита. Ну, что-же такое? есть, показалась маленькая...

Дурнопечинъ. То-то маленькая показалась, а у

тебя такъ вотъ и нѣтъ: ни тоски, ничего нѣтъ. Видно, что здоровый человѣкъ.

Никита. Я почемъ знаю: можетъ быть, и у меня есть.

Дурнопечинъ. Да, есть у тебя, только не то: лошадиное здоровье у тебя есть. Вотъ теперь у меня испарина, тамъ слабость, а тутъ, смотришь, сухотка, да и карачунъ.

Никита. Вы, вѣдь, уже извѣстно, давнишній трусъ: еще молоденькимъ были, прыщикъ, бывало, какой нибудь вскочитъ: «ой Никита, умираю, совсѣмъ погибъ, ой, ступай за докторомъ», — а что докторъ, — придетъ только, да разсмѣется: «трусъ, говоритъ, Никита, твой баринъ, вотъ что!..»

Дурнопечинъ. Ну, да, трусъ, хорошъ теперь прыщикъ: — весь позвоночный столбъ пораженъ — хорошъ прыщикъ! Въ лѣчебникѣ именно сказано: начинается тоскою, апатіею, потомъ изнурительный потъ, разслабленіе, худоба и конецъ дѣлу. Господи, Боже мой! что мнѣ дѣлать? кто мнѣ поможетъ? *(Встаетъ, схватываетъ себя за голову и начинаетъ ходить по комнатѣ)*. Доктора!... знаю я, какъ они лѣчатъ: или припадки замазываютъ, или гнутъ человѣка подъ систему свою. Вотъ ихъ правило! Знаю я, очень хорошо знаю... я самъ всѣ лѣчебники выучилъ наизусть, такъ ужь очень хорошо понимаю, какъ все это надежно. *(Ложится на диванъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ хныкать)*.

Никита *(подходя къ нему)*. Николай Михайлычъ! а Николай Михайлычъ! что́ вы это такое, сударь, дѣлаете, не стыдно ли вамъ?

Дурнопечинъ *(не обращая на него вниманія)*. Преступникъ, даже самый преступникъ — и тому остается надежда: его, можетъ быть, простятъ; а у меня даже этого нѣтъ! Ой, тошно, тошно!...

Никита *(съ сердцемъ)*. Ахъ, ты, Царь небесный! что̀ это за баринъ такой, словно маленькій ребенокъ.

Дурнопечинъ. Дай воды! дай... только не холодной!

Никита *(подавая ему воду)*. Хоть бы вы себя-то, Николай Михайлычъ, пожалѣли. Отъ этого, сударь, безъ болѣзни болѣзнь приключится: ей Богу, накликиваете на себя Богъ знаетъ что да и только.

Дурнопечинъ. Жалкій, братъ, я человѣкъ: не долго, кажется, осталось мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!

Никита. Васъ вѣдь и не урезонишь, а какъ Богъ святъ, у васъ ничего нѣтъ: такъ только одна сумнительность, и больше ничего. Вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, у меня у самаго это бывало.

Дурнопечинъ *(немного успокоиваясь)*. Бывало, я думаю, у тебя въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ тридцать градусовъ тепла.

Никита. Нѣтъ, право, зимой бывало.., въ дорогѣ, вотъ когда бывало.

Дурнопечинъ. Что же послѣ?

Никита. Да что послѣ—ничего: квасу только ковша два выпьешь.

Дурнопечинъ. Долго ли у тебя это было?

Никита. Лѣтъ семь было, да и теперь еще есть... А какъ я вотъ что вамъ скажу: какъ я въ Москвѣ, въ мальчикахъ въ горячкѣ лежалъ, такъ вотъ ужь лежалъ: оглохъ совсѣмъ, ни руки, ни ноги не владали. Доктора говорили, что безпремѣнно умру: а послѣ, черезъ недѣлю, такъ началъ кашицу уписывать, только давай. Харчей-то исправныхъ не было, а то бы все, кажись, по моему, съѣлъ.

Дурнопечинъ. Горячка! что такое горячка? — въ горячкѣ человѣкъ или выздоровѣетъ, или умретъ, а у меня другое дѣло.

Никита. А у васъ и совсѣмъ ничего нѣтъ, вотъ, что у васъ! Такъ вы только, больно ужь робки. Лучше бы погулять, сударь, сходили: на базарѣ народу видимо невидимо.

Дурнопечинъ. Мнѣ-бы самому хотѣлось; да не холодно ли?

Никита. Никакого совсѣмъ нѣтъ холода; лучше провѣтритесь.

Дурнопечинъ. Ну, хорошо! что же я надѣну?

Никита. Такъ ступайте: пальто ватное.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, нельзя такъ: простудишься. Дай хоть кашемиръ.

Никита. Зачѣмъ кашемиръ: лучше простынете.

Дурнопечинъ. Какія ты глупости говоришь, — давай, когда велятъ,—весь въ испаринѣ, а ступай въ одномъ пальто. (*Никита даетъ кашемиръ, которымъ Дурнопечинъ старательно обматываетъ шею, закладываетъ уши пенькою и, надѣвъ теплую шапку и калоши, идетъ*).

Никита (*въ дверяхъ вслѣдъ ему*). Что обѣдать-то прикажете готовить?

Дурнопечинъ (*за сценой*). Ну что-нибудь... Какъ-будто не знаешь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Никита (*съ сердцемъ*). Да я почему знаю; теперь вотъ не говоритъ, а ужо станетъ спрашивать, отчего того да другаго нѣтъ. (*Къ публикѣ*). Каждое утро этакія штуки откалываетъ. Поди ты: что съ нимъ сдѣлаешь? (*Передразнивая Дурнопечина*). «Ой, не могу ничего ѣсть, ой, ничего не надо, и слышать, говоритъ, о пищѣ не могу»; а какъ проголодается, такъ всего давай; уписываетъ такъ, что за ушами трещитъ; а наѣстся, опять за тѣ же манеры. Удивительная вещь, право! Боленъ, говорили вонъ въ Москвѣ, въ какой то апохондріи,—экая болѣзнь славная!—все на ногахъ, да ничего и не худѣетъ! Съ жиру бѣсится—вотъ что — да! кабы посадить на постные щи, да заставить бы, какъ мужика,

воза два дровъ перерубить, такъ бы все прошло. Расхныкался, зачѣмъ вотъ потъ въ ваточномъ сюртукѣ прошибаетъ; экая бѣда случилась!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тотъ же, Настасья Кирилловна и Ваничка.

Настасья Кирилловна (*растопыривая руки*). Никитушка! другъ мой... тебя ли я вижу? Еще Господь Богъ привелъ съ вами встрѣтиться... Поцѣлуемся, другъ мой! (*Хочетъ поцѣловать Никиту*).

Никита (*Цѣлуя у нея руки*). Какъ возможно-съ!... Пожалуйте ручку.

Настасья Кирилловна. Ничего, ничего, мой другъ, лучше бы поцѣловались... охъ, задохнулась бѣшавши. Сейчасъ только узнала, что вы здѣсь; но гдѣ же дядюшка-то? Дай мнѣ его, ненагляднаго, поскорѣе увидать.

Никита. Они гулять ушли.

Настасья Кирилловна. Какъ гулять ушелъ!... развѣ онъ ходитъ еще? А вѣдь меня напугали, сказали, что онъ ужасно боленъ.

Никита. Здоровье наше извѣстное; каждый день все хвораемъ.

Настасья Кирилловна. Слышала, слышала... И ты-то, Никитушка, что-то похудѣлъ: точно лицо-то ободраное. И ты-то ужь не боленъ ли?

Никита. Нѣтъ-съ: я ничего, мы не господа, хворать не любимъ.

(*Ваничка, смотрѣвшій первоначально на потолокъ, на стѣны, подошелъ потомъ къ большому зеркалу и началъ оглядывать себя во всевозможныхъ положеніяхъ*).

Настасья Кирилловна. Что говорить; конечно, человѣкъ простой всегда бываетъ здоровѣе, но дядюш-

ка-то... ахъ, Творецъ небесный! все это время я какъ-будто бы предчувствовала: въ городъ ѣхать не надобно, а хочется... Ваничка тоже подмываетъ; но у Алексѣя Яковлевича обыкновенный его проклятый геморой; онъ у меня въ это время пресердитый, прекапризный, а на лошадей такъ всегда ужасно скупъ; какъ ѣхать куда-нибудь, такъ и исторія, хоть до драки дѣло. Ну, думаю, впрочемъ ничего! Встала сегодня еще въ четыре часа утра, велѣла потихоньку заложить бричку, разбудила Ваничку,—поѣдемъ, говорю, другъ мой, покуда папенька спитъ,—такъ въ пять часовъ и укатили, онъ еще и не просыпался. Да ты узналъ ли Никитушка, моего Ваничку-то? Посмотри, батько, какой молодецъ выросъ! Ваничка! Поди, другъ мой, познакомься! это камердинеръ дяденьки. Что, Никитушка, вѣрно, не узналъ?

Никита. Никакъ нѣтъ-съ: узналъ.

Настасья Кирилловна. Ну и хорошо.. Славный ты, Никитушка, человѣкъ, право! Вотъ я и своей прислугѣ все говорю: вотъ, говорю, берите примѣръ съ дяденькинаго человѣка, вотъ, служитъ, такъ служитъ: съ малолѣтства никуда не отлучался отъ него. Ты, кажется, еще молоденькимъ поступилъ къ нему?

Никита. Въ мальчикахъ только, въ Москвѣ, три года жилъ, а тутъ все при немъ.

Настасья Кирилловна. Знаю, знаю, Никитушка, рѣдкостный, можно сказать, ты камердинеръ. Вотъ хоть бы съ этого взять: до сихъ поръ ты не женатъ, словно бобыль какой.

Никита. Нашему брату не приходится жениться.

Настасья Кирилловна. Такъ, конечно такъ, да другіе-то, другъ мой, изъ вашей братіи такъ не разсуждаютъ. Вотъ хоть-бы у насъ, какъ двадцать одинъ годъ минулъ, такъ и является: давай баринъ невѣсту, хоть роди да давай. Ой, что это я все не про то говорю. Скажи-ка лучше мнѣ про дяденьку: что, трудно онъ бо-

ленъ? я думаю, такъ только, черезъ силу таскаетъ ноги? Ваничка! тебѣ, можетъ быть, трубки покурить хочется? Угости его, Никитушка, трубочкой. У васъ, богачей, вѣрно ужъ есть табакъ? Онъ у меня презастѣнчивой: никогда самъ ничего не попроситъ.

Никита. Ну, этого добра у насъ нынче и въ заводѣ нѣтъ; баринъ ужъ съ полгода, какъ пересталъ курить: лѣкаря запретили.

Ваничка *(съ важностью)*. Что это, маменька, вы все просите? у меня свои папиросы есть. *(Вынимаетъ изъ кармана двѣ самодѣльныя папиросы)*. Человѣкъ, дай мнѣ огня!

Настасья Кирилловна. Ну, когда есть, такъ и прекрасно. Дай ему, Никитушка, огня, да разскажи мнѣ что-нибудь про дядюшку!

Никита *(подавая Ваничкѣ спичку, который, закуривъ попиросу, разваливается на диванъ)*. Что дядюшка?.. слава Богу, ничего!

Настасья Кирилловна. Очень онъ слабъ?

Никита. Ничего-съ.

Настасья Кирилловна. А блѣденъ этакъ и худъ?

Никита. И этого ничего нѣтъ.

Настасья Кирилловна. Ударовъ съ нимъ не бывало ли? Нынче все больше удары поражаютъ.

Никита. Какіе удары? Такъ вотъ только робки они очень и сумнительны.

Настасья Кирилловна. Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескрытная болѣзнь: въ началѣ ихъ и замѣтить трудно, а тутъ вдругъ однимъ разомъ и покончитъ. Сдѣлалъ-ли онъ какое-нибудь по имѣнію-то своему распоряженіе? Вѣдь бездѣтный, Никитушка, самъ согласись. Вотъ хоть бы взять-съ тебя: далъ ли онъ тебѣ вольную-то? обезпечилъ ли тебя?

Никита. А мнѣ зачѣмъ вольная? Я и при господахъ живу.

Настасья Кирилловна. Стало быть, онъ ничего этакого, о духовной, не думалъ, завѣщанія еще никакого не писалъ?

Никита. А Богъ ихъ знаетъ: мое дѣло лакейское, со мной не станетъ говорить.

Настасья Кирилловна. Конечно, конечно, Никитушка; я только такъ спросила, потому что неровенъ часъ эти вещи всегда нужно дѣлать заблаговременно, а особливо при слабомъ здоровьѣ. Ваничка, не хочешь ли, другъ мой, чаю? Тридцать верстъ вѣдь проѣхали. Угости, Никитушка, чайкомъ! У васъ, я думаю, не занимать стать этого добра, да и хлѣбца бѣлаго вели подать: ѣсть что-то хочется.

Никита. Извините-съ: я думалъ, что вы кушали...

Настасья Кирилловна. Пить-то мы пили, ну да съ дороги, обыкновенно, горячаго хочется. *(Никита уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Настасья Кирилловна и Ваничка.

Ваничка. Мы здѣсь долго, маменька, просидимъ? Мнѣ къ Надеждѣ Ивановнѣ хочется.

Настасья Кирилловна. Ахъ, ты дурачокъ, дурачокъ этакой! Балую я тебя очень: не то бы мнѣ съ тобой надобно было дѣлать. Какой еще ты женихъ?

Ваничка. Вотъ вы, маменька, и на попятный дворъ; это ужь подло... У ней сто душъ-съ. Я вамъ денегъ за это дамъ; мнѣ жениться на ней очень хочется. Она такая добрая, все со мной заигрываетъ.

Настасья Кирилловна. Не пойдетъ она, мнѣ кажется, за тебя, Ваничка! Конечно бы недурно, да молодъ ты еще очень.

Ваничка. Нѣтъ, маменька, ничего, пойдетъ! Я ей одну штучку скажу, такъ пойдетъ.

Настасья Кирилловна. Ахъ, Боже мой, Боже мой! молодо. зелено, но всетаки погодимъ, другъ мой, теперь нельзя: надобно здѣсь побыть: здѣсь-то, душа моя, намъ большая польза можетъ быть. Посмотри-ка· комната-то какая отличная... Вещи-то все какія богатыя... Поди-ка сюда, погляди: какое пальто безподобное. Вотъ бы тебѣ такое; я думаю, чай, въ пору будетъ.

Ваничка *(подходя и разсматривая пальто)*. Да-съ, маменька, пальто важное; пуговицы должно быть, московскія: здѣсь этакихъ совсѣмъ нѣтъ.

Настасья Кирилловна. У него все московское: страшный вѣдъ богачъ; большіе имѣетъ капиталы. Надѣнь-ка, примѣряй, другъ мой! *(Ваничка надѣваетъ и охорашивается)*. Ахъ, какъ прелестно на тебѣ сидитъ... безподобно! Ну, погоди, другъ мой, мы у него какъ-нибудь его выханжимъ.

Ваничка *(улыбаясь)*. Не дастъ, маменька, жалко будетъ.

Настасья Кирилловна. Ай, нѣтъ, не говори: онъ предобрѣйшій и преродственный всегда былъ, а теперь и подавно: куда ему беречь? Говорятъ, не сегодня, а завтра ляжетъ въ могилу. *(Таинственнымъ полушепотомъ)*. Я даже думаю о духовной попросить: не сдѣлаетъ ли онъ духовной на наше семейство.

Ваничка *(смѣясь)*. Ой, маменька, какія, я вижу вы ловкія! не даромъ папенька говоритъ, что вамъ бы на бѣдность ходить сбирать: вы бы у мертваго выпросили.

Настасья Кирилловна. Что же такое? Это не воровство какое-нибудь: женщина не мужчина, чѣмъ ей промышлять для семейства? А папенькѣ твоему ужь обыкновенно: чѣмъ бы нибудь только, да обидѣть меня. *(Подходя къ столу)*. Ахъ, здѣсь-то, здѣсь то, Ваничка,

посмотри: какія прелести *(беретъ папиросницу)*. Это что еще такое? Бумажникъ что ли?..

Ваничка. Нѣтъ, маменька, это папиросница. Вотъ бы эта мнѣ нужна штука!

Настасья Кирилловна. Возьми!

Ваничка *(сомнѣваясь)*. Ай, нѣтъ, стыдно!

Настасья Кирилловна. Ничего, возьми, право возьми, я ему сама послѣ скажу. Изъ кармана-то у тебя совѣстно ужь будетъ взять. *(Суетъ ему въ карманъ)*.

Ваничка. Ну, маменька, смотрите, какъ онъ разсердится, да браниться начнетъ.

Настасья Кирилловна. Вотъ пустяки: этакой благородный человѣкъ разсердится! еще очень будетъ радъ, что по родственному, безъ церемоній позаимствовались.

Ваничка. Ну, ладно, маменька, я все на васъ сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

Настасья Кирилловна. Ну, хорошо, говори на меня, чтó съ меня старухи взять. *(Осматривая комнату)*. Чего бы у него еще попросить? право ужь и не знаю... Развѣ вотъ шапку тебѣ бобровую. Помнишь, ты у меня еще все просилъ.

Ваничка. Ну ужь это дудки-съ—это вещь дорогая—рублевъ пятьдесятъ стоитъ. *(Надѣваетъ шапку, своращиваетъ ее на бекрень и смотрится въ зеркало)*. А вѣдь славно, маменька! точно какой Турка.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Дурнопечинъ.

Настасья Кирилловна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ дядюшка! *(бросается обнимать его)*. Ваничка, обнимай дѣдушку! *(Ваничка, быстро снимая шапку, тоже обнимаетъ)*. Батюшка?.. милый вы мой! красавецъ вы мой,

безцѣнный! Васъ ли я вижу, ненаглядный мой! Ваничка, поди, поцѣлуй у дядиньки ручку. *(Ваничка хочетъ поцѣловать, но Дурнопечинъ не дастъ и едва приходитъ въ себя отъ объятій).*

Дурнопечинъ. Полноте... не надобно, мой милый! я васъ сначала и не узналъ. *(Выходитъ на авансцену и задумывается).*

Настасья Кирилловна *(слѣдуя за нимъ)*. Мудрено ли, кровный мой! Десять лѣтъ, вѣдь, не видались! Да вы сядьте, голубчикъ мой! посмотрите, какъ вы слабы: на себя не похожи!..

Дурнопечинъ *(съ безпокойствомъ)*. А что́?

Настасья Кирилловна. Ужасно перемѣнились, дядюшка!.. позвольте мнѣ Ваничку моего представить: старшій сынъ мой, дядюшка!

Ваничка. Я васъ, дѣдушка, вовсе не такимъ воображалъ.

Дурнопечинъ *(погруженный самъ въ себя)*. А какимъ-же?

Ваничка. Да я думалъ, что вы съ усами-съ.

Настасья Кирилловна *(перебивая)*. Онъ по нашимъ-то словамъ, дядюшка, воображалъ васъ этакимъ молодцомъ, какъ прежде вы были.

Дурнопечинъ. Стало быть, я очень перемѣнился?

Настасья Кирилловна. Ахъ, дядюшка, узнать нельзя. Вотъ какъ бы, кажется, на дорогѣ встрѣтились да наплевали въ глаза, такъ и тутъ бы не признала.

Дурнопечинъ *(грустнымъ голосомъ)*. Все боленъ, Настасья Кирилловна!

Ваничка. Вы бы, дѣдушка, верхомъ катались. Вонъ у папеньки только отъ этого и проходитъ.

Настасья Кирилловна *(перебивая)*. Что̀ это, Ваничка, ты про папеньку говоришь. У него ужь болѣзнь извѣстная, отъ которой мaціономъ лѣчатся. А вотъ, дядюшка, какъ я вижу, такъ весь разстроенъ.

Дурнопечинъ *(качая съ грустью головой)*. Именно, весь разстроенъ. Не о лѣченьѣ надобно думать, а о другомъ

Настасья Кирилловна *(тоже грустно)*. Что̀ это, дядюшка... Конечно болѣзнь, видно, большая, однако мой безцѣнный, почему же и не попользоваться: вотъ бы вы попробовали каждое утро огуречный разсолъ пить или можжушный квасъ: одна моя знакомая, такъ, отъ водяной этимъ вылѣчилась, да и водяная-то съ ней отъ пьянства приключилась; доктора сказали, что просто неизлѣчима.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, мой другъ, что огуречный разсолъ, что̀ можжушный квасъ, все это пустяки ..

Ваничка. Вы, должно быть, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ этакой больной: все только про болѣзнь и говорите.

Дурнопечинъ. Что̀ дѣлать, братецъ, не удивляйся! можетъ быть, и самъ будешь такой же хилый, какъ я... Здорова ли семья твоя, Настасья Кирилловна?

Настасья Кирилловна. Ой, что это вы, дяденька, безпокоитесь и вспоминаете объ этихъ пустякахъ! Лучше про себя-то, отецъ мой, разскажите: что̀ такое съ вами?

Дурнопечинъ *(съ горькой улыбкой)*. Что̀ такое со мной. . видишь, ничего.

Настасья Кирилловна. Да вы ужь очень, дяденька, въ отчаяніе-то приходите. Ну что же дѣлать, если болѣзнь, можетъ быть, даже и опасна; покрайней мѣрѣ, добрыя дѣла старайтесь дѣлать: это, дяденька, лучше всякихъ лѣкарей помогаетъ. Вотъ, напримѣръ, изволили вы пріѣхать сюда, не забудьте-ка вашихъ родныхъ, которые васъ любятъ и уважаютъ, такъ повѣрьте, что сейчасъ все пройдетъ. *(Переминаясь)*. Вотъ бы я, дяденька, къ вамъ съ пребольшой моей просьбицей, — знаете, я думаю, отецъ мой, наше состояніе: семейство большое, а воспитывать нечѣмъ. Ваничку теперь, по несчастію, выключили изъ гимназіи, за непонятіе въ наукахъ; на-

добно бы въ службу опредѣлить, а одѣть не на что. Вотъ нынче пальты всѣ носятъ, а у него ничего нѣтъ! Не пожалуете ли ему, отецъ мой, вонъ это сѣрое пальтичко?. у васъ оно, я думаю, валяется, а онъ бы въ немъ по праздникамъ нащеголялся. Ваничка, другъ мой, проси дѣдушку, что это какой ты застѣнчивый!

Ваничка (*сконфузившись и улыбаясь*). Дѣдушка!...

Дурнопечинъ. Развѣ оно тебѣ нравится?

Ваничка. Нравится, дѣдушка!

Дурнопечинъ. Возьми!... (*Настасья Кирилловна и Ваничка ловятъ у Дурнопечина руки, чтобъ поцѣловать*).

Дурнопечинъ. Ну, полноте, полноте.

Настасья Кирилловна. Вы, дѣдушка... вотъ бы... Господи Боже мой и говорить-то не смѣю!.. Презентуйте ему, отецъ мой, еще шапочку. Стыдно сказать, а головы прикрыть не чѣмъ...

Дурнопечинъ. Какую это?

Настасья Кирилловна. Да вонъ бобровую-то дяденька: она у васъ ужъ и поистерта...

Дурнопечинъ (*съ улыбкою*). Возьмите пожалуй!

(*Настасья Кирилловна и Ваничка бросаются обнимать Дурнопечина*).

Настасья Кирилловна (*сквозь слезы*). Одинъ только Богъ васъ можетъ наградить, что не оставляете сиротъ. Ваничка! надѣнь же всѣ подарки и покажись дѣдушкѣ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, послѣ... я послѣ на него посмотрю. Мнѣ ѣсть что-то хочется.

Настасья Кирилловна. Покушайте, благодѣтель мой! что это, я вижу, вы и аппетиту ничего не имѣете.

Дурнопечинъ. Все худо, Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Вижу, дядюшка, все очень хорошо вижу; но что же, родной мой, дѣлать. Ну, когда Богъ послалъ на васъ такое испытаніе, думайте, по крайней мѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ. (*Дурнопечинъ ничего*

не отвѣчаетъ, но склоняетъ голову на руки и задумывается). Господи, *(всплеснувъ руками)*, Боже мой! легче бы кажется... глаза мои не видали этого человѣка. Вы, дяденька, по крайней мѣрѣ, вспомните то, что̀ есть старики, которые, что называется, доживаютъ послѣднія минуты, и тѣ... ну, обыкновенно, думаютъ, какъ бы заблаговременно распорядиться, чтобы память ихъ могли помянуть настоящимъ образомъ... я вотъ только говорить вамъ не смѣю... ну, да впрочемъ кого любишь, такъ говорить можно прямо: человѣкъ вы холостой, одинокій, подумали ли вы, отецъ мой, о духовной-то... этого дѣла всякому человѣку никогда откладывать не слѣдуетъ.

Дурнопечинъ *(съ горькою улыбкой)*. Такъ ты думаешь, что мнѣ пора думать о духовной?

Настасья Кирилловна. Я, дяденька, не къ этому говорю. Конечно, вамъ еще не послѣдній пришелъ конецъ; но вѣдь, отецъ мой, этакое важное дѣло надобно дѣлать, ахъ! въ какомъ здравомъ разсудкѣ!

Дурнопечинъ. Въ здравомъ разсудкѣ!.. да, конечно... а у меня ужь его скоро совсѣмъ не будетъ. *(Вздыхая)*. Спасибо хоть правду говоришь.

Настасья Кирилловна. Всегда говорю, дяденька, правду, такой ужь глупый характеръ! Сколько я за эту правду страдала: только что не били меня за мою справедливость. Вотъ хоть бы и про себя—не могу передъ вами скрыть: бѣдность, дяденька, совсѣмъ меня погубила. Алексѣй Яковлевичъ ничего не даетъ мнѣ на семейство: чайку, дяденька, по три мѣсаца въ глаза не видимъ, только въ гостяхъ гдѣ-нибудь и полакомимся, а дома, не повѣрите, все сидимъ на простыхъ щахъ. Не осчастливите ли, благодѣтель мой, не пожалуете ли чего-нибудь по дарственной или по духовной? человѣкъ вы холостой!.. у васъ все прахомъ пройдетъ. Ваничка, что это ты сидишь! Умоляй дѣдушку облагодѣтельствовать тебя! *(Ваничка встаетъ)*.

Дурнопечинъ *(сидѣвшій въ задумчивости, встаетъ)*. Ну, хорошо, ладно... ступайте туда въ гостиную. Я усталъ. Поди, Настасья Кирилловна, возьми и сына... Ступайте... Я сдѣлаю, только подите отсюда.

Настасья Кирилловна. Дядюшка! да вы не осердились ли?

Дурнопечинъ Нѣтъ. Подите... послѣ... *(Отходитъ и ложится на диванъ. Молчаніе. Настасья Кирилловна смотритъ съ испугомъ и удивленіемъ на Дурнопечина)*.

Настасья Кирилловна. Пойдемъ, Ваничка!

Ваничка. Пойдемте, маменька! Дѣдушка, вѣрно, соснуть хочетъ. *(Настасья Кирилловна и Ваничка на цыпочкахъ уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ *(съ дивана)*. Все ужь теперь кончено! Всѣ это знаютъ! Всѣ это видятъ. А я — глупецъ: думалъ еще жить, думаль жениться, послужилъ бы даже, а вотъ теперь женись и служи... я спокоенъ, я вотъ теперь пообѣдаю, а тутъ спать лягу, а тутъ и умру... *(Склоняетъ голову въ совершенномъ отчаяніи)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

СЦЕНА II.

Зала въ домѣ Канорнчъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна *выходитъ задумавшись:* **Михайло Иванычъ** *идетъ за ней молодцомъ и куритъ. Садятся.*

Михайло Иванычъ. Ну такъ какъ же? У васъ съ нимъ и того...

Надежда Ивановна *(въ раздумьи)*. Да.

Михайло Иванычъ. Экая ракалія, скажите, пожалуйста! Нѣтъ, баринъ, шалишь... не на того напалъ. Михайло Ивановъ самъ изъ обожженныхъ кирпичей.... Ухъ, какъ я этакихъ господъ умѣю учить! какъ, напримѣръ, ихъ мошенническія физіономіи умѣю встряхивать, чудо! Безъ бани жарко у меня будетъ...

Надеждб Ивановна. Не кляни его, Мишель: онъ не виноватъ.

Нихайло Иванычъ. Прахъ ихъ побери: виноватъ ли онъ тутъ, или нѣтъ. Я не приказная строка, вины разбирать; а по нашему, если онъ благородный человѣкъ, такъ фокусы выкидывать нечего, а поступай на чистоту.

Надежда Ивановна *(вздыхая)*. Онъ любилъ меня. Ахъ, еслибы ты только зналъ, какъ онъ любилъ меня... Еслибы ты видѣлъ, сколько прекрасной души въ этомъ человѣкѣ!

Михайло Ивановичъ. Ну, а теперь что же? теперь-то куда душа у него дѣвалась: на Нижегородскую, что ли, его прекрасная душа уѣхала?

Надежда Ивановна. Теперь онъ совсѣмъ перемѣнился: его узнать нельзя.

Михайло Иванычъ. Эге, любезнѣйшая, въ томъ-то и штука, какъ онъ смѣлъ перемѣниться! Знаемъ мы эти дѣла: шамшурку гдѣ нибудь завелъ, такъ и тянетъ въ другую сторону. Врешь, мой милый, отобьемъ! Слава Богу, у Михайлы Иванова никто еще отъ рукъ не отбивался: такъ пугну, что портретъ мой спишетъ, да каждый день и будетъ ему кланяться, чтобы помиловалъ. Охъ, какой вѣдь я на этихъ господъ крутой человѣкъ: трудно, больно трудно со мной справляться! У Михайлы Иванова вотъ какой характеръ: какъ гдѣ увидитъ онъ этакого щелкопера, такъ руки и чешутся, чтобъ дать барину урокъ, да такой урокъ, чтобы до новыхъ вѣни-

ковъ помнилъ. Эхъ, сестренка, не знаешь ты своего братишку... огневый я человѣкъ!

Надежда Ивановна *(съ чувствомъ)*. Мишель! у меня къ тебѣ одна просьба: не брани его такъ, не проклинай и прости... Ты посмотри на него, какъ онъ грустенъ и печаленъ.

Михайло Иванычъ. Ахъ, вы бабы! вамъ бы все сантиментальничать, а дѣла настоящаго вы не понимаете. Ты въ него влюбилась, да и замужъ тебѣ хочется; ну такъ и женись, каналья, когда случай есть.

Надежда Ивановна. Но если онъ, братецъ, любитъ другую, если онъ измѣнилъ мнѣ въ своихъ чувствахъ?..

Михайло Иванычъ. Тю-тю-тю! измѣнилъ въ чувствахъ, любитъ другую! скажите, пожалуйста, какія чувствительныя сердца! Мало чего нѣтъ, да на дѣлѣ выходитъ, чтобъ женился, такъ и женись.

Надежда Ивановна. Не будь такъ жестокъ, Мишель! но только сходи къ нему и разскажи ему будто такъ исторію, что одного человѣка любила одна дѣвушка и, впродолженіе десяти лѣтъ, только о немъ и думала.

Михайло Иванычъ. То есть, это ты о немъ десять лѣтъ думала? А курчавый-то капитанъ, это какого сорта птица, а?...

Надежда Ивановна *(покраснѣвъ)*. Это была, братецъ, ошибка... заблужденіе.

Михайло Иванычъ. Скажите, пожалуйста: этотъ господинъ вотъ ошибка, курчавый капитанъ заблужденіе. Ну, а исправническій учитель тоже заблужденіе?

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, тутъ была совершенная клевета! Мы были только дружны и больше ничего. Но оставимъ это... Ты скажи ему, что эта дѣвушка, можетъ быть, во гробъ сойдетъ отъ любви къ нему, и замѣчай, что̀ въ это время съ нимъ будетъ: поблѣднѣетъ ли онъ, встревожится ли?... А послѣ все мнѣ и разскажешь.

Михайло Иванычъ. Нѣтъ, я совсѣмъ буду не такъ съ нимъ говорить и стану наблюдать его совершенно другимъ манеромъ. Я приду, поклонюсь, конечно, и слѣдующую къ нему рѣчь поведу: «не угодно ли вамъ, скажу, милостивый государь, видѣть этотъ кулакъ, т.-е. мой кулакъ! Въ немъ, я вамъ доложу, ровно десять фунтовъ: теперь, изволите видѣть, онъ для васъ совершенно безвреденъ и таковымъ же останется и на будущее время въ такомъ только случаѣ, когда вы женитесь на такой-то дѣвицѣ—и наименую конечно, тебя; но если же нѣтъ!.. если не такъ!.. то извините меня: эти десять фунтовъ принуждены будутъ пересчитать ваши ребра и доберутся, можетъ быть, еще кой до чего... и до физіономіи. Тутъ ужь я и буду наблюдать: поблѣднѣетъ онъ или нѣтъ. Струситъ, наша взяла; заартачится, десять фунтовъ въ ходъ пустимъ.

Надежда Ивановна *(взявъ стремительно брата за руку)*. О, Бога ради, братъ, что ты говоришь... заклинаю тебя нашей любовью: не дѣлай этого, не убивай его, не обагряй своихъ рукъ въ его крови!

Михайло Иванычъ *(съ улыбкой)*. Охъ, вы женщины: слабый вы сосудъ!.. но впрочемъ изволь... для тебя на первый разъ колотить его не стану, а покуда словесно объясню ему дѣло, но только, знаешь, повнятнѣе, повразумительнѣе.

Надежда Ивановна. И грубо не говори съ нимъ, братецъ, а скажи ему, какъ я тебѣ говорила. Если же онъ будетъ показывать, что не понялъ, такъ отдай ему вотъ это письмо, и тутъ уже смотри, глазъ съ него не спускай. Онъ долженъ очень сконфузиться: тутъ я ему напоминаю ужасную вещь.

Михайло Иванычъ. Какую же это ужасную вещь, поцѣлуй, что-ли, во мракѣ ночи?

Надежда Ивановна. Нѣтъ, что поцѣлуй..: мы разставались тогда съ нимъ: онъ ѣхалъ надолго служить въ

Петербургъ, конечно, оба плакали: я заставила его поклясться мнѣ... и подарила ему локонъ моихъ волосъ.

Михайло Иванычъ. Вотъ какая у васъ ужасная вещь... ну, а онъ что?..

Надежда Ивановна. И онъ мнѣ своихъ отрѣзалъ *(со вздохомъ)*. Они тутъ въ письмѣ. Я ихъ возвращаю ему и прошу, чтобы и онъ мнѣ мои прислалъ, если не любитъ меня...

Михайло Иванычъ. Фу, ты, канальство, какія конфектности! волосы дарили другъ другу на память! Ахъ, вы, простофили деревенскіе.

Надежда Ивановна. Не смѣйся, Мишель: это ужасно!.. поди, поговори съ нимъ, какъ я тебя просила. *(Хочетъ идти, но останавливается)*. Братъ, ты не убьешь его? Не заставь меня, мой другъ, раскаяваться въ моей откровенности.

Михайло Иванычъ *(съ усмѣшкой)*. А развѣ тебѣ жалко будетъ, какъ я убью его, а?

Надежда Ивановна. Да, мой другъ, я до сихъ поръ еще люблю его!

Михайло Иванычъ. Хорошо... тамъ видно будетъ.

Надежда Ивановна. Прощай, мой другъ! не проклинай его и прости меня! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Михайло Иванычъ *(одинъ)*. Ну, Михайло Ивановъ, опять, братъ, тебѣ работа! Только смотри, не срѣжься, не оконфузь себя. Припомни-ка, какова была съ кирасиромъ за жидовку перепалка: скверная, вѣдь, братъ, штука вышла. Здоровъ ужь очень былъ, обломъ этакой: съ перваго раза ужь очень костоломную сдачу далъ, ну и сробѣлъ, а этотъ ничего—михрютка,—справимся. Съ другой стороны, смѣшонъ и ты Михайло Ивановъ: все

бы тебѣ, забубенная голова, практика была; но впрочемъ въ этомъ дѣлѣ и нельзя: главное, надобно сестрѣ себя показать, а то, пожалуй, и держать не станетъ, а уваженіе то ужъ всякое потеряетъ. *(Встаетъ, закуриваетъ трубку и опять садится).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Ваничка.

Ваничка *(входя)*. Надежда Ивановна гдѣ-съ?

Михайло Иванычъ *(обертываясь)*. Что-съ?

Ваничка. Надежда Ивановна гдѣ-съ?

Михайло Иванычъ. А зачѣмъ она вамъ?

Ваничка. Маменька велѣла имъ сказать, что она ужо придетъ къ нимъ чай пить.

Михайло Иванычъ. А кто ваша маменька?

Ваничка. Настасья Кирилловна.

Михайло Иванычъ. Хорошо, скажу...

Ваничка. Надежда Ивановна гдѣ-съ теперь?

Михайло Иванычъ. Она тамъ, у себя... Развѣ вамъ нужно ее видѣть?

Ваничка. Да-съ, нужно.

Михайло Иванычъ. Посидите тутъ... она придетъ. *(Ваничка садится; Михайло Иванычъ осматриваетъ его)*. Вы служите, что-ли, гдѣ-нибудь?

Ваничка. Нѣтъ еще. Маменька сначала хотѣла отпустить меня въ военную, а теперь въ штатскую отдаетъ-съ.

Михайло Иванычъ. Въ штатскую... А что̀, вы боитесь вашей маменьки? сѣчетъ она васъ?

Ваничка *(улыбаясь)*. Нѣтъ-съ... какъ можно-съ. Я не дамся; да меня никто и не повалитъ: у насъ папенька только строгъ, а маменька ничего: добрая-съ.

Михайло Иванычъ *(осматривая Ваничку)*. Что это какія узенькія на васъ брюки, точно дудочки? Кто это вамъ шилъ?

Ваничка. Дядиньки Никандра Семеныча портной— онъ хорошій: въ Петербургѣ учился.

Михайло Иванычъ. Скверно же въ Петербургѣ учатъ... Который вамъ годъ?

Ваничка. Двадцать второй.

Михайло Иванычъ. Только еще... А давно вы брѣетесь?

Ваничка. Ужь два года-съ. Усы такъ у меня еще на пятнадцатомъ году выросли: я ихъ все шалилъ, да перочиннымъ ножичкомъ подбривалъ... Какія вы славныя кольца пускаете!

Михайло Иванычъ. А что?

Ваничка. Да такъ-съ: хорошо. Я никакъ не могу выучиться... Вы умѣете папиросы руками дѣлать?

Михайло Иванычъ. Нѣтъ, я не курю папиросъ: бабье кушанье! Я къ трубкѣ привыкъ.

Ваничка. А за охотой вы ходите?

Михайло Иванычъ. Прежде ходилъ... А вы развѣ охотникъ?

Ваничка. Я нынче все лѣто ходилъ-съ; мнѣ дяденька Никандръ Семенычъ щенка лягаваго подарилъ трехъ мѣсяцевъ; я его хочу самъ учить, чтобы стойку зналъ; а то вонъ у насъ дворовая Лапка, только за бѣлками ходитъ, а стойки ничего не знаетъ: все спугиваетъ-съ.

Михайло Иванычъ. Вы хорошо стрѣляете?

Ваничка. Не знаю; кажется, хорошо-съ. Этта вотъ зайца такъ важно поддѣлъ; гоны четверы былъ отъ меня, такъ и срѣзалъ: всѣ четыре лапки отшибъ. Дичи нынче около насъ очень мало стало-съ: полушубинскіе ребята всю перевели; имъ баринъ каждый мѣсяцъ по фунту пороху выдаетъ, чтобъ только стрѣляли; даже въ наше

болото заходятъ, всѣхъ утокъ, подлецы, разшугали,— теперь ни одной нѣтъ.

Михайло Иванычъ. Ну, а этакъ за женщинами вы тоже охотитесь, а?

Ваничка. Нѣтъ-съ. За ними зачѣмъ охотиться.

Михайло Иванычъ. А что же?

Ваничка (*улыбаясь*). Да такъ-съ: онѣ не утки.

Михайло Иванычъ. Экая важность, что не утки. Но, можетъ быть, онѣ сами за вами охотятся?

Ваничка. Да-съ, можетъ быть; всяко случается... Сами-то вы охотитесь ли?

Михайло Иванычъ. За женщинами? грѣшный человѣкъ... любитель и мастеръ этого дѣла; только бы замѣтить гдѣ-нибудь, ужь не уйдетъ.

Ваничка (*смѣясь*). Я тоже-съ...

Михайло Иванычъ. То есть, какъ этакъ: ловки тоже?

Ваничка. Да-съ; только у насъ папенька очень этого не любитъ: что немного гдѣ замѣтитъ, тутъ же и приколотитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна (*входя*). Братъ, ты не ушелъ еще?... Ахъ, Ваничка, давно ли ты здѣсь?

Ваничка (*встаетъ, кланяется и сконфузясь говоритъ*). Маменька приказала вамъ кланяться, велѣла сказать, что вечеромъ придетъ чай пить.

Надежда Ивановна. Я буду дома... Ты скоро пойдешь, Мишель?

Михайло Иванычъ. Скоро: только трубку докурю и водки выпью.

Надежда Ивановна. Ты помнишь, что̀ я тебѣ говорила?

Михайло Иванычъ. Помню. Прощай! Оставляю тебя въ пріятномъ, но опасномъ обществѣ! Этотъ молодой человѣкъ мнѣ самъ признался, что онъ величайшій стрѣлокъ на женщинъ, и потому я тебѣ, какъ братъ, совѣтую опасаться.

Ваничка *(сконфузясь)*. Нѣтъ-съ... А вы развѣ братецъ ихъ?

Михайло Иванычъ. Есть немного... съ лѣваго бока... Прощайте!... Прощай, Надя! поцѣлуй покрѣпче! Какъ знать, чѣмъ наша исторія кончится!

Надежда Ивановна *(обнимая брата)*. Мишель! не рискни на что-нибудь ужасное!...

Михайло Иванычъ. Нѣтъ, ничего... Прощай! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ваничка и Надежда Ивановна. *Нѣсколько минутъ молчаніе, въ продолженіе которыхъ Надежда Ивановна сидитъ задумавшись, а Ваничкѣ очень хочется съ ней говорить, но онъ не находится.*

Надежда Ивановна. Давно вы здѣсь, Ваничка?

Ваничка. Сегодня утромъ пріѣхали-съ. Я все просилъ маменьку, чтобы онѣ сюда ѣхали-съ.

Надежда Ивановна *(смотря на Ваничку, съ грустной улыбкой)*. Зачѣмъ же тебѣ хотѣлось сюда?

Ваничка. Мнѣ къ вамъ хотѣлось.

Надежда Ивановна. Зачѣмъ ко мнѣ?

Ваничка. Такъ-съ, очень хотѣлось... Я было вамъ, Надежда Ивановна, утокъ настрѣлялъ, да проклятыя собаки и съѣли: у насъ вѣдь никогда ихъ не кормятъ: всё, чтобы сами себѣ промышляли; вотъ онѣ этакъ и промышляютъ.

Надежда Ивановна. Merci, мой другъ! но только я утокъ не ѣмъ: онѣ мнѣ какъ-то противны.

Ваничка. Нѣтъ, ничего-съ. Эти были хорошія. Онѣ противны, какъ травы хватятъ, а эти еще не хватили. Я вотъ вамъ скоро селезня подарю-съ; маленькаго еще поймалъ, все овсомъ теперь кормятъ.

Надежда Ивановна. Ну, хорошо, подари.

Ваничка. А вы мнѣ сами что подарите?

Надежда Ивановна. Я тебѣ кисетъ вышью шерстями.

Ваничка. Нѣтъ-съ, я не хочу кисета.

Надежда Ивановна. Отчего же?

Ваничка. Да такъ-съ. Зачѣмъ мнѣ кисетъ-то? Что̀ онъ мнѣ такое! Я и безъ него могу жить. Мнѣ бы лучше, какъ лѣтомъ тогда, ручку вашу давали, такъ это лучше-съ.

Надежда Ивановна. Развѣ ты любишь мою ручку?

Ваничка. Очень люблю съ!

Надежда Ивановна. Ну на тебѣ ее! Садись около меня! *(подаетъ ему руку)*. Ну, что ты теперь станешь съ нею дѣлать? *(Ваничка сначала цѣлуетъ руку, потомъ кладетъ ее на свою ладонь, а другою начинаетъ гладить, нѣсколько минутъ молчаніе)*. Послушай, Ваничка! ты любилъ кого-нибудь, кромѣ меня?

Ваничка. Нѣтъ-съ. Право нѣтъ—вы первыя-съ.

Надежда Ивановна. А что же ты Мишелю говорилъ?

Ваничка. Да я смѣялся такъ... Они спрашиваютъ: хожу ли я за охотой—за женщинами? я и сказалъ-съ...

Надежда Ивановна. Чтожь ты сказалъ?

Ваничка. Я говорю, что женщины не утки, и больше ничего, право ничего... такъ только... посмѣялись.

Надежоа Ивановна. А про меня чего-нибудь ты не сказалъ ли ему?

Ваничка. Ай, нѣтъ, какъ возможно-съ! Я про васъ

никому въ свѣтѣ не скажу-съ. Мы говорили такъ... о другихъ.

Надежде Ивановна. А развѣ ты любилъ другихъ.

Ваничка. Да что?.., какъ же? я не знаю-съ!..

Надежда Ивановна. Какъ же не знаешь?.. стало быть, ты меня обманываешь и былъ влюбленъ въ другую?

Ваничка. Ни въ кого-съ... умереть на этомъ мѣстѣ, ни въ кого-съ!.. Мы такъ только... смѣялись.

Надежда Ивановна. Надъ чѣмъ же вы смѣялись? Ты, вѣрно, что-нибудь ему разсказывалъ?

Ваничка. Я ничего не разсказывалъ, право-съ! они сами все выдумывали!

Надежда Ивановна *(подумавъ и вздохнувъ)*. И пожалуйста, никому ничего не говори, тѣмъ больше, что мы съ тобой скоро должны будемъ совершенно разстаться!...

Ваничка. Зачѣмъ? вѣтъ-съ... я здѣсь на службу опредѣлюсь. *(Цѣлуетъ ея руку)*. Вы прежде, Надежда Ивановна, добрѣе были-съ... Помните въ саду... а теперь вотъ не хотите...

Надежда Ивановна. Что это? Поцѣловать тебя! не могу... ни за что въ свѣтѣ, не могу!.. Если ты объ этомъ заговорилъ, такъ я и руку возьму. *(Выдергиваетъ руку)*.

Ваничка. Вотъ вы какія! жалко, что-ли вамъ руки-то?

Надежда Ивановна. Не могу, Ваничка! Я теперь совсѣмъ въ другомъ положеніи; я со стыда сгорю, если позволю себѣ поцѣловать тебя.

Ваничка. Да что же тутъ со стыда-то сгорать? экая важность!

Надежда Ивановна. Клянусь тебѣ честью, не могу! повѣрь ты мнѣ! мы должны разстаться: я не должна даже видѣть тебя... и записку мою даже отдай мнѣ, пожалуйста!

Ваничка. Вотъ славно!... Славно же вы обманываете...

Надежда Ивановна *(грустно)*. Я не обманываю... Ты самъ послѣ согласишься, что невозможно... Я поклялась не принадлежать никому... Я даже стыжусь моихъ прошедшихъ поступковъ съ тобою... Поѣзжай съ маменькой въ деревню и забудь меня. *(Ваничка надулся)*. Что же тебя такъ огорчаетъ тутъ?

Ваничка. Еще бы! замужъ, говорили, пойдете за меня, а тутъ и отпираетесь.

Надежда Ивановна. Послушай, Ваничка! я, ей-богу, не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать! мнѣ очень жаль тебя... ну, постой! изволь, я поцѣлую тебя: встань вотъ тутъ на колѣни противъ меня, только не дотрогивайся до меня... вотъ такъ... я сама тебя поцѣлую.

(Ваничка встаетъ; Надежда Ивановна беретъ его за руку и ставитъ его противъ себя на колѣни; потомъ обѣими руками беретъ его за голову и цѣлуетъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Кабинетъ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Николай Михайлычъ *сидитъ, задумавшись, на своемъ креслѣ, съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ уксусъ.* **Никита** *стоитъ со сложенными руками и флегматически смотритъ въ окно.* **Настасья Кирилловна** *сидитъ на отдаленномъ стулѣ, вяжетъ чулокъ и съ подобострастіемъ глядитъ на Дурнопечина.*

Настасья Кирилловна. Дядюшка, можно поговорить?

Дурнопечинъ. Что!

Настасья Кирилловна. Поговорить, спрашиваю, можно ли?.. Не обезпокою ли я васъ?

Дурнопечинъ. Ничего, говори.

Настасья Кирилловна. Я вотъ хочу, дядюшка, вамъ разсказать, какъ прошлой зимой я ѣздила въ Петербургъ. Ваничку въ корпусъ отвозила, такъ вотъ ужь страху-то навидалась, умру, кажется, а не забуду.

Дурнопечинъ. Какого же страху?

Настасья Кирилловна. Ѣхала я, дяденька, на одной лошади, въ кибиточкѣ. Извощикъ былъ отъ насъ

знакомый. Все ѣхали хорошо. Подъ самымъ Петербургомъ съѣхались на станціи съ купцомъ; извощику моему онъ былъ знакомый человѣкъ, и напились они, отецъ мой, пьяны. Ахъ, Царь небесный, и вспомнить-то страшно! Стала я извощику говорить: не стыдно-ли, говорю, Парѳенъ, такъ поступать... ѣдешь ты съ благородною дамой, а напиваешься; закладывай, говорю, скорѣе лошадь, да поѣдемъ. А сама себѣ думаю, какъ бы поскорѣе его съ этимъ разбойникомъ-то разлучить, да отрезвить бы поскорѣе на морозѣ. Ну-съ... извощикъ мой поболталъ такъ немного, однако послушался, заложилъ... усѣлись... Вдругъ этотъ разбойникъ-то купецъ увидалъ, да пьяный-то, этакой безобразной, въ кибитку ко мнѣ и влѣзъ... «Я, говоритъ, тоже поѣду», да такъ всей валевой на меня и навалился. Что мнѣ дѣлать! смерть, вижу, моя приходитъ. Ребенка прижала къ себѣ и начала ему говорить: что, я говорю, вы, господинъ купецъ, дѣлаете? неужели на васъ и начальства нѣтъ? я, говорю, окольныхъ сейчасъ скличу»... Не тутъ-то было... лежитъ безбожникъ этакой, да еще и ругается. Мой-то подлецъ началъ тоже его руку тянуть: «ничего, говоритъ, барыня, онъ мнѣ, говоритъ, человѣкъ знакомый, мнѣ сталѣе васъ на дорогѣ выкинуть, чѣмъ ему не услужить». Залилась я, дяденька, послѣ этой грубости, горькими слезами, вышла съ ребенкомъ изъ повозки, выпросилась у священника... тутъ и ночевала...

Дурнопечинъ. Никита! намочи платокъ еще уксусомъ. *(Хочетъ подать Никитѣ платокъ; но Настасья Кирилловна вскакиваетъ и беретъ у него платокъ).*

Настасья Кирилловна. Дядюшка! позвольте, я вамъ это сдѣлаю.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, душа моя! Никита ужъ знаетъ... Ты лучше разсказывай.

Настасья Кирилловна. Да не безпокою ли я васъ, отецъ мой?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ничего... *(Никитѣ).* Намочи.

Никита. Перестали бы, сударь, лучше... А то посмотрите, лобъ-то и безъ того красенъ.

Дунопечинъ. Пожалуй. Теперь я гораздо поосвѣжился; такъ легко стало.

Настасья Кирилловна. Прикажите разсказывать, дядюшка? Стыдно бы и говорить, чтó со мной глупой старухой ваши питерскаіе франты сдѣлали. Ну да, пусть васъ посмѣшитъ.

Дурнопечинъ. Что же такое съ тобою сдѣлали?

Настасья Кирилловна. Жила я тамъ, дяденька, ровно два мѣсяца. Деньги мои и сначала маленькія были, а тутъ такъ подошли, хоть на дорогу нечего... Иду я по самой тамошней большой улицѣ, по Невской, вдругъ нагоняетъ меня молодой человѣкъ, нарядный такой, въ бекешѣ, и началъ меня съ ногъ до головы осматривать. Я подумала, да и говорю: «милостивый государь! лицо ваше такое доброе... я бѣдная, заѣзжая, говорю, здѣсь помѣщица, не можете ли какую нибудь помощь оказать матери семейства»? Онъ на меня этакъ посмотрѣлъ... «Хорошо, говоритъ, но только теперь не могу, а не угодно ли, говоритъ, вамъ ужо вечеромъ придти, въ такой-то домъ»... Теперь и позабыла куда... «Позвоните, говоритъ, но въ крыльцо не входите, потому что тутъ живетъ моя тетка, богомолка, и она никого не принимаетъ». Отошелъ онъ отъ меня, и начала я сама съ собою думать: что, думаю, не убьютъ же меня, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ помогутъ... Пошла я вечеромъ, отыскала домъ, позвонила-съ... Выходитъ какой-то человѣкъ,—«подождите, говоритъ, на тратуарѣ,» и ушелъ. Я встала. Вдругъ окно отворилось: «здѣсь»? кто-то спрашиваетъ. «Здѣсь»,—говорю. Только я проговорила это слово, вдругъ, отецъ мой, меня съ ногъ до головы и окатили какой-то дрянью, кажется, помоями.

Господи, Боже мой! и на ногахъ-то устоять не имѣла силы; чуть не захлебнулась.

Дурнопечинъ *(разсмѣясь)*. Что это, Настасья Кирилловна, какія ты глупости разсказываешь: разсмѣшила ты меня, проказница ты этакая!

Настасья Кирилловна. Что дѣлать дядюшка, какъ хотите, такъ и судите... Я впрочемъ рада, что вы хоть немного поразвеселились.

Дурнопечинъ *(смѣясь)*. Помоями облили... Славную штуку сыграли!..

Никита *(тоже смѣясь)*. Что же, вы тутъ дождались, чтобы васъ другой разъ окатили?

Настасья Кирилловна. Ну, гдѣ же ужь, Никитушка, дожидаться... только что привстала, да давай Богъ ноги... Пожалуй, еще убьютъ, разбойники этакіе.

Никита. Убить-то бы не убили, а другой-то бы разъ навѣрнякъ обдали.

Настасья Кирилловна. Дяденька! вы позволите мнѣ у васъ ночки двѣ ночевать. Дѣлишки у меня здѣсь, а квартиры дорогія, безпокойныя.

Дурнопечинъ. Хорошо, ночуй!

Настасья Кирилловна *(встаетъ и цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо)*. Видитъ Богъ, дядюшка, какъ я васъ всегда въ душѣ любила; только вы, можетъ быть, по бѣдности моей заключите что-нибудь другое, а я предана вамъ просто отъ сердца.

Дурнопечинъ. Ну, полно нѣжности выкидывать; лучше разскажи еще что-нибудь про себя.

Настасья Кирилловна. Сей-часъ, отецъ мой, сію секунду; мало-ли со мной дурой приключеньевъ было. Была я еще молода... всего первымъ ребенкомъ брюхата, и пріѣхали мы съ моимъ благовѣрнымъ въ губернскій городъ; щеки тогда у меня были розовыя, малиновыя... сама я была развеселая, вотъ и повадился къ намъ одинъ офицеръ ходить... онъ у Алексѣя Яковле-

вича еще юнкеромъ въ ротѣ служилъ... и ходилъ онъ къ намъ почти каждый день, и все со мною заговариваетъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Прохоръ Прохорычъ,

Прохоръ Прохорычъ. Здѣсь господинъ Дурнопечинъ живетъ?

Никита. Здѣсь. Вы кто такіе?

Прохоръ Прохорычъ. Это ужь, любезный, не твое дѣло... Могу я ихъ видѣть?

Никита. Вотъ они сами сидятъ!

Прохоръ Прохорычъ. А!... *(подходитъ къ хозяину и кланяется; тотъ привстаетъ)*. Я, кажется, имѣю честь видѣть Николая Михайловича Дурнопечино?

Дурнопечинъ. Точно такъ!

Прохоръ Прохорычъ. Я самъ тоже Дурнопечинъ: Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, и прихожусь вамъ братъ въ четвертомъ колѣнѣ. Настасья Кирилловна, мое вамъ почтеніе! Вы вѣдь тоже наша общая родственница; я это знаю очень хорошо... Давно, братецъ, изволили пожаловать въ наши мѣста?

Дурнопечинъ. Да ужь я и не помню; кажется, съ мѣсяцъ... Садитесь!

Прохоръ Прохорычъ. Всепокорнѣйше благодарю за ваше родственное вниманіе, и воспользуюсь приглашеніемъ, потому что я сегодняшнее утро верстъ пять прошелъ пѣшкомъ. Самъ за припасами на базаръ всегда хожу: съ малолѣтства эту привычку имѣю. Прислуга у меня маленькая, да и не вѣрна; никогда по вкусу не купитъ... *(Садится)*. Такъ вы изволите говорить, что уже съ мѣсяцъ, какъ прибыли въ нашъ городъ?

Дурнопечинъ. Кажется...

Прохоръ Прохорычъ *(съ ядовитою улыбкою)*. Настасья Кирилловна раньше всѣхъ успѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. *(Къ Настасьѣ Кирилловнѣ)*. Я всегда полагалъ, что вы дама очень тонкая.

Настасья Кирилловна. Гдѣ ужь намъ, Прохоръ Прохорычъ!.. Мы люди бѣдные; это въ пору только вамъ, богачамъ.

Прохоръ Прохорычъ. Кто богатъ и кто бѣденъ, это знаетъ только Богъ. На это не хватитъ даже и вашей тонкости... Не обезпокоилъ ли я васъ, братецъ, своимъ посѣщеніемъ? Я слышалъ, что вы не такъ здоровы?

Дурнопечинъ. Да, я все хвораю.

Прохоръ Прохорычъ. Изъ лица, впрочемъ, вы довольно свѣжи. Не отъ бездѣйствія ли это происходитъ? Вы, кажется, изволили весьма мало на службѣ состоять?

Дурнопечинъ. Года три въ военной службѣ служилъ.

Настасья Кирилловна. Что дядинькѣ-то на службѣ состоять: у нихъ и безъ этого есть состояніе.

Прохоръ Прохорычъ. Состояніе и служба—двѣ вещи разныя, это ужь дѣло не вашей тонкости, Настасья Кирилловна. *(Обращаясь къ Дурнопечину)* Я самъ къ несчастію, потерялъ службу, которой, можно сказать, душой и тѣломъ посвящалъ все время.

Дурнопечинъ. Вы не служите?

Прохоръ Прохорычъ. По однимъ насказамъ или, откровенно сказать, и самъ не знаю за что. Объ усердіи моемъ можете спросить всякаго мальчишку, такъ и тотъ скажетъ вамъ. Погибели моей захотѣлось злымъ людямъ; но по милости Творца живу еще: не потерялся совершенно. Теперь я занимаюсь частными дѣлами и, благодареніе Богу, имѣю кусокъ чернаго хлѣба.

Настасья Кирилловна. Найдется, Прохоръ Прохорычъ, я думаю, у васъ и бѣлый.

Прохоръ Прохорычъ. Бѣлый хлѣбъ продоставлю

вамъ, Настасья Кирилловна, ѣсть по гостямъ, а я ѣмъ свой черный. Я имѣю къ вамъ, братецъ, маленькое дѣльцо, и желалъ бы съ вами поговорить наединѣ.

Дурнопечинъ *(съ неудовольствіемъ)*. Что такое вамъ надобно отъ меня?

Прохоръ Прохорычъ. Дѣло, братецъ, безотлагательное дѣло имѣю вамъ сообщить; позвольте мнѣ имѣть секретную аудіенцію.

Дурнопечинъ. Выйди, Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. *(Вставая и съ сердцемъ подбирая вязанье)*. Знаемъ мы, Прохоръ Прохорычъ, ваши секреты; не мало вы, я думаю, простыхъ то людей обманули: у одной Поддевкиной сотнями тысячъ пользовались.

Прохоръ Прохорычъ. Вамъ все хочется сосчитать мои деньги. Не сочтете, ошибетесь; лучше разсмотрите шкатулку вашего супруга, а до моихъ денегъ вамъ далеко.

Настасья Кирилловна *(уходя)*. Убереги Богъ; нищему руку прожжетъ ваша копейка, Прохоръ Прохорычъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ.

Прохоръ Прохорычъ. Не любитъ меня наша общая родственница... Что дѣлать?.. Не говори правды, не теряй дружбы. Совершенно потерянная женщина! Я, конечно, никакъ не смѣю вамъ совѣтовать, а напрасно вы изволите ее принимать: отъ нея каждую минуту надо ожидать какой-нибудь непріятности.

Дурнопечинъ *(перебивая)*. Какое вы дѣло имѣете до меня?

Прохоръ Прохорычъ. Исковое, братецъ! исковое дѣло должно, по несчастію, между нами затѣяться.

Дурнопечинъ *(измѣнившись нѣсколько въ лицѣ)*. Это съ какой еще стати?

Прохоръ Прохорычъ. По наслѣдственному имѣнію нашей бабки, Ольги Дурнопечиной, которое совершенно незаконно поступило большею частію во владѣніе вашего покойнаго батюшки, а моего дяди.

Дурнопечинъ. Господи, Боже мой, это еще съ чего пришло вамъ въ голову? Владѣли, владѣли, а тутъ вдругъ и незаконно стало.

Прохоръ Прохорычъ. Десятилѣтней давности, братецъ, еще не прошло. Духовная совершенно незаконна-съ; покойная бабка никакъ не имѣла права дробить достояніе, но оно, какъ, можетъ-быть, вамъ не безъизвѣстно, раздѣлено: большая часть (ужь я не говорю, какія для этого были употреблены мѣры... самыя не родственныя мѣры... но только большая часть) поступила во владѣніе вашего родителя, а другая часть—общей нашей теткѣ Соломанидѣ Платоновнѣ, дай ей Богъ доброе здоровье или, лучше сказать, вѣчную память, по милости которой теперь вся и каша заваривается. Духовное завѣщаніе должно быть нарушено, да еще послѣдуетъ взыскъ за неправильное владѣніе.

Дурнопечинъ. Я рѣшительно не понимаю, что такое вы говорите.

Прохоръ Прохорычъ. Гражданскими дѣлами, вѣроятно, мало занимались! но я говорю сущую справедливость... Я пользовался еще расположеніемъ покойнаго вашего родителя! прекраснѣйшій былъ человѣкъ, какъ теперь на него гляжу: собой этакой полный, глаза на выкатѣ, весельчакъ былъ такой, что и свѣтъ другого не производилъ; я ему часто говаривалъ: «не правильно, говорю, дядюшка, Рамешками владѣете, подѣлитесь». «А вотъ погоди, говоритъ, какъ умру, такъ тебѣ поросятую свинью оставлю...» да самъ и захохочетъ, покойный свѣтъ.

Дурнопечинъ *(хмурясь)*. Почему же онъ Рамешками несправедливо владѣлъ?

Прохоръ Прохорычъ. По незаконности духовной-съ. Мало-ли, братецъ, какъ судьба человѣческая измѣняется: иной, смотришь, все живетъ въ богатствѣ, а вдругъ оборвется. На это никакъ нельзя надѣяться.

Дурнопечинъ. У меня на Рамешки должны быть всѣ документы.

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ-съ, у васъ не можетъ быть никакихъ документовъ: 27-й годъ, Николай Михайлычъ, купаюсь въ чернилахъ; слава Богу, пора привыкнуть; капли простого вина отъ роду въ ротъ не бралъ: незаконность дѣла по запаху слышу.

Дурнопечинъ. Что-жь вы отъ меня хотите?

Прохоръ Прохорычъ. Красницу, братецъ, хочется получить. Желанiе наше небольшое, повѣрьте! другiе-бы на это не согласились. Ну, впрочемъ, Богъ съ вами: пусть я лучше обижу своихъ сиротъ, по крайней мѣрѣ, буду помнить, что мы родные, и что намъ заводить дѣла грѣшно!

Дурнопечинъ *(растерявшись)*. За что-же я отдамъ вамъ Красницу, скажите, Бога ради, что вы меня за дурака, что-ли, считаете?

Прохоръ Прохорычъ *(усмѣхнувшись)*. Дураковъ, братецъ, нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ; это, можетъ быть, бывало встарину; но я вамъ докладываю, что по иску вы отдадите гораздо больше, потому что заплатите за неправильное владѣнiе и, кромѣ того, я заставлю васъ заплатить протори и убытки.

Дурнопечинъ *(вставая)*. Сдѣлайте милость, избавьте меня отъ этихъ дѣлъ!.. Я человѣкъ больной... нуждаюсь въ спокойствiи... теперь рѣшителъно ничего не знаю.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ угодно вамъ, братецъ. Конечно, по родству, я хотѣлъ дать вамъ полез-

ный совѣтъ; но что-жь дѣлать: вольному воля, спасенному рай. Духовная незаконна-съ, во 1-хъ потому, что родовое имѣніе не дробится, во 2-хъ—десятилѣтней давности еще не прошло, и въ 3-хъ—имѣніе семь лѣтъ состояло въ единственномъ вашемъ владѣніи; слѣдовательно: завѣщаніе нарушится, принадлежащая вамъ часть должна быть выдѣлена, за неправильное владѣніе послѣдуетъ взыскъ, да сверхъ того вы обяжетесь пополнить протори и убытки. Братецъ, мнѣ васъ жаль: вы лишитесь всего состоянія!

Дурнопечинъ. Еще прошу васъ, избавьте меня отъ вашихъ дѣлъ.

Прохоръ Прохорычъ. Извольте, я повинуюсь; но все-таки повторяю, образумьтесь: вы на краю бездны!

Дурнопечинъ. Сдѣлйте милость, прошу васъ.

Прохоръ Прохорычъ. Повинуюсь: только позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ еще разъ прибыть къ вамъ и разсмотрѣть ваши документы; можетъ быть, я по документамъ вамъ разъясню.

Дурнопечинъ. Извольте, но только, Бога ради, не теперь. Я боленъ, я еще не обѣдалъ, пощадите меня: я человѣкъ больной.

Прохоръ Прохорычъ *(пожимаетъ плечами и, отойдя къ дверямъ, пріостанавливается и снова возвращается)*. Николай Михайлычъ! угодно вамъ дать намъ пятнадцать тысячъ отступного. Богъ съ вами, хоть мы и обижены будемъ, по крайней мѣрѣ дѣло не затѣется. *(Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ смотрѣть въ окно. Прохоръ Прохорычъ кланяется ему въ тылъ)*. До пріятнаго свиданія-съ! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV

Дурнопечинъ *(проворно отвертывается отъ окна, подходитъ къ столу и садится)*. Батюшки мои, гдѣ у

меня акты-то? Въ шкатулкѣ ихъ нѣтъ. Да... я ихъ Никитѣ отдалъ. (*Торопливо звонитъ и кричитъ*). Никита! Поди сюда... поди сюда скорѣе, тюлень этакій! (*Никита входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Дай мнѣ, братецъ, бумаги, которыя я тебѣ отдалъ въ Москвѣ убрать.

Никита (*немного смѣшавшись*). Какія бумаги?

Дурнопечинъ (*поблѣднѣвъ*). Какъ, какія бумаги? ахъ ты, чортъ проклятый! Бумаги на имѣніе, акты всѣ.

Никита (*еще болѣе смѣшавшись*). Никакихъ, кажись, мнѣ не отдавали.

Дурнопечинъ. Какъ я тебѣ не отдавалъ? Что ты хочешь, злодѣй, со мной сдѣлать? Погубить, что-ли, меня совсѣмъ вздумалъ? Гдѣ бумаги-то, ну, давай-же, разбойникъ этакій; что же ты стоишь, гдѣ онѣ?

Никита. Да почемъ я знаю, Николай Михайлычъ; я не грамотный; мало ли вы отдавали мнѣ бумагъ; всего и не припомнишь.

Дурнопечинъ (*выходя изъ себя*). А! не припомнишь, не припомнишь, душегубъ этакій! Врешь, злодѣй, ты укралъ ихъ у меня, да и продалъ моимъ врагамъ!.. Вонъ откуда пошло... вонъ отъ чего этотъ господинъ приходилъ ко мнѣ.

Никита (*обидѣвшись*). Благодарю покорно-съ, хорошее слово отъ васъ выслушалъ: двадцать лѣтъ служу, синя пороху не пропадало, а тутъ и воромъ сталъ.

Дурнопечинъ. А! тебѣ обидно, горько... а мнѣ не обидно, что ты меня погубилъ! Ну, гдѣ-же бумаги мои? давай! онѣ мнѣ нужны. Съ бумагами связано все мое

состояніе... гдѣ же онѣ? Я тебѣ въ Москвѣ самъ, своими руками, ихъ отдалъ.

Никита. Да развѣ онѣ гдѣ-нибудь въ чемоданѣ завалялись? Вы вѣдь всегда отдаете ихъ такъ, просто; иной разъ и слова не промолвите, пихнете да и только: убирай тамъ, какъ знаешь. Я грамотѣ не умѣю; пожалуй, во что-нибудь нужное и ваксу обернешь.

Дурнопечинъ *(почти со слезами)*. Такъ ты это ваксу обернулъ моими документами? Разбойникъ ты этакой! что ты теперь надѣлалъ? Мало тебѣ, что я каждый день страдаю, да умираю, тебѣ этого мало: безъ куска хлѣба еще оставилъ. Варваръ ты этакій! все вѣдь у меня отнимутъ... и тебя-то, разбойника, возьмутъ! Выслужиться, что-ли, передъ новыми господами захотѣлъ? Черезъ недѣлю сошлютъ на поселенье за твою мошенническую штуку?

Никита *(сначала нахмуривается, потомъ начинаетъ утирать глаза)*. Что мнѣ другіе господа, во снѣ о другихъ-то господахъ не снилось. Кажется, кромѣ усердія моего, никогда ничего не было, а тутъ ужь и воромъ сталъ. Безпокойства этакаго и ворогу бы не пожелалъ доставить, не то что барину. *(Плачетъ)*. И безъ того ужь замаялся, какъ вы и по болѣзни-то мучите себя да терзаете, а тутъ, ну-ко, этакое дѣло затѣять, барскія бумаги продать... Скорѣе бы, кажись, руку по локоть отрубить, чѣмъ на этакое порѣшился.

Дурнопечинъ. Плачь, плачь! нечего, снявши голову, по волосамъ плакать. *(Кидается въ кресло)*. Прекрасно, безподобно, доказывай теперь право на владѣніе, когда клочка документовъ нѣтъ. Все ужь теперь обдѣлано да справлено.

Никита *(Подходя съ робостью къ барину)*. Батюшка, Николай Михайлычъ, не терзайте вы себя такъ. Я виноватъ-съ: вы; справедливо, отдавали мнѣ этакія бумаги съ кружками.

Дурнопечинъ. Поди ты лучше съ глазъ моихъ, злодѣй! Состряпалъ... дѣло... хорошо заплатилъ мнѣ за любовь мою.

Никита *(со слезами на глазахъ)*. Николай Михайлычъ, отецъ, мой, сдѣлайте милость, прикажите меня наказать. Никогда щелчкомъ вашей милости не былъ тронутъ: дьяволъ, видно, меня попуталъ за мои грѣхи. Я очень, вѣдь, виноватъ. По глупости своей тогда-же хотѣлъ васъ спросить, да не успѣлъ: дѣло было спѣшное; индюшку, батюшка, обернулъ въ ваши бумаги, а какъ, по пріѣздѣ сюда, вы изволили кушать, такъ въ сѣняхъ и было поставлено, а тутъ вороны-ли, крысы-ли и съ костями то утащили, проклятыя.

Дурнопечинъ *(въ совершенномъ отчаяніи)*. Хорошо, братецъ, я это зналъ прежде. Ступай, благодарю покорно.

Никита *(вставая на колѣни)*. Прикажите, батюшка, меня наказать.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ваничка.

Никита *(проворно встаетъ съ колѣней)*..

Дурнопечинъ *(не глядя)*. Кто тамъ?

Ваничка. Это, дѣдушка, я-съ... маменька гдѣ?

Дурнопечинъ. Не знаю. *(Никита, сердито посмотрѣвъ на Ваничку, уходитъ)*.

Ваничка *(садясь)*. Что у васъ, дѣдушка, голова что-ли болитъ? *(Дурнопечинъ не отвѣчаетъ)*. Мнѣ, дѣдушка, у маменьки жить не хочется. Что дома-то дѣлать? Нечего-съ. Не маленькій, на собакахъ-то шерсть бить. Я ужь хочу особливо жить... Я вамъ, дѣдушка, хочу секретъ сказать. Вы не разскажете никому?

Дурнопечинъ. Что?

Ваничка. Секретъ вамъ скажу-съ.

Дурнопечинъ. Какой секретъ?

Ваничка. Про себя дѣдушка: я жениться хочу-съ.

Дурнопечинъ *(улыбаясь)*. Часъ отъ часу не легче. Женись, когда охота есть.

Ваничка. У меня невѣста хорошенькая, такая тоненькая. Я бы къ вамъ, дѣдушка съ просьбой, да не смѣю-съ.

Дурнопечинъ. Еще что такое?

Ваничка. Да вотъ, дѣдушка: маменька у насъ вѣдь ничего не смѣетъ-съ, все папенька; а онъ на деньги такой жила, что не приведи Господи! Соберетъ оброкъ съ мужиковъ, принесетъ къ маменькѣ: «на, говоритъ, понюхай, чѣмъ пахнетъ...» да самъ и запретъ ихъ въ шкатулку. Дайте мнѣ, дѣдушка, взаймы рублевъ двѣсти на свадьбу; я вамъ отдамъ. У невѣсты сто душъ; я съ нея сейчасъ выверну. *(Дурнопечинъ пожимаетъ плечами)*. Дадите, дѣдушка? Я васъ въ посаженные отцы позову; свадьбу важную задамъ. У дяденьки Никандра Семеныча пѣвчихъ выпрошу-съ. Дадите, дѣдушка?

Дурнопечинъ. Нѣтъ у меня денегъ.

Ваничка. Вотъ ужь и нѣтъ, жалко вѣрно; я вѣдь вамъ непремѣнно отдамъ. Сдѣлайте милость, дѣдушка, пожалуйте: я вамъ въ ножки поклонюсь.

Дурнопечинъ *(съ сердцемъ)*. Отвяжитесь вы отъ меня, мучители этакіе. Ну, что ты присталъ, оболтусъ? какія у меня деньги! Жениться еще, молокососъ, выдумалъ; въ службу бы лучше шелъ, а не о женитьбѣ думать.

Ваничка. Ну вотъ вы ужь, дѣдушка, и разсердились, а маменька говорила, что вы добрые. У папеньки, вѣдь, въ службу не выпросишься; ему что ни толкуй, онъ только бранится. «Коли, говоритъ, не хотѣлъ учиться, такъ коровъ паси». Я какъ женюсь, такъ всѣмъ имъ шишь покажу, безпремѣнно въ юнкера пойду.

Дурнопечинъ. Ну, полно тутъ болтать, ступай куда-нибудь. Какъ будутъ лишнія деньги, такъ дамъ.

Ваничка. Дадите? Благодарю васъ покорно, дѣдушка. Я пойду теперь маменьку искать; ея вѣрно ужь здѣсь нѣтъ; она такая у насъ непосѣда: все шляется. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ *(одинъ).* Чтобы чортъ васъ всѣхъ побралъ, проклятые! Только-что послѣ примочки немного получше стало, сутяга навязался на шею: половину имѣнія оттягать хочетъ. Какъ бы онъ, плутъ, не узналъ, что у меня деньги есть... Хорошо, что сберегъ да скопилъ пятьдесятъ тысячъ: по крайней мѣрѣ двѣ тысячи процентовъ буду получать. Куда бы мнѣ ихъ спрятать подальше? Въ шкатулку, всѣ знаютъ; развѣ въ карманъ въ халатъ этотъ зашить, да и снимать ужь не стану, такъ въ немъ и спать буду. Какъ бы вынуть ихъ осторожнѣе, а то подсмотритъ еще кто-нибудь... *(Встаетъ, приставляетъ къ дверямъ стулъ, осторожно отпираетъ шкатулку, вынимаетъ деньги и кладетъ ихъ въ карманъ).* Теперь покуда такъ полежатъ, а тамъ, потихоньку сыщу гдѣ-нибудь иголочку съ ниткой да и зашью. Иголки-то, даже спросить боюсь: догадаются...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дверь съ шумомъ растворяется: стулъ летитъ; **Дурнопечинъ** *вздрагиваетъ, проворно запираетъ шкатулку и запахиваетъ халатъ. Является* **Михайло Иванычъ.**

Михайло Иванычъ. Фу ты, канальство, какая баррикада построена! *(подходя).* Честь имѣю явиться.

Дурнопечинъ *(смѣшавшись)*. Ахъ, Михайло Иванычъ, извините вы меня, муракъ мой лакей дверь заставилъ.

Михайло Иванычъ. Ничего-съ!... мы ее сломали! Такая ужъ у Михайла Иванова рука: на что ляжетъ, то и ломитъ—желѣзо не всякое терпитъ!.. *(садясь)*. Чѣмъ вы занимаетесь?.. вѣроятно, цыдулки къ дамамъ писали: этимъ, знаете, обыкновенно люди занимаются въ уединеніи.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какія цыдулки... *(вздохнувъ)*. Съ дѣлами своими все возился.

Михайло Иванычъ *(недовѣрчиво)*. Конечно-съ, такъ вотъ мы и повѣримъ сейчасъ! Вы, батенька, какъ я слышалъ; охъ, какой тонкій человѣкъ; какъ говорится: лисій хвостъ, да волчій ротъ... Сестра моя поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень огорчается, что вы такъ не добры: совершенно насъ забыли.

Дурнопечинъ. Очень благодаренъ Надеждѣ Ивановнѣ; но право я боленъ: дѣла... нездоровье... ей Богу, не знаю, какъ я еще и живъ.

Михайло Иванычъ. Да что-жь такое нездоровье? Это совершенно пустое: здоровье и нездоровье отъ насъ зависитъ. На меня, скажу вамъ, въ полку напала крымская лихорадка; въ одинъ день свернуло какъ сидорову козу; но, къ ея несчастію, Михайла Иванова никто еще не сламливалъ: «шалишь, говорю я ей, старушка, не на того напала.» Она меня, знаете, гнетъ, а я купатъся, потомъ къ товарищамъ: пью пуншъ, водку, въ картишки, конечно, схватимся, да и валяй такъ цѣлый день. Отстала-съ!

Дурнопечинъ. По комплекціи, можетъ быть, вы здоровы; организмъ, вѣроятно, имѣете сильный.

Михайло Иванычъ. Не могу пожаловаться: здоровъ-съ! Но главное, характеръ имѣю кремневый. Подлости

рѣшительно не могу терпѣть... Въ жизнь мою двухъ жидовокъ, одну гречанку-торговку и трехъ помѣщиковъ такъ за подлость отдѣлалъ, что и дни покончили... Не могу видѣть подлости, такъ все и повернется въ душѣ: точно сумасшедшій. На десяткѣ дуэлей, которыя имѣлъ въ полку, я изъ троихъ моихъ противниковъ сдѣлалъ рѣшето: по мертвымъ стрѣлялъ нѣсколько разъ... Что это вы такимъ нахмуреннымъ сидите, какъ-будто бы сердиты на что, или чѣмъ-нибудь недовольны?

Дурнопечинъ. Я всегда такой.

Михайло Иванычъ. Будто?.. *(усмѣхаясь)*. А мнѣ говорили, что вы большой волокита... этакъ, съ бацу бьете... Одна дѣвушка мнѣ сказала, извините меня, что я говорю прямо... что вы, не помню, когда это было, славно къ ней подъѣхали.

Дурнопечинъ. Мало ли что было, Михайло Иванычъ; время мое прошло: теперь я совершенно больной и разстроенный человѣкъ.

Михайло Иванычъ. Д-д-да... Ну конечно вамъ, какъ мужчинѣ, можетъ быть, прошло; намъ даже похвастаться этимъ можно, потому что на насъ сукно: съ насъ все, какъ съ гуся вода. Но дѣвушка, вы, конечно, понимаете сами, не могла этого забыть: на ея совѣсти осталось пятно! *(Дурнопечинъ потупляется)*. Вы, вѣроятно, догадываетесь, о комъ я говорю, и надѣюсь, что мы останемся друзьями. Какъ благородный человѣкъ, вы сами понимаете, что дворянка... дѣвица, у которой есть братъ... зачѣмъ же забывать совершенно? Сестра мнѣ чистосердечно во всемъ раскаялась... Я ее не могъ укорять, потому что всѣ женщины имѣютъ слабости.

Дурнопечинъ *(смѣшавшись)*. Мнѣ, право, очень совѣстно, Михайло Иванычъ, передъ вами и вашею сестрицею... Я ихъ очень люблю и уважаю, но что могу сдѣлать? Каждый день у меня или болѣзнь, или непріятности. Вонъ лакей мой, и тотъ, глядя на меня,

замучился. Войдите вы въ мое положеніе: я совершенно потерянный человѣкъ.

Михайло Иванычъ. Благодарю за откровенность; но сестра сама желаетъ раздѣлить съ вами бремя жизни.

Дурнопечинъ. Невозможно, Михайло Иванычъ, для меня это счастіе, какъ благородный человѣкъ, говорю вамъ: невозможно... Я очень бѣденъ, совсѣмъ нищій сдѣлался; у меня теперь никакого нѣтъ и состоянія.

Михайло Иванычъ. Вотъ тебѣ разъ!.. Да куда же оно у васъ дѣвалось?.. въ омутъ, что ли, провалилось?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ: по процессу отходитъ,—я тяжбу проигралъ.

Михайло Иванычъ *(смотритъ нѣсколько минутъ на Дурнопечина)*. Вы въ штатской служили?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ. А что же?

Михайло Иванычъ. Ничего-съ! А у васъ, какъ я вижу, штатскія, этакъ, наклонности: крючки вилять вы мастеръ... вамъ бы въ актеры идти, вы славно бы разыгрывали роли.

Дурнопечинъ *(усмѣхнувшись)*. Почему же бы я роли разыгрывалъ?

Михайло Иванычъ. Такъ-съ—ничего; понимаемъ тоже немного: сами на этихъ дѣлахъ зубы проѣли; но оно, скажу вамъ, не всегда удается,—на кого наскочишь: другой пожалуй, и самъ разыграетъ роль, да такую, что и затылокъ затрещитъ.

Дурнопечинъ. Что-жъ мнѣ дѣлать, Михайло Иванычъ, сами вы разсудите?

Михайло Иванычъ. Ну, ужь это, сдѣлайте милость, извините меня, учить мнѣ васъ не приходится, потому что я учитель медвѣжій. Во всякомъ случаѣ позвольте вамъ вручить письмо отъ сестры, которая совершенно въ отчаяніи. *(Подаетъ Дурнопечину письмо, которое тотъ торопливо развертываетъ и читаетъ)*.

Дурнопечинъ *(разводя руками)*. Ей Богу, я не знаю

что мнѣ дѣлать? Зачѣмъ же Надежда Ивановна такъ огорчается? Время еще не ушло; можетъ быть, я поправлюсь и въ здоровьѣ, и въ дѣлахъ моихъ.

Михайло Иванычъ. Да-съ, если вы говорите на счетъ времени, такъ время, конечно, ничего: мѣсяцъ, два, что такое! подождать можно; но вы возьмите и мое положеніе: пріѣхавъ черезъ пять лѣтъ воспользоваться деревенскими удовольствіями, я вдругъ вижу что сестра умираетъ; отчего же умираетъ? отъ неблагодарности. Это, какъ хотите, могло взорвать всякаго благороднаго человѣка, и особенно съ моимъ огневымъ характеромъ. Я долженъ вамъ прямо сказать: я шелъ къ вамъ на смерть.

Дурнопечинъ. Что же это такое? Помилуйте, изъ-за чего же это?..

Михайло Иванычъ. Вполнѣ согласенъ и очень радъ, если вы открываете мнѣ вашу душу: я самъ человѣкъ благородный и умѣю понимать благородство другихъ. Если вамъ угодно свадьбу отложить на мѣсяцъ или на два, это весьма извинительно.

Дурнопечинъ. Да ужь, сдѣлайте милость, нельзя ли повременить?

Михайло Иванычъ. Извольте-съ. Между знакомыми людьми дѣлаются и не такого рода одолженія; но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ поцѣловать васъ, какъ будущаго родственника.

Дурнопечинъ *(привставъ)*. О... благодарю васъ покорно *(Цѣлуются)*.

Михайло Иванычъ. Вы, должно быть, очень трусливаго и скромнаго характера?

Дурнопечинъ. Да-съ, что ужь у меня взять, больной, разстроенный...

Михайло Иванычъ. Вотъ какъ иногда, знаете, судьба человѣческая играетъ! Ну, за что бы вы были моей жертвой? Что вы такое для меня? муха: а я бы долженъ былъ васъ уничтожить, какъ какого-нибудь та-

ракана бездушнаго! Ну, какъ, напримѣръ, рукой прикажете убить?—отъ щелчка не пикнете. Стрѣляться угодно?.. Давайте: въ бубноваго туза на сто саженъ попадаю. На сабляхъ хотите?.. Какъ бы вы тамъ себѣ ни лавировали, принесу мою шашку, перехвачу вашу шпагу пополамъ и размозжу вамъ голову!

Дурнопечинъ. Стало быть, кромѣ здоровья, вы и сильны очень...

Михайло Иванычъ. Есть немножко... *(Засучиваетъ передъ Дурнопечинымъ руку).* Видали вы этакіе мускулы. Дайте-ка, я пожму вашу руку.

Дурнопечинъ *(убирая руку).* Нѣтъ, за чѣмъ-же-съ.

Михайло Иванычъ. И не совѣтую... я лучше ужь попробую надъ чѣмъ-нибудь другимъ. *(Беретъ палку).* Позволите?

Дурнопечинъ. Что такое?

Михайло Иванычъ. Потѣшиться немного. *(Переламываетъ палку).* Хрупка, канальство. *(Переламываетъ еще).* Фу, какая гниль! *(Переламываетъ еще).* И тутъ, голубушка, не стерпѣла. Плохо-бы было, еслибы на ея мѣстѣ были кости человѣческія.

Дурнопечинъ *(насильно улыбаясь).* Богатырь... богатырь... Надолго, однако, вы изволили сюда пріѣхать?

Михайло Иванычъ. Этого я и самъ еще не знаю-съ. Утомился на бивацкой жизни. Вы, можетъ быть, не повѣрите; но къ погодѣ даже иногда кости ноютъ; хочется немножко отдохнуть и побыть съ сестрою. *(Вставая).* Честь имѣю кланяться.

Дурнопечинъ *(тоже вставая).* Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее уваженіе Надеждѣ Ивановнѣ и попросите ее не огорчаться; Богъ дастъ, все поправится.

Михайло Иванычъ. Не безпокойтесь, теперь ничего ужь не можетъ быть; я беру все на себя! Она, между нами сказать, немного сентиментальна; стиховъ начиталась; комплекціи тоже слабой; но я не балую ее,

выправку дѣлаю порядочную: распеканье каждое утро идетъ. Надѣюсь, что мы будемъ видаться.

Дурнопечинъ. Я непремѣнно буду... И вы меня не забывайте: я иногда расхвораюсь, такъ и не хотя дома сижу.

Михайло Иванычъ *(ударивъ себя по лбу и какъ-бы вспомнивъ что-то)*. Да!.. У васъ въ домѣ никого этакой нѣтъ?..

Дурнопечинъ. Чего-съ?

Михайло Иванычъ. Ну, то-есть... понимаете?

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ, полноте, гдѣ?...дотсго-ли?..

Михайло Иванычъ. То-то! Я васъ хотѣлъ предувѣдомить. Если есть, такъ надо пораньше выпроводить. Это я знаю по себѣ. На меня въ Царствѣ Польскомъ навязалась одна этакая штука, такъ всю дорогу гналась за мной. На пяти станціяхъ все колотилъ ее мѣднымъ горачимъ чайникомъ—этакъ, знаете, бьешь и кипяткомъ поливаешь,—только этимъ и отбился. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дурнопечинъ *(одинъ)*. Скажите на милость—убить меня приходилъ! Эгакую штуку сказалъ! Хорошо, что я славировалъ, да схитрилъ. Ну, вотъ, говорятъ: ничѣмъ ни занимаешься, о болѣзни все думаешь, — вотъ сегодня цѣлый день не думаю о болѣзни, такъ другія радости являются! Досаднѣе всего, что кто же молоденькимъ не влюблялся въ барышенъ и не цѣловался съ ними по закоулкамъ? Неужели же всѣхъ на арканѣ тянули жениться на нихъ! Это, право, только со мной можетъ случаться. Рѣшительно не могу сообразить, что теперь мнѣ предпринять? Ѣхать куда-нибудь, такъ на станціи нагонятъ: что захотятъ тамъ, то и сдѣлаютъ. Лучше ужь женюсь, если очень станутъ на горло на-

ступать, а тамъ что будетъ, то будетъ. Здоровья ужъ не буду беречь: ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ чемъ не стану остерегаться; нарочно въ одномъ сюртукѣ буду выходить, авось простужусь, да и концы въ воду.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тотъ же и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна (*вбѣгая впопыхахъ*). Батюшка, дядюшка, бабушка Соломанида Платоновна пріѣхала.

Дурнопечинъ. Ну, вотъ наконецъ... гдѣ же она теперь?

Настасья Кирилловна. Въ соборъ проѣхала. Я ее изъ окошка увидала и выбѣжала къ ней. О васъ спрашивала; вы, дядюшка, не сказывайте ей, какъ вы изволили меня и Ваничку-то моего облагодѣтельствовать: она у насъ, вѣдь не приведи Господи, какая строптивая. Я нарочно бѣжала васъ предувѣдомить. Въ горницѣ, дяденька, велите все поприбрать: она сейчасъ пріѣдетъ.

Дурнопечинъ. Знаю, что пріѣдетъ. У меня безпорядица страшная... браниться еще, пожалуй, начнетъ. (*Звонитъ; входитъ печальный Никита*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Никита.

Дурнопечинъ. Прибери тамъ все хорошенько въ гостиной.

Никита (*мрачно*). Въ гостиной все прибрано-съ.

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, Никитушка, при-

бери, батюшка, еще почище: бабушка Соломанида Платоновна будетъ сейчасъ; она ни на что не посмотритъ, и тебя, пожалуй, по щекамъ отдѣлаетъ. (*Никита уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ (*подумавъ*). Развѣ съ ней о документахъ потолковать. нѣтъ ли у ней какихъ-нибудь актовъ-то? Что это, Настасья Кирилловна, ко мнѣ за братецъ приходилъ?

Настасья Кирилловна. Прохоръ Прохорычъ, дядюшка! охъ, ужь какой это человѣчикъ: и говорить страшно про него! дьявола, кажется, и того съумѣетъ обмануть. Все теперь по дѣламъ хлопочетъ: такъ, такъ, говорятъ, ограбитъ, что по міру послѣ и пойдутъ.

Дурнопечинъ. Каналья долженъ быть страшный.

Настасья Кирилловна. Необыкновенный, дядюшка, каналья; только вотъ бабушки Соломаниды Платоновны и боится. Онъ, говорятъ, разъ пріѣхалъ къ ней этакъ пьяненькій, да что-то и сказалъ... она его, попросту, велѣла лакеямъ на конюшню стащить, да и посѣкла-съ тамъ.

Дурнопечинъ. И хорошо сдѣлала. Тетка умная женщина. Я ее еще маленькимъ очень боялся.

Настасья Кирилловна. Ахъ, какая умница, дядюшка! По дѣламъ-то какая она: мужчину всякаго за поясъ заткнетъ; только вотъ для насъ бѣдныхъ родственниковъ очень строга: ни съ того, ни съ сего такъ оборветъ, что легче бы сквозь землю провалиться.

Дурнопечинъ (*въ раздумьѣ*). Я хочу съ нею по одному дѣлу посовѣтоваться... я теперь очень въ непріятномъ положеніи.

Настасья Кирилловна. Лучше и не надобно, дядюшка, если у васъ тамъ что-нибудь такое есть. Она и лѣчитъ, вѣдь, безподобно: у ней насчетъ этого и книги всякія есть, и сама для себя никогда лѣкарей не зоветъ; выпьетъ тамъ, — у ней какой-то особенный травникъ есть,—все, какъ рукою, и сниметъ.

Дурнопечинъ. Развѣ она пьетъ?

Настасья Кирилловна. Не знаю, дядюшка, какъ сказать... вы только, отецъ мой, не проговоритесь какъ-нибудь, не выдайте и не погубите меня на вѣки: занимается этимъ отчасти!

Дурнопечинъ. Неужели же и пьяна бываетъ?

Настасья Кирилловна. Ну--нѣтъ-съ, до безобразія, конечно, не доходитъ, а такъ, этакъ, на веселѣ бываетъ. Крѣпка чрезвычайно-съ! Иное утро въ шкафчикъ раза четыре сходитъ; ничего не замѣтишь, только немного порасвраснѣется, да въ языкѣ пооcлабнетъ.

Дурнопечинъ. Странная какая женщина! Чтобы она у меня тутъ не стала куралесить!..

Настасья Кирилловна. Ой, нѣтъ, не безпокойтесь; только выговоры, можетъ, будетъ вамъ дѣлать. Она дама, надобно сказать, столичнаго ума. Если бы вы, дядюшка, видѣли, какой въ домѣ у нея порядокъ... Люди всѣ въ перчаткахъ ходятъ, точно по стрункѣ; ни пылинки, ни соринки нигдѣ нѣтъ; столъ отличнѣйшій, вина безподобныя, послѣ обѣда все фрукты или варенье. Кажется бы, гостить у ней, лучше требовать нельзя, еслибы сама не была такъ строга.

Дурнопечинъ. Мнѣ ее и накормить-то будетъ нечѣмъ.

Настасья Кирилловна. Объ этомъ не безпокойтесь; она съ собой всегда все возитъ; да вамъ что?... Конечно, богата, да не очень таровата; да вотъ хоть бы взять съ насъ бѣдныхъ родственниковъ: никогда никакой помощи не окажетъ: только наставленія дѣлаетъ. Настеньку она брала у меня погостить, такъ не повѣ-

рите, дяденька, каждый день дѣвочку сѣкла: все будто-бы за неопрятство, что за столомъ неопрятно сидитъ. Какъ можно сравнить съ вами! ужь именно сказать, благодѣтель вы всѣхъ вашихъ родныхъ... Отецъ мой! осмѣлюсь я къ вамъ еще съ одной просьбой: не возьмете ли, дяденька, младшаго моего сынишку, Пашеньку, не пристроите ли гдѣ-нибудь его въ Москвѣ? *(Слышится колокольный звонъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Ваничка *(вбѣгаетъ).*

Ваничка. Дѣдушка!.. Маменька!.. Пожаръ у васъ!

Дурнопечинъ *(вскакивая).* Какъ пожаръ?

Настасья Кирилловна *(тоже вскакивая).* Батюшки!.. согрѣшили!..

Дурнопечинъ *(растопыривая руки).* Господи! что такое! *(оглядываетъ всю комнату).* Никита! злодѣй!.. гдѣ ты, разбойникъ этакій!.. Настасья Кирилловна, выбирай что тутъ есть! *(На улицѣ слышенъ шумъ. Настасья Кирилловна бѣгаетъ отъ одного окна къ другому и смотритъ).*

Настасья Кирилловна. Да не подождать ли—батюшка? полымя-то нигдѣ не видать. *(Къ Ваничкѣ).* Гдѣ пожаръ-то, дурачекъ этакій?.. пожаръ-то гдѣ?

Ваничка. Надо полагать, здѣсь, на дворѣ. Пожарная команда ужь наѣхала; меня чуть не задавила.

Дурнопечинъ *(подойдя къ столу и перекладывая вещи съ одного мѣста на другое).* Вотъ еще! ну что это такое!... какъ-будто нарочно весь домъ привезъ! Ваничка, что ты здѣсь стоишь, братецъ! Въ гостиной у меня часы стоятъ... Никита! гдѣ этотъ варваръ мой, Никита?

Ваничка. Ничего, дѣдушка, не безпокойтесь! Я, пожалуй, сдѣлаю-съ; все перешвыряю въ окошко. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ. Собирай, матушка, Настасья Кирилловна!... Нѣтъ моего злодѣя!... Шкатулку... куда шкатулку-то дѣвать?.. тутъ есть бумаги... Платье, чортъ съ нимъ! Вещи-то на столѣ; трубка-то... Настасья Кирилловна, сними, матушка, ее со стѣны: полтораста рублей заплачена. (*Настасья Кирилловна сбираетъ; шумъ на дворѣ усиливается; слышны голоса „давай воды, крышу ломай; нѣтъ ли кого внутри,—выходите вонъ“*).

Настасья Кирилловна. Отцы мои, крыша ужь, видно, занялась.

Дурнопечинъ. Господи, Боже! сгоришь пожалуй: я лучше уйду.

Настасья Кирилловна. Полноте, батюшка, вѣдь не домъ горитъ.

Дурнопечинъ. Какъ не домъ, почемъ ты знаешь?... Уйду! Ой, въ халатѣ-то нельзя: простудишься! (*Проворно сбрасываетъ съ себя халатъ, надѣваетъ шубу и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Настасья Кирилловна (*продолжая сбирать*). Дядюшка! дядюшка! ну, никого нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Настасья Кирилловна и Никита.

Никита (*проворно входя*). Согрѣшили окаянные! гдѣ баринъ-то?

Настасья Кирилловна. Никитушка! Что такое надѣлалось?

Никита. Баня горитъ: проклятые хозяева нажарили, ну и не стерпѣла и вспыхнула.

Настасья Кирилловна. Давай выбираться, Никитушка.

Никита. Это для какого рожна? Команда исправная, по бревнамъ все раскатаютъ.

Настасья Кирилловна. Что это, Никитушка, ты говоришь! Дядюшка приказалъ... испугался онъ очень; я думала, что умретъ сейчасъ же.

Никита. Дядюшкѣ вашему какъ не испугаться... Вишь, какъ платье-то все раскидалъ, а тамъ я виноватъ, что пропадетъ... Убираться, что-ли? (*Вытаскиваетъ чемоданъ и кладетъ въ него сначала халатъ, а потомъ и прочее платье*).

Настасья Курилловна. Убирайся, батюшка, поскорѣе убирайся.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Ваничка.

Ваничка. Я тамъ все выкидалъ... теперь важно! пускай горитъ.

Настасья Кирилловна. Ступай, дурачекъ этакій, за дядюшкой; куда это онъ, голубчикъ мой, скрылся?

Ваничка. Догонишь его, какъ бы не такъ. Онъ, я видѣлъ, высуня языкъ, улепетываетъ, во всю ивановскую деретъ.

Никита. Собирайте на всякій случай прочія-то вещи; а я все въ коляску положу, да и выкачу ее на улицу. (*Уноситъ чемоданъ на плечѣ*).

Настасья Кирилловна (*собираетъ со стола вещи*

и укладываетъ въ своемъ платкѣ). Ваничка! подбирай что-нибудь.

Ваничка. Вы, маменька, мелочь подбирайте, а я стулья перекидаю въ окно. (*Отворяетъ окно и начинаетъ въ него кидать стулья*).

Настасья Кирилловна. Ваничка! чтò это ты дѣлаешъ: помилуй, все переломаешь!

Ваничка. Ничего, маменька, важно откалываю: только о землю бухъ, да и встаетъ!... Вотъ одному по ногѣ съѣздилъ: не вертись, больно горячъ.

Настасья Кирилловна. Пособи, безтолковый, поднять матери-то; что въ окно-то глаза пялишь?

Ваничка. А одни, небось, не сможете? Давайте сюда, понесемте! (*Настасья Кирилловна и Ваничка уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Дурнопечинъ (*вбѣгая*) Батюшки! гдѣ мой халатъ? тутъ у меня пятьдесятъ тысячъ. (*Осматриваетъ комнату*). Ну, ничего ужь нѣтъ—все прибрали... и послѣднее украли! Все теперь потеряно! Что теперь будетъ со мной?... О... о... о... (*Въ отчаяніи упадаетъ на полъ*).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Спальня Надежды Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна *сидитъ въ блузѣ;* Михайло Иванычъ *полулежитъ на диванѣ.*

Надежда Ивановна (*потупившись*). Что это ты, Мишель, говоришь. Какъ это тебѣ не совѣстно!

Михайло Иванычъ. Ничего, лихо пойдетъ: сговоры, свадьба, родины, крестины, а тамъ! вдругъ этакая маленькая штучка закричитъ: ува, ува!—а я ему соску въ ротъ... Кормилицу, главное, выбирай смазливую! я до этихъ Милитрисъ Кирбитьевенъ большой охотникъ.

Надежда Ивановна. Перестань, Мишель, мнѣ стыдно.

Михайло Иванычъ. Будто ужь и стыдно? А сама, я думаю, объ этомъ и помышляешь... Впрочемъ, дрянь вы оба ужасная, хилые какіе-то, мозглые, не то что, напримѣръ, Михайло Ивановъ. Офицеры, бывало, все надо мной смѣялись, что мнѣ на улицу нельзя показаться: всѣ мальчишки кричатъ: «тятенька, тятенька,

дай пряниковъ»... Охъ, эти мнѣ пряники, много я на нихъ денегъ просадилъ! Разъ, на одной ярмаркѣ, сорокъ перстеньковъ купилъ; на недѣлю не стало! Я вѣдь очень добръ и великодушенъ: подарки люблю дѣлать.

Надежда Ивановна. Неужели, братецъ, онъ меня любитъ? Неужели онъ не забылъ своей Нади?

Михайло Иванычъ. Вотъ насъ что больше всего безпокоитъ: чувствительность, главное дѣло, насъ одолѣла! Утѣшься: любитъ! Кулаковъ, такъ я замѣтилъ, онъ очень не жалуетъ.

Надежда Ивановна. Зачѣмъ это ты, братецъ, такъ говоришь? Что это ты все смѣешься? Разскажи, пожалуйста, хорошенько, какъ онъ меня любитъ.

Михайло Иванычъ. А чортъ его знаетъ, какъ онъ любитъ! Я думаю, какъ собака палку. Только что я сказалъ, какія у Михайла Иванова медвѣжьи привычки, такъ и извиняться началъ, только что въ ноги не кланяется.

Надежда Ивановна. Поди, что это такое!... точно съ крестьянской дѣвкой шутишь! Я, кажется, не горничная... Ты бы вспомнилъ, что тутъ моя участь рѣшается.

Михайло Иванычъ. Ну, виноватъ, право виноватъ; не стану! Онъ любитъ тебя; малый отличнѣйшій, добрякъ большой руки. У меня былъ этакій знакомый Селифантьевъ, точь въ точь такой же дрожжевикъ: мы, бывало, ему рога наклеиваемъ, а онъ благодаритъ всѣхъ, да еще подарки дѣлаетъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ обо мнѣ, братецъ, говорилъ? Не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь о прошедшемъ?

Михайло Иванычъ. Нѣтъ, онъ говорилъ больше о настоящемъ: я на настоящее больше напиралъ. Съ Михайломъ Ивановымъ, обыкновенно, говорятъ о томъ, о чемъ онъ самъ захочетъ.

Надежда Ивановна. Что-жъ онъ о настоящемъ говорилъ?

Михайло Иванычъ. Ну, что о настоящемъ? Говоритъ: «уважаетъ, обожаетъ тебя...» и различные тамъ этакіе фокусы-покусы. «Бѣденъ, говоритъ, только я, состоянія не имѣю никакого.»

Надежда Ивановна. Братецъ! онъ обманывалъ тебя: онъ очень богатъ.

Михайло Иванычъ. Знаемъ, понимаемъ эфти дѣла, поэтому я его немного и продернулъ; ну и сбрендилъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ потомъ?

Михайло Иванычъ. Ну, что онъ? Ничего! «Виноватъ-съ, говоритъ, обожаю.»

Надежда Ивановна *(стремительно)*. Мишель! мнѣ хочется его видѣть.

Михайло Иванычъ. Что дашь? покажу.

Надежда Ивановна. Что хочешь, братецъ, отдамъ! Жизни, кажется, не пожалѣю, чтобъ только его видѣть.

Михайло Иванычъ. Нѣтъ, зачѣмъ жизни? Мы великодушны: жизнь человѣческую щадимъ, а лучше пятьдесятъ цѣлковыхъ намъ пожалуйте.

Надежда Ивановна. Какой ты, Мишель, корыстолюбивый, это не хорошо! Зачѣмъ тебѣ деньги? Опять въ карты играть? Ты и то ужь у меня папенькину шубу проигралъ.

Михайло Иванычъ. А вамъ, небось, жаль для брата этакихъ пустяковъ! Это ужь, моя милая, не тово... я изъ-за тебя лобъ подставлялъ.

Надежда Ивановна. Не сердись, Мишель! у меня право теперь нѣтъ денегъ.

Михайло Иванычъ *(кусая усы)*. Да-съ, конечно, у насъ только чувствительности много, а деньги только есть для однихъ адоратеровъ. Исправническому учителю

сюртуки дарить, такъ есть на что, а брату вытертой шубой, каждый день, тычемъ въ глаза. Знаемъ, милушка, все знаемъ!

Надежда Ивановна. Мишель! не говори этого: страшно слушать! За что ты меня терзаешь? Я готова тебѣ отдать все.

Михайло Иванычъ. Всего мнѣ не нужно, у васъ просятъ только пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Надежда Ивановна. Ей-богу, у меня нѣтъ пятидесяти! Я и то ужь въ послѣднее время заложила нѣсколько вещей.

Михайло Иванычъ. Неужели же, чортъ возьми, у васъ ничего нѣтъ денегъ?

Надежда Ивановна. Право нѣтъ! Всего двадцать рублей серебромъ.

Михайло Иванычъ. Ну, Богъ съ вами? Давайте по-крайней-мѣрѣ двадцать; что-жъ такое? не разбойникъ же я какой-нибудь.

Надежда Ивановна. А когда я его увижу?

Михайло Иванычъ. Да сегодня же вечеромъ поѣдемъ къ нему.

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, я боюсь: здѣсь ужасные сплетники! Скажутъ Богъ знаетъ что такое. Нельзя-ли какъ-нибудь устроить это свиданіе иначе?

Михайло Иванычъ. Чего-жь тебѣ бояться со мной! У меня, моя милая, на этихъ сплетниковъ отличнѣйшая метода есть: этакая, знаете, небольшая въ шиворотокъ затрещина; язычокъ-то немного и прикусится, говорить-то и неловко; отличнѣйшій способъ! Я одну лѣкаршу этимъ отъ болтовни полѣчилъ, сразу все прошло.

Надежда Ивановна. Полно, Мишель, шутить! Право мнѣ не до шутокъ: тошно и грустно... я какъ-будто бы что-то предчувствую. Мнѣ кажется, я очень сконфужусь, когда увижу его.

Михайло Иванычъ. Скажите, какая неопытная кошечка! Не прикажете ли съ вами нянюшку отпустить!... Однако двадцать цѣлковенькихъ пожалуйте, мнѣ пора. *(Встаетъ).*

Надежда Ивановна *(вынимая изъ кармана деньги и подавая).* На, возьми, куда же ты?

Михайло Иванычъ *(потягиваясь).* Такъ, кой-куда зайду, поразсѣяться надобно; а то чортъ знаетъ: сидишь... сидишь... въ голову какая-то дрянь лѣзетъ. Прощай! въ шесть часовъ мы отправимся.

Надежда Ивановна. Что же я безъ тебя буду дѣлать? Мнѣ скучно.

Михайло Иванычъ. «Любить, мечтать и изнывать...» это у насъ въ полку одинъ офицеръ пѣсню сочинилъ, самъ на скрипкѣ разыгралъ. *(Поетъ).* «Любить, мечтать и изнывать.» Адье-съ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Надежда Ивановна *(одна).* Какъ всѣ мужчины нечувствительны и холодны! Они совершенно безъ души! И какія мы дѣвушки жалкія существа. Ну, напримѣръ, мужа, друга себѣ на всю жизнь, и того мы не можемъ сами выбрать, потому что, какъ какія-нибудь невольницы, не смѣемъ и подумать предложить руку тому, кого любимъ, а должны дожидаться, должны терпѣть, страдать, и за что-же? За то только, что ходимъ въ платьяхъ, а не въ сюртукахъ! Даже въ танцахъ, — ну что такое танцы? пустяки! — но и въ нихъ мы должны сидѣть, какъ истуканы, и дожидаться, какъ милости, чтобы насъ пригласили. *(Задумывается на нѣсколько времени).* Однако, я не думала, чтобы такъ его любила. Сама не понимаю, что меня влечетъ къ нему. Конечно онъ богатъ... Я его непремѣнно уговорю ѣхать на воды;

тамъ, говорятъ, въ большой модѣ молодыя дамы. Однако это странно: какъ только я услышала, что онъ пріѣхалъ, у меня вдругъ сердце замерло. мнѣ вдругъ сдѣлалось и стыдно, и весело. Какъ мы были прежде глупы и неопытны; мы оба еще ничего не понимали! Отчего онъ тогда же не женился на мнѣ? Какъ бы мы были счастливы теперь! Но мнѣ суждено другое... *(задумывается)*. Зачѣмъ я позволила себѣ полюбить ужаснаго капитана? Охъ, эта совѣсть! ужасная совѣсть!... Вотъ она когда просыпается! И стоили всѣ они любви? Я рѣшительно себя презираю. *(Опять задумывается)*. Николя долженъ узнать о моемъ прошедшемъ; я сама ему разскажу мои ошибки! Онъ великодушенъ! Онъ проститъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Таже и Настасья Кирилловна съ Ваничкой.

Ваничка. Надежда Ивановна! я маменьку къ вамъ притараранилъ.

Надежда Ивановна *(вставая)*. Ахъ, Настасья Кирилловна, какъ мы съ вами давно не видались! *(Цѣлуются)*.

Настасья Кирилловна. Такъ ужь виновата, что и говорить не смѣю. И видѣться съ вами хотѣлось, и съ пріѣздомъ братца поздравить желала, и за Ваничку поблагодарить была должна, что вы его, можно сказать, не по лѣтамъ ласкаете, да принимаете, — ничего не успѣла, просто совсѣмъ сбилась съ панталыку старая баба. Сами, я думаю, слышали, что у насъ надѣлалось; дядюшка пріѣхалъ, бабушка Соломанида Платоновна наѣхала, пожаръ у дядюшки случился. Онъ, голубчикъ, перепугался ужасно, и такіе, можно сказать, случаи, хоть самой сойдти съ ума.

Ваничка. Маменька съ дѣдушкой, чортъ знаетъ, какъ перепугались! Дѣдушка, какъ заяцъ, на-утекъ пошелъ,—драло, да-съ! А я такъ ничего: на крышу влѣзъ, важно работалъ, всего водой облили.

Надежда Ивановна. Братъ мнѣ сказывалъ. Отчего же Николай Михайлычъ такъ перепугался? — Сгорѣла только одна баня.

Настасья Кирилловна. Ну—да вѣдь мы съ нимъ пугаться то всякихъ пустяковъ охотники!

Ваничка. Мнѣ, Надежда Ивановна, поваренко ихнiй сказывалъ, что дѣдушка всего боится. Разъ черезъ рѣку переѣзжали, такъ онъ все кричалъ, точно слѣпая старуха у насъ: та, вонъ, лошади дышломъ въ избу толкнули, а она думаетъ, что громъ; такая дура, что ужасть!

Настасья Кирилловна. Что дѣлать; за то предобрѣйшiй человѣкъ... неимовѣрный, можно сказать, характеръ имѣетъ: что ему ни скажи, не разсердится, только немного нахмурится, а тутъ и ничего. Благодѣтель, можно сказать, въ нашемъ свѣтѣ для своихъ родныхъ.

Ваничка. И деньги то-съ потерялъ всѣ; лакей ужь убралъ. Мы прибѣжали, а онъ валяется на полу да и реветъ о деньгахъ: денегъ-то жалко... Маменька, да вы поговорите съ Надеждой Ивановной, о чемъ я васъ просилъ.

Настасья Кирилловна. Онъ все-то свое мелетъ. Матушка, Надежда Ивановна, разрѣшите дѣло, какъ оно у васъ тамъ есть.

Надежда Ивановна. Что такое?

Настасья Кирилловна. Насчетъ Ванички-то?... Съ моей стороны отсовѣту нѣтъ; самъ свой разумъ имѣетъ. Я, конечно, желала бы, потому что все-таки, какъ мать, пользу его вижу... Онъ добрый у меня и шалостей за нимъ особенныхъ никогда не бывало: молодъ только.

Ваничка. Да что, маменька, вы все пустяки говорите. Надежда Ивановна, я думаю, поумнѣе васъ. Что вы все глупости говорите.

Надежда Ивановна. Что такое? Я право ничего не понимаю.

Настасья Кирилловна. Да что, Надежда Ивановна, говорить ужь, конечно, лучше прямо! Вы товаръ, а у меня купецъ есть. Какъ хотите, такъ и судите: я съ него воли не снимаю.

Надежда Ивановна. Теперь это невозможно, Настасья Кирилловна! Вы сами знаете, какія бываютъ обстоятельства... Я очень благодарна вамъ за честь; но я несвободна.

Ваничка. Нѣтъ, ужь вы, Надежда Ивановна, пожалуйста, скажите. Вы вотъ все говорили: маменька... Маменька, вотъ видите, ничего съ.

Надежда Ивановна. Нѣтъ, Ваничка, теперь я ничего не могу сказать; я сама не знаю, что со мной будетъ. У меня есть братъ... родственники... кромѣ того, есть другія еще препятствія. Въ настоящее время я никакъ не могу сказать ничего рѣшительнаго.

Настасья Кирилловна. Я съ своей стороны и не тороплю васъ, Надежда Ивановна. Конечно, этакое дѣло нельзя скоро рѣшить... Онъ то ко мнѣ все пристаетъ. Если правду сказать, такъ и Алексѣй Яковлевичъ у меня еще ничего объ этомъ не знаетъ. Конечно, онъ не обратитъ большаго вниманія, потому что къ этому ребенку никогда расположенъ не былъ, а мое большое желаніе: умерла бы, кажется, спокойно, кабы этакое дѣло сдѣлалось.

Ваничка. Да что, Надежда Ивановна, ничего, да ничего!... Что вы такое говорите!... Надуваете вы видно, вонъ, какъ папеньку цыганъ деньгами обманулъ: завтра да завтра, а завтра удеретъ куда-нибудь.

Настасья Кирилловна. Ну, что же дѣлать, Ва-

ничка, погодимъ, батюшка; какъ этакое дѣло вдругъ сдѣлать! Ты-то, можетъ быть, по глупости и молодости, не понимаешь, а это дѣло вѣковое.

Ваничка. Что вы все говорите, маменька, годить, да годить! Надежда Ивановна, можетъ быть, такъ сомнѣваются; а годить нечего: меня ужь не прибудетъ.

Надежда Ивановна *(подумавъ)*. Я теперь въ очень странномъ положеніи и сама не знаю, что со мной будетъ .. Вы, Настасья Кирилловна, не принимайте этого за совершенный отказъ, но...

Настасья Кирилловна. Понимаю, матушка, сама все понимаю и говорю только, по крайней мѣрѣ, на будущее время знать будемъ! Время еще не ушло. Богъ дастъ: наживетесь... натѣшитесь.

Надежда Ивановна. Вы гдѣ остановились?

Настасья Кирилловна. У дядюшки, у Николая Михайлыча.

Надежда Ивановна. У Николая Михайлыча?

Настасья Кирилловна. У него-съ. У кого же больше?... Дядя намъ троюродный...

Надежда Ивановна. Я къ вамъ сегодня заѣду. Будете вы дома?

Настасья Кирилловна. Сдѣлайте милость: мнѣ очень пріятно... и дядюшка посмотритъ: онъ большое участіе въ этомъ принимаетъ.

Надежда Ивановна *(вспыхнувъ)*. Развѣ онъ знаетъ?

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, этого нѣтъ еще, но всетаки посмотритъ. Развѣ ты, Ваничка, не говорилъ ли ему?

Ваничка. Нѣтъ, маменька, я ему такъ только сказалъ-съ.

Надежда Ивановна. Вы, пожалуйста, не говорите! Ваничка, ты, сдѣлай милость, не болтай; иначе, я разсержусь и принимать тебя не стану. Настасья Кирилловна, пожалуйста, помолчите; вы сами женщина, и понимаете щекотливость этого положенія.

Настасья Кирилловна. Не безпокойтесь; да намъ теперь и нельзя: теперь бабушка Соломанида Платоновна здѣсь, съ ней вѣдь не столкуешь. Я даже желала бы, чтобы и при вашемъ посѣщеніи ея не было. Ну, да, можетъ быть, провалится куда-нибудь; не цѣлый же день станетъ сидѣть.

Надежда Ивановна. Выходитъ къ вамъ Николай Милайлычъ? Увижу я его? Онъ прежде былъ нашъ хорошій знакомый; а теперь сдѣлался какимъ-то домосѣдомъ. Я бы очень желала его видѣть.

Настасья Кирилловна. Какъ не увидѣть, онъ все съ нами сидитъ. На нездоровье все теперь жалуется; но я какъ разсмотрѣла, такъ у него никакой и болѣзни нѣтъ, а такъ только затмѣніе въ разсудкѣ иногда бываетъ—робость большая *(Вставая)*. Пойдемъ, Ваничка, что больно насупился. Встань, поцѣлуй у Надежды Ивановны ручку! Она позволитъ.

Ваничка *(тоже вставая)*. Что цѣловать-то! У васъ съ Надеждой Ивановной все, пожалуй, дожидайся, все молодъ.

Надежда Ивановна *(вставая и улыбаясь)*. Разсердился. Отчего-жь вы не хотите поцѣловать руки у вашей невѣсты?

Ваничка. Чорта съ два, невѣста! дождешься.

Настасья Кирилловна. Поцѣлуй, матушка, его въ губы; дай мнѣ старухѣ полюбоваться!

Надежда Ивановна. Пожалуй. Поди сюда, Ваничка, я поцѣлую тебя! Мнѣ его ничего не совѣстно.

Ваничка. Видно, что не совѣстно, все обманываете *(Надежда Ивановна подходитъ и цѣлуетъ его)*.

Настасья Кирилловна. Ну слава Богу! Благослови васъ, Господь! Пойдемъ, Ваничка. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Надежда Ивановна *(одна)*. Онъ совершенно еще мальчикъ! Ему, я думаю, только жениться хочется; а онъ ничего не понимаетъ; но въ то же время какъ смѣлъ и дерзокъ: какъ его можно сравнить съ Nicolas! Чудный тотъ человѣкъ! Въ такое я теперь поставлена ужасное положеніе... Если Nicolas не женится на мнѣ, то я должна буду выйдти за этого дурачка, потому что чего же ждать, на что еще надѣяться? Быть старой дѣвкой, беззубой и нюхать табакъ! Я отъ одной мысли въ состояніи умереть! Замужняя женщина, за кѣмъ бы она ни была, въ тысячу разъ счастливѣе дѣвушки. (*Уходитъ*).

(Запавѣсъ падаетъ).

СЦЕНА II.

Театръ представляетъ гостиную въ квартирѣ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломанида Платоновна *стоитъ и топаетъ передъ* **Никитой**, *который въ дверяхъ.* **Дурнопечинъ** *сидитъ передъ зеркаломъ.* **Цирюльникъ** *его стрижетъ.*

Соломанида Платоновна. Какъ ты смѣлъ держать барина въ такой грязи? Да я съ тобой жива не разстанусь, криворожій! Чтобъ въ кабинетѣ у меня сейчасъ же было все прибрано, чтобъ сегодня же крыльцо было, какъ стеклышко! Оселъ этакій!.. Пошелъ! (*Выходитъ на авансцену и садится*). Даже устала бранившись!.. Стриги его, Сережка; глаже стриги.

Дурнопечинъ (*усмѣхнувшись*). Тетушка! какъ это право вы безпокоитесь... Мнѣ даже совѣстно. (*Смотрится въ зеркало*). Теперь дѣйствительно стало какъ-то легче.

Соломанида Платоновна. Еще бы! И выбрѣй его,

Сережка, сейчасъ, какъ можно чище: чтобы ничего подъ подбородкомъ этой дряни не было.

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужъ, тетушка, позвольте: я самъ брѣюсь: я другимъ боюсь даваться.

Соломанида Платоновна. Какъ тебѣ не бояться, всего, батюшка, бойся... Брѣй его, нечего слушать! Безстыдникъ этакій! какъ маленькій пожару испугался, да и одѣться еще не хочетъ; точно арестантъ какой: не бритый, не стриженый! (*Сергѣй начинаетъ брить*).

Дурнопечинъ. Сдѣлай милость, Сережа братъ, поосторожнѣе! Нѣтъ, ужь подъ горломъ, пожалуйста, не брѣй; оставь, Бога ради.

Сережка. Ничего, сударь, не въ первый разъ; слава Богу, господъ бривали.

Соломанида Платоновна. Вѣдь гадко видѣть тебя, Николай Михайлычъ, право! Ты и на мужчину совсѣмъ не похожъ, а точно мокрая курица.

Дурнопечинъ (*выбритый*). Ну, слава Богу, благополучно! По неволѣ, тетушка, будешь мокрой курицей, какъ все непріятность на непріятности.

Соломанида Платоновна (*съ усмѣшкою*). Какія же батюшка, съ вами особыя несчастія случались?

Дурнопечинъ. Да хоть бы болѣзнь, тетушка, постоянная, неизлѣчимая болѣзнь...

Соломанида Платоновна. Ахъ, какой бѣдный! не умирать ли ужь сбираешься? Перестань, сударь! отвратительно слушать: что̀ такое у тебя болитъ?

Дурнопечинъ. Да, что̀ тетушка, конечно, по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣетъ... а у меня все болитъ, но и кромѣ того, вонъ документы, на имѣніе потерялъ, гдѣ ихъ возьмешь! а тутъ тяжба предстоитъ... Человѣка порядочнаго нѣтъ около меня; одинъ Никита, да и тотъ,—что̀ съ него взять?—набитый дуракъ. Я ему бумаги нужныя отдалъ, а онъ ими индюшку обернулъ, да и совсѣмъ потерялъ.

Соломанида Платоновна. Прекрасно, отлично сдѣлалъ! Да съ твоимъ неряшествомъ у тебя все перетеряютъ. Спросилъ ли ты съ него? наказалъ ли его, какъ слѣдуетъ?

Дурнопечинъ. Чего тутъ спрашивать? уже не воротишь.

Соломанида Платоновна (*плюетъ*). Тфу ты, дрянь этакая! Сережка! поди, позови Никиту.

ЯВЛЕНІЕ II.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ; *потомъ* **Никита.**

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужь, тетушка, оставьте; я его и такъ бранилъ.

Соломанида Платоновна. Какъ же? по головкѣ ихъ надобно за это гладить! (*Входитъ Никита*). Куда это ты, голубчикъ мой, барскія бумаги спровадилъ? а?..

Никита. Чего съ?

Соломанида Платоновна. Чего-съ! дуракъ! точно не слышитъ, что его спрашиваютъ.—Тебя спрашиваютъ, куда ты бумаги дѣвалъ?—(*Никита молчитъ*). Что-жь ты молчишь, свинопасъ?

Никита. Барину извѣстно-съ.

Соломанида Платоновна. Барину извѣстно! Ахъ, ты ротозѣй, а ты-то на что?.. Посмотрите, пожалуйста, съ какой онъ рожей явился! Почему ты пришелъ неумытый? Какъ ты смѣлъ явиться передъ господами въ такомъ костюмѣ? пошелъ вонъ, неумоя! Сейчасъ приведи себя въ порядокъ! (*Никита уходитъ; Соломанида Платоновна въ слѣдъ ему*). Погоди ты, милый, мой, я до тебя доберусь еще не такъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломанида Платоновна. Что это, Николай Михайлычъ, до чего ты довелъ свою прислугу! Мнѣ видѣть все это отвратительно. Какія же это бумаги онъ у тебя затерялъ?

Дурнопечинъ. Акты на имѣніе бабушки Ольги.

Соломанида Платоновна. У тебя никакихъ не могло быть актовъ, развѣ какія-нибудь копіи; подлинные акты всѣ у меня. И для чего они тебѣ понадобились?

Дурнопечинъ. Ужь лучше не говорите, тетушка, я съ вами хотѣлъ посовѣтоваться объ этомъ серьезно. Вчера ко мнѣ явился какой-то братецъ Прохоръ Прохорычъ; «процессъ, говоритъ, подамъ, потому что бабкина духовная будто-бы незаконна;» а у меня и документовъ никакихъ нѣтъ; такъ напугалъ, что ужасъ!

Соломанида Платоновна (*разсмѣявшись*). Такъ это тебѣ для Прохора нужны документы: Прохоръ-то тебя напугалъ! Ты, Николенька, совсѣмъ жалкій человѣкъ, ей Богу! Ни дать ни взять, какъ покойная мать твоя: видно у васъ въ крови этакая глупая трусливость! Та, бывало, седьмымъ ребенкомъ брюхата... ну что такое женщинѣ родить... а она вѣчно въ отчаяніи: умру, да не перенесу, и тому подобныя глупости.

Дурнопечинъ. Хороши глупости, какъ все отнимутъ.

Соломанида Платоновна. Это еще какъ? За отниманье то въ Сибирь ссылаютъ. Какимъ же образомъ и кто можетъ у тебя отнять?

Дурнопечинъ. Да я ужь и самъ не знаю... мало ли, что онъ тутъ говорилъ «имѣніе, говоритъ, наслѣдственное раздроблено; за неправильное владѣніе, говоритъ заплатите, да тамъ какіе-то протори и убытки.» Крас-

ницу сначала требовалъ, а потомъ сталъ просить пятнадцать тысячъ серебромъ. Я ужь и не знаю, что̀ такое?

Соломанида Платоновна (*качая головой*). Ай да Прохоръ, молодецъ! какія шутки началъ шутить! Постой, погоди, я теперь сама съ нимъ пошучу, подлецъ этакій! Онъ, я думаю, тоже и на мое имѣніе виды имѣетъ!

Дурнопечинъ. Онъ и про васъ говорилъ. Вся, говоритъ, по милости Соломаниды Платоновны и каша-то заварилась.

Сомоманида Платоновна. Ну, да, я знаю, что я ему поперекъ горла стою. Дай-ка, я съ нимъ потолкую. Пошлите-ка къ нему, батюшка, сейчасъ отъ себя записку и позови къ себѣ. Я поговорю съ нимъ... Эй, кто тамъ? Своего человѣка мнѣ нельзя послать; узнаетъ и не пойдетъ. Никита! Эй, болванъ, Никита! (*Никита входитъ проворно*).

ЯВЛЕНІЕ IV

Тѣ же и Никита.

Соломанида Платоновна. Что ты глухъ что ли?

Никита. Я умывался.

Соломанида Платоновна. Скажите, пожалуйста, двѣнадцатый часъ, а онъ умывается. Да что ты, баринъ что ли какой? Пошелъ сейчасъ, узнай, гдѣ живетъ Прохоръ Дурнопечинъ, и зови его сюда, а обо мнѣ не говори!... Слышишь!... Пошелъ! что еще почесываешься, невѣжа этакая.

(*Никита уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ; *потомъ* **Сергѣй.**

Дурнопечинъ. Да, тетушка, какъ бы его больше не разсердить, какъ бы онъ больше не надѣлалъ непріятностей.

Соломанида Платоновна. Сдѣлай милость, молчи, если ужь такимъ дряннымъ родился, безъ тебя дѣло сдѣлается. Сережка! (*Сережка входитъ*). Пошли сейчасъ кучера, чтобы привезъ мой погребчикъ и всю закуску. (*Къ Дурнопечину*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломанида Платоновна. У тебя, я думаю, и ѣсть-то нечего?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, тетушка, у меня, должно быть, приготовлено.

Соломонида Платоновна. Хорошо, я думаю, съ твоимъ порядкомъ приготовлено. Какую ты водку пьешь?

Дурнопечинъ. Ай, тетушка, какая водка; я ничего не пью: кофей даже запрещенъ.

Соломонида Платоновна. Ничего не пью—гнилое созданье! Кофе даже ему запрещенъ! Для слабаго человѣка пить необходимо: ты себя не узнаешь, какъ подкрѣпишься.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Настасья Кирилловна съ Ваничкой.

Настасья Кирилловна (*подходя къ рукѣ Соломаниды Платоновны*. Вотъ, бабушка, и я пришла... Ваничка, представься бабушкѣ. (*Ваничка подходитъ къ рукѣ Соломаниды Платоновны*).

Соломанида Платоновна. Здравствуй. Видишь, какъ вытянуло. Поумнѣлъ ли хоть немного, а растешь глядя на осину.

Ваничка. Я ужь, бабенька, давно такой; не все маленькимъ быть.

Настасья Кирилловна. Молодое, бабушка, растетъ. (*Къ Дурнопечину*). Что, батюшка, голубчикъ мой, успокоились ли вы?

Дурнопечинъ. Да, теперь ничего. Садитесь. (*Настасья Кирилловна и Ваничка садятся*).

Соломанида Платоновна. (*Къ Настасьѣ Кирилловнѣ*). Ты это зачѣмъ сюда прибыла? Дома, видно, не сидится?

Настасья Кирилловна. Ай, нѣтъ, бабушка, какъ это возможно-съ: дѣла здѣсь имѣю.

Соломанида Платоновна. Большія, я думаю, твои дѣла. Лучше бы хозяйство-то правила, бездомовщина этакая.

Настасья Кирилловна. Я, бабушка, правлю, ей Богу, правлю. Да и кому у меня,—сами вы знаете: дѣти малыя, вездѣ все сама.

Соломанида Платоновна. Полно, голубушка моя, казанской нищей прикидываться, знаю я тебя, пустоголовая! Всего четыре лошаденки въ усадьбѣ, и тѣхъ измучила, таскаясь по гостямъ; красавица какая, вездѣ ей нужно показывать себя.

Настасья Кирилловна. Какая, ужь, бабушка, красота! не красота, а бѣдность... Наговоровъ вамъ на меня много, мнѣ вы не изволите вѣрить, такъ и погибаю.

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, милая моя, тебѣ этого еще мало, ей-Богу, мало! Какъ бы воля была, такъ бы я тебя выпорола. Алексѣй Яковлевичъ со слезами пріѣзжалъ ко мнѣ. Вонъ пострѣлятъ-то своихъ, на что похоже, перебаловала: куда они теперь годны? Ты у меня молчи лучше: знаю я, соколена, всѣ твои штуки!.. Гдѣ это видано, у мужа съ людишками хлѣбъ воровать да утаивать; голодна, что ли ты?

Настасья Кирилловна (*плача*). Весь вѣкъ отъ

васъ, бабушка, обижена была, видно и передъ дяденькой меня хотите оконфузить! Не знаю, что вамъ сдѣлала; у васъ, кажется, ничего не прошу, своимъ живу.

Соломанида Платоновна. Ахъ, Боже мой, какъ расчуствовалась, такъ вотъ мы всѣ и расплачемся съ тобой. Зачѣмъ сюда пріѣхала, для какой надобности?

Ваничка. Да что, бабенька, вы все на маменьку нападаете! Она со мной пріѣхала, да-съ! — мнѣ нужно.

Соломанида Платоновна. Дуракъ этакій! Ему, нужно! Драть бы тебя нужно, вотъ что тебѣ, болвану, нужно!

Ваничка. Да что вы все ругаетесь? Мы вамъ не подчиненные! Что вы, въ самомъ дѣлѣ, куражитесь!

Соломанида Платоновна (*вспыхнувъ*). Ахъ, ты пащенокъ этакій, а! Скажите, пожалуйста! Встань сейчасъ на колѣни! пошелъ въ уголъ и встань! Пикнуть у меня не смѣй, дурья порода?

Ваничка. Больно ловки, такъ вотъ сейчасъ и послушаюсь... Я не къ вамъ пришелъ, а къ дяденькѣ.

Соломанида Платоновна (*выходя изъ себя*). Молчать, пострѣленокъ! говорятъ тебѣ, на колѣни! Ты разиня-матушка, поставь его на колѣни.

Настасья Кирилловна. Бабушка, успокойтесь; вѣдь онъ еще глупъ, родная моя. Ваничка, встань, что это ты не хочешь потѣшить бабушку, встань другъ мой.

Соломанида Платоновна. Вставать сейчасъ, оселъ! Николай Михайлычъ, онъ въ вашемъ домѣ дѣлаетъ мнѣ этакія грубости, извольте его наказать.

Дурнопечинъ (*въ сторону*). Ахъ, Ты, Господи, Твоя воля! Чтò мнѣ съ ними будетъ дѣлать? (*Къ Ваничкѣ*). Встань, братецъ, какъ же ты можешь старшимъ себя грубить, да еще и не слушаешься.

Ваничка (*осердясь*). Какъ бы вотъ не такъ: что я вамъ, дуракъ, что ли, дался? Что вы ко мнѣ пристаете? Маменька у насъ ужь извѣстно... ее всякій приколотитъ, а у меня тибо! Дудки мной-то командоватъ! Поѣдемте, маменька, куда-нибудь; какого здѣсь чорта не видать!

Настасья Кирилловна. Ваничка, перестань, что это ты безмозглый говоришь! Ну, что дѣлать, сама признаюсь, слабая мать! Слышите, и меня-то онъ какъ коститъ. Молчи, душегубъ, погубилъ ты меня! Встань, злодѣй этакій, угоди хоть этимъ роднымъ-то!

Соломанида Платоновна (*въ азартѣ*). Вонъ, дурачье! чтобы духу вашего не было здѣсь! Николай Михайлычъ, вели ихъ прогнать.

Ваничка. Пойдемте, въ самомъ дѣлѣ, маменька, что такое! бабушка точно рехнулась.

Настасья Кирилловна (*всплеснувъ руками*). Ахъ, Господи, согрѣшила я окаянная!... Лучше бы мнѣ въ утробѣ своей не носить злодѣя! Прокляну тебя, варвара.

Дурнопечинъ. Настасья Кирилловна! уведи своего дурака; онъ, вѣрно, пьянъ.

Ваничка. Сами вы видно съ бабушкой пьяны.

Соломанида Платоновна (*вскакивая и давая Ваничкѣ пощечину*). Вотъ тебѣ, бабушка, разъ! (*Ваничка попятился, Соломанида Платоновна бьетъ его по другой щекѣ*). Вотъ тебѣ, бабушка, два!

Настасья Кирилловна (*хватая Ваничку за руку*). Царь небесный! Ваничка! что̀ мы съ тобой надѣлали?

Ваничка (*вырываясь изъ рукъ*). Да что̀, маменька, иное дѣло, я самъ сдачи дамъ: такую здоровку поднесу, что и съ ногъ полетитъ.

Настасья Кирилловна. Пойдемъ, разбойникъ! *Вытаскиваетъ его почти насильно со сцены*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дурнопечинъ и Соломанида Платоновна; *потомъ* Сергѣй.

Дурнопечинъ (*вставая съ безпокойствомъ*). Господи, Боже мой! Какъ это непріятно... ну, что это такое: дерутся, шумятъ...

Соломанида Платоновна (*дуетъ на руку*). Всю руку разбила... рожа-то какая сухая! Уходили вы меня, Николай Михайлычъ, съ вашей роденькой, благодарю покорно. Сережка! (*Сережка входитъ*). Пошелъ сейчасъ и выпроводи этихъ скотовъ за городъ, ни минуты чтобы не были здѣсь. А если не поѣдутъ, такъ попроси городничаго отъ моего имени; скажи, что она воровски отъ мужа ѣздитъ да бѣгаетъ... Охъ, Творецъ набесный, такъ разстроилась, что возможности нѣтъ. (*Дышетъ тяжело*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *кромѣ* Сергѣя, и Никита.

Никита. Пришелъ баринъ-то.

Дурнопечинъ (*про себя*). Ну, опять сцена, опять объясненія; измучатъ они меня сегодня; ничему не радъ.

Никита. Баринъ-то пришелъ-съ.

Дурнопечинъ (*Соломанидѣ Платоновнѣ*). Тетушка, Прохоръ Прохорычъ пришелъ.

Соломанида Платоновна. Что?

Никита. Баринъ, за которымъ изволили посылать,— здѣсь.

Соломанида Платоновна. Зови! Устала я очень, а то бы я и съ этимъ молодцомъ также справилась...

ЯВЛЕНІЕ X.

Соломанида Платоновна, Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ; *потомъ* Никита и Сергѣй.

Прохоръ Прохорычъ. Вамъ, братецъ, угодно было меня пригласить? (*Увидя Соломаниду Платоновну, нѣсколько конфузится и кланяется ей низко*). Тетушкѣ Соломанидѣ Платоновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубокое почтеніе и поздравить съ пріѣздомъ.

Соломанида Платоновна. Благодарю васъ покорно, и васъ съ тѣмъ же, мой милый, поздравляю.

Прохоръ Прохорычъ (*къ Дурнопечину*). Я, кажется, братецъ, явился не своевременно. Вѣроятно, вы, послѣ такой долгой разлуки, желаете съ тетушкой воспользоваться родственнымъ свиданіемъ, и потому позвольте мнѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что я и свои имѣю очень экстренныя дѣла.

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, ужь вы свои-то дѣла отложите на этотъ разъ въ сторону и побесѣдуйте съ нами. Я хочу съ вами потолковать, знаете, какъ обыкновенно я съ вами толкую.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ вамъ угодно-съ; но впрочемъ, если я только справедливо понимаю, то кажется, не зачѣмъ и не для чего... Наши свиданія не могутъ бить пріятны ни для васъ, ни для меня. Насъ Богъ будетъ судить, тетушка,—конечно, я все забылъ, все простилъ, сколько ни былъ вами обиженъ...

Соломанида Платоновна. Да-съ, вы прекрасный человѣкъ, вы безподобный человѣкъ! Только какой это вы съ Николенькой процессъ думаете затѣвать? У васъ ихъ и безъ того очень много. Впору и по чужимъ плутовать; зачѣмъ ужь заводить свои...

Прохоръ Прохорычъ. Я не понимаю, къ чему вы изволите все это говорит̄

Соломанида Платоновна. Я говорю къ тому: за что вы Красницу-то съ него просите? За что вы съ него пятнадцать тысячъ требуете? Вотъ я къ чему говорю.

Прохоръ Прохорычъ. По духовной бабки Ольги.

Соломанида Платоновна. Что же это: тамъ такъ и написано?

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ, не написано, а такъ слѣдуетъ.

Соломанида Платоновна. А, это слѣдуетъ! а мнѣ не слѣдуетъ получить съ васъ тридцать тысячъ серебромъ, которыя отецъ твой у меня и матери моей перехватилъ на свое мотовство; мнѣ это не слѣдуетъ съ васъ получить?

Прохоръ Прохорычъ. Если ужь вамъ, тетушка, угодно вызвать меня на откровенный разговоръ, то я долженъ прямо вамъ, при Николаѣ Михайловичѣ, объяснить, что на вашу часть я и не имѣю видовъ-съ. Я не звѣрь безчувственный и очень хорошо помню благодѣянія, оказанныя вами нашему семейству; но я говорю только про часть братца.

Дурнопечинъ. Какъ это вы только про меня говорите? Что-жь вы запираетесь! Вы говорили и про тетушкину часть: вы мнѣ прямо сказали, что отъ нихъ вся и каша заварилась.

Прохоръ Прохорычъ. Никакъ нѣтъ-съ, я никогда этого не говорилъ!.. Тетушка благодѣтельствовала нашему семейству, да и моихъ птенцовъ, можетъ быть, не забудетъ: я не могъ этого говорить.

Дурнопечинъ. Что это вы говорите? Какъ это вамъ не стыдно! Вы еще сказали, что — дай Богъ тетушкѣ вѣчную память,—вотъ что говорили!

Прохоръ Прохорычъ. Никогда ничего и въ помыслахъ этого не было.

Соломанида Платоновна *(качая головой)*. Ахъ ты, лукавый человѣкъ! Ахъ ты, чернильная піявица! Какъ

тебя не повѣсятъ до сихъ поръ! вотъ ты что мнѣ скажи, а давно бы пора, ей Богу, пора... *(Стукаетъ по столу пальцемъ)*. Слушай ты приказная строка: если ты только осмѣлишься приходить безпокоить его съ твоими подлыми процессами,—онъ человѣкъ слабый и больной, онъ мой наслѣдникъ, слышишь ли? — я завтра же подамъ вексель ко взысканію и уморю тебя со всѣмъ твоимъ потрохомъ въ тюрьмѣ; на свой счетъ буду содержать, а не выпущу.

Прохоръ Прохорычъ *(грустно)*. Обидѣть маленькихъ людей, тетушка, легко; но надобно вспомнить и послѣдній конецъ: несправедливость вопіетъ на небо.

Соломанида Платоновна. Особенно за тебя, голубчикъ мой, за тебя особенно, я думаю, дадимъ мы отвѣтъ Богу! Давай-ка посчитаемся: твой распутный родитель захватилъ тридцать тысячъ. Сестрица твоя выханжила еще при жизни у тетки пятьдесятъ душъ и, наконецъ, я тебѣ самому, неблагодарному, подарила на свадьбу десять тысячъ рублей серебромъ. Ну-ка сложи! сложеніе-то, полагаю знаешь: тридцать да десять — сорокъ, да за души хоть по сту—пять... миленькій,—сорокъ пять тысячъ, а мы съ нимъ всего получили двѣсти душъ; что — чѣмъ пахнетъ! Какъ у тебя, безстыдника языкъ повертывается говорить! Хорошо, что я на тебя пугало имѣю: вексель-то сохранила, а то бы совсѣмъ обобралъ. Что корчишься, не нравится?

Прохоръ Прохорычъ. Вашъ вексель, тетушка, меня, денно и нощно безпокоитъ. Я дѣтьми моими пожертвовалъ бы, чтобъ только его не было; подъ клятвой бы, кажется, никогда не затѣялъ процесса, еслибы вы только его уничтожили.

Соломанида Платоновна. Слышишь, Николенька, какое онъ намъ благодѣяніе оказываетъ. Кинемся ему, батюшка, въ ноги; процесса ужь не хочетъ съ нами затѣвать. Ахъ ты, Іуда предатель!... О процессѣ ты не

смѣешь и думать. Ты къ нему приходилъ такъ только, нельзя ли что-нибудь сорвать. А веклель я, милушка, поберегу, да и ему передамъ... Что? не вкусно?

Прохоръ Прохорычъ. По кекселю вы ничего не возьмете: у меня состояніе все женино.

Соломанида Платоновна. Полно такъ-ли? А если я знаю, что у тебя ничего женина нѣтъ. Да ты скорѣй удавишься, чѣмъ грошъ женѣ повѣришь; картофель на вѣсъ выдаешь—что ты мнѣ говоришь, безобразный человѣкъ! а передашь ты женѣ состояніе. Я даже теперь вижу, что въ плутовской головѣ твоей дѣлается—продать думаешь что-ли? врешь—завтра же наложу запрещеніе.

Прохоръ Прохорычъ. Я ужь ничего не могу и говорить, а долженъ только благодарить Николая Михайлыча, что они такъ возстановили васъ противъ меня.

Дурнопечинъ. Что-жь вы претендуете на меня? Вы сами начали. Мнѣ ничего вашего не нужно.

Соломанида Платоновна. Поди, убирайся домой и не трогай насъ, а не то худо будетъ.

Прохоръ Прохорычъ(*подходя къ ея рукѣ*). Я никогда, ничего, тетушка, видитъ Богъ, никогда ничего не замышлялъ. Конечно, какъ отецъ семейства, желалъ бы что-нибудь пріобрѣсть, и мои дѣти, тетушка, тоже ваши внуки: если не для меня, такъ для Царя небеснаго, вамъ бы слѣдовало пощадить сиротъ. (*Опять подходитъ къ рукѣ*).

Соломанида Платоновна. Нечего тутъ лизаться, ступай и дѣлай тамъ, какъ знаешь, а мы будемъ дѣлать свое. (*Вносятъ полный завтракъ, состоящій изъ колбасы, ветчины, загибенекъ, шпигованнаго поросенка, сыру, балыка и проч. Никита и Сергѣй оба въ бѣлыхъ перчаткахъ становятся у дверей*).

Прохоръ Прохорычъ (*со вздохомъ*). Неравное людямъ дано счастіе: одни и семействомъ обременены,

и стараются, и тутъ ничего не пріобрѣтають, а другимъ все предоставляется: тутъ ужь говорить нечего, а на Бога надобно возложить попеченіе.

Соломанида Платоновна. Ка-бы на Бога ты больше надѣялся, такъ бы было лучше, а то ты только плутовствомъ, да разными штуками думаешь жить. Отправляйся, намъ пора ѣсть. *(Прохоръ Прохорычъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, *кромѣ* Прохора Прохорыча.

Соломанида Платоновна *(къ лакеямъ).* Подавайте водку! Что-жь вы стоите? *(Къ Дурнопечину).* Выпей! — это желудочная.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, увольте: мнѣ ужь года три запрещено.

Соломанида Платоновна. Полно: глупости,—запрещено, ужели я хуже твоего знаю. *(Дурнопечинъ отхлебываетъ полъ-рюмки).* Пей все, что очень церемонишься, какъ купчиха.

Дурнопечинъ *(допивая).* Право много.

Соломанида Платоновна. Налей и мнѣ. *(Дурнопечинъ наливаетъ, она пьетъ).* Это не та,—у меня ихъ много сортовъ. Сергѣй! поди принеси зеленую, что трефолью настоена. *(Дурнопечину).* Та для тебя будетъ полезнѣе. *(Сергѣй уходитъ).*

Дурнопечинъ. Какая у васъ, тетушка, славная водка: такъ въ желудкѣ и зажгло, какъ-будто бы что-нибудь тамъ ходитъ.

Соломанида Платоновна. Ѣшь загибеньки, да вонъ и сосисокъ возьми.

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, вредно будетъ; развѣ немного попробовать. *(Беретъ немного на тарелку и ѣстъ).*

Какія отличныя загибеньки! удивительно, какъ водка возбуждаетъ аппетитъ. *(Беретъ сосисокъ, Сергѣй приноситъ графинъ съ водкой).*

Соломанида Платоновна. Подай Николаю Михайлычу. Выпей, эта лучше.

Дурнопечинъ. Право, много: я, пожалуй, пьянъ буду.

Соломанида Платоновна. Велика важность, лучше уснешь.

Дурнопечинъ *(выпиваетъ залпомъ и дѣлаетъ гримасу).* Хо, хо хо, батюшки!... духъ захватило!... фу, какая омега. Что это такое, точно спиртъ стоградусный.

Соломанида Платоновна *(ѣстъ).* Водка чѣмъ крѣпче тѣмъ лучше устраиваетъ желудокъ.

Дурнопечинъ. Чего тутъ лучше, — отдышаться не могу: точно коломъ въ горло треснуло.

Соломанида Платоновна. Очень нѣженъ не кстати.

Дурнопечинъ *(съ жадностію начинаетъ ѣсть).* Фу, канальство, какъ аппетитъ возбудился! Эй, чортъ возьми, начну катать все: что будетъ, то будетъ; двухъ смертей не бывать, а одной не миновать! Гдѣ вы это, тетушка, такую прекрасную ветчину берете? Покупаете, что-ли?

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, дома коптятъ.

Дурнопечинъ. Соблаговолите мнѣ, голубушка моя, окорочекъ!

Соломанида Платоновна. Хорошо. Сергѣй! хересу...

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, все вы меня угощаете? Что же я за дуракъ хозяинъ!... Никита! Поди возьми мадеры и хересу самаго лучшаго: въ пять руб. сер. бутылку. Слышишь?

Соломанида Платоновна. Ну, что ты пустяки говоришь! Какой-нибудь въ тридцать коп. сер. У меня вина все петербургскія.

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, нѣтъ ужь, сдѣлайте милость: я хочу чтобы было и мое; хоть шампан-

скаго, покрайней-мѣрѣ, позвольте. Поди, купи самаго лучшаго шампанскаго двѣ бутылки!

Соломанида Платоновна. Куда двѣ! Очень ужь раскутился; пей-ка хересъ!

Дурнопечинъ. Хересу выпью. А ты ступай. *(Никита уходитъ).*

Соломанида Платоновна. Будешь еще ѣсть?

Дурнопечинъ. Да ужь позвольте. Вонъ мнѣ хочется этого поросенка; должно быть, поросенокъ нашпигованный; вишь каналья, какъ смотритъ; какая у него дурацкая рожа.

Соломанида Платоновна. Ну, что, теперь лучше? Прошли болѣзни? Вылѣчился отъ сухотки?

Дурнопечинъ. А чортъ ихъ знаетъ, прошли онѣ или нѣтъ. Съ сегодняшняго же дня не стану ничего думать. Вы для меня, тетушка, просто, благодѣяніе оказали: вотъ хоть-бы взять съ процесса... я, чортъ знаетъ, какъ его боялся, думалъ, что непремѣнно все возьмутъ. А тутъ эта дура Кирилловна ханжитъ... духовной проситъ... слабы вы, говоритъ, дяденька; такъ разстроился, что думалъ,—черезъ часъ же умру.

Соломанида Платоновна. Глупость и бездѣйствіе... Служить и жениться тебѣ надобно, вотъ что! Я тебя женю; ты у меня не отвертишься. Я тебя молодца за этимъ и выписала.

Дурнопечинъ. Неужели! Хорошо бы, тетушка, очень хорошо, но съ другой стороны... Позвольте мнѣ еще хересу выпить.

Соломанида Платоновна. Погоди, шампанское будетъ.

Дурнопечинъ. Хорошо-съ. Я вѣдь тетушка, не то, чтобы совершенно ужъ боленъ, а больше характеръ у меня скверный, особенно иногда по утрамъ. Уму невообразимо, какъ все кажется въ этакомъ черномъ цвѣтѣ. Иной разъ такъ, безъ всякой причины, разду-

маешься, да и зарыдаешь, точно женщина какая. Всего какъ-будто бы боишься. Что ни услышишь, что съ другими случится—непріятность какая-нибудь или болѣзнь, сейчасъ въ голову придетъ, что и со мной тоже самое будетъ.

Соломанида Платоновна. Все пустяки, мой милый: у тебя истерика и геморой, больше ничего. Отъ истерическихъ припадковъ пей по рюмкѣ водки съ гофманскими каплями, а отъ геморою два раза въ годъ піявки ставь, да маціону больше имѣй, а главное: женись. У меня для тебя прекрасная есть невѣста.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, въ здѣшнемъ мѣстѣ мнѣ нельзя жениться.

Соломанида Платоновна. Это отчего?

Дурнопечинъ. Какъ вамъ сказать, старая любовишка есть.

Соломанида Платоновна. Вотъ тебѣ на!.. какой хватъ! Что-жь такое любовишка? Мало ли, я думаю, у васъ этихъ любовишекъ? Этакъ нигдѣ нельзя жениться. Влюбленъ, что ли, ты въ кого?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какое влюбленъ... *(входитъ Никита съ шампанскимъ).* Шампанское однако принесли. Разливай! *(Никита наливаетъ и подаетъ).*

Соломанида Платоновна *(беретъ бокалъ).* Разсказывай!

Дурнопечинъ *(выпивая бокалъ).* Да вы, я думаю, знаете. Помните, еще покойный батюшка все смѣялся: Наденька Каноричъ.

Соломанида Платоновна Вотъ кто! Хорошу птицу убилъ. Что же у тебя связь, что-ли, съ ней?

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, какая связь! влюблена въ меня была, да и теперь еще влюблена, ну, мнѣ и жаль ея.

Соломанида Платоновна *(разсмѣявшись).* Что это, Николенька, и смѣшишь-то ты меня, и печалишь. Не-

ужели же ты не знаешь, что эта дура помѣшана на любви? Она въ встрѣчнаго-поперечнаго влюбляется, ей-то только не соотвѣтствуютъ; а она хоть въ твоего Никиту влюбится, не хочешь ли?

Дурнопечинъ. Богъ ее знаетъ! Я ее лѣтъ пять не видалъ. Записки теперь все пишетъ ко мнѣ: «умру, говоритъ, если вы меня оставите и презрите».

Соломанида Платоновна. Какая нѣжная! Отчего же она не умирала, когда другіе ее презирали? Она, я думаю, человѣкъ въ двадцать была влюблена, и всѣ ее презрили.

Дурнопечинъ. Я этого ничего не знаю. (*Пьетъ шампанское*). Какъ однако шампанское прохлаждаетъ. По чувствамъ своимъ, тетушка, я человѣкъ благородный и совѣстливый: лакея иногда побранишь, такъ и тутъ жалко, въ отношеніи же ея и подавно, думаешь: дѣвушка не глупая, чувствительная... можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ влюблена. Я тоже съ ней прежде нѣжничалъ и любезничалъ, въ любви даже клялся... Вы не повѣрите, съ самаго пріѣзда сюда, этимъ мучусь; требуетъ, чтобы я на ней женился; а я рѣшительно не могу, да и не хочу, потому что, между нами сказать, она мнѣ и не нравится.

Соломанида Платоновна. Есть чему и нравиться: кошка ободранная. Тебѣ даже, сударь, неприлично о ней и говорить, вотъ что! Еслибъ у тебя даже и было съ ней что-нибудь серьезное, такъ и тогда надобно плюнуть. Мало ли у васъ, мужчинъ, этого бываетъ; не думать же обо всѣхъ. По слабости характера да по своей добротѣ вы и гибнете. Выкинь, сейчасъ, все это изъ головы и не говори мнѣ объ этомъ! Я терпѣть не могу и слушать это.

Дурнопечинъ. Знаю, тетушка, видитъ Богъ, понимаю, что вы говорите справедливо. Чортъ бы ее дралъ, въ самомъ дѣлѣ, пусть умираетъ; не умретъ, я думаю...

Матушка, тетушка, голубушка моя, выпьемъ еще! *(Пьетъ).* Жените меня на комъ хотите; я надѣюсь на васъ, какъ на каменную стѣну. Я знаю, что вы мнѣ зла не пожелаете, одно только тутъ... Чортъ знаетъ, какъ все это непріятно располагается: брата ко мнѣ вчера присылала, мужчину вершковъ десяти ростомъ; палку сломалъ, точно соломенку: «убить, говоритъ, я васъ приходилъ.» Экую штуку сказалъ? «Убить, говоритъ, приходилъ.»

Соломанида Платоновна *(улыбаясь).* Какова мерзавка! На какія штуки поднимается! А ты, батюшка, я думаю, сейчасъ и струсилъ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, что мнѣ струсить:— мнѣ ужь нечего терять въ жизни; пускай себѣ убиваютъ, дешево не дамся. *(Ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла).* По-крайней-мѣрѣ хоть стуломъ голову проломлю, а дешево не дамся! *(Встаетъ).* Выпьемте, тетушка, еще!

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, не хочу. *(Зѣваетъ).* И такъ много пили Прощай! Я поѣду соснуть.

Дурнопечинъ. Прощайте, тетушка? У меня бы вамъ отдохнуть, да только безпокойно будетъ. Хозяйство у меня никуда негодно идетъ... Жените меня, голубушка! Холостому очень непріятно жить Чортъ знаетъ, въ какую исторію и непріятность иногда можно попасть.

Соломанида Платоновна. Ну, полно, разоврался ужь очень, отдохни и ты. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ *одинъ; потомъ* **Никита.**

Дурнопечинъ *(ходя взадъ и впередъ).* Жениться не дурно, очень бы не дурно... Я вотъ теперь разсуждаю' каковы женщины... Какія они плутовки! а мы-то, дураки, о нихъ страдаемъ, да ночи не спимъ... все ду-

маемъ, что онѣ влюблены въ насъ; а онѣ просто способны влюбиться въ каждаго. И какъ тонко, какъ хитро поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, въ двадцать человѣкъ она была влюблена, все ничего, а отъ меня умираетъ. *(Садится и зѣваетъ).*

Никита *(провожавшій Соломаниду Платоновну, возвратившись убираетъ завтракъ).* Соснуть бы, сударь, легли, какъ и тетенька.

Дурнопечинъ. Я лягу... Мнѣ сегодня, Никита, гораздо лучше и не болитъ ничего и какъ-то весело.

Никита *(улыбаясь).* Ну, да оно, осмѣлюсь доложить, вы сегодня хмѣльненьки, такъ куражу-то и прибавляетъ.

Дурнопечинъ. Можетъ быть; а главное дѣло, братецъ, я радуюсь, что развязался съ этой барышней Каноричъ. Знаешь, я думаю?

Никита. Какъ не знать-съ. Этто зазывала меня къ себѣ; чаемъ, водкой поила и все объ васъ разспрашивала: «нѣтъ-ли, говоритъ, у барина въ Москвѣ невѣсты?»

Дурнопечинъ. Какая любопытная! и безстыдница какая! Навязывается, братецъ, теперь на меня, чтобы я женился на ней.

Никита. Ну, нѣтъ-съ! Я съ своей стороны не совѣтую. Она мнѣ, признаться, и на лицо не нравится: худа очень.

Дурнопечинъ. Чего ужь взять, ровесница мнѣ и при этомъ въ каждаго встрѣчнаго мужчину влюбляется.

Никита. Ну, а это ужь и совсѣмъ никуда негодится: мы даже, лакеи, того обѣгаемъ.

Дурнопечинъ. То-то и есть. Ты, впрочемъ, Никита тоже, должно быть, сегодня выпилъ: краснорѣчивъ очень.

Никита. Выпилъ, батюшка, грѣшнымъ дѣломъ выпилъ. Въ погребокъ, какъ за шампанскимъ ходилъ, такъ хозяинъ поднесъ три стаканчика. Сначала тоже насчетъ документовъ огорчился, а тутъ тетенька пообидѣла маненько ,такъ и выпилъ-съ. Купецъ отличнѣйшій: сколько,

говоритъ, барину угодно, въ долгъ до Нижегородской можемъ вѣрить.

Дурнопечинъ *(надѣвая халатъ и ложась на диванъ)*. Ну ничего... ты мнѣ служишь хорошо, я тобою доволенъ. Ступай!

Никита. Слушаюсь, почивайте съ Богомъ! *(Беретъ между прочимъ со стола бутылку съ хересомъ и уходя пьетъ.)*

(Занавѣсъ падаетъ)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Кабинетъ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ *спитъ. Входитъ* Никита *сильно уже навеселѣ.*

Никита. Еще спитъ!.. и будить-то жалко!.. Баринъ у меня отличнѣйшій... Что мнѣ жить? мнѣ житье лучше супротивъ всѣхъ лакеевъ... Я барина долженъ беречь, какъ зѣницу ока... Онъ человѣкъ нездоровый... Онъ теперь выпивши спать легъ... это у него силы нѣтъ; а коли теперь другой въ удовольствіи свое время препроводитъ, разгуливаетъ себя, то человѣкъ крѣпкій... Какъ его станешь будить, жалко! А дѣлать нечего: надо будить... Такая наша должность камердинская... Когда гости пріѣхали, сейчасъ барину доложить надо. *(Осторожно подходитъ и начинаетъ слегка трогать и тормошить Дурнопечина.)* Николай Михайлычъ... Николай Михайлычъ!

Дурнопечинъ *(взмахнувъ глазами).* Что, кто?

Никита. Каноричи пріѣхали-съ: баринъ съ барышней.

Дурнопечинъ *(вставая).* Какъ съ барышней?

Никита. Съ барышней-съ. Васъ спрашиваютъ.

Дурнопечинъ. Ну, скажите, что это за безстыдство! дѣвушка идетъ къ холостому мущинѣ. Что я теперь бу-

ду дѣлать! Да ты бы сказалъ, братецъ, что меня дома нѣтъ

Никита. Какъ я могу сказать, коли они въ зало вошли. Коли бы теперь свой братъ пришелъ и коли приказанье есть, я своего брата по шеѣ могу гнать, а господамъ я ничего супротивъ говорить не смѣю.

Дурнопечинъ. Ну, ступай, зови, если ужь ничего порядочнаго не умѣешь сдѣлать, пьяный дуралей!

Никита. Никакъ нѣтъ-съ. Что я за пьяный!

Дурнопечинъ. Пошелъ ужь, проси! *(Никита идетъ, стараясь сохранить твердую походку).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ. Приму же я ихъ, дорогихъ гостей: слова не стану говорить, а если сами что начнутъ, такъ-такъ ихъ отдѣлаю... тетка-то у меня подъ руками; она не выдастъ, да и Никитѣ велю у косяка стоять...

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Михайло Иванычъ съ Надеждой Ивановной; *потомъ* Никита.

Надежда Ивановна. Здравствуйте, Николай Михайлычъ! *(Подаетъ Дурнопечину руку, которую тотъ сконфузясь, беретъ).*

Михайло Иванычъ. Честь имѣю вамъ представить мою сестрицу, изъ дворянъ дѣвицу. *(Въ сторону).* Фу, какъ сконфузились... Ахъ, старые черти!

Надежда Ивановна. Я хотѣла быть у вашей родственницы, Настасьи Кирилловны, но она куда-то уѣхала. *(Нѣжно).* Впрочемъ, я желала и васъ видѣть.

Дурнопечинъ *(холодно)*. Она уѣхала-съ.

Надежда Ивановна *(немного сконфузившись)*. Можетъ быть, она скоро пріѣдетъ *(Къ брату)*. Я ужь и не знаю: не подождать ли ея намъ здѣсь, Мишель?

Михайло Иванычъ. Конечно, душа моя, надобно подождать, а то, какъ хочешь, неприлично: она сдѣлала тебѣ столько визитовъ, а ты еще ни разу не была у ней. Николай Михайлычъ, вѣроятно, не потяготится присутствіемъ дамы.

Дурнопечинъ *(звонитъ, входитъ Никита)*. Куда ты, братецъ, все уходишь. Постой тамъ, за дверьми, а то спросишь, и никого нѣтъ.

Никита. Я и то все въ лакейской.

Дурнопечинъ. Тебѣ говорятъ не про лакейскую, а чтобы ты стоялъ тутъ: за дверьми. *(Никита становится у косяка, стараясь сохранить прямую позу)*.

Михайло Иванычъ *(къ Дурнопечину)*. Что это, Николай Михайлычъ, у васъ лицо какое пересовращенное, кутили, что-ли, вы? Да, вонъ тутъ и бутылки стоятъ. Пошалили, видно, этакъ, по ефрейторски въ одиночку.

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ... мнѣ все нездоровится. *(Садится)*.

Надежда Ивановна *(тоже садясь)*. Отчего это? что такое съ вами? Помните, какіе вы прежде были веселые, живые.

Михайло Иванычъ. Онъ сердцемъ боленъ, внутри страдаетъ.

Дурнопечинъ *(съ насмѣшкою)*. Нѣтъ-съ. Сердцемъ ужь пускай страдаютъ другіе, а я не очень чувствителенъ.

Надежда Ивановна. Вы не чувствительны? И это вы говорите, что вы не чувствительны?

Дурнопечинъ. Да-съ, я говорю. Что-жь вамъ тутъ удивительнаго? Прежде, можетъ быть, когда былъ молодъ и глупъ... но пора же и поумнѣть.

Bayerische Staatsbibliothek München

Надежда Ивановна. Стало быть, вы совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечинъ. Да и помнить изъ него нечего, потому что все шалости и глупости.

Надежда Ивановна. Я не думала, чтобы для васъ въ прошедшемъ все было шалости и глупости. Для меня такъ напротивъ: я живу только прошедшимъ.

Дурнопечинъ. То вы, а то я.

Надежда Ивановна. Да, конечно: вы мужчина, и потому можете позволять себѣ все, а я, бѣдная женщина, и могу жить только сердцемъ и то въ прошедшемъ.

Михайло Иванычъ *(взглянувъ въ окно)*. Николай Михайлычъ! что это у васъ подъ окошкомъ? садъ что-ли?

Дурнопечинъ. Сами видите!

Михайло Иванычъ. Могу я прогуляться?

Дурнопечинъ. Если хотите.

Надежда Ивановна. Но, можетъ быть, Мишель, намъ пора домой.

Михайло Иванычъ. Но что-жь такое пора? Отъ чего-жь ты не хочешь подождать, что за нетерпѣніе! *(Въ сторону)*. Они безъ меня лучше столкуются. *(Къ нимъ)*, Я ухожу-съ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *кромѣ* Михайла Иваныча, *который потомъ возвращается.*

Надежда Ивановна. Итакъ, Николай Михайлычъ, вы говорите, что совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечинъ. Да почему же я долженъ непремѣнно помнить прошедшее? Не романы же мнѣ изъ него сочинять, не исторію про себя писать... Я, кажется, еще не великій человѣкъ.

Надежда Ивановна. Я говорю не про романы и не про исторію. Смѣяться въ этомъ случаѣ не надъ чѣмъ, да и не совсѣмъ благородно. Я васъ прошу сказать мнѣ, по вашей старой дружбѣ, откровенно: отчего вы забыли прошедшее? Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

Дурнопечинъ. Я и не смѣюсь, а говорю только, что время намъ открываетъ глаза.

Надежда Ивановна. Въ отношеніи кого же вамъ время открыло глаза?

Дурнопечинъ. Въ отношеніи всѣхъ и всего.

Надежда Ивановна. Въ отношеніи всѣхъ?—и вы это сказали равнодушно? Стало быть, и въ отношеніи меня, потому что и я тоже ваша старая знакомая?

Дурнопечинъ. Не знаю-съ.

Надежда Ивановна. Не знаете... какой любезный отвѣтъ... *(Въ сторону).* Нѣтъ, это невыносимо, онъ какъ-будто бы ненавидитъ меня! *(Обращаясь къ Дурнопечину съ большимъ чувствомъ).* Nicolas! неужели ты вовсе разлюбилъ свою Надю? Но если ты притворяешься, такъ зачѣмъ это, другъ мой? Для чего же ты мучишь себя и меня? Погляди на меня, какъ ты когда-то прежде смотрѣлъ. Неужели ты не понимаешь, что я пришла только видѣть тебя!

Дурнопечинъ. И напрасно это дѣлаете; это не совсѣмъ прилично.

Надежда Ивановна. Но я люблю тебя, другъ мой: я не могу жить безъ тебя!

Дурнопечинъ. Отчего же вы безъ другихъ можете жить?

Надежда Ивановна. Безъ кого безъ другихъ я могу жить?

Дурнопечинъ. Да безъ двадцати человѣкъ, въ которыхъ были влюблены.

Надежда Ивановна. Nicolas! тебѣ, вѣрно, кто-

нибудь оклеветалъ меня; но я невинна передъ тобой: я всегда тебя любила.

Дурнопечинъ *(отворачивается въ сторону съ усмѣшкою)*. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Надежда Ивановна. Nicolas! не смѣйся надо мной; оскорбленная женщина ужасна въ гнѣвѣ, она способна на все.

Дурнопечинъ. Что-жъ вы меня пугаете, что-ли? Вашимъ братцемъ, вѣроятно, хотите устрашить? Напрасно безпокоитесь.

Надежда Ивановна. Ахъ, какъ вы ошибаетесь. Я первая заклинала брата не давать воли своему ужасному характеру, на колѣняхъ со слезами умоляла его пощадить васъ. Когда онъ узналъ, то проклялъ даже меня. *(Закрываетъ глаза платкомъ)*.

Михайло Иванычъ. Фу, какая жара! какая у васъ, батенька, тамъ хозяйка хорошенькая, прелесть! Сидитъ этакъ, каналья, да шерсть мотаетъ, а глаза такъ и бѣгаютъ.

Надежда Ивановна. Мишель, поѣдемъ домой.

Михайло Иванычъ. Что?... домой?... зачѣмъ домой? Отчего у тебя слезы на глазахъ; ты вѣрно плакала?

Надежда Ивановна. Такъ, ничего... Поѣдемъ *(съ горькой усмѣшкой)*. Мы, кажется, здѣсь лишніе.

Михайло Иванычъ. Какъ лишніе? Я не полагаю, чтобы, послѣ давишняго разговора, мы могли быть лишніе.

Надежда Ивановна. Не знаю. По-крайней мѣрѣ, Николай Михайлычъ мнѣ прямо сказалъ, что я была влюблена въ двадцать человѣкъ, что надъ прошедшимъ онъ смѣется и что, будто бы, я тебя нарочно посылала къ нему.

Михайло Иванычъ *(къ Дурнопечину)*. Вы это сказали?

Дурнопечинъ. Сказалъ-съ. Что-жъ вамъ угодно отъ меня?

Михайло Иванычъ. Какъ, что угодно! Позвольте вамъ сказать, что мнѣ даже странно слышать съ вашей стороны этотъ вопросъ: что мнѣ угодно?

Надежда Ивановна. Перестань, братъ, оставь; теперь ужь все кончено.

Михайло Иванычъ. Какъ кончено? для меня, душа моя, не можетъ быть кончено! Не могу же я подобныя выходки сносить равнодушно. Ты сама знаешь, что мнѣ еще никто не наступалъ на ногу, кто хоть немного берегъ свою голову.

Дурнопечинъ. До головы моей вамъ далеко, а если вы думаете, какъ простой мужикъ, драться, такъ для этого у меня лакей есть. Вонъ онъ стоитъ! *(Никита нѣсколько выходитъ впередъ).*

Михайло Иванычъ *(засучивая рукава).* Хо, хо, хо, милостивый государь, какъ вы прытки стали!... Пьяны, что ли, вы? Нечего за стулъ-то браться.

Надежда Ивановна *(къ брату).* Братъ, смири себя, Бога ради, смири.

Михайло Иванычъ. Что-жъ, душа моя, я готовъ для тебя сдѣлать все, но тебѣ извѣстенъ мой огненный характеръ; здѣсь оскорбляютъ честь твою, говорятъ, что я мужикъ и наконецъ, призываютъ лакея въ защиту себѣ. Подобныя вещи могутъ дѣлать только такіе подлецы, какъ этотъ господинъ.

Дурнопечинъ. Подлецы вы, а не я. Когда начали такъ поступать, такъ убирайтесь вонъ!

Михайло Иванычъ *(вскрикиваетъ).* Молчать! *(Дурнопечинъ поднимаетъ стулъ, Никита къ нему приближается).*

Надежда Ивановна *(упадая на стулъ).* Ахъ, дурно!

Михайло Иванычъ *(поднимая кулакъ и отступая*

назадъ). Твоя башка остается на плечахъ только по милости этой слабой женщины. *(Къ сестрѣ).* Ну полно... перестань... что за ребячество... я не буду горячиться. На человѣка, которому говорятъ въ глаза, что онъ подлецъ, на этакого человѣка не стоитъ сердиться, а надо плевать. Я бы вамъ сейчасъ же размозжилъ голову пулей, но, къ счастію вашему, вы свинцовой не стоите, а я вамъ влѣплю деревянную. Ну полно, Надя, нечего тутъ дурачиться: вставай, ты видишь, я спокоенъ.

Надежда Ивановна *(приподнимается).* Да... Онъ... Я едва не умерла. Прощайте, Николай Михайлычъ; въ душѣ моей къ вамъ осталось одно только презрѣніе. Ненавидѣть васъ я не могу, но вы не порадуетесь моей погибели: я буду доброй и хорошей женой, но только не вашей. На раскаяніе съ вашей стороны не надѣйтесь: я васъ не прощу. Пойдемъ, братъ, Бога ради успокой себя, ты видишь: я больше твоего теряю, но я спокойна.

Михайло Иванычъ. И я ничего... кажется, ужь изъ сожалѣнія къ тебѣ, ничего не рѣшаюсь предпринять. Поступайте, какъ хотите, если такъ влюблены. Я, по-крайней-мѣрѣ, не принимаю ничего на свой счетъ и ухожу *(Уходитъ).*

Надежда Ивановна *(уходя къ Дурнопечину).* Вы погубили женщину; это останется на вашей совѣсти, и вы будете наказаны. *(Уходитъ съ достоинствомъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Ну, да, проваливайте. Тронуть, небось, не смѣлъ. *(Къ Никитѣ).* Каковъ народецъ, а?

Никита. Да-съ, нечего сказать, и на господъ-то не

похожи. Только-бы онъ тронулъ васъ, я бы ему задалъ феферу.

Дурнопечинъ. Ты бы его больно приколотилъ?

Никита. Не далъ бы спуску. Мы попросту, по мужицки: бей по шеѣ, пятенъ не видать.

Дурнопечинъ. Ты бы, знаешь, его съ ногъ сшибъ, а я бы его стуломъ.

Никита. Какъ бы пришлось: озарникъ этакой!

Дурнопечинъ. Теперь, пожалуйста, братецъ, никогда ихъ не пускай ко мнѣ; какъ придутъ, такъ и гони безъ всякой церемоніи. Не бойся, ничего не будетъ. Поступай смѣлѣе.

Никита. Я-то, сударь, ничего, вы-то ужь очень сумнительны. Вонъ не то, что какая-нибудь важность, а только бумаги пропали, такъ и тутъ какъ вы себя обезпокоили...

Дурнопечинъ. На меня это, Никита, временемъ находитъ. Сегодня видѣлъ, какая штурма была; какъ бы, кажется, не испугаться, а ничего, рѣшительно ничего...

Никита. Струхнули маненько.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ей Богу; нѣтъ.

Никита. Было, Николай Михайлычъ, право было, въ лицѣ немного перемѣнились.

Дурнопечинъ. Клянусь тебѣ честью, ничего не испугался; только дѣло въ томъ, что исторія эта еще не кончилась; красавица эта опять поддуетъ своего мѣднолобаго братца; а ему, я думаю, того только и надобно: онъ хоть на стѣну полѣзетъ.

Никита. Да что онъ можетъ сдѣлать? Коли отъ васъ приказанье есть, я его въ подворотню поглядѣть не пущу, что-что онъ баринъ.

Дурнопечинъ. Пожалуй не пускай, такъ онъ по ночамъ подъ окошками станетъ бродить, да камнемъ и съѣздитъ въ голову. Господи, Боже мой! Что это за

жизнь человѣческая! Страданья да мученья и больше ничего! *(Садится).*

Никита. Ну, опять ужь начали.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Сергѣй.

Сергѣй *(входя).* Тетенька заѣхали за вами; кататься просятъ.

Дурнопечинъ. Кого? куда просятъ?

Сергѣй. Тетенька зоветъ за городъ ѣхать; всѣ господа туда ѣдутъ-съ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, я не поѣду.

Сергѣй. Такъ и доложить прикажете?

Дурнопечинъ. Такъ и доложи. Скажи, что я заболѣлъ, приказалъ-де теперь извиниться, а завтра повидаюсь.

Сергѣй. Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Идетъ же людямъ въ голову удовольствіе и веселье! Соображаютъ ли они, что на каждомъ шагу съ человѣкомъ можетъ случиться такое несчастіе, отъ котораго и ноги протянешь? По моему, такъ и на умъ не придетъ никакое удовольствіе, все бы сидѣлъ одинъ да грустилъ; хоть бы проплакаться—сегодня и плакать-то не могу.

Никита. О чемъ вамъ плакать-то? выпили бы водочки, сейчасъ бы раскуражило.

ЯВЛЕНIЕ VIII.

Тѣ же и Соломанида Платоновна.

Соломанида Платоновна *(въ шляпѣ, салопѣ и съ зонтикомъ)*. Отчего это ты не ѣдешь кататься?

Дурнопечинъ *(приподнимаясь и дѣлая кислую мину)*. Боленъ, тетушка, расхворался вдругъ.

Соломанида Платоновна. Чѣмъ же ты расхворался вдругъ? Если голова отъ вина болитъ, такъ не велика еще важность, лучше разгуляешься.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, сдѣлайте милость, избавьте меня поѣзжайте однѣ, я весь боленъ.

Соломанида Платоновна *(къ Никитѣ)*. Что такое съ нимъ случилось?

Никита. Прихворнули, должно быть.

Соломанида Платоновна. Ну, такъ посылай за докторомъ, если боленъ.

Дурнопечинъ. Ой, нѣтъ, не надобно, я не хочу доктора, я ужь года два у нихъ не лѣчусь: такъ пройдетъ. Это не отъ болѣзни,—все непрiятности и опасности. Поѣзжайте, матушка-тетушка, я очень несносенъ, какъ расхандрюсь.

Соломанида Платоновна *(снимая шляпу и садясь)*. Ты лжешь, что боленъ; тебя опять что-нибудь разстроило. *(Къ Никитѣ)*. Не былъ ли у него кто-нибудь?

Никита. Были господа.

Соломанида Платоновна. Какiе господа?

Никита. Знакомые ихнiе.

Дурнопечинъ *(Никитѣ)*. Да что ты секретничаешь, не скрывай, разскажи, какая была штурма.

Соломанида Платоновна. Да что такое у васъ? *(Къ Никитѣ)*. Что же ты, болванъ, не говоришь! Я такихъ подзатыльниковъ надаю, что развяжу языкъ...

Никита. Каноричи приходили: баринъ съ барышней.

Соломанида Платоновна. Ну?

Никита. Приходили, сидѣли съ бариномъ.

Соломанида Платоновна. Зачѣмъ же вы ихъ пустили? Отчего ты ихъ не прогналъ?

Никита. Баринъ сами ихъ прогнали.

Соломанида Платоновна. Ну и прекрасно: что-жъ изъ этого?

Никита. Ничего-съ; баринъ-то тотъ ужь очень горячился: приколотить нашего барина хотѣлъ.

Соломанида Платоновна *(къ Дурнопечину).* Какъ приколотить, что такое?

Дурнопечинъ. Да вы знаете, тетушка, все старая исторія... Пришла вдругъ ни съ того, ни съ сего, и почти прямо говоритъ, чтобы я женился на ней. Я, конечно, ее срѣзалъ, такъ братецъ кинулся на меня. Теперь, я думаю, они Богъ знаетъ на что рѣшатся... Мнѣ непремѣнно надобно куда-нибудь уѣхать, а то и головы не сносить.

Соломанида Платоновна. Вотъ что! Ахъ, какія страсти да ужасы! Отчего же ты думаешь, что головы-то не сносить? — вотъ этого, я признаюсь, никакъ не понимаю.

Дурнопечинъ. Не знаю, отчего вы не понимаете, а понять очень легко. Она ужь конечно будетъ мстить: прямо мнѣ сказала, что оскорбленная женщина способна на все рѣшиться...

Соломанида Платоновна. Ну да: ужь это она сказала, такъ конечно опасно. Какъ ты еще по сю пору живъ, вотъ почему я удивляюсь. Впрочемъ мнѣ на мысль приходитъ, что врядъ-ли она будетъ тебѣ мстить, потому что ужь утѣшилась... Ахъ, вы дурачье, дурачье! Всѣ-то вы, какъ я посмотрю, дуракъ на дуракѣ сидитъ, и дуракомъ погоняетъ.

Дурнопечинъ. Вамъ, тетушка, хорошо смѣяться. Знаемъ мы, что чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

Соломанида Платоновна. Не смѣшно мнѣ, другъ мой, тебя видѣть, а грустно и больно, потому что я тебя сердечно люблю за твою простоту и доброту, а все-таки должна сказать, что ты изъ ума выжился. *(Никитѣ).* Поди, позови сюда эту дуру Кирилловну, она тутъ рядомъ у попадьи сидитъ. *(Никита уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Соломанида Платоновна, Дурнопечинъ; *потомъ* **Настасья Кирилловна.**

Соломанида Платоновна. Я тебя сейчасъ успокою насчетъ твоей мстительницы. Этакого молодаго человѣка-труса и простофили, шестидесятый годъ живу на свѣтѣ, а не видывала.

Дурнопечинъ. Я ничего и не говорю про себя. Я и самъ сознаюсь, какой я человѣкъ.

Настасья Кирилловна. Что угодно, бабушка?

Соломанида Платоновна. Поди сюда.

Настасья Кирилловна. Сейчасъ. У дяденьки-то позвольте попросить извиненія. Батюшка, положили ли вы гнѣвъ на милость насчетъ моего дурака-то? *(Цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо).*

Дурнопечинъ. Ничего: я вовсе и сердитъ не былъ.

Соломанида Платоновна. Перестань ханжить! Разсказывай, что ты мнѣ давича говорила.

Настасья Кирилловна. Насчетъ Ванички, бабушка?

Соломанида Платоновна. Ну да. Разсказывай вотъ ему.

Настасья Кирилловна. Да я, вѣдь, ужь не знаю-съ,

не говорилъ ли имъ Ваничка. Женится, батюшка... на Надеждѣ Ивановнѣ Канорич женится. Вы, кажется, изволите ее знать?

Дурнопечинъ. *(выпучивъ глаза).* Что это ты за пустяки говоришь... на Надеждѣ Ивановнѣ? Придутъ же людямъ въ голову этакія глупости.

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, ей Богу, дядюшка, какъ это возможно-съ: смѣла ли бы я передъ вами и передъ бабушкой лгать. Слово ужъ дано.

Соломанида Платоновна. Что гримасу скорчилъ? Вотъ видишь ли, какъ она тебѣ отомстила.

Дурнопечинъ. Этого быть не можетъ! Она сейчасъ была здѣсь. Когда же она успѣла дать вамъ слово?

Настасья Кирилловна. Еще вѣдь, дядюшка, давича утромъ насчетъ этого переговоры были; ну да онѣ сказали, что порѣшиться не могутъ: «надежды говоритъ, мы не снимаемъ, а повремените». А вотъ теперь, какъ бабушка приказала мнѣ изъ города ѣхать, такъ я и осмѣлилась придти къ нимъ просить прощенія за давишнюю непріятность, тутъ у нихъ и получила записку. Пишетъ, что совершенно согласна: «брату, говоритъ, сказала, и онъ не отсовѣтываетъ». Не знаю, что будетъ изъ этого; главное, на свадьбу-то ничего не имѣю. Просила было у протопопицы ста рублей: «нѣтъ, говоритъ, теперича, всѣ на постройки издержала», заборы они нынче новые дѣлаютъ-съ.

Соломанида Платоновна. Что, батюшка, успокоился ли? Въ отцы посаженые еще тебя позовутъ. Ты только не ѣзди, а то отравятъ или, этакъ какъ въ романахъ, въ подземелья какія-нибудь спустятъ.

Дурнопечинъ. Я ужъ ничего не понимаю; впрочемъ очень радъ, если такъ кончается. Для меня, конечно, ничего не можетъ быть лучше.

Соломанида Платоновна. Слава Богу, обрадовался. Ты, впрочемъ, Настасья Кирилловна за будущей-

то невѣсткой изволь-ка присматривать, а то, вѣдь, она не подъ лѣта влюбчива.

Настасья Кирилловна. Не мое ужь, бабушка, будетъ дѣло, а мужнино: гдѣ мнѣ, слѣпой старухѣ, усмотрѣть.

Соломанида Платоновна. Дядюшки-то опасайся онъ самъ имѣлъ на нее виды.

Дурнопечинъ. Что это, тетушка, какіе вы пустяки говорите.

Настасья Кирилловна. Ой, бабушка-матушка, все изволите шутить. Займется ли дядюшка этакими дѣлами. *(Входитъ Сергѣй).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Сергѣй.

Сергѣй. Почту принесли.

Соломанида Платоновна *(вставая).* Сейчасъ приду. *(Къ Дурнопечину).* Приготовляйся кататься: несчастья ужь всѣ кончились. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Дурнопечинъ. *(Къ Настасьѣ Кирилловнѣ).* Неужели ты, Настасья Кирилловна, говорила правду?

Настасья Кирилловна. Батюшка, какъ же не правду, отчего же вы изволите сомнѣваться? Спросите хоть у Ванички-съ.

Дурнопечинъ *(подумавъ).* А гдѣ бы мнѣ Ваничку-то повидать. Гдѣ онъ теперь?

Настасья Кирилловна. У воротъ стоитъ, дожи-

дается меня. Онъ все о деньгахъ теперь безпокоится. Сюда-то я не посмѣла его привести: бабушки побоялась. Батюшка-дядюшка, отецъ мой, не поддержите ли насъ въ этакомъ случаѣ: не сыграете ли свадьбу на свой счетъ, вы ужь и обѣщали?

Дурнопечинъ. Хорошо, я помогу: только ты позови ко мнѣ Ваничку, я съ нимъ поговорю.

Настасья Кирилловна. Бабушка то чтобы не разгнѣвалась: меня давича изволили просить, а о немъ и говорить не приказала. Вѣдь онъ глупъ, пожалуй, и теперь, что-нибудь скажетъ.

Дурнопечинъ Что такое бабушка, не начальница же она надъ всѣми. Позови его съ задняго крыльца: я ему подарю что-нибудь.

Настасья Кирилловна. Батюшка мой, голубчикъ. Богъ васъ наградитъ за милосердіе. Въ руки-то ему, отецъ мой, впрочемъ, не давайте; молодъ еще очень: пожалуй, издержитъ на пустяки.

Дурнопечинъ. Хорошо. Поди позови. *(Настасья Кирилловна уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дурнопечинъ *(одинъ)*. Замужъ идетъ за Ваничку. Кѣмъ утѣшилась! Не вранье ли впрочемъ это, не клевещутъ ли на нее? Разспрошу этого дуралея; онъ, по глупости, все разскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Дурнопечинъ, Настасья Кирилловна и Ваничка.

Настасья Кирилловна. Ваничка пришелъ, дядюшка; а я пойду да постерегу бабушку, чтобы она вдругъ не вошла и не увидѣла бы его...

Ваничка. Да что вы, маменька, боитесь ужь очень! Что она мнѣ сдѣлаетъ? Теперь не поддамся.

Настасья Кирилловна. Тише говори, горлопанъ этакой! мало тебѣ давича было?

Дурнопечинъ Въ самомъ дѣлѣ, говори, братецъ, потише; поди сюда, сядь около меня, подвинься поближе. *(Ваничка садится и подвигается).*

Настасья Кирилловна *(уходя).* Такъ я пойду-съ

Дурнопечинъ. Ступай.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, *кромѣ* **Настасьи Кирилловны.**

Дурнопечинъ. Ну, такъ какъ же, ты женишься, а?

Ваничка. Да-съ.

Дурнопечинъ. Влюбленъ ты въ невѣсту свою?

Ваничка. Влюбленъ-съ! Она хорошенькая, этакая модница, ученая-съ; не то что, вонъ, около насъ есть барышни-сосѣдки, тѣ дуры: изъ себя толстыя, неуклюжія, и говорить-то ничего не умѣютъ: все гнусятъ въ носъ.

Дурнопечинъ. Ну, а Надежда Ивановна въ тебя тоже влюблена?

Ваничка. Я не знаю-съ. Надо полагать, что влюблена.

Дурнопечинъ. Да вѣдь ты объяснялся съ ней? Когда, то есть, давно-ли ты объяснялся съ ней?

Ваничка. Да что вы ужь очень любопытны: вамъ все разсказывай; вы, пожалуй, послѣ смѣяться станете.

Дурнопечинъ. Ну вотъ еще что пришло въ голову. Надъ чѣмъ же я стану смѣяться? Я не Богъ знаетъ что тебя спрашиваю: когда ты въ любви съ ней объяснился?

Ваничка. Когда? Весной нынче, у дяденьки Никанора Семеныча на праздникѣ.

Дурнопечинъ. Ну!..

Ваничка. Мы въ гумнѣ въ горѣлки играли; она мнѣ все руку жала.

Дурнопечинъ. Руку жала?

Ваничка. Да-съ. Я и забѣжалъ въ сарай съ соломой-съ, а она за мной-съ, ловила да и толкнула меня на солому-съ, а я всталъ да ее толкнулъ, а она, будто сама встать-то не сможетъ, и схватила меня за шею. Тутъ мы и поцѣловались.

Дурнопечинъ. Неужели поцѣловались?

Ваничка. Право, поцѣловались: она добрая-съ.

Дурнопечинъ. Что же послѣ?

Ваничка. Ничего. Послѣ вечеромъ все потихоньку разговаривали; она меня все стихи учила-съ, теперь ужь забылъ какіе, а на другой день записочку мнѣ написала, чтобы я къ нимъ пріѣзжалъ. Да вы перескажете кому-нибудь, дѣдушка? вѣдь не хорошо: пожалуй, разсердится.

Дурнопечинъ. Не бойся, что̀ мнѣ за дѣло разсказывать.

Ваничка. То-то-съ... я вотъ, дѣдушка, хочу у васъ попросить денежекъ: вы вѣдь ужь и обѣщались. Платьяго у меня хорошаго нѣтъ, и вѣнчаться то не въ чемъ. Вы, сдѣлайте милость, одолжите. Вонъ маменька, что по попадьямъ бѣгаетъ, да проситъ, что у нихъ взять—шишъ.

Дурнопечинъ. Хорошо, если ужь я обѣщался, такъ помогу; только ты вотъ разскажи мнѣ поаккуратнѣе.

Ваничка. Да я и то разсказываю, что знаю.

Дурнопечинъ. Конечно. Вотъ что ты мнѣ скажи: сегодня невѣста, когда слово тебѣ дала, весела и счастлива?

Ваничка. Весела-съ. О чемъ ей плакать? Замужъго ей ужь давно хочется.

Дурнопечинъ. Что же, она шутитъ съ тобой?

Ваничка. Шутитъ. Я впрочемъ у нихъ не долго былъ-съ. Мнѣ теперь деньги безпремѣнно нужны: кон-

фектъ бы теперь надобно купить, а не на что; въ долгъ ужь у купцовъ хотѣлъ попросить, да они на это такой народъ: на копѣйку въ долгъ не повѣрятъ. Пожалуйте-съ мнѣ, дѣдушка, теперь; вамъ все равно.

Дурнопечинъ. Хорошо. Скажи мнѣ еще, что Михайло Иванычъ говоритъ? Веселъ онъ тоже?

Ваничка. Веселъ-съ. Сидитъ да трубку куритъ. Шаферомъ у меня будетъ.

Дурнопечинъ. Если ты мнѣ еще скажешь одну штучку, я тебѣ сейчасъ же дамъ денегъ; только смотри, не ври.

Ваничка. Хорошо-съ.

Дурнопечинъ. Скажи ты мнѣ, что они про меня говорили?

Ваничка. Что про васъ говорили-съ? Я вамъ скажу всю правду: смѣялись надъ вами. Я сказалъ про васъ, а Надежда Ивановна мнѣ и говоритъ: «дѣдушка вашъ разслабленный, ему бы, говоритъ калѣкой ходить да сбирать».

Дурнопечинъ. Ну, а Михайло Иванычъ что?

Ваничка. А онъ говоритъ: «напередъ, говоритъ, ему ноги и руки надо выломать, да уродомъ и возить въ телѣжкѣ».

Дурнопечинъ. Что же это онъ съ сердцемъ сказалъ?

Ваничка. Нѣтъ; такъ смѣялся. Одолжите, дѣдушка что обѣщали; я вамъ все сказалъ; мнѣ пора.

Дурнопечинъ *(вынимая красненькую и давая)*. Ну, на покуда десять цѣлковыхъ: нравься невѣстѣ; смотри не упускай: эта партія для тебя выгодная.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Бабушка, я думаю, сейчасъ придетъ-съ. Ступай, Ваничка. Освободите его, отецъ мой!

Ваничка. Уйду. Что вы тутъ хлопочете? Прощайте, дѣдушка. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Насчетъ просьбы моей, дѣдушка, всю надежду теперь на васъ полагаю.

Дурнопечинъ. Хорошо. Завтра объ этомъ поговоримъ. *(Настасья Кирилловна, поцѣловавъ Дурнопечина въ плечо, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Дурнопечинъ *(одинъ).* Это чудесно, если все такъ устроилось: теперь можно быть спокойну... однако какіе это Каноричи хитрые и безчувственные люди: шутятъ и смѣются, а давича что изъ себя представляли. Достались же мнѣ эти три денька, нечего сказать. Вотъ какъ теперь ничего нѣтъ, такъ не выдумаешь... Никита! *(Никита входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Дурнопечинъ и Никита; *потомъ* **Соломанида Платоновна.**

Дурнопечинъ. Давай мнѣ, братецъ, другой галстухъ, приготовь мнѣ сверху новое на байкѣ пальто; станемъ мы франтить сегодня; завтра поѣдемъ мы съ тобой къ теткѣ въ деревню, тамъ я женюсь на хорошенькой; ты тоже женишься на какой-нибудь горничной Павлушѣ или Маврушѣ.

Никита. А что, это хорошо-съ: не вѣкъ холостымъ шататься.

Дурнопечинъ *(ходя веселыми шагами и потирая руки)*. Непремѣнно женишься и будешь жить, веселиться и пѣть. Помнишь, какъ прежде бывало, этакъ въ пріятельской пирушкѣ, немножко тово... *(Щелкаетъ себя по галстуху)*. Да, и запоемъ хоромъ. *(Становится передъ Никитой, бьетъ тактъ рукой, запѣваетъ сначала тихонько, потомъ громче и громче)*.

«Краса пирующихъ друзей,
«Забавъ и радостей подружка,
«Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
«Большая сребряная кружка.

(Притопываетъ ногой).

«И намъ въ тебя
«Давно пора
«Налить пивца
«И пѣть: ура, ура, ура!!!

(Никита тоже подпѣваетъ).

Дурнопечинъ. Тамъ опять куплетъ, не помню ужь словъ; а тутъ опять припѣвъ:

«И намъ въ тебя
«Давно пора
«Налить пивца
«И пѣть: ура, ура, ура!!!

(Соломанида Платоновна, вошедшая къ половинѣ аріи, захлопала).

Соломанида Платонавна. Славно! Мастеръ! Какой пѣвецъ выискался.

Дурнопечинъ. Ой, тетушка, подслушали вы меня. Я, слава, Богу, успокоился. Въ прежніе годы я весельчакъ бывалъ-съ. Бывало, по цѣлымъ ночамъ танцовалъ.

Соломанида Платоновна. Что ужь про тебя и говорить. Сбирайся!

Дурнопечинъ *(оправляясь передъ зеркаломъ, поетъ на тотъ же голосъ)*.

«Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ,
«Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ.

Соломанида Платоновна. Ну, поскорѣе. Прокатимся, да мнѣ письмо писать надобно къ сестрѣ въ Саратовъ, чтобъ почаще увѣдомляла о себѣ: холера, пишутъ въ газетахъ, тамъ начинается.

Дурнопечинъ *(вдругъ поблѣднѣвъ)*. Какъ холера?

Соломанида Платоновна. Какъ холера? Обыкновенно какъ...

Дурнопечинъ *(совершенно растерявшись)*. Вотъ тебѣ еще новость, я не поѣду, тетушка.

Соломанида Платоновна. Это отчего не поѣдешь?

Дурнопечинъ. Да какъ же-съ, холера!

Соломанида Платоновна. Ахъ, ты, полуумный человѣкъ, за 500 верстъ холера, а онъ не поѣдетъ, а хоть бы и здѣсь была, что-жь ты все и будешь сидѣть закупорившись: спрячешься отъ нея?

Соломанида Платоновна *(строго вставая передъ Дурнопечинымъ)*. Что вы, Николай Михайлычъ, шутите, что ли, надо мной, или ужь совсѣмъ съ ума сошли? Сейчасъ козломъ прыгалъ, а тутъ вдругъ... Сію минуту одѣвайся и ѣдемъ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, не могу, извините меня; можетъ быть, дѣйствительно я странный и капризный человѣкъ; но рѣшительно не могу: у меня все вдругъ заболѣло, я ужь и сидѣть не въ состояніи; позвольте мнѣ прилечь. *(Ложится на диванъ)*.

Соломанида Платоновна *(вышедшая изъ себя и всплеснувъ руками)*. Батюшки мои, что это за человѣкъ! Тьфу!.. *(Пошла и оборачиваясь)*. Этакой дряни... Этакого мозгляка... Тьфу!... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI

Дурнопечинъ и Никита.

Никита *(къ зрителямъ)*. Вотъ тебѣ и невѣста и катанье.

Дурнопечинъ. Нѣтъ мнѣ видно радостей, нѣтъ для меня счастія... Все было хорошо, только не надолго. Грустнѣй всего, что никто въ мірѣ мнѣ не вѣритъ, никто даже и не пожалѣетъ меня... А я, право, боленъ, ужасно боленъ. Вотъ теперь ослабъ совершенно... а испарина, испарина-то какая!... *(Пикита только махает рукой)*.

(Запавѣсъ падаетъ.)

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

РАЗДѢЛЪ

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Прокофьичъ Манохинъ.

Кириллъ Семенычъ Манохинъ, двоюродный братъ его.

Анна Ефремовна Бурыленко, урожденная Манохина, двоюродная сестра ихъ.

Сергѣй Васильичъ Захаровъ, двоюродный племянникъ ихъ.

Эмилія Петровна Синицына, двоюродная племянница ихъ.

Катенька, воспитанница Анны Ефремовны.

Павелъ Михайлычъ Богдановъ, воспитанникъ покойнаго Михаила Евграфыча Манохина

Матвѣевна, старая горничная, дѣвица.
Ѳаддей Сидоровъ, староста.
Григорій Васильевъ, старый лакей.
Двое лакеевъ съ женами.
} люди покойнаго Михаила Евграфыча Манохина.

Степанъ, слуга Ивана Прокофьича.

Дѣйствіе происходитъ въ Починкѣ, усадьбѣ Михаила Евграфыча Манохина.

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную.

ЯВЛЕНІЕ I.

На авансценѣ, по правую сторону, у окна, сидитъ **Катенька**; *около нея, развалясь въ креслахъ, съ лорнеткой въ глазу,* **Сергѣй Васильичъ**; *рядомъ съ нимъ*—**Эмилія Петровна**; *у стола на диванѣ,* **Анна Ефремовна**; *къ лѣвой сторонѣ*—**Кириллъ Семенычъ**, *и не вдалекѣ отъ него, за столомъ, уложеннымъ бумагами,* **Иванъ Прокофьичъ**; *въ глубинѣ сцены стоятъ: старая горничная дѣвица* **Матвѣевна**, *бурмистръ* **Ѳаддей Сидоровъ**, *старый дворецкій* **Григорій Васильевъ, два лакея съ женами.**

Анна Ефремовна *(полу-обращаясь къ людямъ)*. Я и прежде говорила и теперь повторяю, что мнѣ ничего особеннаго не надобно: не поставь себѣ твердымъ правиломъ исполнять обязанность христіанки и родственницы во всѣхъ случаяхъ моей жизни, я бы не имѣла даже силы пріѣхать сюда... Вы всѣ знаете, какъ любилъ меня покойникъ; кто былъ его тайный и секретный другъ, кто былъ совѣтникъ ему во всемъ, какъ не я? я ничего противъ прочихъ не желаю; куда мнѣ!—день мой—вѣкъ мой! *(обращаясь къ Катенькѣ вполголоса)*. Catiche, arrange toi, vois donc comme ton collet est chiffonné.

Катенька. Je suis toute fatiguée du voyage, chère maman.

Анна Ефремовна. Tu dis des folies.

Сергѣй Васильичъ *(теткѣ)*. И мы, ma tante, тоже ничего особеннаго не желаемъ: я проживаю тысячу цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, такъ для меня, право, всякаго рода наслѣдство капля въ морѣ.

Кириллъ Семенычъ. Можно ли, при этакой горести, особеннаго желать! Вотъ хоть бы я: думалъ ли, прошлой весной, что черезъ годъ пріѣду къ дядюшкѣ, а его ужъ и въ живыхъ не будетъ! *(утираетъ глаза платкомъ)*.

Эмилія Петровна. Я ближе всѣхъ къ покойному дѣдушкѣ жила и, въ прежнее время, довольно часто у него бывала; но когда онъ сдѣлался серьезно боленъ, то рѣшительно отказалась, чтобы не навлечь на себя никакого подозрѣнія, и даже теперь пріѣхала потому, что̀ этого требовалъ отъ меня мой мужъ: онъ самъ имѣетъ свое состоніе и хочетъ, чтобъ я его имѣла. Я, какъ жена, хочу исполнить его желаніе: на что̀ онъ будетъ согласенъ, на то и я; а что онъ не корыстенъ и добръ, такъ это всѣ посторонніе знаютъ.

Иванъ Прокофьичъ. Объ этомъ-съ послѣ надобно говорить, а лучше о деньгахъ спросить: кто барскія деньги укралъ?

Анна Ефремовна. Я, мой родной, начала этотъ разговоръ къ тому, чтобы внушить имъ *(указывая на людей)*, что мы, родные, не похожи на другихъ: наше родство служило и будетъ служить примѣромъ согласія.

Кириллъ Семенычъ. Именно, наше родство можетъ служить примѣромъ; я сегодня по утру то же самое говорилъ.

Анна Ефремовна *(къ людямъ)*. Вы, мои голубчики, должны прежде всего думать, что правда яснѣе солнца, а ложь не поможетъ: мы будемъ всѣ дѣйствовать единодушно. Вотъ, напримѣръ, Матвѣевнѣ: какъ ей не сказать правды о деньгахъ, о которыхъ братецъ Иванъ Про-

кофьичъ спрашиваетъ. Къ покойному дядѣ она была всегда близка. Мы всегда ее разумѣли за женщину честную. Она первая должна открыть всю истину.

Кириллъ Семенычъ. Она и откроетъ,—въ этомъ и сомнѣваться нечего.

Матвѣевна *(выступая и прикладывая руку къ сердцу).* Всенижайшая мать, государыня Анна Ефремовна! Мы, еще при жизни покойнаго барина нашего, всегда къ стопамъ вашимъ припадали, а не то, что намъ, при этакомъ случаѣ, говорить какія-нибудь лживыя рѣчи. Меня, съ позволенія сказать, и безъ того вся дворня поѣдомъ ѣстъ, а я, по сей день—ослѣпнуть на этомъ мѣстѣ—ни въ чемъ неповинна. Сама, передъ вашими особами, признаюсь: чайку люблю выпить, а больше ничего... Мнѣ самъ покойникъ-баринъ говаривалъ: «пей, говоритъ, ты, Матвѣевна, сколько хочешь чаю, только не бранись,» а я этого не могла, такъ повела себя съ малолѣтства: какая ни на есть правда, передъ господами не скрою.

Анна Ефремовна. Это, моя милушка, очень похвально съ твоей стороны, и потому говори все: мы тебя не выдадимъ.

Кириллъ Семенычъ. Такъ неужели же, сестрица, она думаемъ, что мы ее не выдадимъ? Этого быть не можетъ.

Матвѣевна. Что мнѣ думать, Кириллъ Семенычъ! думать я не могу, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами готова открыть свою душу.

Сергѣй Васильичъ. Тебя, старушка, не о душѣ спрашиваютъ: знать твою душу намъ рѣшительно не интересно, а ты скажи, гдѣ деньги. *(Къ Катенькѣ, подавая ей папиросу).* Voulez-vous fumer, m-lle?

Катенька. Merci: я не курю.

Сергѣй Васильичъ. Вы такъ сегодня печальны.

Катенька. Я всегда такая.

Эмилія Петровна. Отчего вы, cousin, мнѣ не предложите?

Сергѣй Васильичъ. Вы не курите.

Эмилія Петровна. Но я хотѣла бы учиться у васъ.

Сергѣй Васильичъ *(подавая ей папиросу)*. Prenez!

Эмилія Петровна. Merci! теперь ужь я не хочу.

Анна Ефремовна. Говори же, милая Матвѣевна, мы ждемъ тебя.

Матвѣевна. Что́ мнѣ, Анна Ефремовна, говорить? говорить мнѣ больше не приходится.

Иванъ Прокофьичъ. Послѣ брата остались деньги-съ, а теперь ихъ нѣтъ на лицо; такъ вы должны-съ сказать, гдѣ эти деньги.

Матвѣевна. Батюшка Иванъ Прокофьичъ, господинъ вы умный и разсудительный: экое слово вы отъ меня спросили! моему ли глупому разуму отвѣчать на это!

Анна Ефремовна. Вотъ ужь это, Матвѣевна, мнѣ очень непріятно слышать: отвѣчать у тебя хватитъ ума на все, но ты не хочешь; а мы на тебя надѣялись.

Матвѣевна. Ничего, матушка Анна Ефремовна, по теперешнему случаю, не знаю; хоть озолотите меня, теперь ничего не могу сказать.

Кириллъ Семенычъ. Грѣхъ и стыдно тебѣ, Матвѣевна, такъ говорить. Кабы я не самъ былъ при этомъ, такъ не повѣрилъ-бы.

Сергѣй Васильичъ *(указывая на Григорья Васильева)*. Можетъ быть, этотъ старикъ лучше скажетъ.

Анна Ефремовна. Неужели и ты, Григорій Васильевъ, возьмешь грѣхъ на свою душу?

Григорій. А я вотъ, матушка, тоже ничего не знаю: глухой да слѣпой, что̀ мнѣ сказать!.. Какое у меня было на рукахъ барское бѣлье и платье, все цѣло; а больше что̀ же! хоть обыщите, у меня больше ничего нѣтъ. Подсвѣчники да ножи были у Петрушки, столовое бѣлье съ посудой у Ивана, а другое прочее я и не знаю у

кого. Послѣдній годъ глаза меня больно одолѣли: вотъ хоть бы васъ: голосокъ-то еще кое-какъ слышу, а въ личико не разсмотрю. Не думалъ я пережить покойнаго барина... Что дѣлать! не своя воля, а Божія.

Иванъ Прокофьичъ. Отъ этихъ-съ много не узнаешь-съ. *(Къ старостѣ).* Вы-съ что же-съ?

Ѳаддей Сидоровъ. Я къ этому дѣлу, Иванъ Прокофьичъ, не причастенъ ничѣмъ: наша вотчина не то, чтобы была дальная. Дѣло извѣстное: соберешь оброки, принесешь барину, и конецъ! Вамъ, по этому случаю, лучше Павла Михайлыча спросить: они завсегда всѣ счеты повѣряли у покойника; а мое дѣло мужицкое: я ничего не знаю.

Анна Ефремовна. Ты, Ѳаддеюшка, сослался на вашего Павла Михайлыча очень некстати. При всей моей кротости, я видѣть не могла равнодушно этого человѣка: онъ Божеское наказаніе въ нашемъ семействѣ! Не будь его, дядя былъ бы совершенно иначе расположенъ къ своимъ роднымъ. Я полагаю, братецъ Иванъ Прокофьичъ, что молодыхъ нечего и спрашивать; если старые плутуютъ, такъ молодежь, конечно, идетъ по ихъ слѣдамъ.

Ѳаддей Сидоровъ. Какъ сударыня, вашей милости угодно, а мы за собой никакого не знаемъ плутовства.

Григорій. Ахъ, матушка Анна Ефремовна, какіе ужь мы плуты! глухіе да старые — экихъ вы плутовъ нашли!

Анна Ефремовна. Сдѣлайте милость, не оправдывайтесь. *(Къ Ивану Прокофьичу).* Я полагаю, мой родной, имъ можно идти.

Иванъ Прокофьичъ. Можно-съ: вы ихъ спрашивали, а я на нихъ ужь насмотрѣлся.

Анна Ефремовна. Ступайте... Во всякомъ случаѣ, братъ Иванъ Прокофьичъ и вы, братъ Кириллъ Семенычъ, какъ старшіе въ семействѣ и мужчины, должны тутъ

принять мѣры. Я объ этомъ васъ покорнѣйше прошу... Чтò жь вы стоите? Ступайте. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Матвѣевны).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, *кромѣ* **Сидорова, Васильева и лакеевъ съ ихъ женами.**

Кириллъ Семенычъ *(къ Матвѣевнѣ).* Ты что́ еще тутъ стоишь? Ты слышала, братецъ приказалъ идти: что же тутъ вертишься? Подслушивать, что ли хочешь?

Матвѣевна. Милости хочу вашей барской просить, меня съѣли совсѣмъ въ дворнѣ! Анна Ефремовна давича изволила сказать, что старые плутуютъ, а молодые за ними вслѣдъ идутъ,—именно правда, мать-государыня: за это-то я и при покойномъ баринѣ пропадала, что была имъ не потатчица!.. Слѣпой этотъ Григорій Васильичъ до самаго конца при баринѣ находился... Анютка, что передъ вами стояла, только званіе носитъ замужней бабы, а живетъ нивѣсть какъ. Хоть бы съ этого взять: придетъ лѣто, по домамъ, на закромкахъ грибы и ягоды носятъ, а барину все нѣтъ да не родилось... а мнѣ бездѣлицей въ глаза тычутъ... Грѣшнымъ дѣломъ самоварчикъ поставишь, такъ всѣ и кинутся... что ты тутъ, говорятъ, съ своими чаями расположилась! избу, говорятъ, сожжешь...

Иванъ Прокофьичъ. Подите сюда ко мнѣ поближе-съ. Кто былъ послѣднее время около дяди-съ, когда онъ кончался-съ?

Кириллъ Семенычъ. Именно это всего важнѣй... Я только хотѣлъ спросить, кто при немъ послѣднее время находился.

Матвѣевна. Всѣ были, кромѣ меня; потому что меня еще за недѣлю допускать не стали... Двадцать

лѣтъ ходила за покойнымъ бариномъ, а тутъ вдругъ неугодна стала!.. А насчетъ денегъ, такъ вамъ прямо доложу: это никѣмъ другимъ сдѣлано, какъ Павломъ Михайлычемъ. Въ дворнѣ это тоже знаемо, только вамъ не скажутъ: у нихъ все это ведено заедино; поэтому давича мнѣ и опасно было говорить... а я могу сказать вамъ всю сущую правду.

Анна Ефремовна. Правду говорить, милая моя, опасаться нечего: я и прежде говорила и теперь повторяю: правда яснѣе солнца.

Матвѣевна. Матушка Анна Ефремовна, какъ мнѣ не опасаться: человѣкъ я маленькій! ну, какъ что послѣ выдетъ, такъ меня своя братья живую въ землю закопаютъ.

Иванъ Прохорочъ. Какъ-же это-съ онъ сдѣлалъ насчетъ денегъ?

Матвѣевна. Сдѣлалъ, Иванъ Прокофьичъ, просто: еще за два дня до смерти барина шкатулку спровадилъ. Немало я еще ему до этого говорила: батюшка, говорю, Павелъ Михайлычъ, баринъ этакъ труденъ, отчего вы къ братцамъ и сестрицамъ повѣстки не дадите? «Самъ Михайло Евграфычъ этого не хочетъ», только и отвѣтилъ... Что послѣ этого станешь дѣлать? Покойникъ разумѣлъ его все равно, какъ за роднаго сына.

Иванъ Прокофьичъ. Куда же-съ онъ эту шкатулку дѣвалъ?

Матвѣевна. Надо полагать, увезъ къ Николаю Семенычу Бохмурову—въ дворнѣ болтаютъ про это: да и дѣвать ему больше некуда. Тотъ вѣдь, сами изволите знать, большой былъ пріятель барину: за день, кажется, передъ тѣмъ дѣломъ онъ былъ у насъ, и все съ воспитанникомъ сидѣли въ кабинетѣ у покойнаго и шептались; а опосля, на другое или на третье утро, сама своими глазами видѣла, какъ нашъ-то молодчикъ сѣлъ этакъ на бѣговыя дрожки, поставилъ шкатулку передъ собой и погналъ во всю прыть. Я даже тутъ всплакала: жалко

вѣдь, какъ барское добро расхищаютъ; прямо бросилась на старосту. Что, я говорю, ты такой-этакой дѣлаешь? Три, что ли, у тебя головы? Видишь или нѣтъ, что у насъ дѣлается? «Молчи, говоритъ, старуха! не наше дѣло!» Охъ, милые господа мои, лучше ужь молчать! Какъ все-то говорить, такъ и словъ не достанетъ! сраму столько было, что я живучи эдакіе годы, не привидывала!

Сергѣй Васильичъ. Это, однако, становится очень любопытно... Вотъ тебѣ, старушка десять рублей; говори, пожалуйста, откровеннѣе. Главное скажи намъ, сколько у дяди было денегъ.

Матвѣевна *(принимая деньги и цѣлуя у него руку)*. Тысячъ сто было-съ.

Всѣ *(кромѣ Ивана Прокофьича)*. Сто тысячъ!!

Иванъ Прокофьичъ. Нѣтъ-съ, это пустяки: ста тысячъ не было.

Матвѣевна. Ай, батюшка, какъ не быть! куда же деньгамъ дѣваться? Послѣднее время онъ очень тугъ на нихъ сдѣлался. Не знаю, какъ другой прислугѣ, потому что отъ меня всегда всякую малость таятъ, а мнѣ такъ ужь года два ни платьевъ, ни башмаковъ, ничего не выдавалъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что же еще было?

Кириллъ Семенычъ. Срамъ-то какой еще былъ?

Матвѣевна. А такой, что какъ пріѣхалъ этотъ воспитанникъ въ обратную, сейчасъ же позвалъ бурмистра и пошли по всѣмъ барскимъ кладовымъ и сундукамъ, перебирали и пересматривали, примѣрно сказать, съ ранняго утра до позднаго уповода.

Анна Ефремовна. Боже мой, Боже мой! на что люди рѣшаются!... около умирающаго совершать подобныя вещи!

Эмилія Петровна. Они, вѣрно, все, что было получше, и выкрали.

Матвѣевна. Такъ для чего же, какъ не для этого,

государыня моя, Эмилія Петровна! Вотъ какъ мнѣ ничего не нужно въ вашемъ шкафѣ или сундукѣ, такъ пойду ли я! смѣю ли я это сдѣлать?

Иванъ Прокофьичъ. Что же такое-съ они выбрали изъ комода?

Матвѣевна. Не припомню, Иванъ Прокофьичъ! Съ моей ли, батюшка, памятью всякую малость помнить! Вотъ теперь извольте спросить меня, что сегодня по утру было,—не помню.

Иванъ Прокофьичъ. Говорите дальше-съ.

Матвѣевна. А дальше, Иванъ Прокофьичъ, было такое дѣло: запечатали комоды, вдругъ говорятъ: собрать всю дворню въ залу. Пришли мы, и я, грѣшная, приплелась. Изъ кабинета выходитъ Павелъ Михайлычъ, и обѣ дверцы растворились на распашку. Батюшка-баринъ привсталъ этакъ немного на постелькѣ: видно, что ему сказать что-то хочется, а молвы нѣтъ, только глазами обводитъ всѣхъ...

Иванъ Прокофьичъ. Какъ молвы нѣтъ?

Матвѣевна. Такъ-съ, ничего не сказалъ.

Кириллъ Семенычъ. Да, вонъ она какая правда выходитъ!

Иванъ Прокофьичъ. Языкъ, что ли, у него отнялся?

Матвѣевна. Почти что такъ. Какой ужь у этакого больнаго человѣка можетъ быть языкъ! Только что сворачивали, что, будто бы, по его приказанію дѣлалось; а онъ и въ добрую пору не любилъ приказанія давать: не очень разговорчивъ былъ, нечего сказать.

Анна Ефремовна. Для чего-жь созывали васъ всѣхъ?

Матвѣевна. Къ наградѣ всѣ позваны были: «баринъ вашъ, началъ Павелъ Михайлычъ, за вашу вѣрную службу желаетъ васъ наградить. Вотъ, говоритъ, Ѳаддей Сидоровъ, тебѣ пятьдесятъ рублей серебромъ: ты, говоритъ,

никогда ни въ чемъ замѣченъ не былъ»... замѣтишь ли этакого плута? въ глазахъ проведетъ хоть кого. «Вотъ и тебѣ, старичокъ, тоже пятьдесятъ рублей» Григорью говоритъ: «не плачь, говоритъ, ты не будешь безъ куска хлѣба», а тотъ ужъ и расхныкался, повалился въ ноги и встать будто не сможетъ... прехитрый старичишко! тамъ вамъ какъ угодно понимать его, а онъ человѣкъ преехидный. Послѣ этого всѣхъ молодыхъ, которые въ горницѣ служили, по двадцати-пяти рублевъ обдѣлилъ, а прочей дворнѣ — по десяти рублей на семью; а обо мнѣ и помину нѣтъ: стою, какъ оплеванная; у сердца у меня сдѣлалось тошно! «Чѣмъ я, говорю, Павелъ Михайлычъ, хуже всѣхъ прочихъ, чѣмъ я передъ бариномъ провинилась?» а сама такъ ревомъ и заревѣла. «Тебѣ, говоритъ, тоже десять рублей», и подалъ мнѣ бумажку: «тебѣ бы и больше слѣдовало, да Михайло Евграфычъ тобою недоволенъ за то, что ты къ Аннѣ Ефремовнѣ письмо писала; а мнѣ какъ было не писать? Господа спрашиваютъ или приказываютъ тамъ что-нибудь, а я вишь буду ослушиваться... гдѣ это видано?

Анна Ефремовна *(вспыхнувъ)*. Ты это, милая моя, заговорила вздоръ: письмомъ ко мнѣ ты не могла разгнѣвать покойнаго дядю, и съ моей стороны было весьма натурально, что я желала провѣдать о здоровьѣ его: онъ былъ слишкомъ дорогъ и близокъ моему сердцу; а я такія имѣю правила, что вся моя жизнь посвящена на любовь къ роднымъ: въ письмѣ моемъ, ни я къ тебѣ, ни ты ко мнѣ, кажется, ничего, кромѣ какъ о здоровьѣ его не писали.

Матвѣевна. Ничего больше не писали; а имъ показалось обидно: такое ужъ мое, видно, несчастье въ этомъ приспѣло.

Иванъ Прокофьичъ. Вы сказали-съ, что братъ молвы не имѣлъ: давно ли-съ онъ ее потерялъ?

Матвѣевна. Давно, Иванъ Прокофьичъ, давно ужъ

въ языкѣ былъ нерѣчистъ, а за недѣлю до смерти хуже годовалаго ребенка говорилъ.

Иванъ Прокофьичъ. И все, что вы говорили-съ, было въ эту недѣлю-съ.

Матвѣевна. Въ эту недѣлю.

Иванъ Прокофьичъ. Потомъ-съ?

Матвѣевна. А потомъ—я вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами признаюсь—ничего потомъ больше не было.

Эмилія Петровна. Ты лжешь, Матвѣевна, когда ты приходила къ намъ въ усадьбу, на праздникъ, такъ говорила о дѣдушкиномъ шкафѣ съ книгами и о креслахъ.

Кириллъ Семенычъ. Объ этомъ и я слышалъ.

Матвѣевна. Говорила, Эмилія Петровна,—не могу потаить, говорила.

Анна Ефремовна. Какой это шкафъ съ книгами?

Матвѣевна. Покойнаго барина шкафъ съ книгами...

Иванъ Прокофьичъ. Что̀-жь изъ этого слѣдуетъ-съ?

Матвѣевна. Пріемышъ его взялъ къ себѣ въ тотъ самый день, вижу, и книжки барскія тащатъ къ нему во флигель, а тутъ, посмотрю, и кресла туда же! только поглядѣла вслѣдъ, а говорить ужь ничего не посмѣла.

Анна Ефремовна. Это превышаетъ всякое вѣроятіе. Братецъ Иванъ Прокофьичъ, родной мой, что вы намѣрены предпринять?

Иванъ Прокофьичъ. Отберемъ-съ отъ нея показаніе и, сообразно съ нимъ, будемъ-съ разъискивать.

Кириллъ Семенычъ. Непремѣнно надобно этакъ сдѣлать!

Эмилія Петровна. Еслибы я предполагала, что тутъ будутъ такъ воровать, то непремѣнно бы была сама или просила бы моего мужа быть при смерти дѣдушки.

Кириллъ Семенычъ. Тогда бы и было все хорошо и родные бы вамъ всѣ были благодарны,—а теперь что̀

вышло! И я бы пріѣхалъ, при всемъ малолюдствѣ моемъ: на сѣнокосъ бы не посмотрѣлъ, да пріѣхалъ.

Иванъ Прокофьичъ *(къ Матвѣевнѣ)*. Подите-съ сюда поближе: все, что вы говорили, я записалъ-съ. Грамотныя ли вы-съ? умѣете ли писать-съ?

Матвѣевна. Какая, батюшка, писака: такъ кой-какія каракульки ставлю...

Иванъ Прокофьичъ. Ну, такъ слушайте-съ, я вамъ прочитаю: «Татьяна меня зовутъ, Матвѣева дочь, крѣпостная и дворовая дѣвица умершаго Михаила Евграфыча Манохина, будучи спрашиваема его наслѣдниками: штыкъ-юнкеромъ Кирилломъ Семенычемъ Манохинымъ, провинціальною секретаршею Эмиліею Петровною Синициною, прапорщикомъ Сергѣемъ Васильичемъ Захаровымъ, вдовою коллежскою ассесоршею Анною Ефремовной Бурыленко и надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Прокофьичемъ Манохинымъ, показала, что покойный баринъ мой потерялъ языкъ за недѣлю до смерти и все это время находился въ совершенномъ безпамятствѣ. За нѣсколько дней до его смерти пріѣзжалъ и гостилъ сосѣдній помѣщикъ Николай Семенычъ Бохмуровъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда, воспитанникъ нашего барина, Павелъ Михайловъ Богдановъ, вынесъ барскую шкатулку, въ которой всегда хранились барскія деньги, которыхъ было, какъ извѣстно мнѣ, тысячъ сто, и отвезъ ее, на бѣговыхъ дрожкахъ, къ тому Бохмурову. Вмѣстѣ со старостой Ѳаддеемъ Сидоровымъ они раскрывали всѣ барскіе сундуки и комоды, пересматривали всѣ вещи, изъ которыхъ весьма много похитили; а потомъ, собравъ всю дворню, онъ, Богдановъ, дабы скрыть свое преступленіе, началъ обдѣлять всѣхъ деньгами, а послѣ этого велѣлъ выносить различныя вещи въ занимаемый имъ флигель, какъ-то: шкафъ съ барскими книгами, кресла и проч., и когда я, видѣвъ, что господинъ мой находится близокъ къ смерти, стала имъ говорить,

чтобы они извѣстили о томъ ближайшихъ родственниковъ, то онъ, Богдановъ, отозвался и велѣлъ мнѣ молчать»... Вы-съ это говорили?

Матвѣевна. Я, Иванъ Прокофьичъ..

Иванъ Прокофьичъ. Подпишите-съ. *(Матвѣевна беретъ перо).* Подпишите-съ свое имя и отчество, а если есть, такъ и прозвище.

Матвѣевна *(подписывая).* Какое прозвище! у меня никакого его нѣтъ; дразнятъ Галкой, только и есть...

Иванъ Прокофьичъ. Ну, Галки не надо. Ступайте.

Матвѣевна. Батюшка, Иванъ Прокофьичъ, какъ бы мнѣ чего не было.

Анна Ефремовна. Ахъ, Матвѣевна! я не думала, чтобы ты была такъ неразсудительна! Что же тебѣ можетъ быть, когда ты дѣлаешь по совѣсти?

Кириллъ Семенычъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, Матвѣевна, ничего не боялся... Чего бояться, когда дѣло говоришь?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Степанъ.

Степанъ *(входя).* Воспитанникъ пришелъ-съ.

Иванъ Прокофьичъ. Пусть войдетъ!... *(Матвѣевнѣ).* Ты ступай! *(Степанъ и Матвѣевна уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* **Степана и Матвѣевны.**

Анна Ефремовна *(Катенькѣ).* Поди и ты, душа моя, въ наши комнаты: теперь ты можешь отдохнуть.

(Катенька, молча посмотрѣвъ на Анну Ефремовну, встаетъ).

Сергѣй Васильичъ. Зачѣмъ, ma tante, вы ихъ отсюда усылаете? имъ будетъ тамъ скучно.

Анна Ефремовна *(не обращая вниманія на его слова, Катенькѣ).* Иди! *(Катенька уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Васильичъ, Эмилія Петровна, Анна Ефремовна, Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Эмилія Петровна *(Сергѣю Васильичу).* Какъ мнѣ васъ жаль, кузенъ!

Сергѣй Васильичъ. Что такое?

Эмилія Петровна. Ничего... Мнѣ васъ жаль.

Сергѣй Васильичъ Благодарю, хоть и не понимаю.

Эмилія Петровна. Какъ вы нынче стали непонятливы!

Анна Ефремовна. Тебя, Эмилія Петровна, дѣйствительно понять трудно,—Сережа это справедливо говоритъ.

Эмилія Петровна. И вы меня тоже не понимаете?

Анна Ефремовна. Рѣшительно не понимаю.

Эмилія Петровна. Ахъ, Боже мой, какая я послѣ этого загадочная!.. Но все-таки скажу, что дѣвушку воспитывать трудно: надобно имѣть очень бдительный надзоръ.

Анна Ефремовна. Что же ты именно хочешь этимъ выразить?

Эмилія Петровна. Спросите лучше у Сергѣя Васиьевича: онъ, можетъ быть, будетъ съ вами откровеннѣе.

Анна Ефремовна. Сережа, что такое все это значитъ?

Сергѣй Васильичъ *(пожимая плечами).* Я, право, ma tante, не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Богдановъ.

Богдановъ *(входя и поклонившись всѣмъ, на что ему никто не отвѣтилъ, къ Ивану Прокофьичу).* Вы требовали меня-съ?

Иванъ Прокофьичъ *(продолжая писать).* Да-съ... Погодите немного. *(Молчаніе).*

Эмилія Петровна *(Кириллу Семенычу).* Я уѣхала изъ дому и, воображая скоро вернуться, захватила съ собою всѣ ключи: мой бѣдный Симонъ сидитъ теперь даже безъ чаю.

Кириллъ Семенычъ. Онъ, кажется, у васъ, какъ и я же, не охотникъ до этого.

Эмилія Петровна. Напротивъ, очень любитъ особенно съ трубкой.

Богдановъ *(Эмиліи Петровнѣ).* Если вамъ угодно, такъ можно послать съ нарочнымъ.

Эмилія Петровна *(съ насмѣшкой).* Благодарю васъ: если я захочу, такъ и сама могу здѣсь распорядиться и послать. *(Молчаніе).*

Иванъ Прокофьичъ. Мы-съ извѣстились, что, въ предсмертные дни нашего дяди, распропало-съ много вещей. Вы-съ были при немъ безотлучно: не угодно ли вамъ объяснить-съ, кѣмъ именно эти вещи расхищены и гдѣ онѣ нынѣ находятся?

Богдановъ. Изъ его движимости не расхищено ничего, потому что, еще при жизни его, на все наложены его именныя печати.

Иванъ Прокофьичъ. Опечатываютъ имѣнія наслѣдники-съ или полиція, а не нахлѣбники, не имѣющіе никакого права на наслѣдство.

Богдановъ. Опечатывалъ не я, если вы разумѣете

подъ именемъ нахлѣбника меня; а это была воля умирающаго.

Анна Ефремовна. Умоляю васъ, не приводите, въ этомъ случаѣ, имени нашего дяди: въ какомъ онъ былъ, послѣднее время, тяжкомъ положеніи, мы, какъ добрые родные, знали очень хорошо.

Эмилія Петровна. Я еще за два мѣсяца была у дѣдушки до его смерти, и тогда ужь онъ говорилъ очень дурно.

Иванъ Прокофьичъ. Говорилъ дурно-съ и соображенія не имѣлъ-съ.

Кириллъ Семенычъ. Какое ужь соображеніе! Я здоровый человѣкъ, помоложе его, и то соображенія не имѣю.

Богдановъ. Я не знаю-съ: Михайло Евграфычъ до послѣдней минуты не утратилъ разсудка и выражалъ свои мысли и желанія очень ясно.

Иванъ Прокофьичъ. Вы-съ говорите, что ничего изъ движимости не утрачено, а напримѣръ-съ гдѣ шкафъ дяди съ книгами и его любимое кресло?

Богдановъ. Шкафъ съ книгами и любимое кресло Михайла Евграфыча у меня; но онъ самъ то и другое подарилъ мнѣ.

Иванъ Прокофьичъ. Стало быть-съ, вы признаетесь, что кресла и шкафъ захвачены вами? Такъ и запишемъ.

Богдановъ. Я не признаюсь въ этомъ: эти вещи мной не захвачены, а онѣ мнѣ подарены.

Иванъ Прокофьичъ. Въ числѣ утраченныхъ вещей похищена шкатулка съ деньгами, которыхъ хранилось до ста тысячъ.

Богдановъ (*Нѣсколько сконфузившись*). Сколько въ этой шкатулкѣ было денегъ и какое она получила послѣ покойнаго назначеніе, я не знаю.

Иванъ Прокофьичъ. Намъ извѣстно-съ, что вы

лично вынесли и увезли, а потому мы васъ спрашиваемъ: по какому вы праву завладѣли этой шкатулкой и куда именно ее скрыли?

Богдановъ. Все это происходило, когда Михайло Евграфычъ былъ еще живъ, и этой шкатулки у меня, въ настоящее время, нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Однако, она вами увезена, и мы знаемъ, куда именно.

Богдановъ. Можетъ быть; но, покрайней мѣрѣ, я съ своей стороны не считаю себя ни въ правѣ, ни обязаннымъ отвѣчать на это.

Анна Ефремовна. Вы, молодой человѣкъ, хотите, я вижу, совершенно вооружить насъ противъ себя; а вамъ этого не слѣдовало бы дѣлать, если не по собственнымъ чувствамъ, то въ память вашего втораго отца.

Эмилія Петровна *(Богданову)*. Вы не смѣете намъ не отвѣчать, когда мы васъ спрашиваемъ.

Богдановъ. Почему-жь, не смѣю?

Эмилія Петровна. Потому что не смѣете.

Богдановъ. Странная причина!

Иванъ Прокофьичъ *(перебивая его)*. Вы должны намъ написать, что было при смерти дяди.

Богдановъ. Что же такое было особеннаго при смерти Михаила Евграфыча и что я могу написать?

Иванъ Прокофьичъ. То, что вы со старостой осматривали и опечатывали всѣ дядины вещи, обдѣляли всю дворню деньгами, изъ движимости взяли себѣ шкафъ съ книгами, кресла и прочее, увезли шкатулку на бѣговыхъ дрожкахъ,—вотъ что было-съ!

Богдановъ. Нѣтъ-съ, я этого не напишу-съ!

Иванъ Прокофьичъ. Ну, не напишите, такъ ступайте!.. *(Богдановъ, всѣмъ слегка поклонившись, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, что въ явленіи V.

Иванъ Прокофьичъ *(обращаясь къ Кириллу Семенычу и къ Сергѣю Васильичу)*. Подите и велите нашимъ людямъ его арестовать... Пускай хоть въ амбаръ посадятъ и ключъ ко мнѣ принесутъ.

Кириллъ Семенычъ *(Сергѣю Васильичу)*. Ступайте ужь вы-съ.

Сергѣй Васильичъ *(насмѣшливо)*. А вы то что же?

Иванъ Прокофьичъ *(Сергѣю Васильичу)*. Нѣтъ, вы ступайте-съ!

Сергѣй Васильичъ *(безпечно)*. Я, пожалуй, пойду... *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Эмилія Петровна, Анна Ефремовна. Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна *(потупляя голову)*. Какъ тяжело и непріятно все это видѣть!... Такую ли дядя думалъ видѣть благодарность въ этомъ дерзкомъ мальчишкѣ, котораго воспиталъ, какъ сына, и послѣднее время, откровенно должно сказать, предпочелъ его своимъ роднымъ.

Эмилія Петровна. Какъ мнѣ жаль, что нѣтъ со мной моего Симона! Онъ бы справился съ этимъ господиномъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Посадили... *(поправляя на себѣ галстухъ и жилетъ)*. Онъ ужасный однако скотина... *(обращаясь къ Ивану Прокофьичу)*. Что жь мы теперь предпримемъ?

Иванъ Прокофьичъ. Напишемъ-съ всѣ вмѣстѣ письмо къ Бохмурову.

Кириллъ Семенычъ. Больше этого теперь нечего дѣлать.

Анна Ефремовна. Въ какомъ же родѣ будетъ это, голубчикъ мой, письмо?

Иванъ Прокофьичъ. Въ такомъ-съ, что вотъ-съ, прибывъ въ имѣніе нашего дяди, мы-съ, къ крайнему нашему-съ удивленію, нашли многія вещи изъ движимости растраченными-съ, въ числѣ которыхъ-съ, какъ показываютъ люди, находилась и шкатулка со ста тысячами, которая, какъ знаемъ мы, отвезена-съ къ нему воспитанникомъ Богдановымъ, а потому и просимъ возвратить намъ ее по принадлежности, и что, въ противномъ случаѣ-съ, мы будемъ утруждать начальство и онъ, неминуемо, подвергнется отвѣтственности.

Сергѣй Васильичъ. Неужели же вы думаете, что онъ отдастъ? Развѣ онъ какой-нибудь дуракъ: у него сто тысячъ въ карманѣ, а онъ отдастъ.

Иванъ Прокофьичъ. Мы сначала его попугаемъ-съ,—а если упрется, такъ жаловаться будемъ: у насъ доказательствъ-съ много. Я нарочно отбиралъ все на бумагѣ-съ.

Кириллъ Семенычъ. Братецъ ужь знаетъ, какъ дѣло сдѣлать.

Анна Ефремовна Отчего же ты, Сережа, думаешь, что онъ не отдастъ?

Сергѣй Васильичъ. Я ничего, ma tante, не думаю: я такъ только сказалъ.

Эмилія Петровна *(Сергѣю Васильичу)*. Вы кажется, теперь думаете о другомъ.

Сергѣй Васильичъ. А, да, вы не ошиблись... а сами вы о чемъ думаете?

Эмилія Петровна *(вздохнувъ)*. Я думаю о многомъ.

Иванъ Прокофьичъ. Я буду такимъ образомъ писать-съ.

Анна Ефремовна. Пиши, мой родной; я согласна.

Кириллъ Семенычъ. Какъ не согласиться! всѣ согласны.

Иванъ Прокофьичъ. *(Сергѣю Васильичу и Эмиліи Петровнѣ).* А вы-съ?

Эмилія Петровна. Я согласна.

Сергѣй Васильичъ. Пишите, что хотите; я желаю только деньги получить, а тамъ мнѣ все равно.

Анна Ефремовна. Это, Сережа и всѣ вы, мои друзья, теперь мало сказать, что мы согласны: мы должны присить брата Ивана Прокофьича: пусть онъ дѣйствуетъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ братъ и старшій членъ въ нашемъ семействѣ. Я напередъ увѣрена, что мы раздѣлимся дружелюбно .. И потому позвольте мнѣ прежде всего васъ всѣхъ перецѣловать, въ знакъ моей искренней къ вамъ любви, и просить прощенія, если я передъ кѣмъ чѣмъ-нибудь виновата. Съ этой минуты мы должны на всю жизнь сдѣлаться друзьями. Братъ Иванъ Прокофьичъ, съ тобой цѣлуюсь съ первымъ. *(Подходитъ и цѣлуетъ его).* Ну, другъ мой, Сережа! *(Цѣлуются).* Эмилія Петровна *(цѣлуются)*, Кириллъ Семенычъ! *(Цѣлуются).*

Сергѣй Васильичъ C'est très joli... Cousine, laissez moi aussi baiser votre main.

Эмилія Петровна *(подавая ему руку)*, Какъ вы любезны!

Кириллъ Семенычъ. Дай Господи, чтобы намъ въ мирѣ начать и въ мирѣ кончить.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ залу, въ которой на столахъ разложены различныя вещи изъ движимости: на одномъ стоитъ посуда хрустальпая и фарфоровая, на другомъ разложено серебро; на третьемъ положено бѣлье, и тутъ же лежитъ на верху турецкая шаль. Въ углу навалено старое платье, самовары, мѣдная и желѣзная посуда, шляпы, зонтики и проч. На аванъсценѣ стоитъ столъ съ бумагами.

ЯВЛЕПІЕ I.

Катенька *стоитъ около стола и записываетъ,* **Сергѣй Васильичъ** *около нея:*

Катенька. Сергѣй Васильичъ, уйдите отсюда, Бога ради; вы мнѣ мѣшаете. Я собьюсь, и маменька разсердится. Она велѣла все записать аккуратно.

Сергѣй Васильичъ. Какъ это легко вамъ сказать и какъ мнѣ трудно исполнить! Бросьте ваше писанье: я не могу равнодушно видѣть, какъ вы свои хорошенькіе пальчики мараете въ чернилахъ. Посмотрите. какъ вы обезобразили вашу очаровательную ручку. *(Беретъ Катеньку за руку, но та ее быстро выдергиваетъ).*

Катенька. Перестаньте! Вы совершенно забываетесь! Это очень неблагородно...

Сергѣй Васильичъ. Чтожь тутъ не благороднаго? напротивъ, очень благородно. Вы сами сознаетесь, что говорите неправду.

Катенька. Я всегда говорю правду. Съ другими дѣвицами вы не позволите себѣ такъ обращаться, какъ со мной.

Сергѣй Васильичъ. Всѣ другія дѣвицы, кромѣ васъ, уроды, и я ихъ ненавижу.

Катенька. Вовсе не потому.

Сергѣй Васильичъ. Почему-жь вы думаете?

Катенька. Потому, что другихъ вы не смѣете, а я бѣдная дѣвушка, и меня вы можете оскорблять.

Сергѣй Васильичъ. И вы думаете, что я хочу васъ оскорблять?... Я?... Вы ужасно несправедливы ко мнѣ, и я буду говорить съ вами рѣшительно... Развѣ я виноватъ, что вы такія хорошенькія? Въ этомъ я рѣшительно не виноватъ.

Катенька. Я не желаю быть для васъ хорошенькой.

Сергѣй Васильичъ. Это значитъ, вы не желаете мнѣ нравиться.

Катенька. Даже очень.

Сергѣй Васильичъ. Я застрѣлюсь.

Катенька. Стрѣляйтесь: вонъ тутъ въ вещахъ есть заржавленные пистолеты; можете ихъ взять.

Сергѣй Васильичъ. И вамъ не будетъ меня жаль, и васъ не будетъ потомъ мучить совѣсть? *(Катенька молчитъ)*. Вамъ, вѣроятно, будетъ жаль?... признайтесь?... взгляните на меня: у васъ такіе чудные глазки; имъ не хорошо хмуриться. Еслибъ у меня были такіе прекрасные глаза, я бы на всѣхъ смотрѣлъ ласково.

Катенька. Оставьте меня, прошу васъ въ послѣдній разъ. Я, право, буду жаловаться Аннѣ Ефремовнѣ и просить ее, чтобы она увезла меня куда-нибудь отсюда: вы мнѣ проходу не даете.

Сергѣй Васильичъ. О, mon Dieu, mon Dieu! Какъ ужасно это слышать!... Стало быть, вы меня совершенно не любите?

Катенька. Совершенно не люблю.

Сергѣй Васильичъ. Даже ненавидите?

Катенька. Почти.

Сергѣй Васильичъ. И любите другаго.

Катенька. Можетъ быть.

Сергѣй Васильичъ. Это ничего, я не ревнивъ; только мнѣ позвольте смотрѣть и цѣловать вашу ручку. *(Беретъ ее проворно за обѣ руки и хочетъ поцѣловать ихъ).*

Катенька *(вырываясь, со слезами на глазахъ).* Сергѣй Васильичъ... это ужасно... Господи, какъ обращаются со мной!.. Пустите меня! *(Вырывается и бѣжитъ къ правой двери).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Анна Ефремовна.

АннаЕфремовна. Что такое у васъ?

Катенька. Мамаша! Сергѣй Васильичъ. . не позволяйте ему...

Анна Ефремовна. Иди къ себѣ въ комнату. *(Катенька уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Анна Ефремовна *(садясь).* Какъ это тебѣ, Сережа, не стыдно! что ты тутъ надѣлалъ?

Сергѣй Васильичъ. Право, ma tante, ничего: я хотѣлъ только поцѣловать ея ручку.

Анна Ефремовна. Я тебя просила нѣсколько разъ, чтобы ты перемѣнилъ свое обращеніе съ этой дѣвочкой.

Неужели ты не понимаешь, что здѣсь все перетолкуютъ, особенно Эмилія...

Сергѣй Васильичъ. Чтожь мнѣ дѣлать, ma tante, я очень влюбленъ.

Анна Ефремовна. Неправда: вѣтреность тобой владѣетъ. Лучше поговоримъ о дѣлѣ: я еще вчера говорила тебѣ, что я здѣсь совершенно одна: на милыхъ братцевъ и племянницу положиться невозможно, а о твоихъ чувствахъ и расположеніи ко мнѣ я еще ничего не знаю. Можетъ быть, и ты присоединишься къ ихъ партіи и будешь мнѣ вредить.

Сергѣй Васильичъ: Съ чего это, ma tante, вамъ пришло въ голову? я вовсе не такой человѣкъ!..

Анна Ефремовна. Я этого, другъ мой, и не думаю, а сказала потому, что если мы не предостережемся, такъ Иванъ Прокофьичъ ничего намъ не дастъ—помяни мое слово—я его знаю давно. Твою безтолковую кузину и дурачка Кириллушку онъ, безъ сомнѣнія, заставитъ плясать по своей дудкѣ; но ты—другое дѣло: ты, въ этомъ случаѣ, долженъ дѣйствовать, какъ настоящій мужчина.

Сергѣй Васильичъ. Будьте спокойны, ma tante: я не дуракъ, я имъ гроша лишняго не уступлю.

Анна Ефремовна. Такъ и слѣдуетъ, душа моя; но я хотѣла поговорить о себѣ: я очень опасаюсь за себя: я женщина, и женщина въ этихъ дѣлахъ неопытная, и потому прошу твоего участія.

Сергѣй Васильичъ. Неужели же вы во мнѣ сомнѣваетесь? я готовъ для васъ все сдѣлать.

Анна Ефремовна. Вѣрю и благодарю, и хочу прямо тебѣ объяснить, что отъ другихъ моихъ родныхъ, при всемъ моемъ расположеніи къ нимъ, я не видѣла, въ продолженіе всей моей жизни, капли любви или уваженія, а ты еще маленькимъ росъ въ моемъ домѣ и все, бывало, нѣмовалъ: «я теты Аны наслѣдникъ».

Сергѣй Васильичъ *(вздыхая)*. Ахъ, ma tante, я бы желалъ отъ васъ наслѣдовать одно сокровище!

Анна Ефремовна. Какое это, родной мой?

Сергѣй Васильичъ. M-lle Катишь.

Анна Ефремовна. Что это, Сережа, все у тебя дурь въ головѣ: когда ты хотя немного остепенишься?

Сергѣй Васильичъ. Не могу, ma tante: влюбленъ очень...

Анна Ефремовна. Перестань говорить глупости; мнѣ слушать даже это неприлично.

Сергѣй Васильичъ. Вы не слушайте, только не бранитесь.

Анна Ефремовна. Ахъ ты повѣса, повѣса! *(Встаетъ)*.

Сергѣй Васильичъ *(тоже вставая)*. И я, ma tante, пойду съ вами.

Анна Ефремовна. Это зачѣмъ?

Сергѣй Васильичъ. У васъ тамъ такъ хорошо! я бы всю жизнь хотѣлъ тамъ сидѣть.

Анна Ефремовна *(беретъ его за ухо и тихонько деретъ)*. Вотъ тебѣ за это. Изволь оставаться здѣсь.

Сергѣй Васильичъ *(цѣлуя у ней руку)*. А я все-таки пойду. *(Оба уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эмилія Петровна, Кириллъ Семенычъ и Матвѣевна *выходятъ изъ противоположныхъ дверей.*

Эмилія Петровна. Я еще вчера это видѣла.

Кириллъ Семенычъ. А я ничего не видалъ,—хоть что хотите со мной дѣлайте, ничего не замѣтилъ.

Эмилія Петровна. Это давно извѣстно, что вы ничего не можете ни замѣтить, ни понять: вы точно слѣпой какой-то!

Кириллъ Семенычъ. Чтó дѣлать, меня и дома люди на каждомъ шагу обманываютъ: ничего не умѣю досмотрѣть!

Матвѣевна. Я сама, Кириллъ Семенычъ, батюшка, до вчерашняго дня ничего не знала. Вотъ Эмилія Петровна призвали меня и спросили о письмѣ: я имъ сказала, а онѣ и говорятъ: гдѣ, говорятъ, Сергѣй Васильичъ? а я и доложила, что у Анны Ефремовны сидитъ — сама видѣла, шедши подъ окошкомъ. Поди, говорятъ, подслушай, чтó они говорятъ. Тутъ все и провѣдала. Въ дѣвичьей никого не случилось: приложила ухо къ перегородкѣ и слышу: Анна Ефремовна, на чемъ свѣтъ стоитъ, всѣхъ бранитъ—и Ивана Прокофьича и васъ обоихъ,—всѣхъ, не мое будь сказано слово, такъ и поноситъ.

Кириллъ Семенычъ *(качая головой)*. Какіе подумаешь, Анна-то Ефремовна и Сергѣй Васильичъ люди... недаромъ говорятъ, столичный народъ ловкій.

Эмилія Петровна. Какъ вы обо всемъ смѣшно думаете—изъ рукъ вонъ!..

Матвѣевна. Чтò, батюшка Кириллъ Семенычъ, осмѣлюсь вамъ доложить, чтó толку-то что столичные! Только слава, что въ Москвѣ живутъ, а особенно Анна Ефремовна—и не слушала бы, что про нее дворовые говорятъ... Пріѣхала тоже съ воспитанницей, а ни на той, ни на другой порядочной одежонки нѣтъ! Этто, слышу, въ прачешной хохотъ: что такое?—вхожу: надъ бѣльемъ Анны Ефремовны потѣшаются... щеголихи московскія!.. А башмаки на обѣихъ такіе, что я служанка, не стала бы носить. Почасту, говорятъ, бываетъ не то, что чаю или кофею,—обѣда не на что изготовить: все и ладитъ куда нибудь въ гости уйти; а какъ деньги появились, такъ опять пиры да банкеты; нарядовъ сейчасъ себѣ и воспитанницѣ накупитъ: а черезъ два дня и нѣтъ ничего.

Эмилія Петровна. А про Сергѣя что говорятъ?

Матвѣевна. Тоже неисправенъ: шесть лошадей на конюшнѣ стоитъ, а при деньгахъ весьма рѣдко бываетъ. Сюда-то ѣхамши, тройку за безцѣнокъ продалъ: тронуться было не съ чемъ.

Кириллъ Семенычъ. Я вотъ вамъ, Эмилія Петровна, сказать только не смѣю, а вѣдь это все надобно разсказать брату Ивану Прокофьичу.

Эмилія Петровна. Непремѣнно разсказать! что ихъ скрывать!

Кириллъ Семенычъ. Ты ему разскажи, Матвѣевна, все, а то онъ послѣ узнаетъ, такъ сердиться станетъ.

Матвѣевна. Ай, нѣтъ, батюшка!.. не смѣю я говорить съ Иваномъ Прокофьичемъ!.. глядѣть даже на него боюсь!.. Съ вами да вотъ съ Эмиліей Петровной посмѣлѣе, а къ нему трепетъ чувствую!.. господинъ строгій, разсчетливый.

Эмилія Петровна *(Кириллу Семенычу)*. Вамъ надобно разсказать, а не Матвѣевнѣ.

Кириллъ Семенычъ. Да не знаю, запомню ли я... Толку-то у меня мало, на словахъ-то я очень не толковъ!..

Эмилія Петровна. Тутъ толку очень надобно мало: вы ему скажите, что Анна Ефремовна писала къ дядѣ на насъ оскорбительное письмо и обѣщала Матвѣевнѣ за это три тысячи... Помните ли вы это?..

Кириллъ Семенычъ. А какъ онъ спроситъ письмо-то?..

Эмилія Петровна. Пожалуй, возьмите у Матвѣевны.

Матвѣевна. Изорвала, Эмилія Петровна,—тогда же, со страху, изорвала!.. Богъ заплати Аннѣ Ефремовнѣ, въ какое она меня дѣло теперь влопала...

Эмилія Петровна. Письмо пустое, оно вовсе не нужно... Вы скажите, что она теперь въ дружбѣ съ Сергѣемъ Васильичемъ и вмѣстѣ насъ бранятъ, потому что онъ имѣетъ виды на ея воспитанницу... Этого не забудьте: это очень важно...

Кириллъ Семенычъ. Это я помню, объ этомъ не забуду.

Эмилія Петровна. Потомъ скажите... *(За сценой слышенъ голосъ Ивана Прокофьича: „Эй, позвать ко мнѣ Степана!")* Вотъ ужь онъ и идетъ, а я еще не одѣта... Какъ встала сегодня, такъ, не убравъ даже головы, хожу... Не забудьте же, разскажите все; а я имъ, при всѣхъ, вгоню краску въ лицо... Пойдемъ, Матвѣевна, со мной: ты мнѣ разскажешь еще что-нибудь нужное. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Кириллъ Семенычъ *(послѣ минутнаго размышленія).* Чѣмъ-то меня наградятъ, не знаю! пожалуй, еще обманутъ: смѣлости-то у меня, какъ у другихъ, нѣтъ... *Слышенъ голосъ Ивана Прокофьича).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кириллъ Семенычъ, Иванъ Прокофьичъ, *за нимъ* **Степанъ.**

Иванъ Прокофьичъ *(садясь за столъ, Степану).* Я тамъ чуланы у дворни опечаталъ: если хоть одна печать-съ будетъ не цѣла, я съ васъ спрошу-съ. У воспитанника тоже флигель опечатанъ: чтобы пальцемъ никто не смѣлъ дотронуться... такъ и скажите-съ всѣмъ. Для присмотра возьмите хоть Кирилла Семеныча людей... надежны ли они у васъ-съ?

Кириллъ Семенычъ. Надежны, братецъ: какъ за самого себя ручаюсь.

Иванъ Прокофьичъ *(Степану).* Ступайте-съ. *(Садится и начинаетъ разбирать бумаги).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кириллъ Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, къ вамъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что такое-съ?

Кириллъ Семенычъ. Объ Аннѣ Ефремовнѣ... нехорошо она поступаетъ!.. помните, Матвѣевна проболталась о письмѣ? она, точно, о всѣхъ насъ писала.

Иванъ Прокофьичъ. Ну-съ?

Кириллъ Семенычъ. И всѣхъ насъ хотѣла, чрезъ Матвѣевну, очернить передъ дядей: три тысячи обѣщала ей, чтобы та насказала ему на насъ,—а теперь съ Сергѣемъ Васильичемъ въ стачку вошла.. Вотъ она какая!

Иванъ Прокофьичъ. Все это пустяки-съ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, это не то что отъ себя говорю, а мнѣ Эмилія Петровна очень наказывала вамъ сказать.

Иванъ Прокофьичъ. Бабьи сплетни-съ.

Кириллъ Семенычъ. Сплетни-то — сплетни-съ!.. Вчера, говорятъ, Сергѣй Васильичъ цѣлый вечеръ сидѣлъ у сестрицы... Съ воспитанницей у него связь теперь затѣвается. Эмилія Петровна при всѣхъ хочетъ привесть ихъ въ краску.

Иванъ Прокофьичъ. Видно, ей самой завидно-съ.

Кириллъ Семенычъ. Похоже на то: не знаю, какъ нынче, а прежде между ними очень подозрительно было. Не оставьте меня, братецъ: человѣкъ я смирный; они этакіе хитрые люди: въ глазахъ обдѣлятъ; я съ ними и говорить не умѣю... Моя Варвара Михѣевна, передъ отъѣздомъ сюда, цѣлый день меня бранила: и ротозѣемъ, и безпамятнымъ, и почти что дуракомъ называла, въ ноги велѣла вамъ поклониться, чтобы научили да наставили; а я одинъ что съ ними сдѣлаю—пропаду!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Анна Ефремовна.

Анна Ефремовна *(къ Ивану Прокофьичу)*. Здравствуй, мой родной! *(Цѣлуется. Къ Кириллу Семенычу)*. Здравствуй, братъ Кирюша! *(Протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ; она садится)*. Обошла я сейчасъ весь домъ, и такъ мнѣ сдѣлалось грустно и тошно... Нѣтъ нашего друга и благодѣтеля, не увидимъ мы его больше никогда: лежитъ онъ теперь въ сырой землѣ!..

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ тамъ-съ будемъ.

Анна Ефремовна. Конечно, всѣ тамъ будемъ; но при всемъ томъ невозможно быть равнодушнымъ при смерти близкаго человѣка, особенно съ моимъ привязчивымъ и чувствительнымъ характеромъ... Когда же мы, братъ, приступимъ къ раздѣлу?.. Право, невыносимо жить въ такомъ бездѣйствіи.

Иванъ Прокофьевичъ. Хоть сейчасъ же: я все подготовилъ.

Анна Ефремовна. Сдѣлай милость, мой родной, покончите это скорѣе: я сегодня всю ночь не спала, не знала куда дѣваться,—даже разсердилась на свою Катюшу: мнѣ тоска неимовѣрная, а она какъ убитая спитъ... Сходи, Кириллъ Семенычъ, и позови Сережу и Эмилію: мы сейчасъ же все покончимъ.

Кириллъ Семенычъ. Какъ братцу угодно... Прикажете позвать?

Иванъ Прокофьичъ. Позовите-съ. *(Кириллъ Семенычъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Ефремовна и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна. Я, родной мой, нарочно услала брата Кирилла Семеныча. Мнѣ нужно съ тобой посовѣ-

товаться, и первое мое слово будетъ, чтобы намъ съ тобой, милый братъ, дѣйствовать въ нашемъ дѣлѣ единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Отчего же не единодушно-съ?

Анна Ефремовна. Ты, мой родной, какъ умный человѣкъ, самъ понимаешь, что въ этомъ состоитъ общая наша польза, и что прочихъ намъ опасаться нечего.

Иванъ Прокофьичъ. Отъ своего-съ никто не откажется.

Анна Ефремовна. По думѣ, можетъ быть, но по уму они не поймутъ: ты самъ знаешь очень хорошо этихъ людей. Сергѣй вѣтреный и безпутный мальчишка: деньги для него вода. Эмилія зла, но тоже пустая бабенка: она воображаетъ себя начитанной, а въ головѣ у нея ничего рѣшительно нѣтъ. Про Кириллушку и говорить нечего: по наклонностямъ онъ корыстолюбивъ, но, къ несчастію, ничего не понимаетъ... Кто-жь тутъ еще остался? Никого... Не знаю, какъ ты, а я еще съ молодыхъ лѣтъ привыкла тебя любить и уважать больше всѣхъ моихъ родныхъ.

Иванъ Прокофьичъ. И я васъ уважаю-съ.

Анна Ефремовна. Благодарю, мой другъ. Будь увѣренъ, что вполнѣ это чувствую, и потому рѣшаюсь тебя прямо спросить: что ты предполагаешь назначить мнѣ изъ имѣнія покойнаго дяди?

Иванъ Прокофьичъ. Что сами захотите-съ.

Анна Ефремовна. Если ты, родной мой, такъ обязателенъ, то я не скрою отъ тебя моего желанія: мнѣ хочется получить братнину подмосковную. Знаю, что я тутъ немного выиграю, но мнѣ она необходима для моей московской жизни. Теперь я живу и каждое яйцо покупаю, а тутъ по крайней мѣрѣ запасъ свой будетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всей подмосковной много-съ.

Анна Ефремовна. Гдѣ же тутъ много, голубчикъ мой, разсуди ты хорошенько. Мнѣ подмосковная, а тебѣ этотъ Починокъ съ деревнями.

Иванъ Прокофьичъ. Если мнѣ уступятъ-съ Починокъ съ деревнями, такъ, пожалуй, берите подмосковную-съ.

Анна Ефремовна. Да какъ же иначе? иначе и быть не можетъ. Я хоть сейчасъ подпишу Починокъ за тобой, и чтобы другіе ни говорили, я слушать даже не буду... Старшій братъ, почтенный братъ, гордость, можно сказать, цѣлаго семейства—и чтобы ему не уступить лучшей усадьбы!.. это грѣхъ и стыдно!..

Иванъ Прокофьичъ. Что же-съ?.. вамъ одну подмосковную?

Анна Ефремовна. Изъ имѣнья одну подмосковную, а изъ денегъ чтó придется.

Иванъ Прокофьичъ. Да какія же вы еще деньги нашли?

Анна Ефремовна. Которыя похищены: онѣ вѣроятно, найдутся. Я, въ этомъ случаѣ, имѣю твердую и несомнѣнную надежду.

Иванъ Прокофьичъ. Чтобы отыскать-съ ихъ, такъ надобно хлопотать, а на хлопоты нужны деньги-съ.

Анна Ефремовна. Хлопотать объ этомъ, кромѣ тебя, некому,—я тебѣ скажу это въ глаза и за глаза и надѣюсь, что словъ моихъ ты не примешь за лесть.

Иванъ Прокофьичъ. Хлопотать безъ условія я не стану-съ: если сдѣлаютъ со мной условіе, пожалуй; а не то, какъ хотятъ-съ.

Анна Ефремовна. Въ чемъ же, другъ мой, условіе твое будетъ состоять?

Иванъ Прокофьичъ. Тамъ-съ увидите: я его помѣщу въ раздѣльномъ актѣ.

Анна Ефремовна. Не знаю, чего ты хочешь, и потому ничего не могу сказать, тѣмъ болѣе, что я тутъ не одна участвую, — но напередъ увѣрена въ твоемъ благородствѣ и безкорыстіи, и, чтобы показать, что я расположена къ тебѣ не на однихъ только словахъ, я

торжественно тебѣ объявляю, что какъ только кончится раздѣлъ нашъ и какъ я тамъ получу свою часть, сейчасъ же дѣлаю духовную на имя твоего сынка,—это ты знай и помни.

Иванъ Прокофьичъ. Благодарю покорно-съ.

Анна Ефремовна. Теперь мы, кажется, поняли другъ друга съ тобой, и я еще разъ повторяю: дѣйствовать единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Bon jour, ma tante! Здравствуйте, дядя! Я на васъ въ претензіи... Зачѣмъ вы заводскихъ лошадей угнали къ себѣ въ усадьбу? Я желаю ихъ за собой оставить.

Иванъ Прокофьичъ. Что вамъ пользы въ нихъ-съ?

Сергѣй Васильичъ. Гораздо больше, чѣмъ вамъ: я заводчикъ и въ лошадяхъ нуждаюсь. Мнѣ изъ домашней рухляди ничего рѣшительно не нужно: уступите только этихъ пять лошадей.

Иванъ Прокофьичъ. Мнѣ покойный дядя еще прошлаго года обѣщалъ ихъ-съ подарить.

Сергѣй Васильичъ. Обѣщалъ да не подарилъ! онѣ должны, какъ и все прочее, идти въ раздѣлъ.

Иванъ Прокофьичъ. Ну ужь это завтра!

Сергѣй Васильичъ. Какъ же завтра? Я не согласенъ. *(Садится съ досады)*.

Иванъ Прокофьичъ. Не соглашайтесь, пожалуй.

Анна Ефремовна. Теперь еще, Сережа, ничего не кончено: Богъ дастъ, будемъ дѣлиться; братъ, можетъ быть, найдетъ и невыгоднымъ ихъ оставить за себя, или

ты самъ передумаешь и уступишь, теперь еще ничего не видно.

Сергѣй Васильичъ. Во первыхъ, ужь онѣ отведены къ дядѣ въ усадьбу: слѣдовательно, онъ нашелъ выгоднымъ ихъ взять; а во вторыхъ, я не передумаю и не уступлю. Ѣхавши сюда, я только и мечталъ объ этихъ лошадяхъ,—а ужь здѣсь и распорядились.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Эмилія Петровна съ Кирилломъ Семенычемъ.

Эмилія Петровна *(ни съ кѣмъ не кланяясь, къ Ивану Прокофьичу)*. Я немного задержала: сейчасъ получила письмо отъ моего Симона и онъ прислалъ записочку, что̀ мы желаемъ получить. *(Подаетъ ему записку)*. Какъ тутъ написано, я не смѣю и не желаю перемѣнить. Десять лѣтъ я жила на его счетъ—и въ продолженіе этого времени бумажнаго платка не имѣла возможности купить на свои деньги; даже когда выходила замужъ, такъ онъ мнѣ дѣлалъ на свой счетъ башмаки. О сиротѣ никто изъ родныхъ не хотѣлъ подумать: всѣ были заняты собой.

Иванъ Прокофьичъ *(читаетъ вслухъ, съ разстановкой, записку Эмиліи Петровны)*. «Желаемъ мы... получить на свою часть... подмосковную усадьбу Клипки, двадцать тысячъ деньгами и пятую часть изъ движимаго имѣнія»... Немного-съ.

Эмилія Петровна. Многаго мой мужъ и не позволитъ себѣ желать, а требуетъ, чтобы отдали намъ, что слѣдуетъ.

Анна Ефремовна. И всѣ, душа моя, хотятъ получить что слѣдуетъ, а о лишнемъ никто и не думаетъ...

Кириллъ Семенычъ. Гдѣ ужь лишнее! хоть бы

свое получить. Я вотъ и бѣдный и семейный человѣкъ, а не смѣю просить чего-нибудь больше: прибавятъ что-нибудь изъ расположенія—благодаренъ буду, а нѣтъ—такъ не обижусь: я такъ и женѣ сказалъ.

Эмилія Петровна. Мы съ вами, Кириллъ Семенычъ, объ этомъ по себѣ судить не можемъ *(взглядывая на Анну Ефремовну и Сергѣя Васильича)*: другіе думаютъ объ этомъ иначе.

Сергѣй Васильичъ. Что̀ это значичъ, кузина, что вы, говоря эти слова, глядите на меня?

Эмилія Петровна. Ахъ, pardon! я не знала, что на васъ нельзя взглянуть.

Сергѣй Васильичъ. Напротивъ, я всегда прихожу въ восторгъ, когда вы на меня смотрите.

Эмилія Петровна. Merci за комплиментъ. Сожалѣю, что не могу быть также съ вами любезна.

Анна Ефремовна. Вы, Эмилія Петровна, сегодня что-то ужь очень нелюбезны: даже теткѣ не хотите поклониться.

Эмилія Петровна. Вы, я думаю, не нуждаетесь въ моихъ поклонахъ.

Иванъ Прокофьичъ *(вставая)*. Черновое условіе-съ подготавилъ: «18... года, октября... дня, мы, нижеподписавшіеся, а тутъ по формѣ-съ... Пунктъ первый: я, штыкъ-юнкеръ Кириллъ Семеновъ Манохинъ *(Кириллъ Семенычъ подходитъ)*, получаю весь мужской гардеробъ покойнаго брата...

Кириллъ Семенычъ. Вотъ за это, братецъ, благодарю: у меня все уйдетъ на пользу,—лоскуточка не брошу.

Иванъ Прокофьичъ. А имѣющуюся изъ дамскихъ нарядовъ единственную турецкую шаль беру... Кому тамъ-съ изъ васъ угодно? Вы ли-съ, Анна Ефремовна, возьмете, или Эмилія Петровна? Мнѣ все равно-съ... я такъ и запишу.

Эмилія Петровна. Я беру ее, дядюшка, за себя.

Анна Ефремовна. Нѣтъ, мой родной, эту шаль я желаю имѣть: она жены покойнаго брата, которая была всегда моимъ другомъ, и я желаю ее сохранить на память.

Иванъ Прокофьичъ. Какъ же-съ?

Эмилія Петровна. Я не уступаю.

Анна Ефремовна. А я подавно.

Иванъ Прокофьичъ. Такъ-съ разорвите пополамъ.

Анна Ефремовна. Пусть лучше разорвется пополамъ, но я не хочу, чтобы она была въ чьихъ-нибудь рукахъ.

Эмилія Петровна. И для меня это будетъ пріятнѣе.

Иванъ Прокофьичъ. Подайте, Кириллъ Семенычъ, шаль. *(Кириллъ Семенычъ подаетъ).* Рвать что ли-съ?

Сергѣй Васильичъ *(вставая и подходя).* Конечно, рвать; давайте, я вамъ пособлю. *(Разрываютъ шаль и подаютъ одну половину Аннѣ Ефремовнѣ, а другую Эмиліи Петровнѣ).*

Сергѣй Васильчъ *(Садясь на мѣсто).* C'est charmant!

Анна Ефремовна *(Эмиліи Петровнѣ).* Какъ это умно и благородно съ вашей стороны!

Эмилія Петровна. Точно такъ же, какъ и съ вашей.

Иванъ Прокофьичъ. Пунктъ второй-съ: изъ полутора пуда серебра получить полпуда мнѣ Ивану Прокофьичу Манохину, полпуда Аннѣ Ефремовнѣ Бурыленко и полпуда Эмиліи Петровнѣ Синициной.

Кириллъ Семенычъ. А мнѣ-то, братецъ, что же? пустое мѣсто?

Иванъ Прокофьичъ. Вы-съ гардеробъ братнинъ получили: тутъ есть шуба въ двѣсти серебромъ.

Кирилъ Семенычъ. Какая ужь шуба! вытерта.

Иванъ Прокофьичъ. Поправить можно-съ... «Третіе: экипажи»...

Сергѣй Васильичъ. Вы обо мнѣ, Иванъ Прокофьичъ, кажется, совсѣмъ забыли; но я не умеръ еще, —увѣряю васъ: напротивъ, даже очень здоровъ.

Иванъ Прокофьичъ. Придетъ очередь и до васъ. «Экипажи: четырехмѣстную карету беру я, Кириллъ Семенычъ, двумѣстную карету—я, Анна Ефремовна, коляску съ фордекомъ — я, Эмилія Петровна, тарантасъ крашеный—я. Сергѣй Васильичъ; а пролетки мнѣ-съ».

Сергѣй Васильичъ. Attendez, mon oncle, этого нельзя: пролетки на лежачихъ рессорахъ.

Иванъ Прокофьичъ. А вашъ тарантасъ на стоячихъ, чтó-ли?

Сергѣй Васильичъ. Пролетки и тарантасъ двѣ вещи разныя; предоставте мнѣ эту часть знать не хуже вашего: у меня цѣлый сарай экипажей.

Кириллъ Семенычъ. Братецъ, карета-то, которую вы мнѣ назначили, никуда не годится. У покойника индюшки въ ней яйца высиживали... Мнѣ только старье и даютъ.

Иванъ Прокофьичъ. На всѣхъ не угодишь... «Пунктъ четвертый, изъ бѣлья столоваго и прочаго, значущагося въ описи, одну половину дѣлимъ мы на равныя части—я, Анна Ефремовна, Эмилія Петровна и Сергѣй Васильичъ; а другую половину предоставляемъ мы брату и дядѣ нашему, Кириллу Семенычу, по многочисленности его семейства». Вотъ вамъ нестарое.

Кириллъ Семенычъ. Нестарое, братецъ: это хорошо,—да въ другомъ обидно.

Анна Ефремовна. Бѣлье, я полагаю, надобно раздѣлить поровну: кто жь по хозяйству, въ бѣльѣ не нуждается?

Эмилія Петровна. Я изъ бѣлья должна получить пятую часть: этого желаетъ мой мужъ, и я не могу измѣнить.

Иванъ Прокофьичъ. «Пятый пунктъ: посуда: пять

дюжинъ тарелокъ Эмиліи Петровнѣ, стекло и хрусталь Аннѣ Ефремовнѣ, чашки, чайники и три желѣзные подноса Кириллу Семенычу, бритвенную шкатулку Сергѣю Васильичу; а столовый и чайный приборъ съ голубыми разводами я беру за себя-съ».

Анна Ефремовна. Ты это, братъ, говоришь про саксонскій сервизъ?

Иванъ Прокофьичъ. Я не знаю-съ, какой онъ: можетъ быть, и саксонскій.

Анна Ефремовна. Это родной мой, перемѣните. Я буду покорнѣйше просить, чтобы этотъ сервизъ мнѣ уступили: у меня съ нимъ связано самое драгоцѣнное воспоминаніе; его подавали на моей свадьбѣ; а кому это время не дорого?

Кириллъ Семенычъ. А мнѣ опять старое: изъ чашекъ ни одной нѣтъ цѣлой: всѣ съ трещиной; я еще вчера всѣ пересматривалъ. Согрѣшилъ я, грѣшный: ни въ чемъ мнѣ, видно, счастья нѣтъ.

Эмилія Петровна. Мнѣ пяти дюжинъ тарелокъ вовсе не нужно: что̀ мнѣ съ ними дѣлать? Въ одномъ ужь очень щедры, а въ другомъ скупы.

Сергѣй Васильичъ. Интереснѣе всего, что Иванъ Прокофьичъ беретъ себѣ и пролетки, и сервизы, а меня награждаетъ березовой шкатулкой съ двумя какими-то бритвами: это славно, право, славно!

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами отказались отъ движимости: я васъ не заставлялъ. Будьте благодарны, что и то даютъ... «Находящуюся въ двухъ усадьбахъ, въ здѣшнемъ Починкѣ и въ подмосковной Клинкахъ, всю мебель, а равно рогатый и другой скотъ наслѣдуютъ безраздѣльно тѣ, которые примутъ на себя вышеозначенные Починокъ и Клинки. Пунктъ седьмой: недвижимое: я, Кириллъ Семенычъ, принимаю на себя деревню Захарьино съ писанными за ней, по послѣдней ревизіи, осмьюдесятью душами и со всѣми замежеванными къ ней

земляными угодьями, такъ какъ оныя прилегаютъ къ собственнымъ моимъ владѣніямъ. Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьемъ скотомъ, и семьдесятъ душъ».

Эмилія Петровна. Постойте, дяденька, я не согласна: это совершенно противно нашимъ намѣреніямъ.

Иванъ Прокофьичъ. Дайте-съ кончить-то! послѣ наговоритесь... что вамъ не терпится!... «А остальныя восемьдесять душъ около тѣхъ же Клинокъ, въ деревнѣ Зайцовѣ, получить мнѣ, Эмиліи Петровнѣ, съ половиннымъ количествомъ земли, замежеванной въ общую дачу Клинковъ съ Зайцовымъ».. Вотъ и вамъ досталось тутъ же... о чемъ хлопотали...

Анна Ефремовна. Перечитайте, мой родной, сначала мой пунктъ: я что-то плохо понимаю. Дѣло вѣковое: надобно поступить пунктуально.

Иванъ Прокофьичъ *(скороговоркой)*. «Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьимъ скотомъ и семьдесять душъ».

Анна Ефремовна. Семьдесятъ мало, мой родной: при Починкѣ, который вы желаете оставить за собой, ихъ сто пятьдесятъ; въ этомъ количествѣ, мнѣ принять безвыгодно.

Эмилія Петровна. У насъ не раздѣлъ, а умора: Аннѣ Ефремовнѣ семьдесять душъ съ усадьбой мало, а мнѣ только восемьдесять, безъ усадьбы и безо всего...

Иванъ Прокофьичъ. Никакой тутъ уморы нѣтъ, ваши восемьдесять душъ стоятъ вдвое противъ сестриныхъ.

Анна Ефремовна. Вотъ, видишь, мой родной, ты самъ сознаешься, что меня обижаешь: это невозможно такъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вамъ усадьба идетъ: неужели вы этого не понимаете? «Изъ числа писанныхъ по усадьбѣ Починку полтораста душъ принять мнѣ, Сергѣю Васильичу Захарову, восемьдесять душъ, поселенныхъ въ деревнѣ Фарисеевкѣ; а мнѣ, Ивану Прокофьеву, владѣть остальными семидесятью душами и усадьбою Починкомъ, со всѣми его земляными, лѣсными и другими угодьями, скотомъ, господскимъ и надворнымъ строеніемъ, и все находящееся въ той усадьбѣ, за исключеніемъ движимости, значащейся въ раздѣльномъ актѣ, получить мнѣ безраздѣльно.

Сергѣй Васильичъ. Браво! эта статья верхъ совершенства. Вы, Иванъ Прокофьичъ, оставляете за собой и кровныхъ лошадей, и движимость, и усадьбу.

Иванъ Прокофьичъ. Вмѣсто усадьбы вамъ даютъ десять душъ лишнихъ. Братъ Кириллъ Семенычъ тоже беретъ восемьдесять душъ безъ усадьбы.

Кириллъ Семенычъ. Ай, братецъ! вся ваша воля, я Захарьина не беру: что-что восемьдесять душъ!

Иванъ Прокофьичъ. Ну, такъ возьмите фарисеевскихъ восемьдесятъ.

Кириллъ Семенычъ. А въ Фарисеевкѣ развѣ лучше? вотъ какъ въ Починкѣ, такъ не скажемъ...

Иванъ Прокофьичъ *(передразнивая его).* Не скажемъ... вы только затѣмъ и ротъ разѣваете, чтобы сказать пустяки!... «Объ имѣвшихся у покойнаго нашего брата деньгахъ, которыя въ настоящее время похищены, всѣ мы, вышеозначенные наслѣдники, уполномочиваемъ разъискивать оныя коллежскаго асессора Ивана Прокофьича Манохина, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя всѣ нужные къ тому дѣлу предварительные расходы, кои мы, съ своей стороны, въ случаѣ неотысканія денегъ, обязуемся ему, Ивану Манохину, пополнить, по причитающейся на каждаго части изъ своихъ собственныхъ доходовъ; а въ случаѣ же, буде тѣ деньги отыщутся,

то предоставляемъ ему, Ивану Манохину, двѣ трети, а остальную треть раздѣлить между собой... Вотъ и все-съ». *(Садится. Молчаніе).*

Эмилія Петровна *(заговариваетъ первая).* Ни съ четвертымъ, ни съ пятымъ, ни съ шестымъ, ни съ седьмымъ пунктами я не могу согласиться. Симонъ мнѣ назначилъ принять подмосковную Клинки, и я ихъ никому не уступлю.

Анна Ефремовна. Вы бы, Эмилія Петровна, ужь лучше написали, чтобы вамъ все съ мужемъ отдали: это было бы выгоднѣе.

Эмилія Петровна. Всего я никакъ не надѣюсь получить, оттого, что дѣйствую прямо, а не отдаленными путями. Я къ покойному дѣдушкѣ, чтобы выиграть въ его мнѣніи, не писала черезъ служанокъ писемъ. У меня нѣтъ ни воспитанницъ, ни племянниковъ, которые бы мнѣ помогали, а имѣю только мужа, волю котораго и исполняю.

Анна Ефремовна. Пріостановитесь, Эмилія Петровна: вы ужь черезчуръ зафантазировались,—пріостановитесь! Вы слишкомъ еще молоды, чтобы задѣвать тетку, къ которой вы обязаны почтеніемъ.

Эмилія Петровна. Ахъ, Боже мой! не могу же я быть такая почтительная племянница, какъ вашъ племянникъ Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вамъ Сергѣй Васильичъ помѣшалъ? Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ; я васъ не трогаю! Что вамъ надобно отъ меня?

Эмилія Петровна. Какъ вы самолюбивы: вы думаете, что вами всѣ интересуются? Ошибаетесь: повязка съ глазъ спала,—теперь васъ очень хорошо понимаютъ. Я, дядюшка, Иванъ Прокофьичъ, сказала вамъ рѣшительно, что несогласна ничего уступить, что захотятъ Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Анна Ефремовна. Она съ ума сошла, право, съ

ума сошла! Ты полѣчись, душа моя: этакой болѣзни запускать не надобно. Ты и всегда была интересанка; но по крайней мѣрѣ прежде ты скрывала, а теперь... это ужасъ!

Эмилія Петровна. Пусть я буду интересанка и безумная, а обсчитать вамъ себя не позволю. Дядя Кириллъ Семенычъ будетъ тоже согласенъ со мной, потому что, пользуясь его добротой, ему тоже ничего не даютъ.

Кириллъ Семенычъ. Истинно такъ, ничего не даютъ. Я только говорить боюсь. Какъ братцу Ивану Прокофьичу угодно, а мнѣ къ этому подписаться нельзя. Захарьина я не беру; а изъ движимости только и надѣлили старымъ платьемъ: живи, какъ хочешь! Обидѣть меня легко: человѣкъ я кроткій. Вамъ, сестрица Анна Ефремовна, хорошо: вы и умныя, и бойкія; а я что?

Анна Ефремовна. Это, стало быть, Сережа, мы съ тобой больше всѣхъ получили?

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ жь, ma tante, я больше всѣхъ получилъ? Мнѣ, Богъ знаетъ что такое надавали!... Иванъ Прокофьичъ захватилъ все себѣ. Одни лошади стоятъ три тысячи цѣлковыхъ...

Анна Ефремовна. Къ этому, другъ мой, я и веду разговоръ. *(Къ Эмиліи Петровнѣ и Кириллу Семенычу):* успокойтесь, милостивые государи, я тоже не согласна: брата Кирилла Семеныча мнѣ тяжело даже видѣть. Онъ старается представить изъ себя какого-то попрошайку, которыхъ никогда еще въ нашемъ родствѣ, благодаря Богу, не бывало. А васъ Эмилія Петровна, я заставлю молчать, и вы раскаетесь въ томъ, что наговорили. Вы надѣетесь на благородство Сережи: остерегитесь, на все есть границы; но что слишкомъ грустно для моего сердца, такъ это то, что я ошиблась въ братцѣ Иванѣ Прокофьичѣ! За всю мою слѣпую и глупую, можно сказать, любовь, онъ мнѣ платитъ не тѣмъ...

Иванъ Прокофьичъ *(сидѣвшій, отвернувшись отъ всѣхъ, устремивъ глаза на потолокъ, оборачивается къ Аннѣ Ефремовнѣ)*. Что-же-съ вамъ еще надобно?

Анна Ефремовна. Родной мой, ты самъ знаешь, что мнѣ надобно: я желаю получить подмосковную по крайней мѣрѣ со ста душами. Отъ денегъ я тоже не могу отказаться.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ: вамъ подмосковная со ста душами, да денегъ тысячъ пятьдесятъ, что ли?

Анна Ефремовна. Я довольна буду двадцатью-пятью.

Иванъ Прокофьичъ. Положимъ такъ-съ. *(Сергѣю Васильичу)*. Вы чего желаете-съ?...

Сергѣй Васильичъ. Мнѣ надобно тоже денегъ, лошадей оставьте за мной и дайте крестьянъ.

Иванъ Прокофьичъ. Я думаю, этакъ, душъ полтораста?

Сергѣй Васильичъ. Безъ усадьбы, конечно, полтораста.

Иванъ Прокофьичъ. Ну, вотъ полтораста, — да денегъ тысячъ тридцать? довольно?

Сергѣй Васильичъ. Довольно.

Иванъ Прокофьичъ *(Къ Эмиліи Петровнѣ)*. Вамъ чего сколько-съ?

Эмилія Петровна. Мнѣ — что написано въ запискѣ; я больше не желаю.

Иванъ Прокофьичъ *(къ Кириллу Семенычу)*. А вы что-съ?

Кириллъ Семенычъ. Серебра вы, братецъ, мнѣ ничего не дали: у меня въ домѣ всего двѣ дюжины ложекъ; мнѣ серебро очень нужно.

Иванъ Прокофьичъ. Пудъ, что ли, вамъ отдать?

Кириллъ Семенычъ. Пудъ ужъ гдѣ! хоть бы пол-

пуда! изъ платья, если хотите, я уступлю вамъ или Сергѣю Васильичу.

Иванъ Прокофьичъ. А недвижимое—какъ по вашему, сколько вамъ слѣдуетъ?

Кириллъ Семенычъ. Изъ недвижимаго, братецъ, Починокъ бы мнѣ получить; а Захарьино мнѣ не къ рукамъ.

Иванъ Прокофьичъ. Слава Богу, раздѣлились! Я тоже себѣ часть выдѣлю!... Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ)*. Позови еще Фильку и Ѳомку... *(Обращается къ роднымъ)*. Покойной ночи желаю вамъ!... До пріятнаго свиданья-съ! Я тоже себѣ выдѣлю! *(Уходитъ въ сильномъ азартѣ)*.

Анна Ефремовна. Боже мой, что онъ хочетъ предпринять?

Кириллъ Семенычъ. Согрѣшили мы несчастные! *(Всѣ остаются въ страхѣ или въ недоумѣніи)*.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Наугольная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Ефремовна *сидитъ въ большихъ креслахъ;* **Катенька** *стоитъ сзади и растираетъ ей руку.*

Анна Ефремовна. Не тутъ... ниже... неужели ты по сю пору не знаешь, которое мѣсто у меня поражено?... Теперь выше, да прижимай крѣпче: надобно кровь разбить... Такой несообразительной дѣвочки, какъ ты, сhère Катишъ, трудно даже вообразить: ты умѣешь только ѣсть и спать; признательности въ тебѣ никакой: покойна ли я, или разстроена, тебѣ все равно. *(Катенька плачетъ)*. А, тутъ слезы... Раскаяніе, другъ мой, полезно, если оно влечетъ за собой исправленіе, а если нѣтъ, такъ для чего же оно?... Сейчасъ раскаешься, а черезъ полчаса сдѣлаешь еще хуже.

Катенька. Я не знаю, маменька, чѣмъ я противъ васъ виновата.

Анна Ефремовна. Ты виновата своей холодностью, своей нелюбовью, своимъ невниманіемъ ко мнѣ.

Катенька. Я васъ очень люблю и если что дѣлаю нехорошо, такъ безъ всякаго умысла.

Анна Ефремовна. Нехорошо дѣлать съ умысломъ или безъ умысла: все нехорошо... Отчего же я, старуха, не позволю себѣ ничего, что бы могло быть названо дурнымъ. Здѣсь теперь всѣ мои родные: чего они не дѣлаютъ, на что не рѣшаются, а я одна держу себя благородно... видишь ли ты это?

Катенька. Вижу-съ.

Анна Ефремовна. А кому ты должна подражать? мнѣ или другимъ?

Катенька. Вамъ, маменька!

Анна Ефремовна. Вамъ, маменька!... Это только одни слова пустыя, а на дѣлѣ ничего нѣтъ.

Катенька. Я стараюсь.

Анна Ефремовна. Не вижу я съ твоей стороны никакого старанія... Еслибы старалась, такъ понимала бы, въ какомъ я теперь ужасномъ положеніи! Я ѣхала сюда поправить свои обстоятельства, а что же вышло? другой день сижу безъ кофею, потому что не на что купить этихъ пустяковъ... Будь у меня хоть сколько-нибудь денегъ, я бы минуты здѣсь не осталась и прямо бы поѣхала въ подмосковную. Ты смотришь, это я по наружности, покойна,—такъ узнай, что у меня на сердцѣ происходитъ. Надобно имѣть мой твердый характеръ, чтобы все это скрыть и перенесть. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ у меня теперь остался одинъ только Сережа, а ты и того своимъ глупымъ обращеніемъ отталкиваешь отъ меня.

Катенька. Вы меня, маменька, за него въ Москвѣ сами бранили: онъ очень нехорошо со мной обращается.

Анна Ефремовна. Если я тебя бранила, такъ, вѣроятно, за что нибудь въ самомъ дѣлѣ нехорошее, и ты всетаки должна помнить, что онъ мой племянникъ. Изволь сейчасъ утереть слезы и не хмурься! я ненавижу сердитыхъ лицъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ *разстроенный.*

Анна Ефремовна. Вотъ онъ и самъ, легокъ на поминѣ... Что съ тобой, Сережа? На тебѣ лица нѣтъ!

Сергѣй Васильичъ. Это ужасно, ma tante! Этотъ Иванъ Прокофьичъ, Богъ знаетъ что, дѣлаетъ!

Анна Ефремовна. Что такое еще? Ахъ, Творецъ, Творецъ мой небесный! пошли только терпѣнье.

Сергѣй Васильичъ. Онъ собирается къ себѣ увезти все, наряжаетъ подводы, распоражается людьми; а когда я велѣлъ заложить пролетки и хотѣлъ осмотрѣть шесть хомутовъ—потому что онъ какъ ни кричи, а я ему этихъ вещей не уступлю—онъ вдругъ запрещаетъ, избилъ моего кучера.

Анна Ефремовна. Отступись, мой другъ; смири себя и отнеси это къ его необразованію.

Сергѣй Васильичъ. Хорошо необразованіе!.. Позволять себѣ дѣлать все, а мы должны смотрѣть на все равнодушно!..

Анна Ефремовна. Не равнодушно, мой другъ, а мы теперь должны имѣть другое въ виду: пускай онъ тутъ куралеситъ, а намъ надобно ѣхать въ подмосковную, которая, самъ согласись, цѣлый мѣсяцъ безъ всякаго надзора; надобно же кому-нибудь принять ее поскорѣе.

Сергѣй Васильичъ. Вы куда хотите поѣзжайте, а я отсюда не тронусь и шагу ему не дамъ ступить безъ себя.

Анна Ефремовна. Если ты мой другъ, непремѣнно хочешь, такъ оставайся,—это будетъ даже полезно, потому что ты всетаки своимъ вліяніемъ будешь ограничивать его; но меня, мой другъ, отпусти.

Сергѣй Васильичъ. Я васъ и не держу, ma tante.

Анна Ефремовна. Но тутъ, другъ мой, дѣло вотъ въ чемъ: надѣясь на твое расположеніе, я хочу повѣрить

тебѣ маленькій секретъ мой. Смѣшно сказать, а мнѣ тронуться отсюда нельзя: поѣхавъ изъ Москвы, я думала, что я сейчасъ получу наслѣдство, и очень мало взяла съ собой денегъ и теперь сижу безъ полушки... во всю жизнь со мной не бывало такого случая... Ты, конечно: одолжишь мнѣ рублей сто на дорогу; ужь это будетъ и кстати къ тѣмъ, которые я тебѣ должна, и всю ужь сумму сполна я къ тебѣ вышлю съ первой же почтой.

Сергѣй Васильичъ. Очень бы радъ вамъ услужить, ma tante, но у меня у самого нѣтъ денегъ ни гроша...

Анна Ефремовна. Какъ, ни гроша?

Сергѣй Васильичъ. Да такъ—ни гроша, да и только.

Анна Ефремовна *(грустно)*. Пустяки! не хочешь дать: это другое дѣло. Вотъ въ этакихъ случаяхъ, другъ мой, и узнается расположеніе! Какъ разсудить теперь хорошенько, такъ и увидишь, что Ивана Прокофьича обвинять во многомъ и не за что: онъ дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ прямо.

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ же мнѣ взять вамъ денегъ? не украсть же ихъ мнѣ!

Анна Ефремовна. Кто жь васъ заставляетъ украсть? н что это у васъ за выраженія! Я не Эмилія Петровна, съ той вы говорите, какъ вамъ вздумается, а со мной прошу быть осторожнѣе... *(Къ Катенькѣ)*. Что ты здѣсь сидишь? у тебя особенная страсть быть тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Какъ гдѣ только мужчины, тутъ насъ извините, тутъ мы приросли къ мѣсту... иди въ свою комнату. *(Катенька уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Я не понимаю, ma tante, за что вы на всѣхъ сердитесь.

Анна Ефремовна. Ни на кого я не сержусь, а оплакиваю, что мнѣ цѣлый вѣкъ суждено въ людяхъ

ошибаться. Я ко всѣмъ съ распростертыми объятіями и готовностью отдавать всякому родному послѣднее, а мнѣ отвѣчаютъ одной холодностью. Я другимъ снисхожу недостатки и даже терплю пороки ихъ, а мнѣ въ истинной нуждѣ никто не хочетъ помочь.

Сергѣй Васильичъ. Вы требуете невозможнаго: дай вамъ денегъ, когда ихъ у самаго нѣтъ!

Анна Ефремовна. Это одна ничтожная отговорка. Если у тебя и дѣйствительно нѣтъ, то ты, какъ мужчина, сейчасъ можешь достать.

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ же я могу достать? у меня нѣтъ здѣсь заемнаго банка.

Анна Ефремовна. Хорошо... будь по вашему... *(Звонитъ. Является горничная)*. Позови мнѣ, пожалуйста, старосту. *(Къ Сергѣю Васильичу)*. Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ: я больна и разстроена.

Сергѣй Васильичъ. Чтожъ вы меня гоните отъ себя?

Анна Ефремовна. Я не гоню, а прошу дать мнѣ покой. Это желаніе въ мои лѣта весьма извинительно; а съ твоей стороны очень неделикатно не понимать этого.

Сергѣй Васильичъ. Извольте, я уйду; пожалуй сердитесь: для меня право, все равно.

Анна Ефремовна. Я это вижу.

Сергѣй Васильичъ *(уходя)*. Какъ вы смѣшны.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анна Ефремовна *(вслѣдъ ему)*. Я сумашедшая была, что понадѣялась на этого повѣсу. *(Входитъ староста)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Ефремовна и Ѳаддей Сидоровъ.

Анна Ефремовна. Здравствуй, Ѳаддеюшка! я ужь тебя давно поджидаю. Что скажешь хорошенькаго?

Ѳаддей Сидоровъ. А что сказать-съ! хорошаго мало.

Анна Ефремовна. Чтожъ насчетъ денегъ, голубчикъ мой, когда ты меня удовлетворишь?

Ѳаддей Сидоровъ. Искалъ вчера, по вашему приказанію.

Анна Ефремовна. Ну, что же?..

Ѳаддей Сидоровъ. Нигдѣ не могъ достать.

Анна Ефремовна. Такъ ты бы, другъ мой, покуда мнѣ своихъ далъ, хоть бы рублей семьдесятъ серебромъ: послѣ получишь.

Ѳаддей Сидоровъ. Какія у меня, сударыня, свои деньги! своихъ у меня нисколько нѣтъ.

Анна Ефремовна. Какже нисколько, когда ты даже передъ смертію дяди получилъ пятьдесятъ рублей серебромъ въ награду?

Ѳаддей Сидоровъ. Только и есть; да и тѣ запечатаны.

Анна Ефремовна. Отчего жь это никто не хочетъ повѣрить мнѣ?

Ѳаддей Сидоровъ. Иванъ Прокофьичъ запретъ сдѣлалъ.

Анна Ефремовна. Это какими судьбами?

Ѳаддей Сидоровъ. Не могу ничего знать.

Анна Ерфемовна. Такъ твоя обязанность, Ѳаддей Сидоровъ, внушить; ты мужикъ умный... Неужели не понимаешь, что Иванъ Прокофьичъ и я здѣсь равны.

Ѳаддей Сидоровъ. Говорено было, да толкуютъ другое. Починокъ, говорятъ, Ивану Прокофьичу достался: онъ вчера объ этомъ повѣстилъ всѣхъ.

Анна Ефремовна. А! если это такъ, такъ поди же и объяви отъ моего имени, что Ивану Прокофьичу никогда Починокъ не достанется. Мы всѣ родные на это не согласны.

Ѳаддей Сидоровъ. Какъ мнѣ это, сударыня, дѣлать! вся ваша воля... а мнѣ дѣлать эвтакія дѣла опасно!

Анна Ефремовна. Отчего же тебѣ съ Иваномъ Прокофьичемъ не опасно дѣлать? Какже ты его допускаешь здѣсь распоряжаться, какъ въ собственномъ имѣніи? Ты думаешь, что мы не знаемъ, что вы хлѣбъ думаете вывезти? Все, мой милый, знаемъ, все намъ извѣстно.

Ѳаддей Сидоровъ. Я тутъ воспрещать не могу.

Анна Ефремовна. Ты долженъ, однако, слушаться и меня.

Ѳаддей Сидоровъ. Я и то слушаюсь; отъ меня, кажись...

Анна Ефремовна. Ну, не разсуждай много, любезный... я не люблю говоруновъ. *(Гордо и строго)*. Сколько послѣ покойнаго дяди осталось хлѣба?

Ѳаддей Сидоровъ. Хлѣба довольно-съ.

Анна Ефремовна. Сколько именно?

Ѳаддей Сидоровъ. Четвертей двѣсти слишкомъ есть одной ржи.

Анна Ефремовна *(совсѣмъ ужь поднявъ голову)*. Собери же сейчасъ какъ можно больше подводъ, забери сто четвертей и продай въ городѣ, а деньги доставь мнѣ... Можешь идти.

Ѳаддей Сидоровъ. Я, сударыня, по себѣ хлѣба продавать не смѣю: у Ивана Прокофьича теперь и ключи всѣ отъ амбаровъ на храненіи.

Анна Ефремовна. Я съ Иваномъ Прокофьичемъ не только что говорить, видѣться не хочу; а я требую, чтобы ты исполнилъ мое приказаніе; а ты дѣлай, какъ хочешь. *(Староста, постоявъ нѣсколько времени, уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Ефремовна *сперва одна, потомъ* **Катенька.**

Анна Ефремовна *(одна)*. Послѣдняя надежда лопнула... Господи, вразуми меня!.. Соображеніе даже начинаю терять... Развѣ сойтись опять съ братомъ Ива-

номъ. Я это еще прежде предчувствовала. Пускай-бы другіе ему противорѣчили: онъ бы на нихъ разсердился, а со мной бы еще больше сблизился и отпустилъ бы меня въ подмосковную. Онъ здѣсь, а я тамъ,—и прекрасно бы было!.. Катенька!.. *(Катенька входитъ)*. Приготовься писать...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Григорій, *съ заткнутой за петлю салфеткой.*

Григорій. Гдѣ прикажете, матушка, на столъ накрывать? Хотѣлъ было въ столовой—Эмилія Петровна не приказала: Матвѣевну теперь взяли для всѣхъ услугъ. Иванъ Прокофьичъ тоже ничего не сказалъ... На сколько теперь приборовъ накрывать—не знаю...

Анна Ефремовна. Ты все еще, Григорьюшка, по прежнему, какъ при дядѣ, бывало, хочешь видѣть всѣхъ насъ за общимъ столомъ? Нѣтъ, старичокъ, мы не только что обѣдать, мы имени слышать другъ друга не можемъ.

Григорій. Слышалъ, матушка Анна Ефремовна! Экое дѣло! все у васъ на неудовольствіе пошло.

Анна Ефремовна. Грѣхъ на дядюшкѣ: кáкъ бы онъ оставилъ одному, такъ бы лучше было... Я тебя думаю, Григорьюшка, взять къ себѣ. На дняхъ ѣду я въ Москву. Соберись, голубчикъ, со мной. Что тебѣ здѣсь дѣлать!

Григорій. Какъ вамъ угодно; я ни отъ чего не прочь. Службы-то отъ меня спрашивать нельзя: старъ больно.

Анна Ефремовна. Не для службы я тебя беру, а успокоить твою старость желаю, въ память моего друга и дяди, къ которому ты нелицемѣрно былъ привязанъ. У тебя, должно быть, есть деньжонки и имѣньице какое-

нибудь? какъ бы тебѣ его выручить? Иванъ Прокофьичъ, говорятъ, все у васъ запечаталъ.

Григорій. А что, матушка, у меня ничего нѣтъ. Одинъ чуланчишка; а въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ сапожишковъ.

Анна Ефремовна. Куда же ты деньги-то дѣвалъ пятьдесятъ рублей серебромъ, которыми тебя наградили?

Григорій. Дочкѣ отослалъ; она у меня за мѣщанина выдана. Думалъ за старостью она призритъ: мнѣ на хлѣбъ и хватитъ; а ей будетъ полегче; даромъ что въ мѣщанствѣ, а небогато живетъ. Самъ-то бы и старателенъ и работящъ, да какъ-то безтолковъ, дурашенъ очень...

Анна Ефремовна *(Катенькѣ)*. Готова ли ты? *(Григорью)*. Ступай; а обѣдать не буду.

Григорій. Ну, вотъ тебѣ! никто и обѣдать не хочетъ... Экія времена пришли! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна. Матвѣевна правду сказала: прелукавый старичишка! *(Катенькѣ)*. Пиши. *(Диктуетъ)*. «Многоуважаемый братецъ, Иванъ Прокофьичъ! другой «день я не осушаю глазъ послѣ той непріятности, ко«торая, совершенно съ моей стороны невинно, вышла «между нами. Повѣрьте, родной мой братецъ, я совер«шенно согласна на ваши желанія, и если что сказала, «такъ для того только, чтобы остановить прочую нашу «роденьку. Я прежде говорила и теперь готова пись«менно подтвердить, что Починокъ долженъ вамъ при«надлежать и въ доказательство этого хочу уѣхать от-

«сюда. Изъ движимости я возьму только, что вами мнѣ «предназначено. Двумѣстную карету оставляю въ вашу «пользу и вмѣсто ея прошу мнѣ выдать хоть сто руб«лей серебромъ, чтобъ я имѣла возможность отсюда «уѣхать, потому что говорю вамъ, какъ брату, на уча«стіе котораго всегда надѣялась, что я не имѣю полушки «въ моемъ кошелькѣ. При составленіи раздѣльнаго акта «я буду просить васъ оставить за мной подмосковную, «какъ вы уже и обѣщали. Примите, любезный братецъ, «мое искреннее увѣреніе въ томъ душевномъ располо«женіи, которое всегда питала, по гробъ васъ любящая...» Хорошо, дай мнѣ. *(Подписывается)*. Теперь сходи душа моя, отыщи брата и сама отдай ему въ руки. *(Катенька уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX

Анна Ефремовна *(одна)*. Хоть бы въ этомъ мнѣ успѣть! Такой страдалицы, какъ я, нѣтъ кажется, на свѣтѣ другой! Съ пятнадцати лѣтъ все въ долгахъ, и сама не понимаю, отчего это происходитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Катенька.

Катенька *(вбѣгая)*. Маменька!..

Анна Ефремовна. Что еще такое случилось?

Катенька. Сергѣй Васильичъ!... онъ тамъ, въ коридорѣ: мнѣ пройти нельзя.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ *(показываясь въ дверяхъ)*. Не вѣрьте, ma tante: я, право, ничего.

Анна Ефремовна. Сергѣй Васильичъ... имѣйте хоть сколько нибудь стыда... Извольте отсюда идти: я видѣть васъ не желаю.

Сергѣй Васильичъ. Зачѣмъ же уйти? развѣ я вамъ мѣшаю?

Анна Ефремовна. Повторяю вамъ, идите вонъ... повѣса!

Сергѣй Васильичъ. Чтожъ вы кричите? напередъ заплатите деньги, которыя вы мнѣ должны.

Анна Ефремовна. Теперь не мѣсто и не время объ этомъ говорить... Отдала ли ты, Катюша, брату Ивану письмо, и что онъ тебѣ сказалъ?

Катенька. Отдала, маменька; онъ просилъ васъ черезъ полчаса придти въ большую залу.

Анна Ефремовна *(къ Сергѣю Васильичу)*. Уйдете вы или нѣтъ?

Сергѣй Васильичъ. Чѣмъ же я васъ безпокою?

Анна Ефремовна. Всѣмъ! и я вынуждена буду просить сюда брата Ивана Прокофьича, чтобъ онъ васъ научилъ быть вѣжливѣе.

Сергѣй Васильичъ. Вы заблуждаетесь, ma tante. Иванъ Прокофьичъ ужъ за мной присылалъ; мы будемъ съ нимъ скоро друзья, и я ему разскажу все, на что вы меня подъучали, adieu! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна *(всплеснувъ руками)*. Боже мой, Боже мой! подкрѣпи меня... Чего ни я терплю, чего ни переношу! всѣ меня оскорбляютъ... *(Начинаетъ рыдать)*.

Катенька. Да вы, маменька, успокойтесь: прилегли-бы немного.

Анна Ефремовна *(слабымъ голосомъ)*. Сведи меня. *(Катенька беретъ ее подобострастно подъ руку и уводитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Входятъ Иванъ Прокофьичъ и Кириллъ Семенычъ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, ничего не говорилъ, ей Богу, ничего не говорилъ: вы тогда не разслушали, а я слова противъ васъ не сказалъ. Больше все говорили Эмилія Петровна да Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофьичъ *(садясь)*. Мнѣ-съ все равно.

Кириллъ Семенычъ. Я ужь теперь съ Эмиліей Петровной поссорился: начала меня посылать въ городъ, чтобы я ѣхалъ да на васъ жалобу подалъ; я не согласился.

Иванъ Прокофьичъ. Въ чемъ же-съ жалобу-съ?

Кириллъ Семенычъ. А вотъ, что вы... усадьбу, говоритъ, хотите разорить. Все теперь сидитъ съ Матвѣевной да разсуждаетъ. Совѣтницу какую нашла! Даромъ, что молодая барыня, а хуже старой: въ домѣ все на замкѣ; какъ куда уѣзжаетъ изъ дому, будто не нарочно и увезетъ всѣ ключи съ собой; а Симонъ и ходитъ по горницамъ да хлопаетъ глазами. *(Иванъ Прокофьичъ не слушаетъ. Кириллъ Семенычъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія)*. Вы бы, братецъ, опять насъ подѣлили; а то что намъ безъ васъ дѣлать! Пожалуй, живи здѣсь—толку ничего не будетъ! Лучше бы ужь на одинъ конецъ.

Иванъ Прокофьичъ. Если-съ мнѣ не дадутъ-съ, что я себѣ написалъ-съ, я ничего не буду дѣлать.

Кириллъ Семенычъ. Такъ и возьмите, что написали: я не прочь... Стану ли я съ вами спорить?

Иванъ Прокофьичъ. А сами на Починокъ бьете?

Кириллъ Семенычъ. Въ этомъ виноватъ: прежде хотѣлось; а теперь нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Чего же вы теперь желаете?

Кириллъ Семенычъ. Душъ сто безъ усальбы, да серебра тоже желаю: про серебро мнѣ Варвара Михѣевна очень наказывала...

Иванъ Прокофьичъ. Подпишите за мной Починокъ, такъ все это получите.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Эмилія Петровна (*за дверьми*).

Эмилія Петровна. Иванъ Прокофьичъ здѣсь?

Иванъ Прокофьичъ. Здѣсь-съ.

Эмилія Петровна. Одни?

Иванъ Прокофьичъ. Одинъ-съ... Вы ступайте!

Кириллъ Семенычъ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Эмилія Петровна (*входя въ заднюю дверь*). Я пришла съ вами говорить въ послѣдній разъ: долго ли у насъ это будетъ?

Иванъ Прокофьичъ. Отъ васъ зависитъ.

Эмилія Петровна. Извините: отъ меня ничего, а все отъ васъ... Я буду губернатору жаловаться. Онъ очень любитъ брата Колю и уважаетъ все наше семейство.

Иванъ Прокофьичъ. За что же вы будете жаловаться?

Эмилія Петровна. А за то, что вы мнѣ не выдѣляете моей части.

Иванъ Прокофьичъ. Я вамъ уступаю-съ подмосковную.

Эмилія Петровна. Да гдѣ-жь это? я ничего еще покуда не вижу. Бросила мужа, хозяйство: живу здѣсь цѣлую недѣлю, безъ обѣда, въ холоду. Анна Ефремовна трубы отъ моей комнаты не позволяетъ закрывать въ ея спальнѣ: у меня никакого терпѣнья не достаетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами еще мнѣ ничего не уступили.

Эмилія Петровна. Чего я вамъ не уступила?

Иванъ Прокофьичъ. Починка не уступаете мнѣ.

Эмилія Петровна. Напрасно: про Починокъ я ничего не говорила; берите, —только чтобы подмосковная моя была.

Иванъ Прокофьичъ. На словахъ мало говорить, а надо написать-съ.

Эмилія Петровна. Я и напишу; только вотъ еще что: я хочу, чтобы вы Аннѣ Ефремовнѣ и Сергѣю Васильичу какъ можно меньше дали.

Иванъ Прокофьичъ. Я имъ меньше и дамъ-съ.

Эмилія Петровна. Еще я требую, чтобы вы кончили сегодня. Дольше мнѣ жить здѣсь очень наскучило: я хозяйка, имѣю обязанности. Симонъ, я думаю, и теперь на меня сердится: я его совсѣмъ кинула.

Иванъ Прокофьичъ. Кончимъ... Теперь пожалуйте въ залу: я сейчасъ туда приду-съ.

Эмилія Петровна. Хорошо. *(Идетъ; на встрѣчу ей Сергѣй Васильичъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Bon jour, ma cousine!

Эмилія Петровна. Bon jour. Какъ вы сегодня добры!

Сергѣй Васильичъ. Я всегда такой.

Эмилія Петровна. Полноте обманывать. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Вы меня къ себѣ звали?

Иванъ Прокофьичъ. Да-съ... За что вы на меня сердитесь?

Сергѣй Васильичъ. Вы сами это должны хорошо знать... Позволяете себѣ дѣлать, чортъ знаетъ что, такое.

Иванъ Прокофьичъ. Что же я такое дѣлаю? Вы сами толкомъ не скажете, что хотите получить, а послѣ сердитесь.

Сергѣй Васильичъ. Я хочу получить денегъ, имѣнья и лошадей, которыхъ вы увели въ свою усадьбу.

Иванъ Прокофьичъ. Лошадей можно привести и назадъ: не прикованныя они тамъ стоятъ.

Сергѣй Васильичъ. Сдѣлайте милость.

Иванъ Прокофьичъ. И вамъ вѣдь мнѣ надобно уступить: я для васъ все сдѣлаю-съ.

Сергѣй Васильичъ. Что же я вамъ могу уступить?

Иванъ Прокофьичъ. Я Починокъ желаю за собой оставить: онъ вамъ совершенно не нуженъ; онъ выгоденъ при хозяйствѣ, а чтобы хозяйничать, такъ надобно жить здѣсь; а вы ужъ Москвы не оставите.

Сергѣй Васильичъ. Разумѣется! Поѣду я въ эту глушь!

Иванъ Прокофьичъ. Такъ ужъ и не спорьте въ этомъ; я его возьму.

Сергѣй Васильичъ. Берите.

Иванъ Прокофьичъ. При Починкѣ мнѣ пойдетъ

семьдесятъ душъ и вамъ столько же,—только я не знаю, въ которыхъ мѣстахъ: здѣсь или подъ Москвой?

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ хотите; одно—чтобы было хорошее имѣнье. *(Зѣваетъ).* Вы слышали, тетушка Ефремовна хочетъ уѣхать въ подмосковную и тамъ распоряжаться; вы остерегитесь ее.

Иванъ Прокофьичъ. Кто ее пуститъ! Пойдемте однако.

Сергѣй Васильичъ. Идемъ! *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Прежняя зала.

ЯВЛЕНІЕ I.

На правой сторонѣ Анна Ефремовна и Кириллъ Семенычъ, *а на лѣвой* — Эмилія Петровна.

Анна Ефремовна. И не дождешься, кажется, этакой радости, когда эти наши сходбища кончатся. Я въ такомъ теперь положеніи, что, ей Богу, ничего не надобно, отъ всего готова отказаться, только бы отпустили меня въ Москву.

Кириллъ Семенычъ. Кому же, матушка-сестрица, это пріятно, особенно при этомъ несогласіи? Безъ братца Ивана Прокофьича мы пропадемъ: пускай онъ хоть и лишнее возьметъ себѣ, да, по крайней мѣрѣ, развяжетъ намъ руки.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ ужъ здѣсь?

Анна Ефремовна. Всѣ, мой родной... но, прежде, чѣмъ начнешь, скажи мнѣ, другъ мой, что-нибудь на мое

письмо въ отвѣтъ. Надобно же мнѣ знать, какъ располагать собой.

Иванъ Прокофьичъ. Все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

Анна Ефремовна. Точно ли все, мой голубчикъ? меня это очень безпокоитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Все-съ... Прежде вотъ что-съ: всѣ вы изъявили согласіе уступить мнѣ Починокъ, такъ дайте мнѣ теперь-съ письменный отзывъ объ этомъ. Кириллъ Семенычъ, подписывайтесь.

Кириллъ Семенычъ. Вы, братецъ, почитайте прежде: всѣ послушаютъ; а я что одинъ?

Анна Ефремовна. Прочитай, мой родной!

Эмилія Петровна. Я тоже хочу, чтобъ вы прочитали всѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Точно сами грамотѣ не умѣютъ (*Читаетъ*). «Мы, нижеподписавшіеся, дали сей отзывъ коллежскому ассессору Ивану Прокофьичу Манохину въ томъ, что предоставляемъ ему усадьбу Починокъ, со всею движимостію...»

Кириллъ Семенычъ. А серебро, братецъ какъ же? вы серебра мнѣ обѣщали.

Иванъ Прокофьичъ. Серебро пойдетъ по особой росписи. (*Читаетъ*)... «движимостію, со всѣми земляными, лѣсными и другими угодьями, включенными въ купчую крѣпость, данную нашему дѣду, Евграфу Манохину; и ничего намъ изъ этой усадьбы себѣ не искать и вписать это слово въ слово въ нашъ раздѣльный актъ; а по имѣнію пойдутъ ему, Ивану Манохину, значащіяся по Починку пятьдесятъ душъ да въ Фарисеевкѣ двадцатъ! (*обращаясь къ Эмиліи Петровнѣ*). Подписывайтесь.

Эмилія Петровна. Нѣтъ, я раздумала, я безъ мужа ни къ чему не могу подписаться.

Иванъ Прокофьичъ. Да вѣдь вы сами говорили, что согласны.

Эмилія Петровна. Я и теперь говорю, что согласна, но подпишусь, если мужъ мнѣ это позволитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Тьфу ты, иное дѣло *(Кириллъ Семенычу)*. Начинайте ужь вы по-крайности!

Кириллъ Семенычъ. Я не знаю, братецъ, чтобы другіе не разсердились.

Иванъ Прокофьичъ. Да что же вамъ другіе? Другіе всѣ согласны, и этого не понимаете. *(Обращаясь къ Аннѣ Ефремовнѣ)*. Подпишитесь, сестрица.

Анна Ефремовна. Я, мой родной, тебѣ прежде говорила и теперь повторяю, что я согласна на все, только откровенно тебѣ скажу, что я объ деньгахъ безпокоюсь.

Иванъ Прокофьичъ. Деньги вамъ будутъ. Я сейчасъ послалъ въ село къ Тихону, чтобы двѣсти цѣлковыхъ вамъ доставилъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вы врете! Тихонъ другой день, какъ уѣхалъ въ городъ, и вамъ тутъ никому и ни къ чему не слѣдуетъ подписываться. Вы напишите напередъ весь раздѣльный актъ, тогда и подпишемся.

Иванъ Прокофьичъ. Раздѣлъ послѣ-съ! Вы прежде это кончите; вы сами давиче уступали мнѣ Починокъ.

Сергѣй Васильичъ. Починокъ мы вамъ и отдадимъ, но напишите весь актъ.

Иванъ Прокофьичъ. Актъ мы напишимъ въ городѣ, тамъ и совершимъ; а здѣсь, пожалуй, еще ошибемся. я самъ не умѣю писать.

Эмилія Петровна. А себѣ вы умѣете писать? отъ чего вы вещей не дѣлите?

Иванъ Прокофьичъ. Вещи послѣ раздѣлимъ.

Анна Ефремовна. Ахъ, нѣтъ, мой родной! Это несправедливо: вещи ты теперь раздѣли, для меня это необходимо: я завтра-же уѣзжаю отсюда совсѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Намъ теперь всѣмъ надобно ѣхать въ городъ.

Эмилія Петровна. Какъ въ городъ? Это съ чего

вы взяли? Я не поѣду. Довольно жила и здѣсь, благодарю покорно. Дѣлите теперь-же, а не то я буду жаловаться я.

Кириллъ Семенычъ. Вы, братецъ, хоть что-нибудь здѣсь раздѣлите, хоть серебра мнѣ сколько-нибудь дайте.

Иванъ Прокофьичъ. А! серебро тебѣ! Вещи вамъ раздѣлить!.. Погодите, я раздѣлю вамъ ихъ, вотъ вамъ ваши вещи!... *(схватываетъ вдругъ палку и начинаетъ ею колотить по столу, на которомъ были разставлены фарфоръ, хрусталь, серебро и прочія лучшія вещи)*. Вотъ они! смотрите! ваши вещи.

Сергѣй Васильичъ *(унимая его)*. Что вы дѣлаете? Перестаньте! Эй, сюда! кто тамъ есть? Погоди-жь ты у меня, чортъ этакой... *(быстро уходитъ. Иванъ Прокофьичъ продолжаетъ колотить вещи)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, *кромѣ* Сергѣя Васильича.

Анна Ефремовна. Боже! я не въ состояніи этого видѣть... *(тоже уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иванъ Прокофьичъ, Кириллъ Семенычъ и Эмилія Петровна.

Кириллъ Семенычъ *(юля передъ Иваномъ Прокофьичемъ)*. Батюшка! братецъ, умилостивитесь... *(хватаетъ было его за руку)*.

Иванъ Прокофьичъ. Прочь! убью! *(замахивается на него палкой, но тотъ увертывается и убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Иванъ Прокофьичъ *(кидаясь на Эмилію Петровну).* И тебѣ тоже будетъ.

Эмилія Петровна *(едва убѣгая отъ него).* Онъ съ ума сошелъ! Спасите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Иванъ Прокофьичъ и Ѳаддей Сидоровъ.

Ѳаддей. Батюшка, Иванъ Прокофьичъ, воспитанникъ убѣжалъ изъ амбара. Подъ полъ что-ли, подлецъ, ушелъ.

Иванъ Прокофьичъ *(хватаетъ его за шиворотъ).* А, ушелъ! Всѣ они теперь ушли... Давай огня! Поджигай домъ!... поджигай всю усадьбу! Давай мнѣ ножъ! Я перерѣжу всю скотину!... Васъ всѣхъ перерѣжу. *(Хватаетъ со стола поварской ножъ и бѣжитъ, староста за нимъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Ефремовна, Катенька, Кириллъ Семенычъ и Эмилія Петровна.

Анна Ефремовна *(сопровождаемая Катенькой и быстро входя).* Боже! Несите Неопалимую купину.

Эмилія Петровна *(преслѣдуя Кирилла Семеныча).* Говорятъ вамъ, закладывайте сейчасъ лошадей и везите меня отсюда!

Кириллъ Семенычъ. Матушка, да братецъ закололъ мою лошадку-то.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Матвѣевна.

Матвѣевна *(вбѣгая)*. Отцы мои, что творится! Сергѣй Васильичъ съ народомъ съ кольями и дрекольями пошелъ на Ивана Прокофьича. Тотъ на скотномъ было дворѣ заперся и скотинку началъ колоть, этотъ съ ружьемъ на него идетъ. *(Раздается ружейный выстрѣлъ)*.

Всѣ женщины и Кириллъ Семенычъ. Ай! *(и присѣдаютъ)*.

(Занавѣсъ опускается).

ХИЩНИКИ

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Лошадь волки съѣли
да санями подавились!
Пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Зыровъ, главный начальникъ вѣдомства.
Андашевскій, Алексѣй Николаичъ, товарищъ его.
Вуландъ, Владиміръ Иванычъ, директоръ.
Мямлинъ, Дмитрій Дмитричъ, камергеръ.
Князь Янтарный, Георгій Ираклієвичъ, камергеръ.
Генералъ-маіоръ Варнуха.
Шуберскій, столоначальникъ.
Басаева, Ольга Петровна, дочь графа Зырова. Вдова.
Вуландъ, Вильгельмина Ѳедоровна, жена Владиміра Иваныча Вуланда.
Сонина, Марья Сергѣевна, вдова.
Горничныя, слуги и курьеръ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Утро. Большой кабинетъ. Предъ письменнымъ столомъ сидитъ **Владиміръ Иванычъ Вуландъ,** *плотный, черноволосый, съ щетинистыми бакенбардами, мужчина. Онъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ-бы просматриваетъ разложенныя предъ нимъ бумаги. Напротивъ его, на диванѣ, сидитъ* **Вильгельмина Ѳедоровна** *(жена его), высокая, худая, бѣлокурая нѣмка. Она, тоже съ недовольнымъ лицомъ, вяжетъ какое-то вязанье.*

Вильгельмина Ѳедоровна. Я сегодня въ газетахъ прочла, что на мѣсто Янсона товарищемъ назначенъ Андашевскій.

Владиміръ Иванычъ *(не поднимая глазъ отъ бумагъ и мрачнымъ голосомъ).* Да!... Съ недѣлю ужь какъ рѣшено было это назначеніе.

Вильгельмина Ѳедоровна. Отчего-жь ты мнѣ не сказалъ объ этомъ?

Владиміръ Иванычъ. Забывалъ все какъ-то.

Вильгельмина Ѳедоровна. А на какомъ основаніи тебя тутъ обошли?

Владиміръ Иванычъ *(какъ-бы удивленный этимъ вопросомъ).* Что же я тутъ такое!

Вильгельмина Ѳедоровна. А то, что ты гораздо

старше Андашевскаго и раньше его получилъ тайнаго совѣтника

Владиміръ Иванычъ. Это нынче ничего не значитъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Наконецъ, ты, я думаю, лучше его знаешь дѣло... Опытнѣй его, и полагаю даже, что умнѣе!

Владиміръ Иванычъ. Ты такъ полагаешь; а другіе, видно, полагаютъ иначе!

Вильгельмина Ѳедоровна. Что-жь ты и останешься на своемъ мѣстѣ?

Владиміръ Иванычъ. Куда-жь мнѣ дѣваться!

Вильгельмина Ѳедоровна. Очень просто: проси у графа какой-нибудь высшей себѣ должности!... Скажи ему, что ты униженъ и оскорбленъ назначеніемъ Андашевскаго тебѣ въ начальники: это самолюбіе благородное, а не глупое!... Графъ долженъ это понять.

Владиміръ Иванычъ. Какъ же, пойметъ!... очень нужно ему до моего самолюбія.

Вильгельмина Ѳедоровна. И ты, поэтому, съ докладомъ будешь ходить къ Андашевскому?

Владиміръ Иванычъ *(покраснѣвъ въ лицѣ отъ досады)*. Конечно!

Вильгельмина Ѳедоровна *(тоже вспыхнувъ отъ досады)*. Ну я женщина, а потому должна была-бы имѣть меньше самолюбія, чѣмъ мужчина, — но я лучше бы сквозь землю провалилась, чѣмъ вынесла подобное униженіе.

Владиміръ Иванычъ. Проваливайся, пожалуй!.. какъ кого удивишь!.. скажутъ только, что одной дурой на свѣтѣ меньше стало.

Вильгельмина Ѳедоровна *(разсердясь)*. Дурой!.. Ты самъ послѣ этого дуракъ!.. За что ты бранишься?

Владиміръ Иванычъ. Какъ же не браниться? Говоришь какой-то вздоръ, фантазіи какія-то!..

Вильгельмина Өедоровна. Нѣтъ, это вовсе не фантазіи, а мнѣ дѣйствительно очень досадна несправедливость графа. Неужели-же Андашевскій былъ полезнѣе тебя на службѣ и больше твоего участвовалъ хоть-бы въ въ тѣхъ-жъ реформахъ?

Владиміръ Иванычъ (*съ грустной усмѣшкой*). Не думаю!.. По реформѣ большую часть работъ производилъ я, а личные доклады графа ужь исключительно писаны мною.

Вильгельмина Өедоровна (*стремительно*). Вотъ по этому-то мнѣ ужасно и хочется узнать, за что собственно сдѣланъ Андашевскій товарищемъ?

Владиміръ Иванычъ. За то, что льстилъ и подличалъ передъ графомъ до такой степени, что гадко было видѣть это!.. Только что ноги не цѣловалъ у него!..

Вильгельмина Өедоровна. Ну, это пустяки: за одно подличанье онъ не сдѣлалъ-бы его товарищемъ!.. Тутъ непремѣнно должно быть чье-нибудь постороннее вліяніе, какая-нибудь особая причина; а то графу не было-бы никакого основанія отдать Андашевскому предпочтеніе предъ тобой.

Владиміръ Иванычъ. Не было основанія, однако онъ все-таки предпочелъ его.

Вильгельмина Өедоровна. Предпочелъ, потому что на то была какая-нибудь особая причина; а потому ты тѣмъ больше имѣешь права обидѣться этимъ и требовать у графа, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ сенатора, напримѣръ...

Владиміръ Иванычъ. Бездѣлицу!.. Сенаторство!.. Нынче, матушка, въ сенаторство попасть не такъ легко, какъ въ прежнее время: сажаютъ все спеціалистовъ по судебной части...

Вильгельмина Өедоровна. Въ такомъ случаѣ проси, чтобы тебѣ оставили тоже содержаніе, и выходи въ отставку.

Владиміръ Иванычъ. И того не сдѣлаютъ!.. На дняхъ еще циркулярно по всѣмъ вѣдомствамъ объявлено, чтобы никакихъ представленій о пенсіонныхъ назначеніяхъ выше штатныхъ не дѣлать.

Вильгельмина Ѳедоровна. А если такъ, то плюнь на все!.. Пусть тебѣ дадутъ, что слѣдуетъ по закону, и уѣдемъ за-границу! Я лучше по міру, съ сумой готова идти, чѣмъ видѣть, что мужъ мой подъ начальствомъ у мальчишки, который прежде за счастіе считалъ, когда я позволю ему поцѣловать мою руку или налью чашку чаю. *(Владиміръ Иванычъ что-то такое хочетъ возразить женѣ; но входитъ курьеръ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и курьеръ; *потомъ* Владиміръ Иванычъ *одинъ.*

Курьеръ. Камергеръ Мямлинъ и генералъ-маіоръ Варнуха.

Вильгельмина Ѳедоровна. А я еще и не одѣта! Уйти скорѣе!..

Владиміръ Иванычъ *(съ досадой).* Уходи!.. Что тебѣ тутъ сидѣть!.. *(Вильгельмина Ѳедоровна уходитъ).*

Владиміръ Иванычъ *(курьеру).* Проси этихъ господъ! *(курьеръ уходитъ).*

Владиміръ Иванычъ *(одинъ).* Эти женщины хуже змѣй!.. У меня и безъ того адъ на душѣ, а она еще пилитъ своимъ милымъ язычкомъ! Справедливо сказалъ какой-то философъ, что человѣкъ не столько оттого страдаетъ, когда ему самому скверно, какъ оттого, когда онъ видитъ, что другому хорошо! Вчера при мнѣ г. Андашевскій пріѣхалъ въ театръ и проходитъ въ первый рядъ креселъ, слышу со всѣхъ сторонъ говорятъ: «Это Андашевскій!.. Новый товарищъ!..» А онъ оглоданой-то

харей своей такъ всѣмъ и улыбается; и ко мнѣ вдругъ чуть не съ распростертыми объятіями. «Какъ, говоритъ, я счастливъ, что вижу васъ!» Пытку-бы легче вынесъ, чѣмъ эту милую сцену, а между тѣмъ сиди, самъ тоже улыбайся и дѣлай видъ, что кромѣ удовольствія ничего не чувствуешь!.. Будь кто хочешь, кажется, назначенъ со стороны, хоть столоначальнишка какой-нибудь изъ аристократовъ, я равнодушнѣй бы перенесъ, зная, что въ Россіи въ службѣ все дѣлается по протекціи; но тутъ предпочтенъ человѣкъ совершенно-равный мнѣ, стоявшій рѣшительно въ однихъ условіяхъ со мной,—это ужь прямо насмѣшка!.. Плевокъ въ лицо!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Владиміръ Иванычъ; *входитъ* **Мямлинъ,** *плѣшивый господинъ, съ женской почти физіономіей и съ необыкновенно-толстымъ задомъ, и генералъ-маіоръ* **Варнуха,** *худенькій, мозглый малороссіянинъ, съ длиннѣйшими усами, съ неглупымъ, но совершенно необразованнымъ выраженіемъ въ лицѣ.*

Мямлинъ. Вашему превосходительству имѣю честь представиться! *(на этихъ словахъ онъ вдругъ останавливается и начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).*

Владиміръ Иванычъ *(протягиваетъ ему руку).* А у васъ это подергиванье въ лицѣ еще не прекратилось!

Мямлинъ. Лучше нынче, лучше!.. *(продолжаетъ гримасничать).*

Владиміръ Иванычъ *(съ нѣкоторымъ участіемъ).* Но, скажите, что такое собственно это за болѣзнь?

Мямлинъ. Нервная!.. Тоже самое, что и пляска святаго Витта, какъ объясняли мнѣ врачи...

Владиміръ Иванычъ. И что же, вы боль при этомъ сильную чувствуете?

Мямлинъ. Нисколько!.. ни малѣйшей!.. Непроизвольное только сокращеніе личныхъ мускуловъ.

Владиміръ Иванычъ. Но есть же противъ этого средства какія-нибудь?

Мямлинъ. Электричество больше всего тутъ помогаетъ, и мнѣ теперь гораздо лучше!.. Конечно, когда взволнуешься чѣмъ, такъ усиливаются припадки, а сегодня вотъ я являлся къ графу, потомъ къ нашему новому начальнику, Алексѣю Николаичу Андашевскому и наконецъ къ вашему превосходительству... Все это очень пріятно, но не могло не подѣйствовать. *(Владиміръ Иванычъ перенесъ свой взглядъ на генералъ-маіора Варнуху, который все время стоялъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ; но какъ только взоръ Владиміра Иваныча коснулся до него, такъ онъ мгновенно и очень низко поклонился ему и затѣмъ опять сейчасъ же вытянулся въ струнку).*

Владиміръ Иванычъ *(къ Варнухѣ)*. Вы недавно причислены къ намъ?

Генералъ-маіоръ Варнуха *(бойко и отчетливо)*. Точно такъ, ваше превосходительство!

Владиміръ Иванычъ. Но по чьему собственно представленію?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Господина товарища!

Владиміръ Иванычъ. Стало быть, вы лично извѣстны Алексѣю Николаичу?

Мямлинъ *(у котораго лицо совершенно уже успокоилось)*. Дядя мой, князь Михайло Семенычъ, просилъ за него Алексѣя Николаича... Господинъ Варнуха завѣдывалъ нѣкоторое время имѣньемъ дяди.

Генералъ-маіоръ Варнуха. Тогда, оставивши военную службу, я занимался частными дѣлами и почесть, что всѣ имѣнья князя Михайла Семеныча пущалъ на выкупъ, и такъ какъ онъ остался очень доволенъ мной, то и сдѣлалъ меня потомъ смотрителемъ Огюнскаго завода.

Владиміръ Иванычъ *(какъ-бы повторяя слова Варнухи)*. Смотрителемъ Огюнскаго завода вы были?.. Но

заводъ этотъ, какъ мнѣ помнится, производится этими несчастными ссыльными?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Точно такъ, ваше превосходительство! Оченно трудно было управляться!.. На собственной рукѣ даже имѣю нѣсколько шрамовъ!.. *(заворачиваетъ рукавъ мундира и показываетъ нѣсколько шрамовъ)*

Владиміръ Иванычъ. Это отъ чего?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Билъ ихъ-съ изъ собственныхъ рукъ!.. Сѣчь не велѣно... по суду когда еще что будетъ, а между тѣмъ они буянствуютъ каждый день только этимъ самымъ и усмирялъ ихъ!

Владиміръ Иванычъ. Вы тамъ и получили чинъ генералъ-маіора?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Точно такъ, ваше превосходительство!. Три года уже состою генералъ-маіоромъ и тепериче-бы желалъ получить болѣе высшую должность.

Владиміръ Иванычъ. Да... Но у насъ, вѣдь, предпредварительно всякаго назначенія, даютъ обыкновенно порученія...

Генералъ-маіоръ Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владиміръ Иванычъ. И смотря потому, кто какъ исполнитъ ихъ...

Генералъ-маіоръ Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владиміръ Иванычъ. Прошу садиться! *(Движеніемъ руки своей приглашаетъ гостей своихъ садиться и самъ садится. Мямлинъ довольно свободно располагается на своемъ креслѣ, но генералъ-маіоръ Варнуха только притыкается на кончикъ стула).*

Мямлинъ *(заискивающимъ голосомъ).* А я, ваше превосходительство, только вчерашняго числа возвратился изъ моей скучной и длинной командировки...

Владиміръ Иванычъ *(насильно улыбаясь)*. Знаю это я!

Мямлинъ. Въ три тома дѣло произвелъ!... Вотъ какихъ три тома!... *(показываетъ рукою на аршинъ отъ земли)*. Двѣсти пятьдесятъ деревень объѣхалъ; съ желѣзными дорогами семь тысячъ восемьсотъ верстъ сдѣлалъ,—надобно было на это употребить времени и труда! *(На всѣ эти слова Владиміръ Иванычъ хоть бы малѣйшее выразилъ одобреніе)*. И какъ вотъ сейчасъ я Алексѣю Николаевичу докладывалъ: въ самую нынѣшнюю страстную недѣлю, когда всѣ истинно-русскіе желаютъ и ждутъ съ семействомъ разговѣться, я, одинъ-одинехонекъ живу, въ идолопоклоннической, мордовской деревнюшкѣ: только одинъ разъ въ недѣлю и оживаешь душой, когда услышишь благовѣстъ изъ сосѣдняго, русскаго села или съѣздишь туда къ обѣднѣ; вдругъ я читаю въ газетахъ, что нашъ Алексѣй Николаичъ назначенъ товарищемъ, я всплакалъ даже отъ радости, потому что этотъ выборъ прямо показываетъ, что въ настоящее время въ Россіи можно служить и что достоинства и заслуги не пропадаютъ даромъ! *(Владиміръ Иванычъ, лицо котораго становилось все болѣе и болѣе сердитымъ и недовольнымъ, и на эти слова ничего не проговорилъ. Мямлинъ, обращаясь уже къ генералъ-маіору Варнухѣ)*. Согласны вы съ этимъ?

Генералъ-маіоръ Варнуха *(потупляя глаза и какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ)*. Конечно-съ!...

Мямлинъ *(совершенно не соображая, кому и что говоритъ)*. Про Алексѣя Николаича всѣ, я думаю, даже враги его скажутъ, что онъ уменъ!... Просвѣщенъ!... Дѣятеленъ!... Знающъ! *(Каждое слово Мямлина какъ-бы булавкой кололо генерала Варнуху, такъ что онъ слегка даже вздрагивалъ. Мямлинъ въ окончательномъ паѳосѣ своего увлеченія и снова обращаясь къ нему)*. И наконецъ, души ангельской! Чего-жъ можно больше требовать отъ человѣка! *(Генералъ-маіоръ Варнуха при этомъ только*

уже выворотилъ бѣлки свои на Мямлина, какъ бы желая тѣмъ выразить ему свое удивленіе. Мямлинъ, ничего этого не замѣчавшій). Это назначеніе такъ меня ободрило, что, когда я радость мою по этому предмету передавалъ князю Михаилу Семеновичу, такъ онъ, сочувствуя конечно вполнѣ выбору Алексѣя Николаича, посмѣялся даже мнѣ: «Ахъ, ты, говоритъ, добрая, русская душа; каждому малѣйшему успѣху Россіи ты радуешься!...» Я что-жь? Признаюсь: патріотъ!... Люблю мое отечество! И теперь вотъ прямо самому графу и вашему превосходительству осмѣлюсь сказать и просить разсмотрѣть мои труды, можетъ быть, и въ нихъ найдется что-нибудь полезное! Никакой поблажки или снисхожденія не желаю себѣ; а прошу только разсмотрѣть ихъ и оцѣнить по достоинству.

Владиміръ Иванычъ *(мрачнымъ голосомъ).* Наша обязанность просматривать всѣ поступающія къ намъ дѣла.

Мямлинъ. А я только и желаю того! *(начинаетъ снова выдѣлывать изъ лица гримасы).*

Владиміръ Иванычъ *(съ нескрываемымъ отвращеніемъ).* Какая, однако, у васъ болѣзнь эта несносная.

Мямлинъ. Очень несносная! *(встаетъ и начинаетъ раскланиваться).* Поручаю себя вашему вниманію.

Владиміръ Иванычъ *(тоже вставая и протягивая Мямлину руку)* Весьма радъ, что видѣлъ васъ!

Мямлинъ *(склоняя передъ нимъ голову).* Супругѣ вашей прошу засвидѣтельствовать отъ меня глубочайшее уваженіе.

Владиміръ Иванычъ. Благодарю васъ! *(обращаясь къ генералъ-маіору Варнухѣ, но не протягивая ему руки).* Радъ, что съ вами познакомился! *(Генералъ-маіоръ Варнуха проворно и низко ему кланяется).*

Мямлинъ *(показывая ему рукою).* Мы съ генераломъ только и просимъ васъ объ одномъ: воздать каждому изъ

насъ по дѣломъ нашимъ! *(Оба затѣмъ, еще разъ раскланиваются съ Владиміромъ Иванычемъ и уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Владиміръ Иванычъ *(оставшись одинъ и какимъ-то тигромъ разсвирѣпѣлымъ садясь на свое мѣсто).* Погодите: я воздамъ вамъ по дѣломъ вашимъ!... Этотъ дуралей-то прокаженный съ ключомъ воображаетъ, что я его три дурацкіе тома стану читать; да я, безъ всякаго чтенія, прямо доложу графу, что это чепуха великая, и напередъ увѣренъ, что не ошибусь!... Въ Андашевскомъ какого-то ужь ангела открылъ и говоритъ мнѣ это прямо въ глаза; одно это показываетъ, что онъ дуракъ набитый! Другой-то тоже хорошъ, спичка эта военная, воришка съ какого-то заводишка, высшей должности себѣ ожидаетъ! Что до меня касается, такъ я васъ обоихъ угощу: въ службѣ только еще и осталось одно это наслажденіе, что подобнымъ скотамъ можешь ногу подставить! *(Входитъ Курьеръ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ Иванычъ и Курьеръ.

Курьеръ. Чиновникъ Шуберскій!

Владиміръ Иванычъ. О, чортъ его дери! *(сердито къ курьеру).* Что ему надобно отъ меня?

Курьеръ. Онъ съ бумагами какими-то пришелъ-съ.

Владиміръ Иванычъ. Зови! *(Курьеръ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ Иванычъ. Я увѣренъ, что этотъ прощалыга пришелъ высмотрѣть, что у меня написано на

лицѣ. *(Входитъ Шуберскій, молодой еще человѣкъ, въ вицъ-мундирномъ фракѣ и съ дѣлами подъ мышкой).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Владиміръ Иванычъ и Шуберскій; *потомъ на мгновеніе входитъ* **курьеръ.**

Владиміръ Иванычъ *(довольно сурово).* Что у васъ за дѣла такія спѣшныя? *(Шуберскій на это молча подаетъ ему бумаги. Владиміръ Иванычъ подписывая эти бумаги).* Это все пустяки какіе-то, подтвержденія!... Развѣ они не могли полежать, пока я пріѣду? *(почти швыряетъ къ Шуберскому подписанныя бумаги).*

Шуберскій *(скромно подбирая эти бумаги).* Я еще и собственное дѣло имѣю къ вамъ, Владиміръ Иванычъ!

Владиміръ Иванычъ. Что такое-съ?

Шуберскій. Я пришелъ попросить у васъ позволенія подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Иванычъ *(видимо удивленный этими словами).* Это съ чего вамъ вздумалось?

Шуберскій *(грустно пожимая плечами).* Мнѣ при Алексѣѣ Николаевичѣ невозможно оставаться служить. Онъ въ первый же разъ, какъ будетъ управлять за графа начнетъ непремѣнно преслѣдовать меня.

Владиміръ Иванычъ *(съ нѣкоторымъ вниманіемъ).* Но что такое собственно у васъ съ нимъ вышло?... Я до сихъ поръ не знаю хорошенько!...

Шуберскій *(скромно потупляя глаза).* Я въ одномъ фельетонѣ моемъ написалъ про Алексѣя Николаича!... Тогда, можетъ быть, вы изволите помнить дѣло это по Калишинскому акціонерному обществу.

Владиміръ Иванычъ *(съ большимъ уже вниманіемъ).* Ну-съ!

Шуберскій *(съ тѣмъ же скромнымъ видомъ).* А у меня въ этомъ обществѣ зять, мужъ сестры моей служилъ...

Владиміръ Иванычъ *(съ еще большимъ вниманіемъ).* Ну!

Шуберскій. Онъ какъ-то приходитъ къ намъ и разсказываетъ: «вашъ, говоритъ, Андашевскій взялъ съ нашей компаніи триста тысячъ акціями».

Владиміръ Иванычъ *(покраснѣвъ даже въ лицѣ отъ удовольствія).* Стало быть, это не утка газетная была?

Шуберскій. Какая-же газетная утка? Зять мой съ управляющимъ компаніей и возилъ къ нему эти акціи и не на домъ, а на квартиру къ его любовницѣ.

Владиміръ Иванычъ. Это къ Марьѣ Сергѣевнѣ Сониной?

Шуберскій. Къ ней именно!... Алексѣй Николаичъ у ней въ гостиной и принялъ эти акціи, сначала сосчиталъ ихъ очень аккуратно, а потомъ просилъ Марью Сергѣевну положить ихъ на время въ свою шифоньерку.

Владиміръ Иванычъ. И вы все это описали?

Шуберскій. Почти; но главнымъ образомъ я провелъ въ статьѣ ту мысль, что какъ выгодно бываетъ иногда акціонернымъ обществамъ открывать безплатную подписку вліятельнымъ лицамъ, и въ примѣръ тому указалъ на Калишинское акціонерное общество и будто бы нѣкоего г. Подстегина...

Владиміръ Иванычъ. И что же, по поводу этого фельетона. Андашевскій имѣлъ съ вами объясненіе?

Шуберскій. Очень большое!... Именемъ графа, призывалъ меня къ себѣ и спрашивалъ: кто это писалъ? я сказалъ, что я. Онъ спросилъ: про кого это писано и кто именно г. Подстегинъ? Я отвѣчалъ, что лицо это совершенно вымышленное. Онъ, однако, не повѣрилъ

тому и началъ меня тѣснить, такъ что если бы вы не взяли меня къ себѣ, то я службу, долженъ былъ-бы оставить.

Владиміръ Иванычъ. Я теперь припоминаю: онъ мнѣ тогда выговаривалъ, зачѣмъ я васъ взялъ къ себѣ!... Да вы садитесь, пожалуйста!... Что-жь вы стоите? (*Шуберскій садится и принимаетъ не столь уже подобострастный видъ*).

Владиміръ Иванычъ (*продолжаетъ съ важностью*). И разсказывалъ такъ, что когда вы сдѣлались фельетонистомъ газеты, то безпрестанно стали являться къ нему и просить себѣ наградъ и повышеній, но онъ, не находя васъ, заслуживающимъ того, отказывалъ вамъ,—тогда вы написали на него этотъ пасквиль...

Шуберскій (*съ нѣсколько вспыхнувшимъ лицомъ*). Нѣтъ-съ, я не пасквиль на него писалъ, а передалъ дѣйствительно случившійся фактъ!

Владиміръ Иванычъ. А зять вашъ, скажите, можетъ подтвердить этотъ фактъ?.. Имѣетъ какое-нибудь юридическое доказательство на него?

Шуберскій. Зять мой не станетъ подтверждать этого факта, пототу что онъ до сихъ поръ служитъ въ томъ же обществѣ, и отъ этой службы зависитъ весь его кусокъ хлѣба; но всего лучше фактъ этотъ можетъ подтвердить Марья Сергѣевна Сонина

Владиміръ Иванычъ. Вона! Подниметъ Марья Сергѣевна руку на своего возлюбленнаго!..

Шуберскій. Подниметъ-съ теперь!.. Онъ, говорятъ, покинулъ ее!

Владиміръ Иванычъ (*восклицая въ удивленіи*). Какъ покинулъ?

Шуберскій. Совершенно покинулъ-съ и женится, говорятъ на какой-то княжнѣ или графинѣ...

Владиміръ Иванычъ (*какъ-бы въ порывѣ благороднаго негодованія*). Ахъ, негодяй какой!.. (*Сильно звонитъ... Вбѣгаетъ прежній курьеръ*).

Владиміръ Иванычъ *(ему)*. Позови сюда поскорѣй Вельгельмину Ѳедоровну *(курьеръ уходитъ)*.

Шуберскій. Даже многіе изъ нашихъ чиновниковъ удивляются этому поступку Алексѣя Николаича, зная, сколько лѣтъ онъ любилъ Марью Сергѣевну.

Владиміръ Иванычъ. Никогда онъ ея не любилъ и никого въ мірѣ онъ не можетъ любить! Этотъ человѣкъ, до мозга костей своихъ, эгоистъ и лицемѣръ! Я началъ знать г. Андашевскаго съ самаго его поступленія къ намъ. Онъ шагу въ жизни не сдѣлалъ безъ пользы для себя, и два фортеля въ этомъ случаѣ употреблялъ: во первыхъ, постоянно старался представить изъ себя чиновника высшаго образованія и возвышенныхъ убѣжденій и для этого всегда накупалъ иностранныхъ книгъ и журналовъ и всѣмъ обыкновенно разсказывалъ, что онъ то, се, третье тамъ читалъ,—этимъ собственно вначалѣ онъ обратилъ на себя вниманіе графа; а потомъ сталъ льстить ему и возводилъ графа въ какіе-то боги и тутъ-же, будто къ слову, напѣвалъ ему, какъ онъ самъ цѣлыя ночи проводитъ за работой и какъ этимъ разстроилъ себѣ грудь и печень; ну, и разжалобитъ старика: тотъ ему почти каждый годъ то крестъ, то чинъ, то денежную награду дастъ, то повыситъ въ должности, и я убѣжденъ даже, что онъ Янсона подшибъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

Шуберскій. Слухи есть и объ этомъ.

Владиміръ Иванычъ. Непремѣнно-съ это было, потому что графъ очень любилъ Янсона и вдругъ ни съ того, ни съ сего возненавидѣлъ его!.. Ту же самую маску г. Андашевскій, вѣроятно, носилъ и предъ Марьей Сергѣевной: пока та была молода, недурна собой,—женщина она съ обезпеченнымъ состояніемъ и поэтому денегъ отъ него не требовала,—онъ клялся ей въ своей любви и вѣрности, а теперь себѣ, вѣроятно, пріискалъ въ невѣсты какую-нибудь другую дуру съ огромнымъ состояніемъ или съ большими связями.

Шуберскій. Я на-дняхъ узнаю, кто это именно невѣста его.

Владиміръ Иванычъ. Узнайте, пожалуйста, и мнѣ передайте!

Шуберскій. Очень хорошо-съ! *(Входитъ Вильгельмина Ѳедоровна).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Вильгельмина Ѳедоровна.

Владиміръ Иванычъ *(обращаясь къ женѣ).* Слышала: нашъ Алексѣй Николаичъ бросилъ свою Марью Сергѣевну?

Вильгельмина Ѳедоровна *(отступая даже шагъ назадъ).* Не можетъ быть!

Владиміръ Иванычъ. Бросилъ и женится на какой-то княжнѣ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Господи, чего ужъ не выдумаютъ?

Шуберскій. Нѣтъ-съ, это не выдумка! Собственный лакей Алексѣя Николаича, на дняхъ, въ трактирѣ хвасталъ и разсказывалъ, что господинъ его женится на какой-то графинѣ или княжнѣ, богатой, красавицѣ изъ себя...

Вильгельмина Ѳедоровна *(видимо заинтересованная этой новостью и садясь на диванъ).* Но, можетъ быть это перемѣшали только, а онъ именно на Марьѣ Сергѣевнѣ и женится.

Шуберскій. Врядъ ли-съ, потому что лакей къ этому прибавлялъ, что прежнюю свою привязанность Алексѣй Николаичъ бросилъ: ни самъ къ ней не ѣздитъ, ни ея къ себѣ не принимаетъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Бѣдная Марья Сер-

гѣевна! я воображаю, что теперь съ ней происходитъ: она, я думаю, не перенесетъ этого и съ ума сойдетъ.

Владиміръ Иванычъ. Если только есть ей съ чего сходитъ! *(обращаясь къ Шуберскому).* А вы не извольте оставлять службы: это вздоръ!.. При женѣ ничего, можно говорить все: г. Андашевскій безъ меня не можетъ сдѣлать вамъ никакого существеннаго зла; но если онъ отнесется ко мнѣ, то я прямо его спрошу, за что онъ васъ преслѣдуетъ? Онъ мнѣ, разумѣется, скажетъ, что въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ неудобно имѣть чиновникомъ газетнаго репортера, такъ какъ онъ можетъ разгласить какія-нибудь даже государственныя тайны. «Но гдѣ-же, спрошу, статья закона, прямо воспрещающая газетнымъ репортерамъ быть чиновниками; потому что въ отношеніи нашихъ подчиненныхъ мы можемъ дѣйствовать только на основаніи существующихъ узаконеній; если-же, скажу, вы желаете употребить какую-нибудь произвольную мѣру, то я не знаю, во первыхъ, въ чемъ она можетъ состоять, а во вторыхъ, пусть ужь она будетъ безъ меня!» Тогда я и посмотрю, что онъ вамъ сдѣлаетъ.

Шуберскій. Сдѣлаетъ то, что велитъ подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Иванычъ *(восклицая во весь голосъ).* Никогда!.. никогда!.. Какъ это вы умный молодой человѣкъ, и не понимаете того!.. Еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ глупость вытѣснить васъ, такъ вы объ этомъ можете напечатать во всѣхъ газетахъ, потому что это явное пристрастіе и проведеніе въ службѣ личныхъ антипатій, и повѣрьте вы мнѣ-съ: г. Андашевскій не только не станетъ васъ преслѣдовать теперь, а, напротивъ, онъ будетъ возвышать васъ...

Шуберскій. Ну, ужь этого, я думаю, никогда не можетъ быть...

Владиміръ Иванычъ. Очень восможно-съ! Мы обыкновенно смѣлы и деспотичны только противъ слабыхъ.

У насъ есть, конечно, власть, чины, кресты, которые мы раздаемъ; а у васъ есть другая сила и врядъ-ли не болѣе могучая, чѣмъ наша: это печать, и въ рукахъ вашихъ, нѣкоторымъ образомъ, общественное мнѣніе.

Шуберскій. Это совершенно справедливо, и если вы, Владиміръ Иванычъ такъ на это смотрите... *(при этихъ словахъ онъ встаетъ на ноги)*, то позвольте мнѣ за все, что вы сдѣлали и дѣлаете для меня, этой печатью служить вамъ, въ чемъ только вы прикажете...

Владиміръ Иванычъ. Благодарю васъ! Но можетъ быть, вамъ несовсѣмъ будетъ удобно писать, напримѣръ, про наше вѣдомство, такъ какъ вы служите у насъ: опять, пожалуй, выйдетъ какая-нибудь глупая исторія!

Шуберскій. Я самъ ничего и не буду писать; но у меня есть очень много пріятелей-фельетонистовъ, которые напишутъ все, что я ихъ попрошу.

Владиміръ Иванычъ. Отлично это; безподобно!.. и я, признаюсь, весьма былъ-бы доволенъ, еслибы, по поводу назначенія г. Андашевскаго, которое всетаки считаю величайшей ошибкой со стороны графа, въ газетахъ прошла такого рода инсинуація-статья, что отъ чего-де наше правительство такъ мало обращаетъ вниманія на общественное мнѣніе и на довольно важные посты выбираетъ людей, у корыхъ на совѣсти дѣла въ родѣ дѣлъ по Калишинскому акціонерному обществу и которые женщину, двадцать лѣтъ безкорыстно ихъ любившую, бросаютъ при первомъ своемъ возвышеніи. Понимаете, чтобы, въ одно и тоже время, затушевано все было и прозрачно!

Шуберскій. Понимаю, и не прикажете-ли еще прибавить, что общественное мнѣніе тѣмъ болѣе бываетъ удивлено, что въ подобныхъ случаяхъ иногда обходятъ людей, истинно призванныхъ на извѣстный постъ.

Владиміръ Иванычъ. Нѣтъ, это зачѣмъ-же ужъ!. Довольно и того!

Шуберскій. Слушаю-съ! *(кланяется сначала Владиміру Иванычу, а потомъ Вильгельминѣ Ѳедоровнѣ и идетъ).*

Владиміръ Иванычъ *(вслѣдъ ему).* Пожалуйста, когда будетъ имѣть какую нибудь просьбу ко мнѣ, адресуйтесь безъ всякой церемоніи.

Шуберскій *(еще разъ кланяясь въ дверяхъ).* Не премину воспользоваться вашимъ добрымъ позволеніемъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Владиміръ Иванычъ и Вильгельмина Ѳедоровна.

Владиміръ Иванычъ. Съ этой стороны мы, значитъ, дадимъ г. Андашевскому щелчокъ порядочный?.. *(обращаясь къ женѣ),* а потомъ ты съѣздишь къ Марьѣ Сергѣевнѣ.

Вильгельмина Ѳедоровна *(невиннымъ голосомъ).* Хорошо!.. Мнѣ самой очень хочется навѣстить ее.

Владиміръ Иванычъ. Во первыхъ, навѣстить ее надобно; а потомъ... помнишь ты это Калишинское дѣло, по которому г. Андашевскій цапнулъ триста тысячъ?

Вильгельмина Ѳедоровна *(въ удивленіи).* Триста тысячъ, однако!

Владиміръ Иванычъ. Триста тысячъ—ни больше, ни меньше, и пріемъ этихъ денегъ, какъ сказывалъ мнѣ сейчасъ Шуберскій, происходилъ на квартирѣ Марьи Сергѣевны и даже въ присутствіи ея; а потому она, Богъ знаетъ, можетъ быть, какія доказательства имѣетъ къ уличенію г. Андашевскаго

Вильгельмина Ѳедоровна. Но если и есть у ней такія доказательства, развѣ она скажетъ объ нихъ.

Владиміръ Иванычъ. Скажетъ, потому что она

зла теперь на Андашевскаго за его измѣну; а, наконецъ, она дура набитая: у ней всегда все можно выспросить и даже выманить; главное, нѣтъ-ли у ней какого-нибудь документика обличающаго: письмеца его или записочки?

Вильгельмина Өедоровна. Положимъ, у ней найдется такой документъ и она отдастъ его; но что-жъ потомъ будетъ?

Владимiръ Иванычъ. Потомъ, превосходно будетъ: я двадцать такихъ писачекъ, какъ Шуберскiй, найду и заставлю ихъ называть въ газетахъ прямо уже по имени г. Андашевскаго; мало того: я документъ этотъ лично принесу къ графу и скажу, что получилъ его по городской почтѣ для доставленiя ему.

Вильгельмина Өедоровна *(недовѣрчиво пожимая плечами)*. И графъ, разумѣется, разсердится на тебя за это, потому что Андашевскiй всетаки его созданiе, и потомъ они уже вмѣстѣ, вдвоемъ, начнутъ тебѣ мстить и преслѣдовать тебя!

Владимiръ Иванычъ. Да хоть-бы они голову сняли съ меня за то, такъ я сдѣлаю это!.. Мнѣ легче умереть, чѣмъ видѣть, какъ этотъ плутъ и подлипало возвышается!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ квартирѣ Марьи Сергѣевны Сониной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Сергѣевна *нестарая еще женщина, но полная и не по лѣтамъ уже обрюзглая, съ землянымъ цвѣтомъ лица и съ немного распухшимъ отъ постояннаго насморка носомъ; когда говоритъ, то тянетъ слова. Она полулежитъ на диванѣ, кругомъ обложенная подушками. Какъ-бы въ противуположность ей, невдалекѣ отъ дивана, бодро и прямо сидитъ въ креслѣ.* **Вильгельмина Ѳедоровна** *въ модной шляпѣ и дорогой шали.*

Вильгельмина Ѳедоровна. Я бы непремѣнно давно у васъ была; но полагала, что вы на дачѣ, и только вчера спросила Владиміра Иваныча: «Гдѣ, говорю, нынче на дачѣ живетъ Марья Сергѣевна?...» «Какое, говоритъ, на дачѣ; она въ городѣ и больна!!» «Ахъ, говорю, какъ же тебѣ не грѣхъ не сказать мнѣ!» Сегодня ужь нарочно отложила всѣ дѣла въ сторону и поѣхала.

Марья Сергѣевна. Я давно больна, третій мѣсяцъ больна и даже посѣтовала въ душѣ, что вы не побываете у меня!

Вильгельмина Ѳедоровна. Да вы бы написали мнѣ, я сейчасъ же бы и пріѣхала къ вамъ.

Марья Сергѣевна. А этого я и не сообразила, а потомъ тоже полагала, что вы также на дачу переѣхали.

Вильгельмина Ѳедоровна. Нѣтъ, мы другой годъ не живемъ на дачѣ, — Владиміру Иванычу рѣшительно некогда: онъ по горло заваленъ дѣлами!... Наградъ никакихъ не даютъ; а дѣла прибавляютъ, такъ что я прошу его даже бросить лучше эту службу проклятую.

Марья Сергѣевна *(махнувъ рукой).* Охъ, эта ужь нынче служба: она всѣхъ, кажется, отъ всего отвлекаетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Какъ же не отвлекаетъ!.. но когда еще она вознаграждается, такъ это ничего; вотъ какъ нашему общему знакомому Алексѣю Николаичу Андашевскому, тому хорошо служить: въ сорокъ лѣтъ какихъ-нибудь сдѣланъ товарищемъ!

Марья Сергѣевна. А вы думаете—легко ему! Онъ тоже никуда теперь не ѣздитъ; у меня какихъ-нибудь раза два былъ въ продолженіе всей моей болѣзни; пишетъ, что все дѣлами занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна *(какъ-бы въ удивленіи).* Неужели же онъ у васъ всего только два раза былъ?

Марья Сергѣевна. Всего!... Это меня больше и огорчаетъ; а вижу, что нельзя требовать: занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Что-жь такое занятъ! Это ужь, видно, не одни занятія его останавливаютъ; а что-нибудь и другое.

Марья Сергѣевна *(съ нѣкоторымъ испугомъ и удивленіемъ).* Что же другое можетъ его останавливать?

Вильгельмина Ѳедоровна. Заважничалъ, можетъ быть!... Возгордился, что на такой важный постъ вышелъ.

Марья Сергѣевна. Но какъ же ему, душенька, противъ меня-то гордиться!... Вы знаете, я думаю, мои отношенія съ нимъ!... Что жь, я, не скрываясь, говорю, что пятнадцать лѣтъ жила съ нимъ, какъ съ мужемъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Какъ же не знать!... Всѣ очень хорошо знаемъ, и тѣмъ больше тому удивляемся! Въ газетахъ даже пишутъ объ этомъ.

Марья Сергѣевна (*окончательно испугавшись*). Въ газетахъ?

Вильгельмина Ѳедоровна. Да!... Сегодня Владиміръ Иванычъ, какъ я поѣхала къ вамъ, подалъ мнѣ газету и говоритъ: «Покажи этотъ номеръ Марьѣ Сергѣевнѣ; врядъ-ли не про нее тутъ написано!» Я и захватила ее съ собою (*подаетъ Марьѣ Сергѣевнѣ газету*). Въ этомъ вонъ столбцѣ напечатано это!... (*показываетъ ей на одно мѣсто въ газетѣ*).

Марья Сергѣевна (*начинаетъ неумѣло и вслухъ читать*). «Мы сегодня лучъ нашего фонаря наведемъ во внутренность одного изъ петербургскихъ домовъ, въ небольшую, но мило убранную квартиру; въ ней сидитъ съ кроткими чертами лица женщина; противъ нея помѣщается уже знакомый нашему читателю г. Подстегинъ. Видно, что бѣдная женщина преисполнена любви и нѣжности къ нему, но г. Подстегинъ мраченъ и озабоченъ. Вдругъ раздается звонокъ. Г. Подстегинъ проворно встаетъ со своего стула и выходитъ въ зало. Тамъ стоятъ какихъ-то двое неизвѣстныхъ господъ; они сначала почтительно кланяются г. Подстегину, а потомъ начинаютъ съ нимъ шептаться. Въ результатѣ этого совѣщанія было то, что когда г. Подстегинъ проводилъ своихъ гостей и снова возвратился къ своей собесѣдницѣ, то подалъ ей на триста тысячъ акцій Калишинскаго акціонернаго общества. «Ангелъ мой, говоритъ онъ ей: побереги эти деньги до завтра въ своей шифоньеркѣ!» (*останавливаясь читать и качая головой*). Да!... Это такъ!... Да! Правда!

Вильгельмина Ѳедоровна (*стремительно*). Правда это, значитъ?

Марья Сергѣевна. Совершенная правда!... Два дня

потомъ лежали у меня эти деньги: вечеромъ онъ, по обыкновенію, поздно отъ меня уѣхавъ, побоялся ихъ взять съ собою; а на другой день ему что-то нельзя было заѣхать за ними, онъ и пишетъ мнѣ: «Мари, будь весь день дома, не выходи никуда и постереги мои триста тысячъ!» Такъ я и стерегла ихъ: цѣлый день все у шифоньерки сидѣла!

Вильгельмина Өедоровна (*съ вспыхнувшимъ отъ радости лицомъ*). А у васъ цѣла эта записочка?

Марья Сергѣевна. Цѣла!... О, у меня каждая строчка его сохраняется!... Интересно, кто это пишетъ!

Вильгельмина Өедоровна. Тутъ дальше еще интереснѣе будетъ!... Позвольте мнѣ вамъ прочесть: вамъ, кажется трудно читать.

Марья Сергѣевна. Да, я не привыкла читать; по французски мнѣ еще легче,—прочтите, пожалуйста!

Вильгельмина Өедоровна (*беретъ газету и начинаетъ бойко и отчетливо читать*). «Казалось-бы что одно это событіе могло связать на вѣки г. Подстегина съ его подругой; но ничуть не бывало: онъ кидаетъ ее, какъ только нужно ему это стало. Напрасно бѣдная женщина пишетъ ему, онъ ей не отвѣчаетъ! Она посылаетъ къ нему свою горничную,—онъ обѣщается къ ней пріѣхать и не ѣдетъ!»

Марья Сергѣевна (*со слезами уже на глазахъ*). И это совершенная правда!... Но кто же, душа моя, могъ все это узнать и описать?

Вильгельмина Өедоровна (*съ улыбкою*). Это пишетъ чортъ, который куда наведетъ лучъ волшебнаго фонаря своего, вездѣ все видитъ.

Марья Сергѣевна. Какъ чортъ? Господи помилуй.

Вильгельмина Өедоровна. Конечно, не чортъ, а человѣкъ, но у котораго вездѣ есть лазейки, шпіоны свои, чрезъ которыхъ онъ все знаетъ.

Марья Сергѣевна. Ужъ дѣйствительно настоящій чортъ: все описалъ.

Вильгельмина Ѳедоровна. Но вы послушайте еще дальше! *(читаетъ)*. «Перемѣнимъ направленіе нашего луча: предъ нами богато-убранная гостиная. Г. Подстегинъ стоитъ уже на колѣняхъ предъ прелестнѣйшей собой дамой. Она вѣеромъ тихонько ударяетъ его по головѣ и говоритъ: «я никогда не выйду за васъ замужъ, пока вы такъ дурно будете произносить по-французски!» «Божество мое, восклицаетъ Подстегинъ: я учусь у француза произносить слова. Какъ вы, напримѣръ, находите я произношу слово: étudiant?... хорошо?» «Недурно», — отвѣчаетъ дама и даетъ ему поцѣловать кончикъ своего мизинца».

Марья Сергѣевна. И это правда!... Онъ очень дурно произноситъ по французски.

Вильгельмина Ѳедоровна. Французъ, тоже говорятъ, какъ назначили его товарищемъ, каждый день ходитъ къ нему и учитъ его.

Марья Сергѣевна. Но кто-же эта дама? не я же это?

Вильгельмина Ѳедоровна. Конечно, не вы!... И я не знаю, правда-ли это; но весь Петербургъ, говорятъ, понялъ такъ, что это Ольга Петровна Басаева.

Марья Сергѣевна *(восклицаетъ)*. Дочь графа?

Вильгельмина Ѳедоровна. Да!... Онъ дѣйствительно бываетъ у ней каждый вечеръ, по слухамъ, даже женится на ней; вотъ и вѣрьте нынче мужчинамъ!

Марья Сергѣевна (*съ полными уже слезъ глазами*). Славно, отлично со мной поступилъ!... Но я не допущу этого; не позволю ему это сдѣлать!

Вильгельмина Ѳедоровна. Но какъ же вы не допустите? Чѣмъ? Какимъ способомъ?

Марья Сергѣевна. А я приду въ ту церковь, гдѣ ихъ вѣнчать будутъ, да и лягу поперекъ двери.

Вильгельмина Өедоровна. Развѣ возможно это? Вы и не узнаете, гдѣ они обвѣнчаются.

Марья Сергѣевна. Но не могу же, душа моя, я все это видѣть и переносить равнодушно.

Вильгельмина Өедоровна. Записочкой вотъ этой, гдѣ онъ пишетъ о трехстахъ тысячахъ, которыя онъ въ вашемъ домѣ получилъ съ Калишинскихъ акціонеровъ, вы могли бы попугать его; но вы, конечно, никогда не рѣшитесь на это!

Марья Сергѣевна. Отъ чего-же?.. Ничего?.. Если онъ самъ со мной такъ поступаетъ, то я рѣшусь на все!... Я добра и кротка только до времени!... Но чѣмъ же я именно напугаю его этимъ?

Вильгельмина Өедоровна. Тѣмъ, что вы записку эту можете напечатать.

Марья Сергѣевна. Гдѣ же это я напечатаю ее?

Вильгельмина Өедоровна. Въ газетахъ!... Въ какой хотите газетѣ можете напечатать.

Марья Сергѣевна. Но, душенька, я рѣшительно не съумѣю это сдѣлать! Если я ему скажу это, онъ просто разсмѣется. «Гдѣ, скажетъ, тебѣ напечатать»! Онъ знаетъ, что я ни по какимъ бумагамъ ничего не умѣю сдѣлать... Вы научите ужъ меня, пожалуйста.

Вильгельмина Өедоровна. Да я сама хорошенько не знаю, какъ это дѣлается; но Владиміръ Иванычъ, если вы позволите, сегодня заѣдетъ къ вамъ и поучитъ васъ.

Марья Сергѣевна. Ахъ, пожалуйста!... Я несказанно буду рада ему; но только я напередъ позову къ себѣ Алексѣя Николаича и выспрошу у него все!.. Можетъ быть, на него тутъ и клевещутъ?

Вильгельмина Өедоровна. Только вы, Бога ради, не проговоритесь какъ-нибудь ему, что мы съ Владиміромъ Иванычемъ принимаемъ въ этомъ участіе!... Вы

можете вооружить его противъ насъ на вѣки; а онъ все-таки теперь начальникъ мужа!

Марья Сергѣевна. Понимаю я это, милушка, будто этого я не понимаю! Скажу, что въ газетахъ прочла.

Вильгельмина Ѳедоровна. И что газету не я вамъ привезла, а что вы ее купили.

Марья Сергѣевна. Конечно!.. понимаю!

Вильгельмина Ѳедоровна. А потомъ, если на счетъ женитьбы Алексѣй Николаичъ станетъ запираться, то вы потребуйте отъ него, чтобы онъ на васъ женился; это будетъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, тѣмъ больше, что онъ долженъ же когда-нибудь это сдѣлать!

Марья Сергѣевна *(обрадованная этимъ совѣтомъ).* Какъ же не долженъ?.. Непремѣнно долженъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. А теперь пока: adieu!.. Я поѣду сказать Владиміру Иванычу, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна. Да, да!... Чтобъ пріѣхалъ!... *(Обѣ дамы цѣлуются, и Вильгельмина Ѳедоровна уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Марья Сергѣевна *(оставшись одна и беря себя за голову)* Такъ разстроилась этимъ извѣстіемъ, что, пожалуй, не въ состояніи буду и сообразить, что написать Алексѣю Николаичу *(садится къ письменному столу и, начиная писать, произноситъ то, что пишетъ).* «Я прочла въ газетахъ, что вы женитесь на другой. Пріѣзжайте сейчасъ же ко мнѣ оправдаться въ томъ. Если вы не пріѣдете, то я напечатаю въ газетахъ всѣ ваши письма ко мнѣ, въ которыхъ вы клялись меня вѣчно любить и гдѣ просили меня хранить ваши триста тысячъ, которыя вы получили въ моемъ домѣ, и это пока-

зываетъ, до чего вы прежде были откровенны со мной» *(останавливаясь писать)*. Ну, вотъ и все, слава Богу: теперь только фамилію подпишу... *(макаетъ перо въ чернильницу и хочетъ продолжать писать, но дѣлаетъ огромное чернильное пятно на письмѣ и восклицаетъ испуганнымъ голосомъ)*. Вотъ тебѣ и разъ! *(слизываетъ чернильное пятно и вмѣстѣ съ тѣмъ смарываетъ самое письмо и мараетъ себѣ носъ чернилами)*. Ну, все письмо испортила!... Господи, что я за несчастное существо въ мірѣ! Во всемъ-то мнѣ въ жизни неудачи! Больше писать не въ состояніи; отправлю какъ есть *(кое-какъ складываетъ письмо и кричитъ)*. Даша! *(Входитъ Даша.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Сергѣевна и Даша.

Марья Сергѣевна. Отнеси поскорѣй это письмо Алексѣю Николаичу *(отдаетъ Дашѣ письмо)*.

Даша. Слушаю-съ! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марья Сергѣевна *(одна и начиная плакать)*. Ужъ именно несчастное существо!... Больше двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй Николаичъ заѣдетъ ко мнѣ на какіе-нибудь полчаса, никогда не посидитъ, ничего не разскажетъ; а теперь и совсѣмъ бросить хочетъ!.. Что я буду дѣлать съ собой? Мнѣ скоро жить даже не на что будетъ: все прожила съ нимъ!.. Не къ роднымъ же мнѣ идти на хлѣба. Меня никто изъ нихъ и знать не хочетъ, а все изъ за него; долженъ онъ все это понять и хоть сколько-нибудь оцѣнить! Вильгельмина Ѳедоровна совер-

шенно справедливо говоритъ, что ему надобно жениться на мнѣ!.. *(продолжаетъ плакать. Входитъ Даша).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Сергѣевна и Даша.

Даша. Алексѣй Николаичъ сейчасъ придутъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна *(утирая слезы).* Хорошо! *(Даша уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марья Сергѣевна *(повеселѣвши нѣсколько).* Испугался, видно, немножко!.. Теперь я знаю, какъ держать себя съ нимъ!.. Спасибо Вильгельминѣ Ѳедоровнѣ, что она научила меня на счетъ газетъ!.. Я теперь все буду печатать въ газетахъ, что онъ противъ меня сдѣлаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Сергѣевна. *Входитъ* **Андашевскій,** *господинъ съ рыжею, типическою, чиновничьей физіономіей; глаза его горятъ гнѣвомъ; но ротъ его улыбается, и видно, что все его стараніе направлено на то, чтобы сохранить спокойный видъ и скрыть волнующую его эмоцію.*

Андашевскій *(подавая Марьѣ Сергѣевнѣ руку и садясь вблизи нея).* Что это за странное письмо вы ко мнѣ написали?

Марья Сергѣевна. Какъ же мнѣ не написать было тебѣ письма!.. Ты посмотри, что про тебя самого пишутъ въ газетахъ *(подаетъ ему газету).*

Андашевскій *(беря газету и тихо откладывая ее въ сторону).* Знаю это я, читалъ, но почему-жъ вы думаете, что это про меня писано?

Марья Сергѣевна. Потому, что тутъ пишутъ, какъ къ тебѣ на квартиру ко мнѣ пріходили акціонеры, какъ ты получилъ съ нихъ триста тысячъ и далъ мнѣ ихъ убрать.

Андашевскій *(насильственно смѣясь)*. Но тоже самое могло случиться съ тысячью другихъ людей: а потому я никакъ не могу принять это прямо на свой счетъ.

Марья Сергѣевна. А кто же, по твоему, эта дама, передъ которой ты стоишь на колѣняхъ.

Андашевскій. Этого тоже я никакъ ужь не знаю.

Марья Сергѣевна. А я знаю!.. Это дочь графа, Ольга Петровна Басаева, на которой ты женишься.

Андашевскій *(замѣтно сконфуженный)*. Дѣлаетъ честь твоей прозорливости.

Марья Сергѣевна. Пора ужь быть прозорливой! Не все оставаться слѣпой.

Андашевскій *(пристально взглядывая ей въ лицо)*. Мнѣ интереснѣе всего знать, кто прислалъ тебѣ эту газету.

Марья Сергѣевна. Никто; я сама ее купила!

Андашевскій. Купить ты никакъ ее не могла; потому что какимъ же образомъ ты именно купила тотъ номеръ, гдѣ, по твоему мнѣнію, напечатано обо мнѣ,— стало быть все-таки сказалъ же тебѣ кто-нибудь объ этомъ!.. Кто тебѣ это сказалъ?

Марья Сергѣевна *(опѣшенная этимъ вопросомъ)*. Я не скажу тебѣ, кто мнѣ сказалъ.

Андашевскій. Все равно, я послѣ узнаю!

Марья Сергѣевна. Ни за что!.. никогда ты этого не узнаешь!.. И, пожалуйста, не отклоняйся въ сторону отъ разговора и отвѣчай мнѣ на мой вопросъ: женишься ты на Ольгѣ Петровнѣ или нѣтъ? *(Андашевскій на это только усмѣхается, но ничего не говоритъ. Марья Сергѣевна, не отставая отъ него)*. Женишься или нѣтъ?

Андашевскій *(довольно протяжно и потупляя въ землю свои глаза)*. Нѣтъ, не женюсь.

Марья Сергѣевна. А ты думаешь, что я такъ сейчасъ твоимъ словамъ и повѣрила!.. Ты мнѣ долженъ доказать это!

Андашевскій. Но чѣмъ-же я могу тебѣ это доказать?

Марья Сергѣевна. Тѣмъ, что женись на мнѣ!.. Ты давно бы долженъ былъ сдѣлать это?

Андашевскій *(захохотавъ уже искреннимъ смѣхомъ)*. Что за безуміе выдумала!

Марья Сергѣевна. Отъ чего же безуміе?... Тутъ ничего нѣтъ такого страннаго и смѣшнаго.

Андашевскій. Да, какъ же не смѣшно! сколько лѣтъ жили, и вдругъ ей пришло въ голову, чтобы я женился на ней.

Марья Сергѣевна. Мужъ мой только прошлаго года померъ; раньше и нельзя было; а теперь я непремѣнно требую, чтобы ты женился на мнѣ.

Андашевскій. Нѣтъ, я не могу на тебѣ жениться!

Марья Сергѣевна. Почему же не можешь?

Андашевскій. Потому, что ни моя служба, ни мое положеніе въ свѣтѣ, ничто мнѣ не позволяетъ того.

Марья Сергѣевна *(очень оскорбленная послѣдними словами)*. А, такъ это, значитъ, я унижу васъ; но только вы ошибаететесь, кажется, въ этомъ случаѣ!... Ты хоть и чиновенъ; но отецъ твой всетаки былъ пьяный приказный, а мой отецъ генералъ-лейтенантъ! братья мои тоже генералъ-маіоры! Ты вотъ по французски до сихъ поръ дурно произносишь и на старости лѣтъ долженъ учиться у француза; а я по-французски лучше говорю, чѣмъ по-русски, и потому воспитаніемъ моимъ тоже не унижу тебя!

Андашевскій *(въ свою очередь тоже вспыхнувши отъ послѣднихъ словъ Марьи Сергѣевны)*. Тутъ не объ униженіи говорятъ, а то, что, женясь на тебѣ, я при моемъ высокомъ постѣ, ни буду имѣть жить на что! Я слишкомъ бѣденъ, чтобы вести жизнь женатаго человѣка.

Марья Сергѣевна *(крайне удивленная этими словами)*. Какъ ты бѣденъ?.. Ты жалованье огромное получаешь и кромѣ того у меня въ домѣ получилъ триста тысячъ капитала—бѣдный какой!...

Андашевскій *(еще болѣе покраснѣвъ)*. Послушай, ты наконецъ выведешь меня изъ терпѣнія этими тремя стами тысячъ! Ты говоришь о нихъ на каждомъ шагу и сдѣлала то, что объ этомъ всѣ газеты трубятъ!.. Понимаешь ли ты, какое зло мнѣ можешь принести этимъ; а между тѣмъ это были казенныя деньги, которыя я случайно получилъ у тебя на квартирѣ.

Марья Сергѣевна. Ахъ, Боже мой, скажите, пожалуйста, какую дуру нашелъ, въ чемъ завѣрить хочетъ! Зачѣмъ-же ты въ запискѣ своей, которую прислалъ мнѣ объ этихъ деньгахъ, прямо просилъ меня, чтобы я поберегла твои деньги?.. Казенныя деньги ты не сталъ бы называть твоими.

Андашевскій. Въ запискѣ къ тебѣ я и казенныя деньги могъ назвать своими!.. Это не оффиціальная бумага! Но гдѣ-жь у тебя эта записка?.. Развѣ цѣла еще она?

Марья Сергѣевна. Цѣла и спрятана!

Андашевскій. Отдай мнѣ ее сейчасъ-же.

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, не отдамъ.

Андашевскій *(удивленный и взбѣшенный)*. Какъ же не отдашь?.. Ты не имѣешь права не отдать мнѣ ея; потому что она у тебя можетъ быть украдена; ты можешь умереть одночасно, и ее опишетъ вмѣстѣ съ другими вещами, а я со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами и шпіонами, которые изо всего готовы сдѣлать на меня обвиненіе.

Марья Сергѣевна. Зачѣмъ-же мнѣ умирать? Ты, вѣроятно, желаешь этого, а я нѣтъ!.. Украсть у меня этой записки тоже никто не украдетъ: я ее далеко берегу!

Андашевскій *(показывая на шифоньерку)*. Въ этой шифоньеркѣ, конечно?

Марья Сергѣевна. Нѣтъ подальше!

Андашевскій. Никакъ ужь не подальше!.. Гдѣ у васъ ключи отъ нея?

Марья Сергѣевна. Ключи потеряны! *(при этомъ она поспѣшно закрываетъ руками одну изъ подушекъ своихъ).*

Андашевскій. Вотъ они, видно, гдѣ! *(засовываетъ руку подъ ту же подушку).*

Марья Сергѣевна *(кричитъ).* Не дамъ я вамъ ключей!

Андашевскій *(весь красный).* Нѣтъ, дадите!.. *(вытаскиваетъ изъ-подъ подушки руку Марьи Сергѣевны, въ которой она держитъ ключи, и начинаетъ отнимать ихъ у нея).*

Марья Сергѣевна *(кричитъ на всю квартиру).* Не дамъ,—пустите!

Андашевскій *(тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣшенымъ голосомъ).* Если ты мнѣ сейчасъ-же не отдашь ключей и не возвратишь записки, я убью тебя, — слышишь. *(Въ это время раздается довольно сильный звонокъ. Андашевскій тотчасъ же оставляетъ руку Марьи Сергѣевны, которая, въ свою очередь убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату и кричитъ оттуда:* Я не отдамъ вамъ вашей записки!... Я напечатаю ее!)

ЯВЛЕНІЕ VIII

Андашевскій *(одинъ и замѣтно сконфуженнымъ тономъ).* Какую величайшую неосторожность сдѣлалъ тогда, что посвятилъ эту дуру въ мою тайну!.. Въ голову совершенно не пришло, что я долженъ съ ней непремѣнно буду поссориться; а между тѣмъ у себя на казенной квартирѣ не ловко было принять этихъ господъ!.. Ее непремѣнно кто-нибудь тутъ учитъ и поддуваетъ, а то она, по своей безтолковости и безпамятливости, давно бы все забыла... *(Подумавъ немного).* Дѣлать нечего,

надобно ѣхать къ Ольгѣ Петровнѣ, признаться ей во всемъ и посовѣтоваться съ нею. *(ВходитъДаша).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Андашевскій и Даша.

Андашевсій *(ей)*. Кто это звонилъ?

Даша. Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Андашевскій. Понимаю теперь, откуда все это идетъ!.. Проводи меня чернымъ ходомъ.

Даша. Пожалуйте-съ! *(уводитъ Андашевскаго).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Изъ дверей въ зало входитъ **Владиміръ Иванычъ Вуландъ.**

Владиміръ Иванычъ. Господинъ Андашевскій, кажется, изволилъ здѣсь быть!.. Посмотримъ, посмотримъ, какая это записочка его!.. *(потираетъ съ удовольствіемъ руки).*

ЯВЛЕНІЕ XI

Владиміръ Иванычъ. *Входитъ.* **Марья Сергѣевна,** *сильно разстроенная.*

Марья Сергѣевна. Здравствуйте, Владиміръ Иванычъ!

Владиміръ Иванычъ. Что это вы больны изволите быть и какъ-будто бы чѣмъ-то разстроены?

Марья Сергѣевна. И больна, и разстроена!.. У меня былъ сейчасъ Алексѣй Николаичъ.

Владиміръ Иванычъ *(склоняя голову)*. Былъ; значитъ, пріѣзжалъ!

Марья Сергѣевна. Пріѣзжалъ, и то себѣ позволилъ, что я понять не могу: я спросила его, что правда-ли, что онъ женится на Ольгѣ Петровнѣ Басаевой. Онъ запирается. Тогда я, какъ Вильгельмина Ѳедоровна мнѣ

совѣтывала, сказала ему, чтобы онъ на мнѣ женился; Боже мой, взбѣсился, вышелъ изъ себя и сталъ мнѣ доказывать, что онъ не можетъ на мнѣ жениться, потому что бѣденъ и что даже тѣ триста тысячъ, которыя онъ получилъ при мнѣ, не его будто-бы деньги, а казенныя?

Владиміръ Иванычъ *(восклицаетъ въ удивленіи).* Какъ казенныя?

Марья Сергѣевна *(насмѣшливо).* Казенныя ужъ стали.

Владиміръ Иванычъ. Казенныя, такъ въ казну и должны были бы поступить. Какъ же онѣ у него могли очутиться?

Марья Сергѣевна. Ну, вотъ, подите!... Я говорю ему: «Ты самъ въ запискѣ своей ко мнѣ называлъ ихъ своими деньгами».

Владиміръ Иванычъ. Слышалъ я отъ жены объ этой запискѣ и собственно за тѣмъ пріѣхалъ, чтобы взглянуть на эту записку... Позвольте мнѣ ее видѣть!

Марья Сергѣевна. Сейчасъ, сію минуту! *(подходитъ къ шифоньеркѣ, отпираетъ ее и, вынувъ оттуда цѣлый пукъ писемъ и записочекъ, подаетъ его **Владиміру Иванычу**).* Она тутъ должна быть гдѣ нибудь!

Владиміръ Иванычъ *(перебирая письма и просматривая ихъ).* Вижу-съ!.. Найду! *(останавливается на одной запискѣ).* Вотъ она и записка очень важная.

Марья Сергѣевна. Должно быть очень важная; потому что какъ только я напомнила ему о ней, онъ сейчасъ же сталъ требовать ее себѣ; но я не дура: прямо сказала, что не дамъ ему этой записки... Тогда онъ, вообразите, силой рѣшился взять ее.

Владиміръ Иванычъ *(опять въ удивленіи).* Силой?

Марья Сергѣевна. Да, бросился къ ключамъ отъ шифоньерки, такъ что я едва успѣла ихъ взять въ руку, тогда онъ схватилъ мою руку и началъ ломать ее.

Владимiръ Иванычъ *(качая головой)*. Скажите пожалуйста!

Марья Сергѣевна. Всю руку мнѣ изломалъ!.. Я не знаю, какъ у меня достало силы не выпустить ключей!.. Ломаетъ мнѣ руку, а самъ все шепчетъ: «я тебя убью, убью, если ты не отдашь мнѣ записки!..» И я теперь въ самомъ дѣлѣ боюсь, что онъ убьетъ меня.

Владимiръ Иванычъ. О, полноте, Господь съ вами!

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, вы его не знаете! Онъ злецъ ужасный: я всѣ ночи теперь не буду спать и ожидать, что онъ вернется ко мнѣ въ квартиру и убьетъ меня!

Владимiръ Иванычъ. Если вы его ужь такъ боитесь, такъ уѣзжайте куда-нибудь на время изъ Петербурга, а записочку эту передайте мнѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ опишите все, что мнѣ теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представилъ графу, какъ единственному въ этомъ случаѣ защитнику вашему.

Марья Сергѣевна. Что-жъ графъ сдѣлаетъ ему за это?

Владимiръ Иванычъ. О, графъ многое можетъ сдѣлать ему: во-первыхъ, видя изъ вашего письма, какъ безчестно этотъ человѣкъ поступилъ уже въ отношенiи одной женщины, онъ, конечно, не пожелаетъ выдать за него дочь; да и сама Ольга Петровна, вѣроятно, не рѣшится на это.

Марья Сергѣевна. Это такъ!.. Да!..

Владимiръ Иванычъ. А, по случаю трехъ сотъ тысячъ и записки, которую онъ писалъ къ вамъ о нихъ графъ, полагаю, посовѣтуетъ Алексѣю Николаичу жениться на васъ, такъ какъ вы владѣете весьма серьезною его тайною.

Марья Сергѣевна. Ахъ, я очень бы этого желала,

потому что я до сихъ поръ ужасно еще люблю его, да и привыкла къ нему—сами посудите!

Владиміръ Иванычъ. Вѣроятно, такъ это и будетъ, и мы мѣсяца черезъ три назовемъ васъ: «М-me Андашевскою».

Марья Сергѣевна. Благодарю васъ за ваше доброе желаніе.

Владиміръ Иванычъ. Записочку эту вы позволите, значитъ, мнѣ взять съ собою! *(кладетъ записку себѣ въ карманъ)*. А письмо отъ себя, какъ я вамъ говорилъ, вы потомъ пришлете!

Марья Сергѣевна. Непремѣнно пришлю! Только я хоть и больна теперь, но завтра же уѣду изъ Петербурга: я ужасно боюсь здѣсь оставаться.

Владиміръ Иванычъ. Это какъ вамъ угодно!.. Конечно, если ѣхать, такъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! главное, не забудьте письмецо-то ко мнѣ написать и прислать!

Марья Сергѣевна. Никакъ не забуду! *(Владиміръ Иванычъ цѣлуетъ у нея руку, а она его въ лобъ, и затѣмъ Вуландъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Марья Сергѣевна *(оставшись одна и видимо повѣрившая всѣмъ словамъ Вуланда)*. Какъ только я сдѣлаюсь женою Алексѣя Николаича, такъ непремѣнно стану покровительствовать Вуланду. Онъ и жена его такое участіе показали мнѣ въ теперешнемъ моемъ непріятномъ положеніи, что, ей Богу, рѣдко встрѣтишь подобное отъ самыхъ близкихъ родныхъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

ДѢЙСТВІЕ III.

Огромная и красивая дача, бальшая терраса которой, увитая плющемъ и задрапированная полотномъ, выходитъ въ садъ, простирающійся до самаго взморья. На горизонтѣ виднѣется заходящее солнце.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одномъ концѣ террасы сидитъ **Графъ Зыровъ,** *сѣдой уже старикъ, съ энергическимъ и выразительнымъ лицомъ, съ гордой осанкой и съ нѣсколько презрительной усмѣшкой: привычка повелѣвать какъ бы невольно высказывалась въ каждомъ его движеніи. Одѣтъ онъ довольно моложаво, въ коротенькомъ пиджакѣ и съ однимъ только болтающимся солдатскимъ Георгіемъ въ петличкѣ. На другомъ концѣ террасы помѣстилась дочь графа,* **Ольга Петровна Басаева,** *молодая вдова, съ нѣсколько сухой, черствой красотою; но, какъ видно очень умная и смѣлая. Костюмъ ея отличается безукоризненнымъ вкусомъ и былъ самой послѣдней моды.*

Ольга Петровна *(замѣтно горячась).* Этотъ князь Янтарный, папа, или, какъ ты очень мѣтко его называешь, азіатскій князь, на вечерѣ у madame Бобриной, на всю гостиную á pleine voix кричалъ: «Какъ это возможно: графъ Зыровъ на такое мѣсто, которое всегда занимали люди нашего круга, посадилъ никому неизвѣстнаго чиновничка своего!» Я вышла наконецъ изъ себя и сказала: «Князь, пощадите!.. Вы забываете, что я

дочь графа!.. «Ахъ, pardon, madame, говоритъ, но я графа такъ люблю, такъ уважаю, что не могу не быть удивленнымъ послѣднимъ выборомъ его, который никакъ не могу ни понять, ни оправдать чѣмъ либо...

Графъ *(презрительно усмѣхаясь)*. Какъ же ему и понять мой выборъ, когда онъ самъ просился на это мѣсто.

Ольга Петровна. Я это предчувствовала и даже кольнула его этимъ: «нельзя, говорю, князь, требовать, чтобы всѣ назначенія дѣлались по нашему вкусу. Мало ли чего человѣкъ желаетъ, но не всегда того достигаетъ!» Его немножко передернуло. «Англійская, говоритъ, аристократія никогда не позволяетъ себѣ открывать такой легкій доступъ новымъ людямъ въ свою среду!» «Позвольте, говорю, а Робертъ Пиль и Д'Израели?» «Робертъ Пиль и Д'Израели и г. Андашевскій двѣ вещи разныя: то люди геніальные!»

Графъ *(съ прежней презрительной усмѣшкой)*. А можетъ быть, и Андашевскій человѣкъ геніальный! Почемъ они знаютъ его? Они его совершенно не вѣдаютъ,

Ольга Петровна. Они нисколько и не заботятся узнать его; а говорятъ только, что это человѣкъ не ихъ общества, и этого для нихъ довольно.

Графъ *(вспыливъ наконецъ)*. Что-жъ мнѣ за дѣло до ихъ общества!.. Я его и знать не хочу—всякій дѣлаетъ, какъ ему самому лучше: у меня собственно два достойныхъ кандидата было на это мѣсто: Вуландъ и Андашевскій—первый безспорно очень умный, опытный, но грубый, упрямый и, по временамъ, пьяный нѣмецъ; а другой хоть и молодой еще почти человѣкъ, но уже знающій, работающій, съ прекраснымъ сердцемъ и, наконецъ, мнѣ лично преданный.

Ольга Петровна *(съ нѣкоторой краской въ лицѣ)* Тебѣ онъ, папа, преданъ и любитъ тебя больше, чѣмъ сынъ родной.

Графъ. Это я знаю и многія доказательства имѣю на то! Неужели же при всѣхъ этихъ условіяхъ не предпочесть мнѣ было его всѣмъ?

Ольга Петровна. Объ этомъ, папа, и рѣчи не можетъ быть!.. Иначе это было-бы величайшей несправедливостью съ твоей стороны, что я и сказала князю Янтарному: «и если, говорю, графъ въ выборѣ себѣ хорошаго помощника промаикировалъ своими дружественными отношеніями, то это только дѣлаетъ честь его безпристрастію!» «Да-съ, говоритъ, но если всѣ мы будемъ такимъ образомъ поступать, то явно покажемъ, что въ нашемъ кругу нѣтъ людей, способныхъ къ чему-либо болѣе серьезному».

Графъ. И дѣйствительно нѣтъ!.. хоть-бы взять съ той-же молодежи: развѣ можно ее сравнить съ прежней молодежью?.. Между нами всегда было, кромѣ ужь желанія трудиться, работать, нѣкотораго рода рыцарство и благородство въ характерахъ, а теперь вотъ они въ театрѣ накричатъ и набуянятъ и вмѣсто того, чтобы за это бросить, заплатить тысячи двѣ, три,—они лучше хотятъ идти къ мировому судьѣ подъ судъ—это грошевики какіе-то и алтынники!

Ольга Петровна. Все это, можетъ быть, справедливо; но тутъ досадно, папа, то, что, какъ видно, всѣ, старые и молодые, раздѣляютъ мнѣніе князя Янтарнаго, потому что я очень хорошо знаю Янтарнаго: онъ слишкомъ большой трусъ, чтобы позволить себѣ въ такомъ многолюдномъ обществѣ такъ рѣзко выражать свое мнѣніе, еслибы онъ ожидалъ себѣ встрѣтить возраженіе, напротивъ: одни поддерживали его небольшими фразами, другіе ободряли взглядами; наконецъ, которые и молчали, то можно навѣрное поручиться, что они думали тоже самое.

Графъ. И пусть себѣ думаютъ, что хотятъ! Я на болтовню этихъ господъ никогда не обращалъ никакого вниманія и обращать не буду.

Ольга Петровна. Ты этого не говори, папа!.. Крикъ этихъ господъ для людей такихъ значительныхъ, какъ ты и Андашевскій, гораздо опаснѣе, чѣмъ что-нибудь другое, а тѣмъ больше, что къ этому присоединилась опять какая-то статья въ газетахъ.

Графъ *(нахмуривая брови)*. Опять статья?

Ольга Петровна. Опять!.. Очень рѣзкая, говорятъ, и прозрачная. Ты бы, папа, какія-нибудь мѣры принялъ противъ этого.

Графъ *(пожимая плечами)*. Какія же я могу принять мѣры?... *(насмѣшливо)*. Нынче у насъ свобода слова и печати. *(встаетъ и начинаетъ ходить по террасѣ)*. Нечего сказать,—славное время переживаемъ: всѣмъ негодяямъ даны всевозможныя льготы и права, а всѣ порядочные люди связаны по рукамъ и по ногамъ!.. *(Прищуривается и смотритъ въ одну изъ боковыхъ аллей сада)*. Что это за человѣкъ ходитъ у насъ по парку?

Ольга Петровна. Это, вѣроятно, Мямлинъ!.. Я привезла его съ собою... Онъ одинъ на вечерѣ у madame Бобриной заступался за тебя и очень умно, по моему, доказывалъ, что нынче всѣ службы сдѣлались такъ трудны, такъ требуютъ отъ служащихъ многаго; что на важныя мѣста возможно только сажать людей совершенно къ тому приготовленныхъ.

Графъ *(съ презрительной усмѣшкой)*. Это, вѣроятно, онъ себя считаетъ совершенно приготовленнымъ на освободившееся мѣсто Андашевскаго.

Ольга Петровна *(стремительно)*. И ты, папа, опредѣли его непремѣнно!

Графъ *(съ удивленіемъ взглядывая на дочь)*. Что ты такое говоришь?.. шутишь что-ли?

Ольга Петровна. Нѣтъ, не шучу, и я тебѣ сейчасъ объясню, почему я такъ говорю: ты вспомни, что Мямлинъ родной племянникъ князя Михайла Семеныча и когда ты опредѣлишь его къ себѣ, то самому князю

и всему его антуражу будетъ это очень пріятно и дастъ тебѣ отличный противувѣсъ противъ всѣхъ сплетенъ и толковъ у madame Бобриной, которыми, опять я тебѣ повторяю, вовсе не слѣдуетъ пренебрегать. *(Графъ грустно усмѣхается)*. Ты повѣрь, папа, женскому уму: онъ въ этихъ случаяхъ бываетъ иногда дальновиднѣе мужскаго.

Графъ. Но какимъ же образомъ дать Мямлину какое-бы то ни было серьезное мѣсто, когда его корчитъ и кобенитъ почти каждоминутно?

Ольга Петровна. Это, папа, болѣзнь, а не порокъ; но что Мямлинъ уменъ, въ этомъ я убѣдилась въ послѣдній разъ, когда онъ такъ логично и послѣдовательно отстаивалъ тебя. *(Графъ отрицательно качаетъ головой)*. Ты, папа, не можешь судить объ его умѣ, потому что, какъ самъ мнѣ Мямлинъ признавался, онъ такъ боится твоего суроваго вида, что съ нимъ сейчасъ же дѣлается припадокъ его болѣзни, и онъ не въ состояніи высказать тебѣ ни одной своей мысли.

Графъ *(усмѣхаясь)*. Какія у него мысли?.. У него никогда, я думаю, не бывало въ головѣ ни одной своей собственной мысли.

Ольга Петровна. Даже, папа, еслибы и такъ это было, то я всетаки прошу тебя опредѣлить его; если не для него, такъ для меня это сдѣлай.

Графъ. Но почему-жь тебѣ такъ желается этого?

Ольга Петровна. Желается, папа, потому что это будетъ полезно для тебя и наконецъ для меня самой.

Графъ *(пожимая плечами)*. Не понимаю, почему это тебѣ можетъ быть нужно!.. Во всякомъ случаѣ я долженъ объ этомъ прежде поговорить и посовѣтоваться съ Андашевскимъ.

Ольга Петровна. Съ Андашевскимъ я говорила; онъ самъ этого желаетъ и сію минуту, вѣроятно, пріѣдетъ просить тебя о томъ же.

Графъ *(взглядывая пристально на дочь)*. Гдѣ-жъ ты видѣла Андашевскаго?

Ольга Петровна. Онъ вчера вечеръ сидѣлъ у меня.

Графъ. Стало быть, онъ бываетъ у тебя довольно часто?

Ольга Петровна. Бываетъ!.. Позволь мнѣ позвать къ тебѣ Мямлина и обѣщай ему это мѣсто! soyez si bon, cher père, nommez le directeur *(подходитъ и начинаетъ ласкаться къ отцу)*. Я позову его папа?.. Да?

Графъ *(пожимая плечами)*. Позови, пожалуй.

Ольга Петровна. Вотъ за это merci, papa! *(цѣлуетъ отца въ лобъ и сбѣгаетъ съ лѣстницы)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ *(смотря вслѣдъ дочери)*. Умная женщина— Ольга! Какъ она скоро и хорошо поняла всю эту нашу глупую служебную махинацію, и только мнѣ одно тутъ подозрительно, что она очень ужь сблизилась послѣднее время съ Андашевскимъ и что это такое: дружба ли, или болѣе нѣжное чувство?.. Во всякомъ случаѣ я весьма бы не желалъ, чтобы изъ этого произошло что-нибудь серьезное, потому что какой бы по личнымъ качествамъ своимъ этотъ господинъ ни былъ, но всетаки онъ parvenu и хамъ, по своему происхожденію! *(Входитъ Ольга Петровна, ведя за собой Мямлина)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинъ.

Ольга Петровна *(Мямлину)*. Графъ здѣсь!.. Я просила его за васъ, сколько могла.

Графъ *(довольно привѣтливо протягивая Мямлину руку)*. Здравствуйте!.. Вы, какъ я слышалъ, желаете получить бывшее мѣсто Алексѣя Николаича.

Мямлинъ *(дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы не начать гримасничать)*. Очень желаю, ваше сіятельство.

Графъ. Но совладаете-ли вы съ нимъ? Это мѣсто очень трудное и отвѣтственное.

Мямлинъ *(рѣшительнымъ тономъ)*. Совладаю, ваше сіятельство. Я совершенно готовъ на это мѣсто.

Графъ. Ну смотрите: я васъ назначу, только ужь на себя послѣ пеняйте, если что будетъ выходить между нами.

Мямлинъ *(обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ)*. Благодарю васъ, ваше сіятельство!.. *(кидается къ графу и хватаетъ его руку, чтобы поцѣловать ее)*.

Графъ *(не давая ему руки и съ презрѣніемъ)*. Перестаньте!.. какъ это можно!... Вы сядьте лучше и успокойтесь! *(Всѣ садятся. Лицо Мямлина начинаетъ мало по малу принимать болѣе спокойное выраженіе)*.

Ольга Петровна *(обращаясь къ нему)*. А какой мы милый споръ съ вами выдержали на вечерѣ у madame Бобриной.

Мямлинъ *(пожимая плечами)*. Это невѣроятно!.. Это непостижимо!.. Требуютъ, чтобы на всѣ высшія должности назначались ихъ знакомые, на томъ только основаніи, что они люди хорошихъ фамилій; но, Боже мой, я самъ ношу одну изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; однако помыслить никогда не смѣлъ получить то мѣсто, которое занялъ теперь Алексѣй Николаичъ, сознавая, что онъ ученѣй меня, способнѣе, и что однимъ только трудолюбіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей я могу равняться съ нимъ, и въ настоящее время за величайшую честь для себя и милость со стороны графа считаю то, что онъ предложилъ мнѣ прежнее мѣсто Алексѣя Николаича.

Ольга Петровна. Князь Янтарный, видно, не такъ добросовѣстенъ, какъ вы, и больше объ себѣ думаетъ.

Мямлинъ. Что человѣкъ думаетъ объ себѣ больше, чѣмъ онъ, можетъ быть, заслуживаетъ,—это еще извинительно; но высказывать это такъ прямо и открыто, по моему, дерзость!.. Въ этомъ случаѣ надобно вспомнить объ Европѣ и объ ея общественномъ мнѣніи: не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, я, бывши въ Эмсѣ на водахъ, читалъ въ одной сатирической нѣмецкой газеткѣ, что въ Россіи государственныхъ людей чеканятъ, какъ талеры: если мальчика отдали въ пажескій корпусъ, то онъ непремѣнно дойдетъ до какихъ-нибудь высшихъ должностей по военной части, а если въ училище правовѣдѣнія или лицей, то до высшихъ должностей по гражданской части!.. Все это, можетъ быть, очень зло, но, къ счастію для насъ, не совсѣмъ справедливо, а между тѣмъ что-же-бы заговорили подобныя газеты о Россіи, еслибы еще устроился порядокъ, котораго желаютъ друзья madame Бобриной?

Ольга Петровна. Они, я думаю, очень мало заботятся о Россіи: было-бы имъ хорошо.

Мямлинъ. Да-съ, но въ тоже время это показываетъ, что они совершенно не понимаютъ духа времени: я, по моей болѣзни, изъѣздилъ всю Европу, сталкивался съ разными слоями общества и долженъ сказать, что весьма часто встрѣчалъ взгляды и понятія, которыя прежде были немыслимы; напримѣръ-съ: еще наши отцы и дѣды считали за величайшее несчастіе для себя, когда кто изъ членовъ семействъ женился на какой-нибудь актрисѣ, цыганкѣ и тѣмъ болѣе на своей крѣпостной; а нынче наоборотъ: одинъ англійскій врачъ, и очень ученый врачъ, меня пользовавшій, узнавъ мое общественное положеніе, съ первыхъ-же словъ спросилъ меня, что нѣтъ-ли у русской аристократіи обыкновенія жениться въ близкомъ родствѣ? Этотъ вопросъ точно молнія освѣтилъ мою го-

лову! Я припомнилъ, что дѣйствительно отецъ мой былъ женатъ на троюродной сестрѣ, дѣдъ, врядъ-ли, не на двоюродной и что еще при Іоаннѣ Грозномъ одинъ изъ моихъ прадѣдовъ женился на такой близкой роднѣ, что патріархъ даже разгнѣвался!.. Разсказываю я ему все это... «Вотъ, говоритъ, гдѣ причина вашей болѣзни: въ вашемъ родѣ не обновлялась кровь никакими новыми элементами. Жениться-съ, говоритъ, непремѣнно надобно на женщинахъ другаго общества, иныхъ занятій, чужеземкахъ» и въ доказательство тому привелъ довольно скабрезный примѣръ!..

Ольга Петровна. Какой-же это?

Мямлинъ. О, при дамахъ неловко повторять!

Ольга Петровна. Ничего, извольте говорить.

Мямлинъ *(конфузясь)*. Привелъ въ примѣръ.. нашъ... орловскій лошадиный заводъ, котораго все достоинство произошло отъ смѣси двухъ породъ: арабской и степной.

Ольга Петровна. Сравненіе не совсѣмъ лестное, но, можетъ быть, и справедливое.

Мямлинъ. Очень справедливое-съ! Я передавалъ его князю Михаилу Семенычу; оно тоже ему очень понравилось.

Графъ *(которому, видимо наскучило слушать всѣ эти разсужденія Мямлина, обращаясь къ нему)*. А скажите, вы разсказывали князю вашъ разговоръ и споръ на вечерѣ у madame Бобриной?

Мямлинъ. Отъ слова до слова-съ!

Графъ. Что же князь на это? Мнѣ очень любопытно это знать!

Мямлинъ. Князь въ ражъ пришелъ, въ гнѣвъ. «Какъ, говоритъ, смѣютъ они судить такія вещи: я пошлю къ нимъ чиновника сказать, чтобы они замолчали!»

Графъ. Стало быть, онъ нисколько не раздѣляетъ ихъ толковъ обо мнѣ?

Мямлинъ. Нисколько-съ! Онъ всегда съ этимъ кружкомъ былъ немножко въ контрѣ; но теперь вотъ вы меня выбрали, а они кричатъ противъ васъ, это еще больше возстановитъ; и за мое назначеніе онъ, вѣроятно, самъ пріѣдетъ благодарить васъ.

Графъ. Очень радъ буду его видѣть у себя. *(На этихъ словахъ Мямлинъ вдругъ понуриваетъ головой и начинаетъ гримасничать. Графъ, испугавшись даже нѣсколько)*. Что такое въ вами?

Мямлинъ. Припадокъ опять начался... говорилъ много... взволновался нѣсколько... Позвольте мнѣ уйти въ сторону.

Графъ. Пожалуйста! *(Мямлинъ отходитъ въ сторону и принимается какъ-бы съ величайшимъ наслажденіемъ выдѣлывать изъ лица разнообразнѣйшія гримасы, третъ у себя за ухомъ, третъ носъ свой. Графъ, смотря на него)*. Какой несчастный!

Ольга Петровна *(вполголоса)*. Да; но согласись, папа, что онъ очень умный человѣкъ!

Графъ *(тоже вполголоса)*. Ничего себѣ: благородствовать можетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Алексѣй Николаичъ.

Графъ. Говорилъ тебѣ, что принимать всегда безъ доклада.

Лакей. Алексѣй Николаичъ самъ приказалъ доложить объ себѣ *(уходитъ, Мямлинъ, между тѣмъ, снова подходитъ къ графу)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинъ.

Графъ (*Мямлину*). Что вамъ лучше теперь?

Мямлинъ (*продолжая немного гримасничать*). Прошло нѣсколько!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. *Входитъ* Андашевскій; *видъ его совсѣмъ иной, чѣмъ былъ въ предыдущей сценѣ; онъ какъ-будто бы даже ниже ростомъ показываетъ; выраженіе лица у него было кроткое, покорное и какъ-бы нѣсколько печальное. Онъ со всѣми раскланивается.*

Графъ. Какъ вамъ не совѣстно, Алексѣй Николаичъ, велѣть о себѣ докладывать.

Андашевскій. Но я полагалъ, ваше сіятельство, что не заняты-ли вы чѣмъ-нибудь.

Графъ. Вы никогда не можете помѣшать никакимъ моимъ занятіямъ!.. А теперь я дѣйствительно занятъ былъ и извиняюсь только, что предварительно не посовѣтовался съ вами; я на прежнее мѣсто ваше назначилъ Дмитрія Дмитрича Мямлина!.. Не имѣете-ли вы чего-нибудь сказать противъ этого выбора?

Андашевскій (*почтительно склоняя передъ графомъ голову*). Ваше сіятельство, въ выборѣ людей вы показывали всегда такую прозорливость, что вамъ достаточно одинъ разъ взглянуть на человѣка, чтобы понять его, но Дмитрія Дмитрича вы такъ давно изволите знать, что въ немъ ужь вы никакъ не могли ошибиться; я-же съ своей стороны могу только душевно радоваться, что на мое мѣсто поступаетъ одинъ изъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Мямлинъ *(со слезами на глазахъ)*. А мнѣ позвольте васъ, графъ, и васъ, Алексѣй Николаичъ, благодарить этими оросившими мои глаза слезами, которыя, смѣю завѣрить васъ, слезы благодарности, да стану еще я за васъ молиться Богу, потому что въ этомъ отношеніи я извиняюсь: я не петербуржецъ, а москвичъ!.. человѣкъ вѣрующій!.. христіанинъ есмь и православный!.. *(обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ)*. А вамъ, Ольга Петровна, могу высказать только одно: я считалъ васъ всегда ангеломъ земнымъ, а теперь вижу, что и не ошибся въ томъ; за васъ я и молиться не смѣю, потому, что вы, вѣроятно, угоднѣе меня Богу.

Графъ *(видимо опять соскучившій слушать Мямлина и обращаясь къ Андашевскому)*. Вы завтра же потрудитесь сказать, чтобы о назначеніи господина Мямлина составили докладъ!

Андашевскій. Очень хорошо-съ!

Графъ. А теперь я желалъ бы остаться съ Алексѣемъ Николаичемъ наединѣ.

Мямлинъ *(почти струсивъ)*. Слушаюсь!.. Слушаюсь! *(торопливо раскланивается со всѣми общимъ поклономъ и проворно уходитъ, виляя своимъ задомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ, Ольга Петровна и Андашевскій.

Ольга Петровна. Я тоже пойду и похожу по саду!.. Вы позовите меня, когда кончите *(уходитъ. Графъ, Андашевскій остаются на террасѣ, а Ольга Петровна начинаетъ ходить около, въ весьма недальнемъ разстояніи отъ террасы)*.

Графъ. Ольга мнѣ сказывала, что въ газетахъ опять появилась статья о Калишинскомъ акціонерномъ обществѣ.

Андашевскій. Даже двѣ-съ!.. Одна въ понедѣльничномъ номерѣ, а другая въ сегодняшнемъ.

Графъ. И что же онѣ въ общихъ чертахъ, намекахъ только говорятъ?

Андашевскій. Въ понедѣльничной только въ намекахъ сказано; а въ нынѣшней я прямо по имени названъ и опозоренъ, какъ только возможно.

Графъ. Это лучше наконецъ, что васъ назвали прямо по имени. Теперь вы можете начать судебное преслѣдованіе противъ автора этихъ статей; вы конечно знаете его?

Андашевскій. Полагаю, что это одинъ изъ нашихъ чиновниковъ, Шуберскій, который прежде писалъ объ этомъ и даже признался мнѣ въ томъ.

Графъ. Но отъ чего его тогда же не выгнали?

Андашевскій. Изъ моей экспедиціи онъ тотчасъ послѣ того вышелъ, но его взялъ къ себѣ на службу Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Графъ. Зачѣмъ же Вуландъ это сдѣлалъ?

Андашевскій. Вѣроятно, чтобы досадить и повредить мнѣ, и даже настоящія статьи, какъ извѣстно мнѣ, писаны подъ диктовку господина Вуланда.

Графъ *(удивленный)*. Вуланда?

Андашевскій. Самыя положительныя доказательства имѣю на это. Онъ и прежде всегда мнѣ завидовалъ, а теперь, по случаю назначенія моего, сдѣлался окончательно злѣйшимъ врагомъ моимъ.

Графъ *(сильно разсердясь)*. О, въ такомъ случаѣ я поговорю съ г. Вуландомъ серьезно! Я не люблю, чтобы подъ мои дѣйствія вели подкопы!.. Шуберскому сказать, чтобы онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, а васъ я прошу начать судебное преслѣдованіе противъ него за клевету на васъ, потому что я желаю, чтобы вы публично и совершенно были оправданы въ общественномъ мнѣніи.

Андашевскій *(смущеннымъ и робкимъ голосомъ)*.

Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу начать противъ г. Шуберскаго судебнаго преслѣдованія!

Графъ *(удивленнымъ и недовольнымъ тономъ)*. Это почему?

Андашевскій. Потому, что онъ можетъ доказать справедливость своихъ обвиненій противъ меня!

Графъ *(все болѣе и болѣе приходя въ удивленіе)*. Но какимъ же образомъ и чѣмъ онъ можетъ доказать это?

Андашевскій. Тѣмъ, что вѣроятно даже письменныя какія-нибудь доказательства имѣетъ на то; такъ какъ происшествіе, которое онъ описываетъ, въ самомъ дѣлѣ существовало.

Графъ *(какъ-бы пораженный громомъ)*. Какъ существовало?.. и вы дѣйствительно съ этихъ акціонеровъ взяли триста тысячъ?

Андашевскій *(съ трепетомъ въ голосѣ)*. Взялъ-съ?

Графъ *(все еще какъ-бы невѣрящій тому, что слышитъ)*. Алексѣй Николаичъ, что вы такое говорите? Вы или помѣшались, или шутите надо мной, то я напоминаю вамъ, что шутки такія неприличны!

Андашевскій. Я-бы никогда, ваше сіятельство, не позволилъ себѣ шутить такимъ образомъ; но, къ несчастію, все, что я докладывалъ вамъ, совершенно справедливо.

Графъ. Но что-же вамъ за охота такая пришла докладывать мнѣ? Отчего вы не хотѣли скрыть отъ меня этого?

Андашевскій. Оттого, ваше сіятельство, что я всегда и во всемъ привыкъ быть откровененъ съ вами.

Графъ. Но вы-бы лучше пораньше были откровенны со мной, когда я васъ не выбиралъ еще въ товарищи себѣ, тогда я, можетъ быть, и поостерегся-бы это сдѣлать.

Андашевскій. Я полагалъ, ваше сіятельство, что

дѣло это затухнетъ и что уже о немъ никогда никакой огласки не будетъ!

Графъ. Расчетъ благородный и особенно въ отношеніи меня!.. Я ѣздилъ всюду, кричалъ, ссорился за васъ и говорилъ, что за вашу честность я также ручаюсь, какъ за свою собственную, и вы оказались воръ!.. *(Андашевскій вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ).* И что я теперь долженъ по вашему дѣлать? Я долженъ сейчасъ-же ѣхать и просить, какъ величайшей справедливости, чтобы васъ вышвырнули изъ службы, а вмѣстѣ съ вами и меня, стараго дурака, чтобы не ротозѣйничалъ.

Андашевскій *(совершенно сконфуженный).* Ваше сіятельство, позвольте мнѣ хоть сколько-нибудь оправдаться передъ вами!..

Графъ *(перебивая его).* Чѣмъ-съ?... Чѣмъ вы можете оправдаться, когда вы сами говорите, что пойманы почти съ поличнымъ?

Андашевскій. Я, ваше сіятельство, не смѣлъ-бы и просить васъ о томъ, еслибы отъ этого зависѣла только одна моя участь, но тутъ замѣшаны имя и честь вашей дочери.

Графъ *(поблѣднѣвъ).* Какъ моей дочери?

Андашевскій. Вашей дочери, графъ! Вы, конечно, изволите помнить, что, по безконечной добротѣ вашей ко мнѣ, вы мало, что благодѣтельствовали мнѣ на службѣ, но ввели меня въ вашъ домъ, какъ гостя!.. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу Петровну... Человѣкъ можетъ владѣть своими поступками, но не чувствами!.. Страсть безнадежная, но тѣмъ не менѣе пожирающая меня, зажглась въ моемъ сердцѣ къ Ольгѣ Петровнѣ.

Графъ. Врете-съ! Лжете!.. Весь Петербургъ я думаю, знаетъ, что у васъ всегда была любовница.

Андашевскій. Любовь и любовница, ваше сіятельство, двѣ вещи разныя. и видитъ Богъ, что я десять лѣтъ уже люблю Ольгу Петровну, но видя, что она была жена

другаго, понимая всю бездну, которая раздѣляла насъ по нашему общественному положенію, я конечно взглядомъ малѣйшимъ не позволялъ себѣ выразить чувства къ ней и только уже въ послѣднее время, когда Ольга Петровна сдѣлалась вдовою и намъ пришлось случайно встрѣтиться заграницей на водахъ, то маленькое общество, посреди котораго мы жили, и отсутствіе свѣтскихъ развлеченій сблизили насъ, и здѣсь я, къ великому счастью, своему, узналъ, что внушаю Ольгѣ Петровнѣ тоже самое чувство, которое и самъ питалъ къ ней.

Графъ *(насмѣшливо)*. Но почему-же чувство это заставило васъ взять взятку, вотъ этого признаюсь, не понимаю.

Андашевскій *(трепещущимъ голосомъ)*. Вопросъ вашъ, ваше сіятельство, заставляетъ меня открыть вамъ то, что я думалъ унести въ могилу съ собою... Чувство мое заставило меня сдѣлать это, потому что, когда я возвратился въ Петербургъ, то черезъ два-же мѣсяца получилъ отъ Ольги Петровны письмо, гдѣ она умоляла меня достать и выслать къ ней двѣсти тысячъ франковъ, которыми она могла-бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной въ тюрьму!.. Я могъ все въ жизни вынести, но только не это!.. Своихъ денегъ у меня не было почти нисколько!.. Я первоначально бросился было ко всѣмъ контористамъ, чтобы занять у нихъ, но они мнѣ безъ матеріальнаго обезпеченія не довѣряли такой значительной суммы... Въ это время рѣшалось дѣло по Калишинскому акціонерному обществу: оно безъ всякаго ущерба въ справедливости могло быть рѣшено такъ, какъ и рѣшили его; но я поѣхалъ къ учредителямъ, обманулъ ихъ, напугалъ, говоря, что дѣло ихъ тогда только будетъ выиграно, если они выдадутъ мнѣ пай, и они мнѣ выдали его въ триста тысячъ.

Графъ *(насмѣшливо и пристально взглядывая въ лицо Андашевскому)*. Сумма, немного превышающая долгъ моей дочери.

Андашевскій. Я взялъ, сколько мнѣ дали, ожидая, что у Ольги Петровны могутъ открыться другіе долги!

Графъ *(съ едва сдерживаемымъ бѣшенствомъ)*. Что-жь они открылись?

Андашевскій *(покраснѣвъ немного въ лицѣ)*. Открылись!

Графъ. Печный и предусмотрительный вы обожатель, и недостаетъ теперь только одного, чтобы вы еще лично меня впутали въ эту гнусную исторію!.. *(Ольга Петровна, все время ходившая около, при послѣднихъ словахъ графа вошла на террасу)*.

Ольга Петровна. Вы, Алексѣй Николаичъ, въ разсказѣ отцу забыли ему напомнить, что прежде, чѣмъ я обратилась къ вамъ, я писала ему и со слезами просила его заплатить мой долгъ, а онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мои письма.

Графъ. Нечѣмъ мнѣ было платить твоихъ долговъ!

Ольга Петровна. Было-бы чѣмъ, папа, еслибы у тебя деньги на другое не ушли!.. *(Снова обращаясь къ Андашевскому)*. Графу я вижу, Алексѣй Николаичъ, непріятенъ вашъ великодушный поступокъ въ отношеніи меня; но я его очень дорого цѣню и завтрашній же день желаю сдѣлаться вашей женой, съ полною моей готовностью всюду слѣдовать за вами, какая бы васъ участь ни постигла. *(Въ отвѣтъ на это Андашевскій молча ей кланяется, а графъ почти въ отчаяніи закидываетъ голову назадъ и произноситъ негромкимъ голосомъ: „O, mon Dieu, mon Dieu!“)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и лакей; *потомъ безъ* лакея.

Лакей. Владиміръ Иванычь Вуландъ!

Андашевскій *(потупляясь)*. Вѣроятно, съ доносомъ на меня.

Графъ *(дочери и Андашевскому)*. Уйдите-же... Не могу я съ нимъ при васъ объясняться. *(Андашевскій и Ольга Петровна уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графъ. *Входитъ* Вуландъ. *Онъ нѣсколько блѣденъ и смущенъ.*

Графъ *(ему строго)*. Очень кстати, что вы пріѣхали. Я хотѣлъ было посылать за вами курьера.

Вуландъ *(довольно грубымъ голосомъ)*. Радуюсь, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства.

Графъ. Я хотѣлъ съ вами поговорить по поводу глупыхъ газетныхъ статей, которыя опять стали появляться о Калишинскомъ дѣлѣ.

Вуландъ. И я собственно ѣхалъ къ вашему сіятельству отчасти по тому же дѣлу.

Графъ. Прекрасно-съ!.. Мы сошлись, поэтому, въ нашихъ желаніяхъ!.. Статьи эти пишетъ одинъ изъ покровительствуемыхъ вами чиновниковъ, Шуберскій! Я желаю, чтобы онъ минуты у насъ не оставался на службѣ.

Вуландъ. Эти статьи пишетъ не Шуберскій!..

Графъ. Кто-жь ихъ пишетъ?

Вуландъ. Я не знаю кто, но г. Шуберскій, когда я бралъ его къ себѣ, клятвенно мнѣ обѣщался никогда не писать о томъ, что совершалось или будетъ совершаться въ нашемъ вѣдомствѣ.

Графъ. Ну, клятвы своей онъ не сдержалъ!.. Мало того-съ: я знаю, что статьи эти вы ему диктуете; а я со шпіонами и клеветниками служить не желаю—извольте искать себѣ другаго мѣста!

Вуландъ *(поблѣднѣвъ)*. Это, вѣроятно, г. Андашевскій представилъ все вашему сіятельству въ превратномъ видѣ; но въ этихъ статьяхъ ни я, ни г. Шуберскій нисколько не участвовали; а что онѣ являются, такъ потому,

что дѣло это огласилось на весь Петербургъ, и что оно не выдумано, а фактъ, такъ я даже доказательство имѣю на то: г-жа Сонина, бывшая близкою особою господина Андашевскаго, прислала мнѣ письмо, удостовѣряющее, что все, напечатанное въ газетахъ, совершенно справедливо, и къ этому присоединила даже собственноручную записку г. Андашевскаго, подтверждающую этотъ фактъ, прося все это представить вашему сіятельству, что я и исполняю въ настоящемъ случаѣ!.. (*Подаетъ графу письмо Сониной и записку Андашевскаго*).

Графъ (*бѣгло взглянувъ на то и на другое*). Ничего этого знать я не хочу!.. Вотъ все это!.. Вотъ! (*рветъ письмо и записку*).

Вуландъ (*окончательно поблѣднѣвъ*). Ваше сіятельство, вы уничтожаете документъ!

Графъ (*кричитъ*). Никакого тутъ документа нѣтъ!.. Мало-ли о какихъ деньгахъ онъ могъ писать ей!.. Вотъ всѣ ваши документы! (*рветъ письмо и записку еще на болѣе мелкіе куски и бросаетъ ихъ на полъ*). А я вамъ повторяю, что съ доносчиками и клеветниками я служить не желаю!

Вуландъ. Не желать со мной служить *вы* можете, но уничтожать документы вы не имѣете права—я жаловаться на то буду!

Графъ. Никакихъ документовъ тутъ не было! Идите вонъ, когда вы такъ позволяете себѣ говорить!

Вуландъ (*грубо и мрачно*). Уйти я уйду, а жаловаться всетаки буду! (*Поворачивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Графъ *одинъ; потомъ* **Андашевскій** и **Ольга Петровна**.

Графъ (*кидаясь въ кресло и начиная хохотать какимъ-то сумасшедшимъ смѣхомъ*). Ха! ха! ха! Отлично, превосходно поступаю!.. (*Входятъ Андашевскій и Ольга*

Петровна, подслушивавшіе въ сосѣдней комнатѣ предыдущую сцену. Графъ злобно и насмѣшливо обращаясь къ нимъ). Надѣюсь, что вы довольны мною!.. И это дѣлаетъ, по милости вашей, шестидесятилѣтній человѣкъ, имя котораго никогда и ничѣмъ не было запятнано! - Да будете вы прокляты!!.. *(Уходитъ, сильно хлопнувъ дверьми, въ комнаты)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Ольга Петровна *(пожимая плечами)*. Сумасшедшій старикъ!

Андашевскій *(какъ-бы все еще не могшій придти въ себя отъ предыдущей сцены съ графомъ)*. Я однако никакъ не ожидалъ, чтобы все это такъ благополучно кончилось! *(Подбираетъ съ полу клочки разорванныхъ писемъ и показывая ихъ Ольгѣ Петровнѣ)*. Посмотри, пожалуйста, въ какіе медкіе кусочки онъ разорвалъ письма!..

Ольга Петровна. Я тебѣ это предсказывала! Сказать ему откровенно самое лучшее было!.. Онъ очень хорошо чувствуетъ, что виноватъ тутъ! Онъ пять тысячъ душъ моей покойной матери прожилъ на разныхъ своихъ балетчицъ! Однако пойдемъ поскорѣе и сейчасъ же устроимъ, чтобы завтра намъ и обвѣнчаться! Надобно скорѣй его этимъ связать.

Андашевскій. О, да, необходимо! *(Оба уходятъ озабоченной походкой)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Изящно убранная гостиная въ квартирѣ Андашевскихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ **Мямлинъ и князь Янтарный**. *Первый по обыкновенію, съ своимъ немного подергивающимся, бабьимъ лицомъ, въ невычищенномъ вицмундирѣ, съ непричесанными клочковатыми волосами, съ грязными ногтями, но за то въ звѣздѣ и во всѣхъ крестикахъ и медаляхъ, какія когда-либо получалъ. Князь Янтарный, довольно не старый еще и красивый изъ себя мужчина, съ большими черными и даже съ поволокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающими глазами, напротивъ, былъ выстриженъ почти подъ гребенку, и подбородокъ имѣлъ тщательнѣйшимъ образомъ выбритый, который однако все-таки оставался немного черноватымъ отъ необыкновенной густоты волосъ. Одѣтъ князь былъ въ бѣлый галстухъ и въ новенькій съ иголочи вицмундирный фракъ; шляпа и лаковые сапоги его блестѣли почти до неприличія. Всѣ слова свои онъ произноситъ, замѣтно важничая и закрывая для этого немного глаза свои, и вообще рѣчь его должна быть нѣсколько похожа на журчанье ручья.*

Мямлинъ *(видимо стараясь втолковать что-то такое князю Янтарному)*. Я вамъ говорю, что Ольга Петровна все это устроила... У ней при мнѣ былъ разговоръ объ этомъ съ Алексѣемъ Николаичемъ.

Князь Янтарный. Странно!.. Встрѣчаясь въ обществѣ, я всегда съ ней немного пикировался и на ея маленькія стрѣлы отвѣчалъ довольно колко; но, можетъ быть, этимъ самымъ я и выигралъ въ ея глазахъ, — qui peut comprendre la femme!

Мямлинъ. Непремѣнно этимъ самымъ-съ! Она женщина большаго ума! Насквозь понимаетъ людей! Хоть бы взять-съ меня! Вуландъ совершенно въ грязь меня втопталъ передъ графомъ... Она меня спасла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Ольга Петровна, *уже madame Андашевская.*

Мямлинъ *(быстро хватая князя Янтарнаго за руку и представляя его Ольгѣ Петровнѣ).* Madame!.. permettez moi de vous présenter: князь Янтарный.

Ольга Петровна. Мы съ княземъ знакомы давно! *(Любезно протягиваетъ обоимъ гостямъ свою ручку и за тѣмъ, легкимъ движеніемъ головы пригласивъ ихъ садиться, сама тоже садится. Князь Янтарный и Мямлинъ садятся въ нѣсколько церемонно визитной позѣ).*

Князь Янтарный *(немного привставая съ своего кресла и прижимая вмѣстѣ съ наклоненіемъ головы руку къ сердцу).* Pardon, madame, что я являюсь къ вамъ въ этой ливреѣ нашей, — но я пріѣхалъ къ вамъ почти офиціально, чтобы безконечно благодарить васъ за ваше доброе участіе, которое, какъ вотъ Димитрій Дмитричъ *(показываетъ на Мямлина)* передавалъ мнѣ, вы принимали въ опредѣленіи моемъ на мѣсто г. Вуланда.

Ольга Петровна *(съ живостью).* А вы уже опредѣлены... Ахъ, я очень рада!

Князь Янтарный. Алексѣй Николаичъ еще недѣли двѣ тому назадъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ, что Вла-

диміръ Иванычъ Вуландъ скоропостижно померъ! Это такъ меня фрапировало!.. Я передъ тѣмъ только еще обѣдалъ еще съ Вуландомъ въ Англійскомъ клубѣ, и онъ былъ совершенно здоровъ!.. Какъ, почему и отъ чего человѣкъ умеръ?

Ольга Петровна (*немного сконфуженная этими словами*). У него, кажется, аневризмъ былъ.

Мямлинъ. Да и жизни былъ невоздержной—это что таить!

Князь Янтарный. И Алексѣй Николаичъ тутъ-же предложилъ мнѣ занять мѣсто Владиміра Иваныча, но я уже имѣлъ подобную должность и оставилъ ее, что я и высказалъ откровенно Алексѣю Николаичу; но онъ былъ такъ добръ, что въ довольно ясныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что это мѣсто для меня пока; но что современемъ я могу занять и *большее*.

Ольга Петровна. О, конечно, если это хоть сколько-нибудь будетъ зависѣть отъ мужа, то вы получите и *большее*, и я надѣюсь теперь, что вы помирились съ нимъ въ душѣ нѣсколько...

Князь Янтарный. Я мало что помирился съ Алексѣемъ Николаичемъ, но я сталъ благоговѣть передъ нимъ, и въ этомъ случаѣ не беру ничего другаго, какъ мой собственный примѣръ: я, какъ хотите это назовите, имѣлъ глупость, неосторожность, но я, не зная человѣка, позволялъ себѣ говорить противъ него, и Алексѣй Николаичъ слышалъ это конечно, потому что я говорилъ это всюду, говорилъ не только что при васъ, но даже съ вами. Вы, вѣроятно, въ это время были уже невѣстой его и полагаю, что должны были передавать ему это.

Ольга Петровна. Да, я ему передавала

Князь Янтарный (*поднимая указательный палецъ свой какъ-бы затѣмъ, чтобы придать болѣе вѣсу словамъ своимъ*). И Алѣксѣй Николаичъ, не смотря на все это, въ видахъ ужь конечно одной только пользы служебной

и находя меня, не зная почему, заслуживающимъ настоящей моей должности, самъ первый пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ трудиться вмѣстѣ съ нимъ; такъ поступать изъ милліоновъ людей можетъ только одинъ!

Мямлинъ *(подхватывая)*. И который, прибавьте, любитъ Россію истинной любовью!

Князь Янтарный. Именно любитъ Россію истинной любовью! Кромѣ того-съ послѣдніе два дня я имѣлъ счастіе... Иначе не могу этого назвать!.. Имѣлъ счастіе видѣть Алексѣя Николаича въ его служебной дѣятельности и убѣдился, что въ этомъ отношеніи онъ геніальный человѣкъ!

Ольга Петровна. Да, очень способный! Я хоть и жена его, но тоже могу сказать, что онъ, какъ всѣ люди, имѣетъ конечно много недостатковъ; но, какъ служебный дѣятель, онъ рѣшительно человѣкъ съ государственнымъ призваніемъ.

Князь Янтарный. Рѣшительно съ государственнымъ призваніемъ: эта быстрота соображенія!.. Ударъ прямо въ цѣль! Способность обобщить, на группы разбить тысячи фактовъ, собранныхъ со всей Россіи...

Мямлинъ *(снова подхватывая)*. А даръ изложенія!..

Князь Янтарный. Да-съ!.. Изложенья даръ! Бумаги, имъ написанныя, усыпаны брильянтами, алмазами краснорѣчія, и я самъ видѣлъ, что онѣ ничего ему не стоютъ: онѣ такъ и льются, такъ и льются у него... Я теперь торжественно и всѣмъ говорю, что выборъ Алексѣя Николаича и предпочтеніемъ его другимъ кандидатамъ показываетъ въ графѣ Зыровѣ величайшую прозорливость и величайшую мудрость.

Мямлинъ. А я всегда это самое говорилъ!.. *(Обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ)*. Но скажите, какъ здоровье графа нынче? Я нѣсколько разъ къ нему являлся, но ни разу не былъ принятъ.

Ольга Петровна. Папа былъ очень серьезно боленъ.

Мямлинъ *(съ искреннимъ участіемъ)*. Но что было причиною его болѣзни?.. простудился ли онъ, не соблюлъ-ли діэтки?.. Старички обыкновенно любятъ покушать.

Ольга Петровна. Нисколько!.. нимало!.. причина — его душевныя потрясенія! *(Оба директора дѣлаютъ удивленныя и какъ-бы вопрошающія лица. Ольга Петровна продолжаетъ)*. Сначала его очень волновали эти крики по поводу назначенія Алексѣя Николаевича... *(Князь Янтарный потупляетъ при этомъ глаза. Ольга Петровна, показывая на него пальчикомъ)*. Ему совѣстно даже при этихъ словахъ моихъ смотрѣть на меня!..

Князь Янтарный *(держа униженно голову)*. Совѣстно, — каюсь въ томъ.

Ольга Петровна *(снова продолжаетъ)*. Потомъ эти гадкія газетныя статьи пошли, гдѣ такой грязью, такой низкой клеветой чернили человѣка, имъ выбраннаго и возвышеннаго; а наконецъ и бракъ мой съ Алексѣемъ Николаевичемъ добавилъ нѣсколько; въ обществѣ теперь прямо утверждаютъ, что папа выбралъ себѣ въ товарищи Андашевскаго, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевскій женился для той же цѣли на этой старой кокеткѣ!

Оба директора *(хохочутъ и почти въ одно слово восклицаютъ)*. На старой кокеткѣ!.. Кто-жь можетъ говорить это?

Ольга Петровна *(князю Янтарному)*. Да наша общая съ вами пріятельница, madame Бобрина, говоритъ это, и я нисколько въ этомъ случаѣ на нее не претендую; но желала бы, чтобъ ей растолковали одно: Алексѣй Николаевичъ женился на мнѣ никакъ не для полученія настоящаго своего мѣста, потому что онъ имѣлъ его уже раньше, а что папа не для этой цѣли

его возвышалъ, такъ это можно доказать тѣмъ, что графъ, напротивъ, очень недоволенъ моимъ замужествомъ за Алексѣя Николаича и entre nous soit dit: онъ до сихъ поръ почти не принимаетъ насъ къ себѣ!

Князь Янтарный *(съ удивленіемъ)*. Но почему же графъ можетъ быть недоволенъ вашимъ замужествомъ?

Ольга Петровна. Тутъ много причинъ!.. Прежде всего, разумѣется, то, что Алексѣй Николаичъ плебей; ну и потомъ: мы съ мужемъ, какъ молодые оба люди, женясь ничего не помышляли о томъ, что будетъ впереди, и все намъ представлялось въ розовомъ цвѣтѣ; но папа очень хорошо понималъ, что какимъ же образомъ тесть и зять будутъ стоять на службѣ такъ близко другъ къ другу, и теперь дѣйствительно въ обществѣ уже говорятъ объ этомъ.

Мямлинъ. Говорятъ-съ!.. Говорятъ! Я не рѣшался только докладывать вамъ объ этомъ, но толки есть.

Ольга Петровна. Очень большіе, знаю это я!.. До папа тоже это доходитъ, и все это его волновало, безпокоило, тревожило, и семьдесятъ его лѣтъ невольно сказались въ этомъ случаѣ.

Князь Янтарный. Графу, однако, семьдесятъ лѣтъ?

Ольга Петровна. О, да, около того!.. Мнѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, а онъ очень, очень немолодымъ женился!.. И я даже боюсь теперь... Опять таки прошу, чтобы между нами это осталось; я съ вами говорю совершенно какъ съ друзьями своими: я боюсь, что нѣтъ ли у него маленькаго размягченія мозга. *(Оба директора вмѣстѣ и почти въ ужасѣ восклицаютъ)*.

Князь Янтарный. Скажите какое несчастіе!

Мямлинъ. Господи помилуй! *(крестится при этомъ)*.

Ольга Петровна *(продолжаетъ)*. Потому что последнее время онъ газетъ даже не читаетъ — не понимаетъ!.. Какая-же причина тому?..

Князь Янтарный *(глубокомысленно)*. Но можетъ быть графъ озабоченъ чѣмъ нибудь другимъ?

Ольга Петровна. Развѣ забота можетъ помѣшать понять газету?.. Тутъ непремѣнно должно быть что-нибудь болѣе серьезное, и вообразите мое положеніе теперь: съ одной стороны отецъ въ такомъ нехорошемъ состояніи здоровья, а съ другой мужъ, который тоже бѣсится, выходитъ изъ себя: «Разъ, говоритъ, можно перенести клевету, два, три: но переносить ее всю жизнь не хватитъ никакого человѣческаго терпѣнія!» И я ожидаю, что онъ въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ пойдетъ и подастъ въ отставку. *(Оба директора опять въ одинъ голосъ восклицаютъ:* Какъ это возможно?... Мы не пустимъ его!... Онъ погубитъ этимъ все наше вѣдомство).

Ольга Петровна. Я тоже не совѣтую ему это дѣлать; но въ то же время не могу не согласиться съ нимъ, что есть оскорбленія, которыя нельзя перенести ни для какихъ благихъ цѣлей. *(На этихъ словахъ Мямлинъ вскакиваетъ вдругъ съ своего мѣста, какъ бы уколотый чѣмъ-нибудь, и произноситъ почти испуганнымъ голосомъ:* Алексѣй Николаичъ пріѣхалъ-съ!)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Андашевскій; *Лицо у него взволнованное, озабоченное, но не печальное.*

Ольга Петровна *(пристально взглянувъ на мужа)*. Ты откуда?

Андашевскій *(притворно небрежнымъ голосомъ)*. У князя Михайла Семеныча былъ.

Ольга Петровна *(измѣнившись нѣсколько въ лицѣ)*. И что же?

Андашевскій *(тѣмъ же небрежнымъ тономъ).* Послѣ разскажу!.. *(обращаясь къ директорамъ)*, здравствуйте, господа *(и затѣмъ дружески пожавъ имъ руки, садится въ кресло и въ замѣтномъ утомленіи опракидывается на задокъ его).*

Князь Янтарный. Я счелъ себя обязаннымъ лично поблагодарить Ольгу Петровну за участіе ея въ опредѣленіи меня.

Андашевскій. Да-съ, да!.. По крайней мѣрѣ починъ въ этомъ ей прямо принадлежитъ!..Тогда этотъ несчастный Вуландъ померъ; экспедицію его, я зналъ, что по многимъ обстоятельствамъ нельзя было оставить безъ начальника, а между тѣмъ графъ заболѣлъ, и такимъ образомъ обязанность выбора легла на мнѣ; но я рѣшительно не зналъ, кого назначить, такъ что говорю наконецъ объ этомъ женѣ... Она мнѣ и посовѣтовала. «чего жъ, говоритъ, тебѣ лучше: попроси князя Янтарнаго принять это мѣсто!.. Можетъ быть, онъ и согласится!»

Князь Янтарный *(склоняя передъ Андашевскимъ голову).* Правиломъ князя Янтарнаго всегда было и будетъ исполнять все, что возлагаетъ на него правительство, хотя откровенно долженъ признаться, что въ экспедиціи Владиміра Иваныча я нашелъ такой безпорядокъ, такой хаосъ...

Андашевскій *(перебивая его)* Я васъ предувѣдомлялъ о томъ!.. Вы не можете на меня сѣтовать.

Князь Янтарный. Очень помню-съ! Но я объясняю вамъ собственно затѣмъ, что Вуландъ слылъ трудолюбивымъ дѣльцомъ, и если теперь будутъ выходить какія-нибудь упущенія, то прямо скажутъ, что Янтарный запустилъ это; а между тѣмъ привести дѣла хоть въ сколько-нибудь человѣческій порядокъ, я долженъ употреблять громадный трудъ!.. гиганскій трудъ!

Мямлинъ *(давно уже желавшій вмѣшатся въ раз-*

говоръ). А я вотъ принялъ экспедицію Алексѣя Николаича, такъ ни одной бумаги не нашелъ неисполненной, а книги бухгалтерскія такимъ почеркомъ ведены, что я право думалъ рисованныя. *(Относясь къ Андашевскому)*. А между тѣмъ, какъ Владиміръ Иванычъ всегда завидовалъ вамъ и обижался вашимъ возвышеніемъ.

Андашевскій *(какъ-бы ничего не знавшій по этому предмету)*. Онъ говорилъ вамъ объ этомъ?

Мямлинъ. Больше чѣмъ говорилъ; я былъ жертвою этой его зависти!... Тогда какъ васъ назначили въ товарищи, я былъ въ командировкѣ; и конечно прискакалъ сейчасъ же въ Петербургъ, являюсь, между прочимъ, къ Владиміру Иванычу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить васъ!... Говорю, какъ вы умны, просвѣщенны, трудолюбивы, а по болѣзни моей, надобно признаться, я не все и замѣчаю, что вокругъ меня происходитъ, только тутъ же со мной вмѣстѣ былъ бывшій управитель дяди Михайла Семеныча, генералъ Варнуха, котораго вы на-дняхъ, кажется, изволили назначить смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни.

Андашевскій. Да, я его назначилъ.

Мямлинъ. Дядѣ очень это будетъ пріятно!... Очень! Выходимъ мы съ нимъ тогда отъ Владиміра Иваныча, онъ мнѣ и говоритъ: «Зачѣмъ вы такъ Алексѣя Николаича хвалили Владиміру Иванычу? Ему это очень было непріятно: онъ весь даже краснѣлъ со злости!» Я такъ себя по лбу и ударилъ: «Ну, думаю, будетъ мнѣ за это отплата». И дѣйствительно: на другой же день насказалъ на меня графу...

Ольга Петровна. А сколько самому Алексѣю Николаичу онъ, по своей зависти, дѣлалъ непріятностей.

Князь Янтарный. Алексѣю Николаичу даже!

Ольга Петровна. Да, какъ-же! Всѣ эти газетныя статьи противъ Алексѣя Николаича были писаны подъ диктовку г. Вуланда.

Князь Янтарный. О, какая низость это съ его стороны!

Ольга Петровна. Онъ и г-жа Сонина, бывшій предметъ страсти моего супруга,—творцы ихъ. *(Князь Янтарный и Мямлинъ, какъ слѣдуетъ хорошимъ подчиненнымъ, потупляютъ при этомъ глаза свои).*

Ольга Петровна. И можете себѣ представить, что могутъ изобрѣсть и какъ наклеветать завидующій другъ и ревнующая женщина!

Князь Янтарный *(поднимая съ грустью глаза къ небу).* Воображаю!

Мямлинъ. Дьяволъ это речетъ въ нихъ и говоритъ ихъ устами.

Ольга Петровна. Это впрочемъ послужитъ Алексѣю Николаичу прекраснымъ урокомъ не вѣрить впередъ въ доброту глупыхъ женщинъ и въ дружбу умныхъ мущинъ!

Андашевскій *(съ улыбкой).* Очень вѣрное замѣчаніе! *(относясь къ Мямлину).* Ахъ, кстати, по поводу газетныхъ статей: вы объявляли господину Шуберскому, чтобы онъ подалъ въ отставку?...

Мямлинъ. Какъ-же-съ!... Въ тотъ-же день, какъ вы приказали... Онъ даже заплакалъ сначала и сталъ увѣрять меня, что можетъ представить удостовѣреніе, что эти статьи писаны не имъ... «А что еслибы, говоритъ, я захотѣлъ писать, такъ могъ-бы написать что-нибудь и посерьезнѣе».

Андашевскій. Что-же такое посерьезнѣе онъ могъ-бы написать?

Мямлинъ *(робѣя, не договаривая и стараясь свою мысль довыразить болѣе жестами).* Да тамъ-съ я, ей-Богу, и не знаю... но что будто бы, когда тамъ... Владиміръ Иванычъ... поссорился, что-ли, съ графомъ... то прямо пріѣхалъ въ нѣмецкій клубъ, и что г. Шуберскій тамъ тоже былъ... Владиміръ Иванычъ подо-

звалъ его къ себѣ и сталъ ему разсказывать, что тамъ... графъ кричалъ, что-ли тамъ на него, и что будто бы даже разорвалъ... я ужь и не понялъ хорошенько, что это такое... разорвалъ письмо, что-ли, какое-то...

Андашевскій (*взглядывая на жену*). Еще новую исторію сочинили.

Ольга Петровна (*пожимая плечами*). Ихъ, вѣроятно, и много еще будутъ сочинять.

Мямлинъ. И что будто-бы, изволите видѣть, сталъ говорить г. Шуберскому: «Опиши все это!» Но что тотъ будто-бы отказался!... «Что, говоритъ, мнѣ писать такія небылицы!» Тогда Владиміръ Иванычъ очень разсердился на него и принялся пить пуншъ и что будто-бы выпилъ его стакановъ двадцать... такъ что Шуберскій принужденъ былъ уложить его въ карету и свести домой, а на другой день Владиміръ Иванычъ померъ.

Андашевскій. Все это очень можетъ быть: Вуландъ дѣйствительно, говорятъ, опился, въ пьяномъ видѣ могъ Богъ знаетъ чего наболтать; но къ дѣлу это нисколько нейдетъ.

Мямлинъ (*глубокомысленно*). Идетъ-съ, по моему!... Тамъ, какъ вамъ угодно: но, какъ я понимаю, г. Шуберскій этотъ хоть и плакалъ-съ передо мной, но онъ человѣкъ наглый!... дерзкій!... Какъ видитъ, что слезами ничего не взялъ, такъ сейчасъ-же поднялъ носъ!... «Если, говоритъ, меня заставятъ оставить службу, такъ я все, что мнѣ разсказывалъ Вуландъ, напечатаю, а если-же оставятъ, такъ наоборотъ... напишу статью, опровергающую всѣ прежнія объ этомъ статьи».

Андашевскій (*замѣтно обрадованный*) А, это другое дѣло!... Если онъ напишетъ такую статью, тогда его можно будетъ и оставить. (*Обращаясь къ князю Янтарному*). Какъ вы думаете?

Князь Янтарный. Разумѣется!... Это такая мелочь! И вообще вся наша пресса такая грязь и сало, что отъ

нея можно только отворачиваться, но никакъ не обращать на нее большаго вниманія.

Андашевскій (*Мямлину*). На томъ условіи, чтобы г. Шуберскій напечаталъ статью, опровергающую всѣ прежнія статьи, я могу его оставить.

Мямлинъ. Я самъ тогда это тоже сообразилъ и думаю, чортъ его дери!... все лучше доложить объ этомъ Алексѣю Николаичу, а теперь я такъ и передамъ ему ваше приказаніе.

Андашевскій. Такъ и передайте. (*Входитъ торопливо лакей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андашевскій, Ольга Петровна, князь Янтарный, Мямлинъ и лакей.

Лакей. Графъ прислалъ курьера и требуютъ къ себѣ съ дѣлами и съ бумагами князя Янтарнаго и господина Мямлина.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *кромѣ* лакея.

Мямлинъ (*съ испугомъ*). Вотъ тебѣ разъ! (*Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы*). А у меня ничего и не готово.

Князь Янтарный (*также съ вспыхнувшимъ лицомъ*). И у меня тоже! (*относясь къ Андашевскому нѣсколько смущеннымъ голосомъ*). Графъ, вѣроятно, вступилъ въ свою должность?

Андашевскій (*насмѣшливо*). Вѣроятно-съ!... вѣроятно!... «Часъ насталъ и левъ просыпается».

Мямлинъ *(Янтарному)*. Пойдемте скорѣе.

Князь Янтарный. Идемте! *(Оба раскланиваются съ Андашевскими)*.

Ольга Петровна *(смѣясь имъ)*. Не завидую, господа, вашему положенію.

Князь Янтарный *(тоже улыбаясь, но насильственно)*. Ужасное, и особенно мое, такъ какъ я никакъ не ожидаю, чтобы графъ встрѣтилъ меня пріязненно!

Мямлинъ. И мое положеніе не лучше вашего *(продолжаетъ все болѣе и болѣе гримасничать)*.

Андашевскій *(Мямлину)*. У васъ даже опять появился въ лицѣ припадокъ вашей болѣзни.

Мямлинъ. Это ужъ всегда, какъ только чѣмъ-нибудь встревожусь. *(Еще разъ раскланиваются съ Андашевскими и уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Андашевскій *(плотно притворяя дверь)*. Ушли наконецъ, несносные.

Ольга Петровна *(стремительно мужу)*. Скажи, какъ ты очутился сегодня у князя Михайла Семеныча.

Андашевскій. Очень просто: ѣду я поутру мимо его дома... на сердцѣ у меня давно уже накипѣло: «ну, думаю, что будетъ, то будетъ!» велѣлъ каретѣ остановиться и вошелъ въ пріемную; народу пропасть; адъютантъ впрочемъ, какъ увидалъ меня, такъ сейчасъ же доложилъ, и князь сейчасъ пригласилъ меня въ кабинетъ къ себѣ. Вхожу. Князь очень любезно протянулъ мнѣ руку: «Здравствуйте, говоритъ, Алексѣй Николаичъ, что скажете хорошенькаго?» Я говорю: «князь, я пріѣхалъ, во первыхъ доложить вамъ, что покровитель-

ствуемый вами генералъ-маіоръ Варнуха опредѣленъ мною смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни!» «Благодарю!» говоритъ. «Это назначеніе, говорю, я чисто уже взялъ на свой страхъ, такъ какъ графъ теперь боленъ и, какъ я слышалъ, очень недоволенъ этимъ замѣщеніемъ!» «Это почему?» говоритъ. Я говорю: «я не знаю, но ожидаю, что у меня по этому поводу будетъ съ графомъ весьма непріятное столкновеніе!» «Какъ это, говоритъ, будетъ глупо со стороны графа!» Подготовилъ, понимаешь, почву немного!

Ольга Петровна *(внимательнѣйшимъ образомъ слушавшая мужа)*. Понимаю!

Андашевскій *(продолжая)*. «Кромѣ-съ того, говорю, князь, я пріѣхалъ и по собственному очень важному дѣлу, чтобы попросить у васъ совѣта и содѣйствія!» «Радъ, говоритъ, вамъ всѣмъ служить, чѣмъ только могу!» «Дѣло-съ, говорю, мое состоитъ въ томъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ я женился на madame Басаевой, дочери графа». «Знаю, говоритъ, видѣлъ вашу супругу на балѣ у австрійскаго посла и поздравлялъ ее!» «Бракъ этотъ, говорю, совершенно неожиданно для насъ возбудилъ большіе толки въ обществѣ; отовсюду къ намъ доходятъ слухи объ удивленіи и недоумѣніи общества, что какимъ образомъ на такихъ высокихъ постахъ тесть и зять будутъ такъ близко стоять другъ къ другу»... Остановился я на этихъ словахъ, жду, что онъ скажетъ... Онъ подумалъ немного, потеръ себѣ носъ и говоритъ: «дѣйствительно, говоритъ, въ служебныхъ сферахъ это не принято и въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всегда переводятъ кого-нибудь...» «Не кого-нибудь, говорю, а ужь конечно меня переведутъ; мною, какъ младшимъ, пожертвуютъ и принесутъ меня на закланіе!» «Почему-жь, говоритъ, васъ на закланіе; вѣроятно, дадутъ назначеніе равное теперешнему!» «Ахъ ты, думаю, старый волкъ!... Ты, пожалуй, устроишь это!»

Ольга Петровна. Воображаю, что ты долженъ былъ почувствовать въ эти минуты!

Андашевскій. Ужасъ! я тебѣ говорю, ужасъ!... И я помню только одно, что я тутъ, какъ бѣшеный конь, закусилъ удила и рѣшился валять на проломъ: «Во всѣхъ моихъ служебныхъ объясненіяхъ, князь, говорю, я привыкъ быть всегда совершенно откровеннымъ; позвольте мнѣ и съ вами быть такимъ-же!» «Пожалуйста»,—говоритъ. «Въ настоящемъ случаѣ, говорю, есть еще одно довольно важное обстоятельство: вѣдомство наше, какъ небезъизвѣстно вашему сіятельству, преобразовано, устроено и организовано исключительно мною и господиномъ Вуландомъ, и еслибы господинъ Вуландъ былъ живъ, то при теперешнихъ обстоятельствахъ и вопроса никакого не могло быть: мнѣ бы дали какое-нибудь назначеніе, а господинъ Вуландъ сѣлъ бы на мое мѣсто, и дѣла пошли точно также, какъ и теперь идутъ; но господинъ Вуландъ умеръ, вновь назначенные директора люди совершенно неопытные, я уйду, самъ графъ старъ и боленъ. Князь! при соединеніи всѣхъ этихъ случайностей, я почти положительно увѣренъ,—что вѣдомство наше мало что потрясется въ своемъ основаніи, но оно совершенно рухнетъ!»

Ольга Петровна. Ты отлично, безподобно сдѣлалъ, что сказалъ ему это!

Андашевскій. Еще бы!... Я очень хорошо зналъ, съ какимъ господиномъ я говорю и что на него можно только подобными вещами подѣйствовать; вотъ тебѣ доказательство тому: какъ объяснилъ я ему это, онъ весь сталъ вниманіе и у него глаза даже какъ то разгорѣлись!.. Видно было, что его собственное самолюбіе затронулось, что вотъ-де я все знаю, предусматриваю и предотвращаю. «Но чѣмъ-же, говоритъ, графъ нездоровъ; супруга ваша мнѣ съ большимъ горемъ разсказывала, что у него даже маленькое мозговое разстройство

начинается!» Я пожалъ плечами. «Болѣзнь эта, говорю, до нѣкоторой степени давно присуща графу, и я только, по своей глубокой преданности къ нему, тщательно скрывалъ это; но болѣе уже трехъ лѣтъ какъ на мнѣ лежитъ вся тяжесть его служебнаго труда, такъ что онъ не подписываетъ ни одной бумаги, предварительно мною непросмотрѣнной и ему нерекомендованной!» «А теперь что же, говоритъ, болѣзнь эта усилилась въ немъ?» «Какъ кажется!» говорю. «Жаль, — говоритъ, — старика, очень жаль, и въ такомъ случаѣ ужь лучше ему уйти на покой!» «О, говорю: онъ объ этомъ вовсе и не помышляетъ, а напротивъ, съ каждымъ днемъ становится честолюбивѣй и властолюбивѣе!» Ну, положимъ, говоритъ, на это не очень посмотрятъ, только кѣмъ-же замѣстятъ его!.. Одинъ только Карга-Короваевъ, и могъ-бы еще занять его мѣсто».

Ольга Петровна. Вотъ пріятный сюрпризъ будетъ, если назначатъ Каргу-Короваева!

Андашевскій. Сюрпризъ, при которомъ невозможно будетъ оставаться служить, потому что господинъ этотъ мало того, что деспотъ въ душѣ и упрямъ, какъ волъ; но онъ уменъ, каналья, и если что захочетъ, такъ его не обманешь, какъ другихъ, наружнымъ только видомъ, что повинуешься ему и дѣлаешь по его: онъ дощупается до всего. Это я и высказалъ отчасти князю. «Если, говорю, ваше сіятельство, къ намъ будетъ назначенъ Карга-Короваевъ, то я минуты не останусь въ моей должности!» «Это почему?» поворитъ. «Потому что, говорю, господинъ Карга-Короваевъ, сколько я знаю его, привыкъ цѣнить и уважать только свои мысли и свой трудъ и, вступивъ къ намъ въ управленіе, онъ безъ сомнѣнія примется нами созданное учрежденіе ломать и перестраивать по своему, а мнѣ присутствовать при этомъ каждодневно будетъ слишкомъ ужь тяжело, и я лучше обреку себя на нужду и бѣдность, но выйду въ отставку!» Онъ

на эти слова мнѣ улыбнулся: «Не пугайтесь, говоритъ, очень,—я сказалъ вамъ только одно мое предположеніе; но Каргу-Короваева, кажется, прочатъ на другое мѣсто, гдѣ онъ нужнѣе... Къ вамъ же, говоритъ, если графъ оставитъ службу, всего бы конечно справедливѣе было васъ назначить; но только вы молоды еще... Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?...» «Сорокъ девять»,—говорю.

Ольга Петровна. Пять прибавилъ?

Андашевскій. Пять прибавилъ!.. «Но, говоритъ, говорили вы когда-нибудь съ самимъ графомъ о вашемъ желаніи занять его мѣсто?» Я говорю, что я никакъ не могъ съ нимъ говорить объ этомъ, потому что оба мы такъ близко заинтересованы въ этомъ случаѣ. «По крайней мѣрѣ, говоритъ, супруга ваша, дочь его, могла бы дать ему мысль!» «И той, говорю, неловко сказать ему объ этомъ. Вотъ еслибы вы, говорю, ваше сіятельство, были такъ добры, что объяснили графу сущность дѣла. Онъ васъ безконечно уважаетъ и каждое слово ваше приметъ за законъ для себя!.. И я опять осмѣлюсь повторить вамъ, что прошу васъ объ этомъ не столько въ видахъ личнаго интереса, сколько для спасенія самаго дѣла, потому что иначе оно должно погибнуть!..» молчитъ онъ на это... минутъ пять молчалъ... Я убѣжденъ, что у меня въ это время прибавилось сѣдыхъ волосъ!.. Взгляни, пожалуйста, больше ихъ стало?

Ольга Петровна *(взглядывая на волосы мужа)*. Кажется, немного больше.

Андашевскій. Наконецъ прорекъ: «ну, хорошо, говоритъ, я повидаюсь со старикомъ, поговорю съ нимъ и посовѣтую ему; а потомъ, какъ онъ самъ хочетъ!...» «Безъ сомнѣнія-съ, говорю, какъ самъ пожелаетъ потомъ...»

Ольга Петровна *(лукаво)*. Пусть-бы ужъ только онъ посовѣтовалъ!... Отецъ очень хорошо пойметъ, что это равняется приказанію.

Андашевскій. Конечно!

Ольга Петровна. Онъ однако для этого самъ хотѣлъ пріѣхать къ отцу?

Андашевскій. Непремѣнно.

Ольга Петровна. Но когда-же?

Андашевскій. Я не знаю!.. Можетъ-быть, даже сегодня.

Ольга Петровна *(съ безпокойствомъ)*. Мнѣ поэтому сейчасъ-же надо ѣхать къ папа.

Андашевскій. Ты думаешь?

Ольга Петровна *(съ тѣмъ-же безпокойствомъ)*. Непремѣнно, а то князь пріѣдетъ къ нему, прямо скажетъ о твоемъ желаніи, это ужасно озадачитъ отца: онъ взбѣсится конечно и, пожалуй, чтобы повредить тебѣ, разскажетъ все про калишинское дѣло и про Вуланда.

Андашевскій *(въ свою очередь тоже съ безпокойствомъ)*. Но чѣмъ-же ты его отъ этого остановишь?

Ольга Петровна. Знаю я, чѣмъ мнѣ его остановить... У меня многое есть, чѣмъ я могу на него дѣйствовать... Вели мнѣ поскорѣе подать карету. Mamzelle Эмилія, подайте мнѣ шляпу.

Андашевскій *(подходитъ къ дверямъ и кричитъ)*. Карету подавать для Ольги Петровны! *(M-lle Эмилія, хорошенькая нѣмка-горничная, подаетъ Ольгѣ Петровнѣ шляпку и уходитъ)*.

Ольга Петровна *(надѣвъ торопливо шляпу и подавая руку мужу)*. Прощай!

Андашевскій *(почти умоляющимъ голосомъ)*. Возвращайся, Бога ради скорѣе, не искушай моего терпѣнья?

Ольга Петровна. Прямо отъ отца и возвращусь сюда! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андашевскій *(начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ)*. Говорятъ, въ Россіи служба очень пріятная и спокойная дѣятельность; но одинъ день такой, какъ сегодня для меня, пережить чего стоитъ, а иначе нельзя: не предусмотри и прозѣвай хоть одну минуту, изъ подъ носу утащатъ лакомый кусокъ. Вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы раньше другихъ забѣжать!.. *(безпокойство и нетерпѣніе все болѣе и болѣе овладѣваетъ имъ)*. Жена, вѣроятно, долго еще не возвратится... Просто не знаю, что и дѣлать съ собою!... Опіуму, кажется, съ удовольствіемъ-бы принялъ, чтобы заснуть на это время и ничего не чувствовать! *(беря себя за лѣвый бокъ)* такое біеніе сердца, началось, что аневризмъ, пожалуй, наживешь!.. *(Входитъ лакей)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Андашевскій и лакей.

Лакей *(нѣсколько мрачнымъ и таинственнымъ голосомъ)*. Госпожа Сонина опять пришла къ вамъ и желаетъ васъ видѣть.

Андашевскій. Только еще недоставало этого!.. *(обращаясь къ лакею)* я, кажется, сказалъ тебѣ одинъ разъ навсегда, чтобы ты не только что никогда не принималъ ея; но даже не смѣлъ-бы и докладывать мнѣ объ ея посѣщеніяхъ.

Лакей. Да я не хотѣлъ было докладывать, но она сѣла на лѣстницѣ, на лавочку, и говоритъ, что будетъ дожидаться, пока вы пройдете.

Андашевскій *(еще съ большимъ бѣшенствомъ)*. Ну,

и тебѣ отъ мѣста откажу, если ты ея сейчасъ-же не протуришь!

Лакей. Да мнѣ что!... я, пожалуй, протурю! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Андашевскій. Какова наглость этой женщины!.. Послѣ того, какъ сдѣлала противъ меня подлость и чуть было не погубила меня, она ходитъ еще ко мнѣ! Чего надѣется и ожидаетъ?.. Что я испугаюсь ея или разнѣжусь и возвращу ей любовь мою?.. Глупость въ нѣкоторыхъ людяхъ доходитъ иногда до такихъ предѣловъ, что понять даже невозможно! *(Звонитъ. Входитъ тотъ-же лакей).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Андашевскій и **лакей**, *потомъ* **Андашевскій** *одинъ.*

Андашевскій *(нетерпѣливо ему).* Что, ты отказалъ?

Лакей. Отказалъ-съ, ушла!

Андашевскій. Какъ-же ты это сдѣлалъ?

Лакей. Сказалъ-съ, что если она не уйдетъ, такъ я за городовымъ схожу и вмѣстѣ ее выведемъ; она заплакала и ушла.

Андашевскій. Ну и хорошо!.. спасибо! *(смотритъ съ нетерпѣніемъ на часы).* А Ольги Петровны все еще нѣтъ! *(лакею).* Поди, приведи мнѣ извощика къ дому графа. *(Лакей уходитъ).* Поѣду къ подъѣзду графа и буду на крыльцѣ его дожидаться жены.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Служебный кабинетъ графа Зырова. *Огромный столъ весь заваленъ бумагами и дѣлами.* Графъ, *по прежнему, въ пиджакѣ, сидитъ передъ столомъ; лицо его имѣетъ почти грозное выраженіе. На правой отъ него сторонѣ стоятъ въ почтительныхъ позахъ и съ грустно - наклоненными головами* Мямлинъ и князь Янтарный; *а на лѣво генералъ-маіоръ* Варнуха *въ замирающемъ и окаменѣломъ положеніи и чиновникъ* Шуберскій, *тоже грустный и задумчивый.*

Графъ *(строго Варнухѣ)*. Когда именно вы опредѣлены?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Приказомъ 17 августа, ваше сіятельство.

Графъ. Но Алексѣй Николаичъ, я думаю, долженъ былъ бы предувѣдомить меня о томъ и спросить моего согласія прежде, чѣмъ я буду имѣть честь прямо уже встрѣтиться съ вами на службѣ...

Генералъ-маіоръ Варнуха *(плачевнымъ тономъ)*. Я буду стараться, ваше сіятельство.

Графъ. Стараться вы будете!.. Гдѣ вы прежде служили?

Генералъ-маіоръ Варнуха. Смотрителемъ Огюньскаго завода!

Графъ. Отчего же тамъ и не продолжать службы?.. На какомъ основаніи и на какихъ данныхъ пришла

вамъ въ голову мысль искать настоящаго мѣста? Здѣсь надобно имѣть христіанскія чувства, христіанское направленіе.

Генералъ-маіоръ Варнуха. Я христіанинъ, ваше сіятельство.

Графъ. То есть, почему вы христіанинъ? Что въ церковь ходите и творите земные поклоны передъ образами... Тутъ нужно-съ быть человѣку религіозному въ душѣ, сознательно и просвѣщенно вѣрующему.

Мямлинъ *(вытягивая голову и произнося робкимъ голосомъ)*. Генералъ Варнуха, ваше сіятельство, назначенъ по ходатайству князя Михаила Семеныча.

Графъ. Я не съ вами говорю, а потому прошу васъ не вмѣшиваться! *(У Мямлина сейчасъ же при этомъ задергало лицо. Графъ, снова обращаясь къ генералу Варнухѣ)*. Я заранѣе васъ предувѣдомляю, что я каждый день буду заѣзжать въ богадѣльню и горе вамъ, если хоть малѣйшія упущенія встрѣчать буду! Снисхожденія никакого не ждите!.. Мало, что отъ службы уволю, подъ судъ еще отдамъ, потому что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ: нечего было идти туда, куда вы не признаны ни по способностямъ вашимъ, ни по чему другому!...

Генералъ-маіоръ Варнуха. Семейство, ваше сіятельство нужда заставляетъ.

Графъ. Семейство не даетъ же человѣку права на всякія мѣста, какія только открываются. Отправляйтесь! *(Генералъ-маіоръ Варнуха повертывается и уходитъ на цыпочкахъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ Зуровъ, князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій.

Графъ *(взглядывая на Шуберскаго)*. Вы, если я не ошибаюсь, г. Шуберскій?

Шуберскій. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Но на какомъ основаніи вы въ вицъ-мундирѣ? Вы продолжаете еще служить у насъ?

Шуберскій. Продолжаю, ваше сіятельство.

Графъ. Но я Алексѣю Николаичу, кажется, довольно ясно сказалъ, чтобы онъ предложилъ вамъ подать въ отставку.

Шуберскій. Мнѣ передавалъ это ваше приказаніе Дмитрій Дмитричъ Мямлинъ, но я прежде желалъ доложить вашему сіятельству, что статьи, за которыя вамъ угодно было разгнѣваться на меня, писаны не мною: я имѣю удостовѣренія въ томъ отъ редакціи газеты, гдѣ помѣщены эти статьи *(подаетъ графу удостовѣреніе).*

Графъ *(почти не взглядывая на удостовѣреніе).* И вы думаете, что я этому повѣрю: господа газетчики и фельетонисты, я не знаю, чего не способны написать и въ чемъ не готовы удостовѣрить.

Шуберскій. Можетъ быть, дѣйствительно, ваше сіятельство, это и справедливо, но редакція газеты, изъ которой я имѣлъ честь представить вамъ удостовѣреніе, пользуется именемъ самой честной, самой добросовѣстной...

Графъ. Всѣ вы одинаковы! Всѣ!.. Правительству давно бы слѣдовало обратить на васъ вниманіе и позажать вамъ рты!.. Какъ же вы говорите, что не вы писали статьи, когда вы сами признавались въ томъ Андашевскому?

Шуберскій. Первая статья, ваше сіятельство, дѣйствительно написана мною; но я въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ обманъ господиномъ Вуландомъ.

Графъ. На господина Вуланда теперь сваливаете!.. Господинъ Вуландъ заставлялъ васъ писать?

Шуберскій. Господинъ Вуландъ-съ!.. И я надняхъ помѣщу статью, опровергающую мою прежнюю статью!.. Въ ней откровенно я признаюсь, какъ и кѣмъ былъ введенъ въ обманъ.

Графъ. Ну, я увѣренъ въ одномъ, что еслибы господинъ Вуландъ былъ живъ, такъ вы бы не напечатали такой статьи.

Шуберскій. Напечаталъ бы, ваше сіятельство.

Графъ. Нѣтъ-съ, не напечатали-бы! Во всякомъ случаѣ я съ фельетонистами служить не желаю.

Шуберскій. Но гдѣ-же, ваше сіятельство, законъ, воспрещающій фельетонистамъ служить?

Графъ. Есть законъ-съ!.. Я могу уволить васъ, когда мнѣ угодно и совершенно по своему усмотрѣнію.

Шуберскій. Ваше сіятельство, Алексѣй Николаичъ совершенно простилъ меня за мою статью.

Графъ *(крича)*. Но я васъ не прощаю, понимаете вы это!.. И если вы въ 24 часа не подадите въ отставку, то я велю васъ уволить по 3-му пункту—другого рѣшенія вамъ отъ меня не будетъ!.. *(слегка киваетъ головой Шуберскому, который ему тоже слегка кланяется и уходитъ блѣдный и окончательно сконфуженный)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ Зыровъ, князь Янтарный и Мямлинъ.

Графъ *(относясь къ князю Янтарному)*. Что у васъ приготовлено?

Князь Янтарный *(очень модно и свободно подходя къ графу и вмѣстѣ съ тѣмъ играя брелоками своихъ часовъ)*. Я, ваше сіятельство, сегодня ничего приготовленнаго не имѣю, потому что все это время ревизовалъ мою экспедицію.

Графъ *(съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглядывая на него)*. Но что же такое собственно вы ревизовали? Не мои же распоряженія, надѣюсь?

Князь Янтарный. О, конечно, нѣтъ!.. Но вообще весь этотъ ходъ и порядокъ дѣлъ.

Графъ. То есть, канцелярскій порядокъ, вы хотите сказать?

Князь Янтарный. Да-съ, я это именно и хотѣлъ сказать.

Графъ. Ну, это вы совершенно напрасно трудились; потому что вашъ предшественникъ такъ превосходно зналъ этотъ порядокъ, такъ добросовѣстно велъ его, что вамъ за прошедшее время можно быть вполнѣ покойному и заботиться о томъ, чтобы на будущее время порядокъ этотъ шелъ также исправно, какъ шелъ онъ при Владимірѣ Иванычѣ

Князь Янтарный. Я такъ и ожидалъ это найти, ваше сіятельство, но къ великому моему удивленію встрѣтилъ въ экспедиціи Владиміра Иваныча крайній безпорядокъ, страшныя упущенія.

Графъ *(смѣясь ему прямо въ лицо)*. Вотъ что вы встрѣтили!.. А что, если я вамъ скажу, что вы это говорите неправду!..

Князь Янтарный. Совершеннѣйшую правду, ваше сіятельство!.. Я уже докладывалъ объ этомъ и Алексѣю Николаичу.

Графъ. Алексѣю Николаичу вы можете докладывать, сколько вамъ угодно, но меня вамъ не убѣдить въ томъ; я старый воробей на службѣ—и цѣль всѣхъ вновь вступающихъ чернить дѣятельность своихъ предшественниковъ очень хорошо понимаю: если дѣло пойдетъ хорошо у нихъ, это возвыситъ ихъ собственный трудъ; а если оно пойдетъ дурно, то этимъ можетъ быть отчасти извиненъ допущенный ими безпорядокъ,—пріемъ весьма старый и весьма извѣстный въ служебномъ мірѣ!

Князь Янтарный *(потупляя свои глаза)*. Мнѣ очень грустно, ваше сіятельство, что мои слова вы изволили такимъ образомъ понять и что мнѣ нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что я не имѣю счастья пользоваться вашимъ добрымъ мнѣніемъ о себѣ, но смѣю

васъ завѣрить, я настоящей моей должности не искалъ, и мнѣ ее Алексѣй Николаичъ самъ предложилъ.

Графъ. Алексѣй Николаичъ, вѣроятно, имѣлъ для этого какія-нибудь свои основанія; но я съ своей стороны буду требовать отъ васъ настоящей службы и дѣятельности немаякирующей и въ этомъ случаѣ не стѣсняюсь никакими свѣтскими соображеніями.

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, никогда ни на какія свѣтскія соображенія и не расчитывалъ; а привыкъ заявлять себя своей дѣятельностью, которую Алексѣй Николаичъ отчасти уже видѣлъ и, какъ говорилъ мнѣ, остался ею очень доволенъ.

Графъ *(выходя изъ себя)*. Опять Алексѣй Николаичъ! Скажите на милость: пока я сижу еще здѣсь, на этомъ стулѣ, кто вашъ начальникъ—я или Алексѣй Николаичъ?

Князь Янтарный. Конечно, вы, ваше сіятельство!

Графъ. Однако и вы, и какой-то генералъ Варнуха, и господинъ Мямлинъ безпрестанно напоминаете мнѣ то объ Алексѣѣ Николаичѣ, то о князѣ Михаилѣ Семенычѣ, не достаетъ только назвать еще мнѣ madame Бобрину, и я на это одинъ разъ навсегда говорю, что я стою уже одной ногой въ могилѣ, а потому ни въ какихъ покровителяхъ не нуждаюсь и никакихъ враговъ и соперниковъ не боюсь!

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, всегда васъ и разумѣлъ такимъ и всегда зналъ ваше высокое безпристрастіе.

Графъ. Да-съ, прошу васъ и на будущее время разумѣть меня такимъ, и если желаете служить со мной, то во первыхъ: не играйте вашими брелоками!.. Я люблю дисциплину и нахожу это неприличнымъ при разговорѣ съ начальникомъ... *(Князь Янтарный мгновенно же перестаетъ играть брелоками)*. А во вторыхъ, не надѣйтесь ни на сыны, ни на князи человѣческіе, и вообще я желаю вамъ гораздо большаго усердія въ трудахъ вашихъ,

чѣмъ я встрѣтилъ это сегодня! *(круто поворачивается къ Мямлину)*. У васъ хоть готово ли что-нибудь?

Мямлинъ. Имѣю-съ докладъ! *(Князь Янтарный съ надувшимся и оскорбленнымъ лицомъ, отходитъ и становится на прежнее мѣсто; а Мямлинъ подходитъ къ графу и развертываетъ передъ нимъ огромное дѣло, запинаясь на каждомъ почти словѣ и дѣлая изъ лица гримасы)*. Это-съ дѣло крестьянъ Коловоротинской волости съ казною!.. У нихъ во владѣніи были по лѣвую сторону Оки поемные луга!.. Это геологическій ужь законъ, что горная сторона рѣки всегда направо по теченію, а налѣво низовая сторона-съ,—это законъ геологическій... *(Графъ молча, но мрачно его слушаетъ. Мямлинъ, все болѣе и болѣе конфузясь)*. А на нагорной этой сторонѣ, изволите видѣть, земли и владѣнія вѣдомства государственныхъ имуществъ... Оно взяло и промежевало себѣ луга... крестьяне говорятъ, что у нихъ десятилѣтняя давность владѣнія, а имъ на это возражаютъ, что для казны нѣтъ десятилѣтней давности.

Графъ *(съ удивленіемъ взглядывая на Мямлина)*. Какъ нѣтъ для казны десятилѣтней давности?

Мямлинъ *(утвердительно)*. Нѣтъ-съ!

Графъ. Перестаньте, что вы говорите! Десятилѣтняя давность для всего въ мірѣ существуетъ!

Мямлинъ *(снова утвердительно)*. Нѣтъ, ваше сіятельство, прямая статья есть.

Графъ. Нѣтъ такой статьи-съ!

Мямлинъ. Есть, ваше сіятельство!

Графъ *(показывая на шкафъ съ книгами)*. Вонъ сводъ законовъ, — отыщите! *(Мямлинъ подходитъ къ этому шкафу, вынимаетъ изъ него сразу нѣсколько томовъ и начинаетъ дрожащими руками перелистывать ихъ, потѣетъ при этомъ, краснѣетъ, дѣлаетъ изъ лица маленькія гримасы и ничего не находитъ. Графъ между тѣмъ просматриваетъ докладываемое ему дѣло и при этомъ*

только слегка покачиваетъ головой и грустно усмѣхается).

Мямлинъ (*съ сильною уже гримасою въ лицѣ*). Не могу, ваше сіятельство, найти, — извините!.. Позвольте мнѣ дома пріискать!.. Въ подлинномъ дѣлѣ, это очень ясно прописано.

Графъ (*продолжая грустно улыбаться*). А вы, скажите, читали это подлинное дѣло все?

Мямлинъ. Читалъ, ваше сіятельство!

Графъ. Ну, я признаюсь, гораздо бы лучше для васъ желалъ, чтобы вы вовсе его не читали. Въ чемъ же, по вашему, суть дѣла тутъ?

Мямлинъ. Это тяжба крестьянъ Коловоротинской волости съ казною.

Графъ. То-есть, была тяжба и она уже рѣшена и земля возвращена въ казну; такъ?

Мямлинъ. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Такъ къ чему же вы мнѣ говорите о какой-то геологіи, о какихъ-то статьяхъ закона не существующихъ! Въ чемъ тутъ наша обязанность?.. Чего собственно отъ насъ требуютъ? (*Мямлинъ молчитъ и краснѣетъ въ лицѣ*). Требуютъ, чтобы я далъ заключеніе, что слѣдуетъ-ли крестьянъ подвергать уплатѣ въ казну за неправильное владѣніе, и конечно, мое мнѣніе должно состоять въ томъ, что слѣдуетъ!

Мямлинъ (*снова оживленнымъ тономъ*). Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу съ этимъ согласиться и остаюсь въ томъ убѣжденіи, что если десятилѣтняя давность существуетъ для частныхъ лицъ, то почему же она не должна существовать для казны?.. Это прямое нарушеніе справедливости!..

Графъ (*выходя изъ себя*). Господи помилуй, вы помѣшались наконецъ на этой десятилѣтней давности?.. Къ чему она вамъ... Зачѣмъ? .

Мямлинъ (*смущеннымъ уже голосомъ*). Затѣмъ, что вотъ-съ въ этой бумагѣ прямо сказано, что для казны

не должно существовать десятилѣтней давности (*показывая на одну изъ бумагъ въ дѣлѣ*).

Графъ. А вы дали себѣ трудъ подумать, что это за бумага?.. Это-съ единоличное мнѣніе министра государственныхъ имуществъ, который, когда былъ возбужденъ общій вопросъ по сему предмету, то полагалъ съ своей стороны, что на тѣ случаи, гдѣ нарушены границы генеральнаго межеванія, не должно распространяться десятилѣтней давности, и съ нимъ однако никто не согласился... Вѣдь это наконецъ несносно, Дмитрій Дмитричъ: вы мало того, что не вникли нисколько въ самое дѣло, но мнѣ приходится еще спорить съ вами, опровергать разныя смутныя мысли, которыя случайно приходятъ вамъ въ голову!.. На будущее время прикажите ужь лучше докладывать мнѣ вашимъ начальникамъ отдѣленія, а сами пока посидите при этомъ и поучитесь!

Мямлинъ. Но мнѣ это будетъ очень обидно, ваше сіятельство!

Графъ. Но что-жь мнѣ дѣлать? Какъ-же быть. . Мнѣ самому читать за васъ всѣ дѣла и объяснять вамъ ихъ — я не имѣю на то ни времени, ни желанія. (*Входитъ лакей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Ольга Петровна пріѣхала!

Графъ. Что?

Лакей. Ольга Петровна пріѣхала и говоритъ, что ей очень нужно васъ видѣть.

Графъ (*подумавъ немного и обращаясь къ директорамъ*). Дочь, господа, пріѣхала: прошу на время выйти! (*Директора уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ и лакей; *потомъ* **графъ** *одинъ.*

Графъ (*лакею*). Проси! (*Лакей уходитъ*). Нечего сказать—славный народъ!.. А отъ чего?.. Отъ того, что ни одинъ изъ нихъ службы никогда настоящей не несъ! Я бывало, адъютантомъ былъ, къ генералу своему идешь съ бумагою, дрожишь, что запятой какой-нибудь не забылъ ли поставить, потому что у того пѣна у рта сейчасъ появится, и онъ мѣсяцъ за это съ гауптвахты не спуститъ, а имъ что! Онъ стоитъ передъ тобой, да брелоками только поигрываетъ, или несетъ чепуху въ родѣ этого непропеченнаго калача московскаго — Мямлина.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ и Ольга Петровна.

Ольга Петровна (*входя*). Ты занятъ, папа?

Графъ. Да, пожиналъ труды твоего супруга за время болѣзни моей и наслаждался ими.

Ольга Петровна. Что же такое мужъ мой сдѣлалъ за время твоей болѣзни?

Графъ. То, что насажалъ мнѣ такихъ умниковъ, съ которыми я не знаю какъ и быть...

Ольга Петровна. Кто же это?

Графъ. Во первыхъ, какого-то генерала Варнуху!

Ольга Петровна. Не какого-то, папа, а рекомендованнаго княземъ Михаиломъ Семенычемъ!.. Наконецъ, генералъ Варнуха получилъ такое ничтожное мѣсто, что объ этомъ, я полагаю, и говорить не стоитъ.

Графъ. Вмѣсто дѣльнаго и трудолюбиваго Вуланда выбралъ какого-то лѣнтяя восточнаго, князя Янтарнаго, и вдобавокъ еще злѣйшаго врага моего, который бранилъ меня на всѣхъ перекресткахъ.

Ольга Петровна. Ему за тѣмъ, папа, и дали это мѣсто, чтобы онъ не кричалъ противъ тебя.

Графъ. А, такъ это вы обо мнѣ заботились!.. Какія, подумаешь, у меня добрыя и нѣжныя дѣти!

Ольга Петровна. Ты вотъ, папа, сердишься и разными пустяками тревожишь себя, а между тѣмъ я пріѣхала къ тебѣ по гораздо болѣе серьезному и непріятному дѣлу!

Графъ. У васъ съ супругомъ, кажется, только тѣ дѣла и серьезны, когда что до васъ касается.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, это и до тебя касается!.. Мужа призывалъ къ себѣ князь Михайло Семенычъ.

Графъ (*насмѣшливо*). Съ чѣмъ его и поздравляю.

Ольга Петровна. И говорилъ ему, что въ правительственныхъ сферахъ очень неблагопріятно смотрятъ, что ты и мужъ, то-есть тесть и зять, такъ близко служатъ другъ къ другу.

Графъ (*тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ*). Я говорилъ вамъ это еще прежде, предсказывалъ; а теперь и кушайте, что сами себѣ приготовили.

Ольга Петровна. Нельзя-же, папа, чувствами владѣть и душить ихъ въ себѣ для сохраненія выгодъ по службѣ!.. Чувство дороже всего для человѣка!

Графъ. А когда дороже, такъ и наслаждайтесь ими и уѣзжайте куда-нибудь въ Аркадію.

Ольга Петровна. Мы бы и уѣхали, но мужа не пускаютъ изъ службы.

Графъ. Кто жь его можетъ не пустить?

Ольга Петровна. Не то что не пускаютъ прямо, а просятъ для спасенія самаго дѣла; потому что Ву-

ландъ умеръ, новые директора неопытны, ты старъ и часто бываешь боленъ.

Графъ. Опять я!... Но я просилъ бы васъ покорнѣйше оставить меня въ покоѣ: боленъ ли я, здоровъ ли, вамъ рѣшительно до этого нѣтъ никакого дѣла.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, мнѣ есть до этого дѣло и большое: твой докторъ прямо мнѣ сказалъ, что если ты также усиленно будешь заниматься службой, какъ прежде занимался, такъ жизнь свою сократишь.

Графъ. Какой прозорливый докторъ и какъ эти слова его должны тебѣ нравиться.

Ольга Петровна. Ты папа, кажется, не хочешь понять ни чувства моего, изъ котораго я тебѣ это говорю, ни того, что я хочу тебѣ сказать.

Графъ. Къ несчастію, я все очень хорошо понимаю!.. Все!.. Тебѣ хочется спихнуть меня съ моего мѣста и посадить на него твоего мужа—вотъ что хочется тебѣ сдѣлать!

Ольга Петровна. Да, папа, я очень желаю, чтобы ты вышелъ въ отставку и чтобы на твое мѣсто поступилъ мужъ.

Графъ *(горько усмѣхнувшись)*. Откровенно сказано!

Ольга Петровна. Совершенно откровенно!.. Другая на моемъ мѣстѣ стала бы, можетъ быть, хитрить, скрытничать.

Графъ. И знаешь: это гораздо было бы лучше!.. Гораздо!.. Есть такого рода откровенности, которыя требуютъ большой безсовѣстности, чтобы высказывать ихъ.

Ольга Петровна *(нѣсколько смущенная этими словами)*. Только не передъ тобой, папа!.. Ты самъ добротой своей ко мнѣ пріучилъ меня быть совершенно откровенной съ тобою; и хоть тебѣ, можетъ быть, и непріятно теперь выслушивать меня, но я всетаки хочу высказать еще нѣсколько моихъ резоновъ... *(Графъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе)*. Я объясню все въ очень

короткихъ словахъ: тебѣ и Алексѣю Николаичу нельзя вмѣстѣ служить, это уже рѣшено!.. Тебя, разумѣется, если ты самъ не пожелаешь того, не тронутъ: за тобой слишкомъ много заслугъ и ты слишкомъ много уважаемъ, чтобы тебя захотѣли огорчить! Поэтому пострадаетъ тутъ бѣдный мужъ мой; ему дадутъ плохонькое мѣстечко или просто даже велятъ подать въ отставку, — словомъ, его карьера, такъ блистательно имъ начатая, будетъ подсѣчена въ корень. Мало того, мы будемъ обречены на бѣдность, потому что у Алексѣя Николаича ничего нѣтъ...

Графъ (*перебивая дочь*). А триста тысячъ, которыя онъ взялъ съ Калишинской компаніи?

Ольга Петровна. Алексѣй Николаичъ уже тебѣ говорилъ, куда ушли эти триста тысячъ, и если ты вздумаешь этими деньгами сдѣлать какой-нибудь вредъ мужу, то я буду требовать отъ тебя пять тысячъ душъ материнскаго состоянія, изъ котораго тебѣ слѣдовала только седьмая часть.

Графъ. (*въ ужасѣ и бѣшенствѣ*). Какъ?.. седьмая часть... Какъ?... Развѣ мать твоя дѣлила когда-нибудь свое состояніе со мной?.. Развѣ оно не принадлежало мнѣ также, какъ и ей самой?.. Если я не взялъ у ней клочка бумаги, называемой духовнымъ завѣщаніемъ, такъ потому оно твое?..

Ольга Петровна. Да, потому оно и мое! Адвокаты прямо говорятъ, что если опекунъ растратилъ состояніе малолѣтней, такъ онъ долженъ возвратить его ей, а иначе его посадятъ въ тюрьму.

Графъ (*въ окончательномъ бѣшенствѣ*). Ольга, молчи!!! Дѣлай тамъ, что знаешь; но не смѣй мнѣ этого говорить въ глаза...

Ольга Петровна. И ты, папа, молчи о трехъ стахъ тысячахъ?.. Если ты хочешь, чтобы я къ тебѣ была нѣжная и покорная дочь, будь и самъ ко мнѣ нѣжнымъ и печнымъ отцомъ; служить тебѣ, я прямо теперь скажу,

нѣтъ никакой цѣли: состоянія на службѣ ты уже не составишь, крестовъ и чиновъ получать не можешь, потому что они у тебя всѣ есть...

Графъ. Все высчитала! и забыла только одно, что я службѣ еще могу быть полезенъ: и пусть твой супругъ не думаетъ, что онъ тутъ нужнѣй меня: я его нужнѣй, и онъ пока еще выученикъ мой и щенокъ, котораго я выдрессировалъ!!!

Ольга Петровна. Мужъ мой всегда это говорилъ и говоритъ, а ты посмотри, папа, что выходитъ изъ собственныхъ даже твоихъ словъ: положимъ, ты оттѣснишь мужа и прослужишь еще годъ, два, три, наконецъ утомишься и выйдешь въ отставку, тогда на твое мѣсто выберутъ совершенно случайно человѣка, который тобою созданное дѣло сломаетъ и уничтожитъ, а съ дѣломъ твоимъ, папа, связано твое имя!.. Ты съ нимъ войдешь въ исторію, и одинъ только Алексѣй Николаичъ способенъ продолжать его въ томъ направленіи, въ какомъ ты ведешь его, потому что, какъ самъ ты говоришь, онъ человѣкъ твоихъ взглядовъ и убѣжденій.

Графъ. Ну, твой Алексѣй Николаичъ, я думаю, способенъ отказаться отъ всякаго рода взглядовъ и убѣжденій и сломать всякое дѣло, если это хоть на мизинецъ будетъ лично ему полезно!

Ольга Петровна. Гнѣвъ, папа, представляетъ тебѣ все въ иномъ видѣ! Впрочемъ, каковъ бы Алексѣй Николаичъ человѣкъ ни былъ, но онъ мужъ мой, а ты мнѣ, надѣюсь, не врагъ же совершенный! Наконецъ, если не для насъ обоихъ, то для твоего будущаго внука, котораго я ношу теперь подъ сердцемъ, ты долженъ желать устроить нашу участь.

Графъ *(злобно усмѣхаясь)*. Даже тому, что ты будешь матерью, какъ говоришь теперь, я тебѣ не вѣрю: до того я въ васъ извѣрился!

Ольга Петровна. Я могу, папа, на эти оскор-

бленія твои отвѣчать только слезами!.. *(начинаетъ плакать)*.

Графъ. И не плачь, пожалуйста, при мнѣ!.. Слезамъ твоимъ я тоже не повѣрю и убѣжденъ, что онѣ притворныя.

Ольга Петровна. Говори, папа, все, что хочешь! *(Проходятъ нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Ольга Петровна тихо плачетъ, а графъ сидитъ насупившись. Входитъ лакей)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Князь Михайло Семенычъ пріѣхалъ!

Графъ *(взмахивая глазами на дочь)*. Это по вашему приглашенію, что ли?

Ольга Петровна *(продолжая плакать)*. Нѣтъ, папа, я не могла приглашать его.

Графъ *(лакею)*. Проси князя на верхъ. *(Лакей уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графъ и Ольга Петровна.

Графъ *(дочери)*. Я угадалъ, что у тебя слезы притворныя!.. Ты плакала, чтобы протянуть время и подождать, пока пріѣдетъ этотъ гость.

Ольга Петровна. Грѣхъ тебѣ, папа, такъ безжалостно оскорблять меня.

Графъ. Мнѣ же грѣхъ,—ахъ ты, негодяйка этакая! Они мнѣ съ супругомъ дѣлаютъ на каждомъ шагу козни и мерзости, а я и высказать того не смѣй—фу-ты, наглецы безстыжіе! *(порывисто встаетъ и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ольга Петровна *одна; потомъ* **князь Янтарный и Мямлинъ;** *позже* **Шуберскій.**

Ольга Петровна (*сейчасъ-же утираетъ слезы и, пріотворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, говоритъ директорамъ*). Войдите сюда, господа!.. Графъ ушелъ на верхъ! (*Входятъ князь Янтарный, и Мямлинъ. Ольга Петровна снова заглядывая въ двери*). А вы, monsieur Шуберскій, что-же остались тамъ? (*Шуберскій тоже входитъ. Ольга Петровна обращаясь ко всѣмъ имъ*). Вамъ, вѣроятно, графъ наговорилъ всѣмъ непріятностей?

Мямлинъ (*поднимая значительно брови*). Да еще какихъ-съ, — надобно знать!

Князь Янтарный (*гордо*). Онъ себѣ позволилъ то мнѣ сказать, что я службу мою брошу, потому что я не привыкъ, чтобы начальники мои, кто-бы они ни были, такъ обращались со мной.

Мямлинъ (*кроткимъ голосомъ и разводя руками*). А изъ меня такого дурака онъ представилъ, что я до сихъ поръ опомниться не могу!.. Еще одно такое объясненіе, и со мной ударъ нервный случится!.. (*Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы*).

Ольга Петровна. Ужасно, какой старикъ невыносимый сталъ! На Алексѣя Николаича онъ тоже взбѣшенъ до послѣдней степени и чѣмъ кончится эта ссора, я еще не знаю, тѣмъ больше, что къ папа теперь пріѣхалъ князь Михайло Семенычъ.

Оба директора (*почти съ испугомъ*). Пріѣхалъ!.. Зачѣмъ?..

Ольга Петровна. Не знаю собственно зачѣмъ; но ожидаю, что отецъ, подъ вліяніемъ досады на Алексѣя Николаича, наскажетъ на него князю.

Мямлинъ *(съ одушевленіемъ)*. А я князю наскажу на самаго графа,—вотъ что-съ!

Ольга Петровна. И объясните князю, что отецъ главнымъ образомъ за то сердится на мужа, что вотъ онъ и я тогда очень хлопотали, чтобы васъ опредѣлили на ваше теперешнее мѣсто!

Мямлинъ. И то скажу-съ, доложу ему.

Ольга Петровна *(обращаясь къ Янтарному)*. За ваше назначеніе графъ тоже бѣсится на мужа. «Какимъ образомъ, говоритъ, опредѣлить ко мнѣ на службу злѣйшаго врага моего, который злословилъ меня на каждомъ шагу».

Князь Янтарный. Я и теперь буду злословить графа, — въ этомъ случаѣ, pardon, madame, но графъ своимъ обращеніемъ самъ вызываетъ это и дѣлаетъ себѣ изъ всѣхъ враговъ.

Ольга Петровна. Совершенно понимаю это и извиняю вполнѣ! *(обращаясь къ Шуберскому)*. А васъ, monsieur Шуберскій, зачѣмъ собственно графъ призывалъ?

Шуберскій *(съ горькой усмѣшкой)*. Чтобы велѣть подать въ отставку.

Ольга Петровна. Это ужасно!.. Вотъ теперь вы и видите, кто васъ преслѣдуетъ: мужъ или графъ.

Шуберскій. Теперь, конечно, вижу.

Ольга Петровна. Тоже самое и въ другихъ случаяхъ и даже это калишинское дѣло, какъ оно происходило,—я не знаю; но знаю только одно, что мужъ мой тутъ чистъ... какъ ангелъ, и что если страдаетъ за что, такъ за свою преданность къ лицамъ, которыя повыше его стояли, и вы ужъ, пожалуйста, заступитесь за него въ печати, если его очень опять тамъ злословить будутъ.

Шуберскій. Это будетъ священной обязанностью для меня, потому что я такъ въ этомъ отношеніи виноватъ предъ Алексѣемъ Николаичемъ, что конечно дол-

женъ употребить все, чтобы загладить передъ нимъ вину свою.

Ольга Петровна. А вы давно занимаетесь литературой? Давно получили призваніе къ ней?

Шуберскій. Съ дѣтскихъ почти лѣтъ.

Ольга Петровна. Какъ это пріятно! Всетаки это творчество, поэзія, а не сухая служебная проза!.. Однако, я слышу, графъ идетъ! Уйдите, господа! *(Князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій поспѣшно уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Ольга Петровна и графъ.

Графъ *(съ прежней злобной усмѣшкой и низко кланяясь дочери).* Поздравляю васъ: супругъ вашъ назначается на мое мѣсто...

Ольга Петровна *(бросаясь было къ отцу на шею).* Merci, папа!

Графъ *(отстраняясь).* Не благодари!.. Не я вамъ устроилъ это, а вы сами!.. И я желалъ бы только спросить твоего мужа, что неужели въ его гадкой и черствой душенкѣ за все, что я сдѣлалъ для него, не накопилось на столько благодарности ко мнѣ, чтобы не ѣздить по городу и не сочинять, что будто бы онъ всегда все дѣлалъ за меня и что теперь я сумасшедшій даже! Если ужь ему такъ хотѣлось этого проклятаго мѣста моего, такъ лучше бы онъ пришелъ и поклонился мнѣ, я уступилъ бы ему его и по крайней мѣрѣ не считалъ бы его тогда подлецомъ совершеннымъ.

Ольга Петровна. Мы для тебя же, папа, желали, чтобы ты вышелъ въ отставку и успокоился.

Графъ. Ничего вы мнѣ не желали!.. Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!..

Что ты всегда была волчицей честолюбивой, это видѣлъ я съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; но его я любилъ и думалъ, что онъ меня любитъ! На прощанье я могу вамъ пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, похожая душею на тебя, а онъ отогрѣетъ за пазухой у себя такого-же змѣеныша—чиновника, какого я въ немъ отогрѣлъ; тогда вы, можетъ быть, поймете, что я теперь чувствую! *(быстро поворачивается и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ольга Петровна *одна, потомъ* **Андашевскій;** *позже* **князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій,** *и наконецъ* **графъ.**

Ольга Петровна *(одна и усмѣхаясь).* Сердись, теперь, пожалуй, сколько хочешь... Дѣло жь сдѣлано!.. Ѣхать поскорѣе къ мужу и обрадовать его! *(Идетъ, но въ дверяхъ встрѣчается съ Андашевскимъ).* Ты пріѣхалъ?

Андашевскій. Да!.. Я тутъ у подъѣзда дожидался и сейчасъ встрѣтилъ князя Михайла Семеныча: онъ говоритъ, что я буду назначенъ.

Ольга Петровна. Непремѣнно будешь назначенъ!

Андашевскій *(беря себя за голову).* Господи, что же это такое!.. Я заплачу!

Ольга Петровна. Заплачь!.. ничего!.. тебѣ легче послѣ того будетъ. *(Андашевскій начинаетъ утирать выступившія у него на глазахъ слезы; у Ольги Петровны тоже глаза наполняются слезами).*

Андашевскій *(съ чувствомъ).* Князь сказалъ, что старикъ самъ даже желалъ оставить это мѣсто и передать его мнѣ.

Ольга Петровна. Хорошо желалъ! Ты послушалъ бы, какими онъ именами насъ обоихъ тутъ называлъ, такъ что я солгала даже ему, что буду требовать у него

материнскаго состоянія. Впрочемъ, Богъ съ нимъ... Скажи лучше, кого ты думаешь взять на твое мѣсто?

Андашевскій (*нѣсколько задумавшись*). Конечно князя Янтарнаго!.. Во-первыхъ, у него связи огромныя, а во-вторыхъ, онъ самъ не опасенъ: не подшибетъ никогда!

Ольга Петровна. А на мѣсто Янтарнаго кого ты назначишь?

Андашевскій. Право ужь не знаю!

Ольга Петровна. Назначь Шуберскаго: онъ въ печати имѣетъ значеніе!... Не мѣшаетъ и въ этой сферѣ имѣть преданнаго человѣка.

Андашевскій. Мысль не дурная!

Ольга Петровна. А теперь позови ихъ скорѣе и объяви имъ о твоемъ назначеніи: они очень рады будутъ этому.

Андашевскій. Сейчасъ позову! (*пріотворяя дверь*). Пожалуйте сюда, господа! (*Къ вошедшимъ*). Графъ оставляетъ службу...

Всѣ въ одинъ голосъ. Кто-жь на мѣсто его?

Андашевскій (*съ нѣкоторымъ трепетомъ въ голосѣ*). Я, кажется, назначаюсь!

Мямлинъ (*благоговѣйно складывая руки и возводя глаза къ небу*). Господи, благодарю Тебя за то!

Князь Янтарный (*грустнымъ тономъ*). Настоящее мѣсто ваше, поэтому, дѣлается вакантнымъ?

Андашевскій. Да; если это случится... и въ такомъ случаѣ я буду имѣть честь васъ пригласить на него, а теперь все-таки позвольте мнѣ, какъ будущаго моего помощника, обнять васъ...

Князь Янтарный. О, благодарю васъ! (*Оба обнимаются и цѣлуются*).

Андашевскій (*Мямлину*). А васъ дастъ Богъ, въ новомъ году мы полѣчимъ отъ вашей болѣзни Анненской лентою!

Мямлинъ. Излѣчусь этимъ, совершенно излѣчусь!

Андашевскій (*Шуберскому*). Вамъ, господинъ Шуберскій, я тоже бы желалъ предложить мѣсто Георгія Ираклича, когда оно освободится, если только это не повредитъ вашимъ литературнымъ занятіямъ.

Шуберскій (*задыхающимся отъ радости голосомъ*). Нисколько-съ, это не повредитъ!

Мямлинъ. Директоръ отличный онъ будетъ, и похваливать насъ иногда въ газетахъ станетъ.

Шуберскій. Въ отношеніи товарищей я ужь, конечно, ничего другого не могу написать.

Андашевскій. Кабинетъ, такимъ образомъ, составленъ! (*берется за свою шляпу; тому же примѣру слѣдуютъ всѣ прочіе; Андашевскій начинаетъ даже при этомъ насвистывать одну изъ арій; Ольга Петровна весело натягиваетъ свои перчатки; физіономіи директоровъ сіяютъ удовольствіемъ; вдругъ въ дверяхъ изъ заднихъ комнатъ показывается графъ Зыровъ*).

Графъ (*дѣлая довольно повелительный жестъ рукою*). Прошу васъ, господа, пріостановиться на минуту и не расходиться! (*Всѣ останавливаются, графъ выходитъ на аванъ-сцену; выраженіе лица его печальное и серьезное. Графъ начинаетъ медленно и довольно протяжно говорить*). Я сейчасъ получилъ письмо отъ князя Михайла Семеныча, которое и имѣю честь предъявить вамъ! (*подноситъ держимое имъ въ рукѣ письмо къ глазамъ своимъ и читаетъ его*): «Любезный графъ! поздравляю васъ кавалеромъ ордена брилліантовыхъ знаковъ и съ пожалованіемъ вамъ аренды въ пять тысячъ рублей серебромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу васъ увѣдомить, что на ваше мѣсто назначенъ тайный совѣтникъ Яковъ Васильичъ Карга-Короваевъ!»

(Занавѣсъ опускается).

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНІЙ

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сосипатовъ Василій Петровичъ, коммерціи совѣтникъ, стоящій во главѣ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятій.

Сосипатова Марья Александровна, жена его; молодая и красивая женщина.

Баронъ Кергофъ Эдуардъ Карловичъ, товарищъ Сосипатова по дѣламъ.

Баронесса Кергофъ Дарья Матвѣевна, толстая и румяная дама, лѣтъ ужь 45-ти.

Журиленко Савва Тарасовичъ, неуклюжій, малороссійскій помѣщикъ.

Г-жа Журиленко Ненила Петровна, родная сестра Сосипатовв; сухопарая и желтая дама и тоже ужь слишкомъ за 40.

Отставной генералъ-маіоръ Прокудинъ, служившій прежде по коммиссаріатской части.

Говорковъ, господинъ, неизвѣстно какія имѣющій занятія.

Monsieur **Шемуа**, французъ, тоже неизвѣстно зачѣмъ пріѣхавшій въ Россію.

Живодеровъ Иванъ Иванычъ, разбогатѣвшій изъ мужиковъ подрядчикъ.

Персиковъ, фельетонистъ газетный.

Сэръ Тонель, глухонѣмой американецъ, спиритъ и медіумъ.

Г-нъ Демьянскій, учитель глухонѣмыхъ.

M-eur **Шулькинъ**, молодой человѣкъ, исключительно ѣздящій по баламъ, вечерамъ и концертамъ.

Судебный слѣдователь.

Частный приставъ.

Квартальные.

Гости.

Лакеи.

Дѣйствіе происходитъ въ семидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I

Театръ представляетъ на аванъ-сценѣ богатую гостиную, а вдали огромное зало. Обычный недѣльный вечеръ въ домѣ Сосипатовыхъ. Марья Александровна Сосипатова, *расфранченная, сидитъ на диванѣ. Около нея размѣщаются нѣсколько дамъ, въ числѣ которыхъ находится и* Ненила Петровна Журиленко. *Всѣ онѣ тоже очень разряжены и сидятъ съ работами въ рукахъ. На другой сторонѣ сцены почти полулежитъ на кушеткѣ* г-нъ Журиленко *въ широкомъ, нескладномъ пальто, а невдалекѣ отъ него помѣщается на стулѣ немолодой уже, но очень еще молодцоватый французъ m-eur* Шемуа, *съ ленточкой въ петлицѣ; на срединѣ сцены сидитъ* баронъ Кергофъ, *съ чисто нѣмецкою физіономіей и замѣтно сохраняющій важность и серьезность. Въ залѣ виднѣются гости, изъ которыхъ одни играютъ въ карты, а другіе просто ходятъ.*

Ненила Петровна *(обращаясь къ барону)*. Баронъ, прочтите намъ эту статью!... Намъ очень любопытно ее слышать.

Баронъ *(съ нѣкоторой гримасой)*. Но она очень длинна и можетъ утомить слушателей.

Ненила Петровна. Ахъ, нѣтъ, напротивъ!... Пожалуйста, прочтите.

Баронъ *(какъ-бы нехотя беретъ со стола газету и читаетъ вслухъ)*. «Сегодняшній день мы желаемъ побе-

сѣдовать съ нашими читателями объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего финансоваго міра: Василій Петровичъ Сосипатовъ, сынъ простаго цѣловальника, по неудержимому стремленію къ образованію, сначала поступилъ въ народное училище, откуда за блестящіе успѣхи переведенъ былъ въ гимназію и наконецъ вѣнчалъ свое воспитаніе тѣмъ, что получилъ степень магистра технологіи, и тутъ только почувствовалъ, что призваніе его не тихая, ученая дѣятельностъ, и что отечество ждетъ отъ Василья Петровича иныхъ заслугъ: онъ бросилъ науку и занялся финансами и торговлей. Кому неизвѣстенъ его первый проэктъ, двинувшій вмѣстѣ съ другими реформами такъ быстро Россію на пути прогресса?»

Марья Александровна *(насмѣшливо)*. Зачѣмъ же тутъ упомянуто, что онъ сынъ цѣловальника? Это небольшая ему честь.

Ненила Петровна *(пожимая плечами)*. А по моему, очень большая? Чѣмъ ниже было положеніе человѣка сравнительно съ тѣмъ, какое онъ потомъ занялъ, тѣмъ больше ему чести... Не правда-ли, баронъ?

Баронъ *(вялымъ голосомъ)*. Да, конечно!... *(показывая рукой на газету)*. А тутъ далѣе описано, какъ Василій Петровичъ года три тому назадъ подарилъ вамъ триста тысячъ...

Ненила Петровна *(съ радостнымъ одушевленіемъ)*. Ахъ, и это напечатано!... я очень рада тому: подобные великодушные поступки въ отношеніи своихъ родныхъ непремѣнно должны быть извѣстны всему обществу. *(Журиленко при этомъ какъ-то мрачно взглядываетъ на жену)*.

Баронъ *(снова начинаетъ читать)*. «Домъ Василія Петровича представляетъ собою образецъ изящества, роскоши и просвѣщеннаго гостепріимства: художники, писатели, иностранцы—всѣ находятъ себѣ въ немъ радушный и хлѣбосольный пріемъ!»

M-eur Шемуа *(восклицаетъ)*. C'est vrai... Это правда!

Журиленко *(поворачивая къ нему голову)*. А вы развѣ все учухали, что тутъ читали?

M-eur **Шемуа**. Qu'est ce que c'est: учухали?

Журиленко. То есть, поняли все?

M-eur **Шемуа** *(самодовольно)*. Все!... Je comprends tout!

Баронъ *(снова продолжаетъ читать)*. «Новое предпріятіе Василья Петровича горно-колодезно-масляная промышленность вызвала одобреніе всей заграничной прессы: газеты французскія, англійскія, нѣмецкія и даже американскія помѣстили въ своихъ столбцахъ статьи, исполненныя добросовѣстнаго знанія предпринимаемаго дѣла и безусловныхъ одобреній и пожеланій успѣха предпринимателю. Желательно, чтобы русская публика раздѣлила въ этомъ случаѣ мнѣніе Европы и дала возможность г-ну Сосипатову осуществить свое колоссальное предпріятіе. Василій Петровичъ, въ чемъ конечно согласится всякій, имѣетъ слишкомъ много правъ на довѣріе, давши столько блистательныхъ доказательствъ какъ въ силѣ своихъ финансовыхъ способностей такъ и въ своей высокой и безукоризненной честности!»

Ненила Петровна *(опять съ чувствомъ)*. Я буду усерднѣйшимъ образомъ молить Бога, чтобы акціи этого дѣла скорѣй раскупились.

Марья Александровна *(слушавшая все это чтеніе съ потупленнымъ лицомъ и явно недовольнымъ голосомъ)*. А я, напротивъ, желаю, чтобы оно совсѣмъ не состоялось.

Ненила Петровна *(съ удивленіемъ)*. Это почему?

Марья Александровна *(все тѣмъ же недовольнымъ голосомъ)*. Потому что Василій Петровичъ достаточно измученъ и безъ этого дѣла: у него больше двухъ лѣтъ нѣтъ ни сна, ни аппетита, и всѣ мысли его по-

стоянно направлены на эти только дѣла... Ему самое лучшее бросить все и думать объ одномъ здоровьѣ своемъ.

Баронъ *(тѣмъ же медленнымъ голосомъ)*. Я не полагаю, чтобы это могло поправить здоровье Василія Петровича... Оставивши дѣла, онъ непремѣнно будетъ скучать!

Марья Александровна *(тѣмъ же недовольнымъ голосомъ)*. Скучать все-таки легче, чѣмъ такъ волноваться и тревожиться, какъ онъ тревожится... Наконецъ, для чего все это: нашихъ громадныхъ денегъ, я думаю, достаточно, чтобы существовать намъ совершенно обезпеченно.

Баронъ *(съ небольшой гримасой)*. Тутъ вопросъ не въ деньгахъ!... Деньги для Василья Петровича, конечно, всегда были послѣднею цѣлью; но эти волненія и труды составляютъ для него жизнь!... Въ этомъ его нравственная пища.

Ненила Петровна *(съ разгорѣвшимися глазами)*. Это такъ, совершенно вѣрно!... Я по себѣ это чувствую!... У насъ, видно, въ крови эта потребность кипучей дѣятельности!

Журиленко *(женѣ)*. Ври больше — потребность!... Кабы денегъ много не валило, не было бы потребности!... Вонъ и оселъ за кормъ возитъ!

Баронъ *(усмѣхаясь)*. Оселъ дѣйствительно, можетъ быть, за кормъ возитъ; но для человѣка, вѣроятно, существуютъ и другія побудительныя причины!

Журиленко. А какія побудительныя причины? Либо палка, либо диньга! .. Всѣ изъ-за того работаютъ; а то-бы всякъ на соломѣ лежалъ да сало илъ!

Ненила Петровна *(съ удареніемъ на словахъ)*. Ты никакъ въ этомъ отношеніи не можешь по себѣ судить другихъ людей, особенно такихъ, какъ братъ... никакъ!

Журиленко. Почему же не могу? Я тоже че-

ловѣкъ, а не свинья: все-таки рыло кверху держу, а не книзу. .

Ненила Петровна. Человѣкъ, но только ужь совершенно матеріальный!... Совершенно!...

Журиленко *(поднимая передъ всѣми палецъ)*. Тсъ!... Тише!.. Будетъ!... Самъ батько иде.

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ залѣ дѣйствительно показывается Сосипатовъ, *господинъ гладко остриженный, выбритый, съ лицомъ истощеннымъ и съ сверкающими глазами. Проходя зало, онъ свысока киваетъ головой своимъ гостямъ и только у двоихъ или троихъ изъ нихъ пожимаетъ руки. Въ концѣ явленія входитъ* лакей.

Сосипатовъ *(войдя въ гостинную и обращаясь къ первому барону Кергофу)*. Здравствуйте, баронъ! *(сестрѣ)*. Здравствуй, сестра! Давно-ли возвратилась изъ деревни?

Ненила Петровна. Вчера только.

Сосипатовъ *(показывая на Журиленко)*. И зоилъ мой здѣсь! *(Журиленко)*. Я васъ сейчасъ сильно огорчу!...

Журиленко *(вставши уже на ноги и съ насмѣшкой кланяясь Сосипатову)*. Ясновельможному пану низко кланяюсь.

Сосипатовъ *(шутливо)*. Кланяйтесь, кланяйтесь, такъ и слѣдуетъ, тѣмъ больше, что ваше злопророчество касательно послѣдняго дѣла нашего не сбылось: заявлено требованій почти на два милліона!

Журиленко. Да четвертушками-жъ пока еще вносятъ, а не полной суммой!

Сосипатовъ. Четвертушками!... Но что изъ этого?

Журиленко *(лукаво)*. А то, что индюковъ надо считать не въ коноплѣ, а на базарѣ, когда они проданы, и денежки за нихъ въ клѣтушку заперты.

Сосипатовъ *(надменно)*. Богъ дастъ, и мы тутъ

кое-что запремъ въ клѣтушку!... *(оборачиваясь и увидавъ m-eur Шемуа, радостно восклицаетъ)*. Боже мой, кого я вижу: m-eur Шемуа!.. Откуда вы явились?

M-eur Шемуа *(восклицаетъ какъ-будто-бы произнося Богъ знаетъ какую важную вещь)*. De la campagne... Я ѣхалъ... пріѣхалъ avec m-me Журиленко.

Ненила Петровна *(нѣсколько покраснѣвши)*. M-eur Шемуа гостилъ у меня въ деревнѣ.

Сосипатовъ. И долго?

M-eur **Шемуа** *(по прежнему восклицаетъ)*. Deux mois.. Два мѣсяцъ!... Et tout le monde...... province.. провинція говорятъ: «Василій Петровичъ Пейрера, русскій... Лессепсъ!»

Сосипатовъ *(съ видимымъ удовольствіемъ)*. Вотъ какъ!... Что жь, эти прозвища не дурныя.

M-eur Шемуа. Oui, vous avez beaucoup... Вы много славъ имѣете на югъ... тамъ... дальше!

Сосипатовъ. Очень пріятно это слышать... Но какъ однако вы усовершенствовались въ русскомъ языкѣ.

M-eur Шемуа. Да, я знаю теперь говорить!.. Знаю!...

Сосипатовъ. И что же, живя въ деревнѣ, вы при сматривались нѣсколько къ нашей сельской жизни? Видѣли, вникали въ нее?

M-eur Шемуа. Oui!... видѣлъ!... *(съ трудомъ выговаривая)*. Въ воскресенье... такъ?

Сосипатовъ. Такъ!...

M-eur Шемуа. Въ воскресенье я ходилъ a l'église *(опять съ затрудненіемъ произнося)*, Церковь.

Сосипатовъ. Въ церковь?

M-eur Шемуа. Oui!... Видѣлъ тамъ... попъ!... золотой ризъ!... Хорошо это!

Сосипатовъ. Понравилось вамъ?

M-eur Шемуа. Понравилось! И этотъ какъ: диконъ?

Сосипатовъ *(поправляя его)*. Дьяконъ.

M-eur Шемуа *(повторяя за Сосипатовымъ)*. Дья-

конъ... Тожь какъ царь... старый, русскій... золотой ризъ...

Сосипатовъ. Но у васъ попы тоже въ золотѣ.

M-eur Шемуа. Меньше, меньше!... Видѣлъ это... ваши свидьбы.

Сосипатовъ *(опять поправляя его)*. Свадьбы!

M-eur Шемуа. Вашъ этотъ... невѣста и мужъ пришли къ m-me Журиленко... Ils lui présentèrent un крендель... полотенце?.. Après quoi ils se prosternèrent à ses pieds.

Ненила Петровна *(Марьѣ Александровнѣ)*. Какъ удивило m-eur Шемуа, когда мнѣ эти молодые поклонились въ ноги, невѣроятно.

M-eur Шемуа. Ils sont serfs encore .. Рабы и теперь.

Сосипатовъ. Нѣтъ, какое рабы! Обычай только еще этотъ старый и глупый остался!... Во всякомъ случаѣ вы согласитесь, что народъ у насъ красивый и умный.

M-eur Шемуа. Oui! le peuple est brave et bon! *(Входитъ лакей)*.

Лакей (*Сосипатову*). Какой-то сэръ Тонель и господинъ Демьянскій...

ЯВЛЕНІЕ III

Тѣ же, *кромѣ* лакея.

Сосипатовъ. А, очень радъ! (*Лакею*). Проси! (*Сосипатовъ довольно громкимъ голосомъ обращаясь къ гостямъ своимъ, находящимся въ залѣ*). Господа, не угодно ли вамъ на нѣсколько времени пожаловать сюда. (*Большая часть гостей входитъ въ гостиную*). Сейчасъ сюда придетъ знаменитый медіумъ и спиритъ — нѣкій сэръ Тонель—американецъ, глухонѣмой отъ рожденія.

Непила Петровна. Но какимъ же образомъ глухонѣмой ѣздитъ по Европѣ?

Сосипатовъ. Очень просто!... Онъ останавливается только въ столицахъ, гдѣ обращается къ учителю глухонѣмыхъ, и тотъ служитъ ему толмачемъ, какъ и здѣсь вотъ этотъ Демьянскій.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и сэръ Тонель *во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и совершенно рыжій. Съ нимъ* **Демьянскій** *въ вицъ-мундирномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами.*

Сосипатовъ (*привѣтливо протягивая руку Тонелю*). Здравствуйте, серъ! (*Демьянскій сейчасъ же переводитъ сэру Тонелю, что сказалъ Сосипатовъ. Тонель съ своей стороны дѣлаетъ знаки пальцами*).

Демьянскій (*Сосипатову*). Сэръ Тонель благодаритъ за привѣтствіе. (*Прочимъ лицамъ Тонель молча кланяется. Сосипатовъ движеніемъ руки приглашаетъ его садиться. Тонель садится, а рядомъ съ нимъ и Демьянскій*.

Сосипатовъ (*послѣ нѣкоторой запинки обращаясь къ Демьянскому*). Можетъ быть; сэръ Тонель будетъ такъ добръ, что покажетъ намъ хоть маленькій опытъ спиритизма... (*Демьянскій на пальцахъ передаетъ эти слова Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему только кивкомъ головы*).

Демьянскій (*Сосипатову*). Сэръ Тонель готовъ...

Сосипатовъ. Но когда же? (*Демьянскій спрашиваетъ Тонеля на пальцахъ. Тотъ отвѣчаетъ ему тоже на пальцахъ*).

Демьянскій (*Сосипатову*). Хоть сейчасъ же!... Сэръ Тонель чувствуетъ себя въ удобномъ для того настроеніи... только проситъ нѣсколько уменьшить свѣтъ въ

комнатѣ. (*Сосипатовъ мигаетъ лакеямъ. Тѣ уносятъ большую часть лампъ, а на остальныя надѣваютъ колпаки. Серъ Тонель, садясь посреди сцены, дѣлаетъ знаки пальцами вставшему около Демьянскому. Демьянскій обращаясь ко всѣмъ*). Сэръ Тонель проситъ задать какой-нибудь вопросъ.

Сосипатовъ. Позвольте ужъ мнѣ это право: я затѣваю громадное предпріятіе, благополученъ-ли будетъ исходъ его? *Демьянскій передаетъ это Тонелю. Тотъ погружается какъ-бы въ сонъ. Все общество находится въ нѣсколько устрашенномъ и ожидающемъ состояніи; проходитъ двѣ, три минуты глубочайшаго молчанія, среди котораго наконецъ раздаются три очень явственные удара. Всѣ почти въ одинъ голосъ:* «Слышали?» «Слышали!»... «Какъ не слышать, очень явственно слышали!» (*Сосипатовъ почти поблѣднѣвшій*). Но что же значитъ этотъ отвѣтъ?

Демьянскій. Сэръ Тонель нечетные удары объясняетъ обыкновенно тѣмъ, что они благопріятны.

Сосипатовъ. Удивительно!... Невѣроятно!

Журиленко. Чего удивительнаго! Ногой стукнулъ... Я хоть десять разъ стукну (*Тонель спрашиваетъ Демьянскаго взглядомъ, что такое говоритъ Журиленко. Тотъ ему передаетъ. Тонель съ видимо разгнѣваннымъ лицомъ дѣлаетъ нѣсколько знаковъ пальцами*).

Демьянскій (*обращаясь ко всему обществу*). Такъ какъ выражено сомнѣнье, то сэръ Тонель предлагаетъ, не угодно ли держать его за ноги.

Журиленко (*выдвигаясь впередъ*). А, это дѣло другое! Я его подержу! (*подходитъ къ Тонелю, становится передъ нимъ на колѣни и беретъ его за ноги*). Задавайте, кто хочетъ вопросъ.

Ненила Петровна (*подойдя къ Тонелю*). Я желаю знать, вѣренъ-ли мнѣ тотъ человѣкъ, котораго я люблю? (*при этомъ она кидаетъ быстрый, но нѣжный взглядъ на*

т-еиr Шемуа. Демьянскій передаетъ ея слова Тонелю, который снова погружается какъ-бы въ сонъ. Журиленко держитъ его за ноги точно въ желѣзныхъ щипцахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія опять раздаются три очень явственные звука. Новое удивленіе со стороны всѣхъ).

Сосипатовъ *(Журиленко).* Что, батюшка!... Что?

Журиленко *(сердито поднимаясь на ноги).* Да брюхомъ же щелкнулъ! Вотъ какъ и у насъ цыганъ чревовѣщатель былъ: рта не разѣваетъ, а по собачьи лаетъ, да и собака то словно въ другой комнатѣ.

Сосипатовъ *(съ сердцемъ).* Что за глупости вы говорите!... *(Демьянскому)* Вы, пожалуйста, и не передавайте этого сэру Тонелю.

Демьянскій. Нѣтъ, не передамъ. *(Сэръ Тонель что-то такое говоритъ на пальцахъ Демьянскому. Демьянскій обращаясь ко всѣмъ).* Сэръ Тонель предлагаетъ, что не угодно ли обществу заняться столоверченіемъ.

Большая часть дамъ. Ахъ, пожалуйста!... Мы очень рады. *(Тонель и нѣсколько человѣкъ гостей становятся около круглаго, довольно большаго стола, кладутъ на него руки, какъ дѣлается это обыкновенно при столоверченіи. Столъ вскорѣ начинаетъ двигаться кругомъ и все быстрѣе и быстрѣе. Окружающіе его бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ и наконецъ столъ падаетъ и краемъ своимъ ударяетъ monsieur Шулькина, который оттого вскрикиваетъ и начинаетъ затѣмъ прыгать на одной ногѣ. Хозяева и нѣкоторые изъ гостей къ нему съ испугомъ:* Что съ вами! Что такое?*).*

Шулькинъ *(скрывая боль).* Ничего-съ! Ничего! *(убѣгаетъ).*

Журиленко *(про себя и съ удовольствіемъ).* Ловко, видно, его огрѣло!

Сосипатовъ. И это, какъ хотите, непонятно—этакой столище завертѣлся.

Марья Александровна *(съ одушевленіемъ)*. Главное, знаешь, мнѣ казалось, что меня что-то влечетъ и тянетъ за столомъ.

Ненила Петровна. А меня, увѣряю васъ, я это ясно чувствовала, что чья-то именно мужская рука хватала за спину, такъ что я нѣсколько разъ хотѣла вскрикнуть.

Сосипатовъ *(Демьянскому)*. Сэръ Тонель, можетъ быть, нѣсколько уже утомился отъ своихъ опытовъ. *(Демьянскій передаетъ это Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему)*.

Демьянскій (*Сосипатову*). Да, онъ усталъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ, что духъ удалился довольно далеко, и ему трудно будетъ призывать его.

Сосипатовъ. Въ такомъ случаѣ не угодно-ли сэру Тонелю въ зало, къ буфету, выпить тамъ стаканъ чаю, вина... (*женѣ*). Маша, проводи подъ руку сэра. (*Марья Александровна подаетъ Тонелю руку, который затѣмъ съ важностью идетъ съ нею въ зало. Демьянскій и большая часть гостей слѣдуютъ за ними*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сосипатовъ, баронъ и Журиленко.

Сосипатовъ *(барону, молча стоявшему у колонны и весьма внимательно во все всматривавшемуся, но ни въ чемъ не принимавшему участія)*. Какъ, напримѣръ, объясните вы эти удары?

Баронъ *(пожимая плечами)*. Я почти согласенъ съ г-мъ Журиленко. *(Журиленко, съ насмѣшливой улыбкой ходившій сзади сцены, отзывается:* еще бы!*)*

Сосипатовъ. О, вздоръ какой, а потомъ столъ?

Баронъ. Столъ очень обыкновенная вещь; на него

дѣйствуетъ хоть и маленькихъ, но нѣсколько силъ, которыя и двигаютъ его.

Журиленко (*обращаясь уже къ публикѣ*). Якъ стилько народу ухватило, мельницу-бы своротили, а не то, что столъ.

Сосипатовъ (*не слушая Журиленко*). Прекрасно-съ; вы говорите маленькихъ... но вотъ въ Англійскомъ клубѣ мнѣ очевидцы разсказывали, что при нихъ столъ постепенно склонялся, склонялся и стоявшія на немъ свѣчи и лежавшій карандашъ не падали.

Баронъ. Не вѣрю! Это значило бы, что пересталъ дѣйствовать законъ тяжести; но тогда вся вселенная должна была бы разлетѣться въ прахъ!

Сосипатовъ. Э, батюшка, всѣ эти законы природы!... Я въ этомъ случаѣ идеалистъ! (*трепля барона по плечу*). «Есть многое, другъ Гораціо, что не снилось нашимъ мудрецамъ!» Однако этому сэру Тонелю надо будетъ заплатить, я думаю, рублей пятьсотъ...

Журиленко (*почти въ ужасѣ восклицаетъ*). Пятьсотъ?

Баронъ. Нѣтъ, пятьсотъ много!... Достаточно триста.

Журиленко. Триста-же однако!... Тьфу, дурни вы этакіе.. И оставаться тутъ не хочу! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сосипатовъ и баронъ.

Сосипатовъ (*вслѣдъ ему*). Разсердился даже, хохолъ глупый!... (*Барону*). Кстати, вотъ по поводу его: жена его, т. е. сестра моя, тотъ капиталъ, который я ей подарилъ, желаетъ отдать мнѣ въ дѣло, а потому вы потрудитесь завтра принять отъ нея деньги и вы-

дайте ей безсрочный вексель, чтобы она всегда могла получить ихъ обратно.

Баронъ. Хорошо.

Сосипатовъ. А потомъ... статья обо мнѣ въ газетахъ ужь напечатана?

Баронъ. Во вчерашнемъ еще номерѣ.

Сосипатовъ. Но кто ее писалъ?

Баронъ. Одинъ мой университетскій товарищъ, прежде свѣтскій господинъ былъ, а теперь фельетонистъ газетный...

Сосипатовъ. Перомъ довольно бойкимъ владѣетъ. А что, скажите, въ самой газетѣ взяли за то, чтобы напечатать эту статью?...

Баронъ. Еще бы!... Шестьсотъ рублей.

Сосипатовъ. Но какъ это противъ иностранныхъ!... мы и въ иностранныхъ платили: дороже или дешевле?

Баронъ *(съ презрительной гримасой)*. Почти одна и та-же цѣна!

Сосипатовъ. Но надобно также, чтобы и другія русскія газеты крикнули за меня.

Баронъ *(съ тою же презрительной гримасой)*. Скажу этому господину, чтобы онъ напечаталъ и въ другихъ русскихъ газетахъ. Пусть перефразируютъ ту-же самую статью и пошлетъ въ двѣ, три газеты!

Сосипатовъ *(съ самодовольствомъ потирая руки)*. Да-съ, да! Въ вѣкъ громадныхъ предпріятій и муссировки оныхъ мы живемъ!... Хорошо это, ей Богу! Всетаки это показываетъ, что человѣчество живетъ, стремится къ чему-то, надѣется чего то!... Нѣтъ этого поганаго восточнаго застоя! *(берясь за голову)*. Скверно вотъ только, что голова у меня все дуритъ: шумъ тамъ какой-то!... Трескъ, мысли расплываются и перебиваютъ одна другую...

Баронъ. Можетъ быть, вы сегодня много работали?

Сосипатовъ. Очень много!... Но какъ же иначе и быть? Вотъ сейчасъ, при насъ, Шемуа разсказывалъ, что въ провинціи меня прямо называютъ Лесепсъ или тамъ Пейрера русскій! Это ужъ неподкупленная какая нибудь статья газетная, а приговоръ простыхъ, непосредственныхъ умовъ, въ которомъ ни лести, ни корысти не можетъ быть—значитъ, дѣйствительно, я кое-что сдѣлалъ для страны моей.

Баронъ. Кто-жь въ этомъ сомнѣвался.

Сосипатовъ. Ну-съ, а потому я и долженъ работать, чтобы не уподобиться лѣнивому евангелическому рабу и не закапывать своего таланта. Однако, до свиданія! Женѣ скажите, что я и къ ужину не выйду! усталъ очень!... *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ *(оставшись одинъ и почти со скрежетомъ зубовъ)*. Несноснѣйшій хвастунишка, какого когда либо міръ создавалъ!... *(насмѣшливо)*. Боится закопать свой талантъ, тогда какъ весь его талантъ состоитъ въ дикой и безразсудной предпріимчивости и невѣроятномъ, дурацкомъ русскомъ счастіи въ дѣлахъ! Грустнѣй всего то, что жена, это прелестнѣйшее существо, тоже видитъ въ немъ какого-то великаго человѣка, такъ что когда я, въ своемъ безразсудномъ увлеченіи, имѣлъ неосторожность сказать ей о моемъ чувствѣ, она, гордо поднявъ голову, почти съ презрѣніемъ отвѣтила мнѣ, что, бывъ женой Сосипатова, женщина развѣ можетъ позволить себѣ полюбить кого бы то ни было!... Значитъ, онъ лучше всѣхъ въ мірѣ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

При послѣднихъ словахъ барона входитъ **Марья Александровна.** *Она сначала оглядывается кругомъ и потомъ стремительно подходитъ къ нему.*

Марья Александровна *(взволнованнымъ голосомъ).* Баронъ, я желаю съ вами говорить.

Баронъ *(вѣжливо, но холодно ей кланяясь).* Вашъ слуга покорный!

Марья Александровна. Ежели вы вашими льстивыми газетными статьями будете еще болѣе развивать самолюбіе въ моемъ мужѣ, то клянусь вамъ, что я разскажу ему все, что между нами произошло!...

Баронъ *(нѣсколько смущеннымъ голосомъ).* Статьи эти вовсе не мои, и онѣ заказаны и напечатаны, по желанію Василья Петровича... собственно для успѣха нашего предпріятія.

Марья Александровна *(настойчиво).* Я не хочу успѣха этому предпріятію, понимаете вы! Пусть оно лопнетъ и провалится! Я желаю одного, чтобы мужъ мой ликвидировалъ всѣ дѣла свои.

Баронъ *(пожимая плечами).* Это совершенно его дѣло; я не могу ни воспрепятствовать ему въ этомъ, ни заставить его это сдѣлать

Марья Александровна. Нѣтъ, вы можете заставить его!

Баронъ. Чѣмъ?

Марья Александровна. Тѣмъ, что посовѣтуете ему! Къ несчастію, онъ до сихъ поръ вамъ вѣритъ...

Баронъ. Почему же къ несчастію?... *(Марья Александровна не отвѣчаетъ ему).* Сказать же Василью Петровичу, чтобы онъ оставилъ всѣ дѣла свои, потому что не способенъ вести ихъ, это разсмѣшитъ его только...

Марья Александровна. Въ такомъ случаѣ выходите сами изъ дѣлъ: безъ васъ онъ ихъ не поведетъ, а если поведетъ, такъ не долго, потому что скоро утомится!

Баронъ. Но во первыхъ; онъ поведетъ ихъ, за это я головою вамъ ручаюсь; а во вторыхъ, Богъ знаетъ, чего натворитъ безъ меня!... Неужели вы этого не видите и не понимаете? Десять лѣтъ я съ нимъ въ товариществѣ и каждый день долженъ сдерживать его, какъ бѣшенаго коня, отъ зарывчивости и необдуманности: онъ вѣритъ всякому вздору, каждому нелѣпому плану, какой ему предлагаютъ, и конечно первое, что будетъ, когда я его оставлю, онъ подпадетъ подъ чье нибудь весьма пагубное для него вліяніе.

Марья Александровна. Знаете что, баронъ, я ужъ буду съ вами говорить откровенно: я ничьего вліянія на мужа такъ не боюсь, какъ вашего, потому что совершенно убѣждена, что вы злѣйшій врагъ его и мой теперь, вѣроятно...

Баронъ. Изъ какихъ-же данныхъ вы это видите.

Марья Александровна. Изъ такихъ, что вы... въ чемъ, конечно, вы и сами не запретесь,—вы вовсе не изъ простенькихъ и добренькихъ людей, и думаю, что никому еще въ мірѣ не простили малѣйшей вамъ обиды, а я васъ обидѣла... очень обидѣла!

Баронъ *(снова смущенный этими словами)*. То вы, а то вашъ мужъ, въ отношеніи котораго я, кажется, до сихъ поръ остался преданнымъ другомъ!

Марья Александровна *(саркастически смѣясь)*. Ха, ха, ха! «преданнымъ другомъ»! Какъ у васъ духу хватаетъ говорить подобныя вещи и кому же, мнѣ, женѣ Василья Петровича, за которой вы два года неотступно ухаживали и которую, я ужъ не знаю чѣмъ, не обольщали, обѣщаясь, если я отвѣчу на ваше чувство, сдѣлать меня чуть-ли не обладательницей всей Индіи,—

развѣ преданные друзья такъ поступаютъ? При этомъ не забывайте, что вы женаты, поэтому вы тутъ противъ двухъ человѣкъ дурно поступали и все это, я полагаю, прямо показываетъ, какой вы въ душѣ дурной и развращенный человѣкъ.

Баронъ (*поблѣднѣвъ наконецъ отъ злости*). Ненависть ко мнѣ васъ заставляетъ забывать всякое приличіе! Извольте-съ: я выйду изъ товарищества съ вашимъ мужемъ, что мнѣ принесетъ прямую выгоду въ смыслѣ денегъ и въ смыслѣ труда; но повторяю вамъ еще разъ, что это можетъ повлечь серьезнѣйшее потрясеніе, если не полное раззореніе всего вашего состоянія!...

Марья Александровна (*заносчиво*). Хоть бы даже раззореніе состоянія!... Жизнь мужа для меня дороже всего!

Баронъ. Совершенно вѣрю тому-съ! Не замедлю исполнить ваше желаніе.

Марья Александровна. Буду съ нетерпѣніемъ ждать того! (*Баронъ кланяется ей въ спину и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Александровна (*одна и всплескивая руками*). Господи, дай мнѣ силы и умѣнье спасти моего Базиля отъ этого демона!

(Занавѣсъ падаетъ).

BIBLIOTEKA Wacława Wilniewczyca

ДѢЙСТВІЕ II.

Рабочій кабинетъ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сосипатовъ и Говорковъ *сидятъ въ креслахъ. Послѣдній изъ нихъ мужчина среднихъ лѣтъ, франтовато одѣтый, съ очень красивою и вмѣстѣ съ тѣмъ какою-то каменною наружностью. Онъ только что пріѣхалъ и видимо сохраняетъ передъ Сосипатовымъ нѣсколько почтительную позу.*

Сосипатовъ (*гордо развалившись въ креслѣ*). Мнѣ про васъ сказалъ въ клубѣ Илья Ѳомичъ и сказалъ въ совершенно случайномъ разговорѣ. Онъ говорилъ вамъ, въ чемъ дѣло?

Говорковъ (*выпуская изо рта слова, какъ изъ дуба масло*). Нѣтъ-съ, онъ мнѣ писалъ только, чтобы я побывалъ у барона, или у васъ!... Я сейчасъ заѣзжалъ къ барону; но онъ почему-то не принялъ меня и послалъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Это въ сущности все равно!... Исторія вотъ въ чемъ-съ: о нашей послѣдней громадной затѣѣ вы, можетъ быть, слышали?

Говорковъ (*кивнувъ головой*). Слышалъ.

Сосипатовъ. Подписка на нее идетъ болѣе чѣмъ удовлетворительно; но мы предположили скупить всѣ со-

сѣднія земли, чтобы не имѣть потомъ уже никакихъ конкурентовъ, такъ какъ самое дѣло неизсякаемый источникъ богатства!... неизсякаемый!... Для всего этого, разумѣется, нужны очень большія деньги и поэтому намъ необходимо какъ можно скорѣе реализировать наши акціи!... Съ этою цѣлію они разосланы по всевозможнымъ коммиссіонерствамъ... печатаются статьи въ газетахъ о самомъ предпріятіи... даже біографія моя съ портретомъ моимъ, какъ лица, стоящаго во главѣ этого дѣла, напечатана; но кромѣ этихъ средствъ, какъ шепнулъ мнѣ Илья Ѳомичъ, существуютъ... (*съ нѣкоторой ужь разстановкой*) такъ называемыя благопріятныя телеграммы отъ иностранныхъ конторъ!

Говорковъ. Существуютъ.

Сосипатовъ. Такъ что еслибы даже подписка на какія-бы-то ни было акціи была за-границей и не ахти какая, то всетаки телеграмма получится, что она превосходная!

Говорковъ. Получится, что превосходная!

Сосипатовъ. И вы можете это устроить для насъ?

Говорковъ. Могу.

Сосипатовъ. Но какимъ-же способомъ это дѣлается?

Говорковъ (*улыбнувшись*). Это ужь я знаю-съ.

Сосипатовъ. Если это тайна ваша, то не смѣю ея касаться!... Во всякомъ случаѣ мы съ одними только вами и должны будемъ входить въ сношенія?

Говорковъ. Только со мной...

Сосипатовъ. Съ платой, разумѣется, вамъ?

Говорковъ. Съ платой!

Сосипатовъ. А какъ велика таковая?

Говорковъ. Смотря по тому, отъ скольких иностранныхъ конторъ вы желаете получить...

Сосипатовъ. Отъ одной, напримѣръ?

Говорковъ. Десять тысячъ.

Сосипатовъ. Отъ двухъ?

Говорковъ. Двадцать.

Сосипатовъ. Ф-фа! Я, знаете, привыкъ къ большимъ денежнымъ тратамъ: но и то меня покоробило... За какія-нибудь двадцать словъ десять тысячъ!

Говорковъ. Тутъ дѣло не въ словахъ, а въ поступкѣ!... Это уголовщина.

Сосипатовъ (*недовольнымъ тономъ*). Уголовщину еще тутъ какую-то нашли.

Говорковъ. Да какъ же-съ? Въ законѣ это называется мошенничествомъ!

Сосипатовъ (*вспыхивая*). Тогда послѣ этого все можно назвать мошенничествомъ: печатается въ газетахъ, что за отъѣздомъ продается карета, тогда какъ владѣлецъ ея, можетъ быть, и не думалъ уѣзжать,—и то мошенничество.

Говорковъ. Пожалуй, и то мошенничество!

Сосипатовъ. Вы ужь очень строгій криминалистъ, но ваша собственно главная профессія въ чемъ состоитъ?

Говорковъ (*замѣтно недовольный этимъ вопросомъ*). Да такъ!... Ни въ чемъ!... Пишусь капиталистомъ.

Сосипатовъ. Если вы капиталистъ, то не можете-ли по крайней мѣрѣ для насъ сдѣлать ту уступку, чтобы за вашъ трудъ получить не деньгами, а нашими акціями по номинальной ихъ стоимости!

Говорковъ. Нѣтъ-съ, я получаю обыкновенно чистыми деньгами.

Сосипатовъ. Деньгами это очень дорого; мнѣ поэтому необходимо прежде переговорить съ барономъ!... На чемъ мы рѣшимъ, я васъ увѣдомлю.

Говорковъ. Хорошо-съ! (*вставая*). До свиданія!

Сосипатовъ (*ему холодно*). До свиданія!

ЯВЛЕНІЕ II.

Сосипатовъ *одинъ; потомъ* **лакей.**

Сосипатовъ *(одинъ)*. Чортъ знаетъ, какъ все дорожаетъ!... Впрочемъ, чему-же и быть иначе! Денежныхъ знаковъ столько накопилось, что они стали какъ щепки. *(Входитъ лакей)*.

Лакей. Отставной генералъ Прокудинъ!

Сосипатовъ. Какой такой еще тамъ Прокудинъ?

Лакей. Они третій уже разъ приходятъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Проси!... *(Лакей уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сосипатовъ. Сколько ко мнѣ этихъ отставныхъ генераловъ является—счету нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сосипатовъ и **генералъ Прокудинъ** *съ палкою въ рукѣ и замѣтно разбитый нѣсколько на ноги.*

Прокудинъ *(расшаркиваясь передъ Сосипатовымъ)*. Позвольте мнѣ представиться земляку моему и генію всей Россіи.

Сосипатовъ. Слишкомъ много чести!... Покорнѣйше прошу садиться.

Прокудинъ *(усѣвшись)*. Вы ужъ, конечно, меня не помните, но я васъ мальчикомъ еще зналъ... гимназистикомъ... въ красномъ воротничкѣ!

Сосипатовъ. Дѣйствительно, тогда у насъ красные воротники были...

Прокудинъ. И теперь вотъ пришелъ у васъ просить хлѣба-съ, хлѣба!... Въ наше время, когда пошло все на меркантильную ногу, что тутъ наши эполеты,—плохо съ ними!

Сосипатовъ. А вы давно изволили оставить службу?

Прокудинъ. Такъ себѣ, не очень!

Сосипатовъ. По болѣзни, вѣроятно?

Прокудинъ *(протяжно)*. Д—да!... Но больше по непріятности и потому что шею никогда не любилъ много гнуть! Вышелъ тутъ одинъ глупый вопросъ — по этой усышкѣ и утечкѣ, такъ что и плюнулъ на все и тогда, пріѣхавъ въ Петербургъ, говорю нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, что я желалъ бы посвятить себя администраціи!... Сначала всѣ: «ахъ, мы очень рады, мы все готовы для васъ сдѣлать!» — руку даже мнѣ жмутъ, а какъ до дѣла-то дошло, слышу, мѣста открываются!... Мальчишекъ отъ Дюссо, какъ справедливо тогда смѣялись въ Петербургѣ, опредѣляютъ на нихъ, а мнѣ, старѣйшему кандидату, только кукишъ показываютъ!... Я вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и говорю женѣ: «Душа моя, ты видишь, что это такое!... Это партія! Богъ съ ней, съ этой государственной службой!... Я лучше пойду и поклонюсь до земли нашему знаменитому соотчичу Василью Петровичу!»—что и дѣлаю теперь! *(Привстаетъ и протягиватъ свою руку до полу)*.

Сосипатовъ *(подхватывая его)*. Ахъ, пожалуйста, не безпокойте себя такъ!... *(Прокудинъ снова усаживается въ кресла)*. Но въ чемъ же я собственно могу быть вамъ полезенъ?

Прокудинъ *(тяжело переводя дыханіе)*. Во многомъ-съ!... Во многомъ!... Прежде всего я вотъ принесъ вамъ послѣднія мои двадцать пять тысченокъ. Располагайте ими, какъ вамъ угодно: вы лучше меня знаете, что съ деньгами дѣлать!... *(Вынимаетъ изъ кармана деньги и кладетъ ихъ на столъ)*. Потомъ-съ, я желалъ

бы получить мѣсто директора въ вашемъ новомъ предпріятіи.

Сосипатовъ. Но эти мѣста, вы сами знаете, зависятъ у насъ отъ выбора собранія.

Прокудинъ *(откидываясь нѣсколько назадъ и разводя руками)*. Батюшка, Василій Петровичъ!... Я хоть и военная косточка, но тоже азбуку эту знаю: развѣ все собраніе не въ вашихъ рукахъ?

Сосипатовъ. Отчасти, можетъ быть, это и такъ; но какимъ же образомъ я, не имѣя чести лично васъ знать, могу поручиться за васъ, тѣмъ болѣе, что товарищъ мой по дѣламъ, баронъ Кергофъ, очень не любитъ и всегда противъ того, чтобы брать людей не вполнѣ намъ извѣстныхъ!... чинъ вашъ, конечно, говоритъ въ вашу пользу, но и только...

Прокудинъ. Понимаю-съ!... Это я хорошо понимаю и прошу объ одномъ: дать мнѣ испытаніе!... Надѣюсь, что не посрамлю земли Русской — могу быть и конторщикомъ, и надсмотрщикомъ, и бухгалтеромъ, и контролеромъ, ужъ по одному тому, что все это очень близко сходится съ нашей провіантской частью.

Сосипатовъ. Значитъ, вы собственно служили по провіантской части?

Прокудинъ. Все время по провіантской части!... часть умная!...

Сосипатовъ *(улыбаясь)*. Но и плутоватая, согласитесь!

Прокудинъ. Нѣтъ, нынче совсѣмъ нѣтъ, потому что бухгалтерія очень строгая ведется!... Я самъ, въ маленькихъ чинахъ, лѣтъ пять былъ бухгалтеромъ и могъ бы съ успѣхомъ занять у васъ эту должность!... Тысячъ по 12 жалованье, говорятъ, бухгалтерамъ платятъ.

Сосипатовъ. О, нѣтъ, меньше!... Но и на эту должность надобно, чтобъ ваканція была.

Прокудинъ. Я жду-съ, жду!... Вы вотъ пожалуйте

мнѣ на мои деньги вашихъ акцій, что-ли; а я жду!... Вы человѣкъ геніальный: скоро можете понимать людей! *(Въ это время лакей вноситъ завтракъ).*

ЯВЛЕНІЕ V

Тѣ же и лакей.

Сосипатовъ *(Прокудину)*. Хотите съѣсть чего-нибудь? Выпить рюмку водки, вина?

Прокудинъ. Благодарю!.. Ужъ года два ничего не пью!.. сильнѣйшій катаръ желудочный имѣю.

Сосипатовъ *(начиная ѣсть)*. Что такое катаръ!.. У кого нынче нѣтъ катара?

Прокудинъ. Ужъ именно, у кого нѣтъ катара! Доктора такъ объясняютъ, что болѣзнь эта главнымъ образомъ происходитъ отъ душевнаго разстройства, потому-что нынче никто не можетъ быть спокоенъ духомъ, видя на каждомъ шагу несправедливость со стороны начальства и со стороны общества.

Сосипатовъ *(кончая ѣсть и показывая лакею на завтракъ)*. Убирай все это!

Лакей *(беря подносъ)*. Подрядчикъ Живодеровъ спрашиваетъ: уйти ему, или дожидаться васъ?

Сосипатовъ. О, я и забылъ о немъ совсѣмъ! *(лакею)*. Пускай онъ войдетъ сюда ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ. Вы позволите мнѣ переговорить при васъ съ однимъ бородачемъ?

Прокудинъ. Пожалуйста!.. Я самъ очень люблю и умѣю разговаривать съ русскими мужиками.

ЯВЛЕНІЕ XII

Тѣ же и Живодеровъ, *толстобрюхій мужикъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, съ лицомъ умнымъ и плутоватымъ. Войдя, онъ поклонился сначала Сосипатову, а потомъ Прокудину и остановился у косяка.*

Сосипатовъ *(ему)*. Что скажешь хорошаго?

Живодеровъ. Да вотъ на счетъ того, Василій Петровичъ: не обидьте ужъ работкой-то!

Сосипатовъ. Зачѣмъ обижать?.. Старые знакомые!.. Что-жь ты одну землярую работу хочешь взять?

Живодеровъ. Да, я такъ бы желалъ... Чѣмъ вамъ безпокоиться и раскидывать работы въ разныя руки... всѣ ихъ принять на себя: и земляную, и каменную, и штукатурную, и малярную даже.

Сосипатовъ. Смотри, справишься ли ты съ народомъ-то?

Живодеровъ. Господи, николи, кажись, васъ въ этомъ не останавливалъ: слава Богу, промежъ народа знать имѣемъ большую.

Сосипатовъ. Ну, а цѣны какъ?

Живодеровъ. Цѣны нынѣ дать, Василій Петровичъ, надо подороже! Народъ безобразно дорогъ сталъ да и спился окончательно!

Сосипатовъ. Это такъ; но въ этомъ мы сойдемся; главное-же условіе, чтобы ты плату принималъ отъ меня не деньгами, а акціями этого самаго дѣла, на которомъ будешь работать.

Живодеровъ. *(ужь замѣтно смущеннымъ тономъ)*. По какой-же цѣнѣ мнѣ ихъ брать?

Сосипатовъ. По номинальной, разумѣется.

Живодеровъ *(отрицательно мотнувъ головой)*. Намъ это, Василій Петровичъ, совсѣмъ несподручно.

Сосипатовъ. Что-жь ты думаешь, что акціи упадутъ?.. Вотъ сейчасъ генералъ, котораго ты здѣсь видишь и который, надѣюсь, что не глупѣй тебя, купилъ ихъ у насъ на 25-ть тысячъ.

Прокудинъ. Купилъ-съ, купилъ съ полною вѣрою и надеждою.

Живодеровъ. Да это кому какъ угодно; но намъ тоже хоть съ какими бы ни на есть акціями гдѣ-жь тутъ возиться.

Сосипатовъ. Какая-же возня?.. Пошелъ на биржу да продалъ ихъ!

Живодеровъ. Что еще дадутъ за нихъ, не извѣстно... Я не то, что по номинальной цѣнѣ, но даже по биржевой заклялся брать всякія акціи.

Сосипатовъ Вотъ это умно!.. очень умно!.. *(Прокудину)*. Онъ по биржевой цѣнѣ даже заклялся брать бумаги.

Прокудинъ *(стараясь внушить Живодерову)*. Ты, любезный, какъ мужикъ, можетъ быть, не понимаешь этого, что бумаги по биржевой цѣнѣ все равно, что деньги и золото!

Живодеровъ. Понимаю я, сударь, очень хорошо!.. Черезъ мои руки вороха разныхъ бумагъ прошли, и я досконально утверждать не сталъ-бы, кабы меня самого по этой окаянной биржевой цѣнѣ тысячъ на тридцать не огрѣли!.. Я вотъ посѣдѣлъ съ той поры.

Сосипатовъ. Значитъ, ты продержалъ бумаги въ рукахъ; онѣ упали, это очень натурально.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ, я въ тотъ же часъ, какъ мнѣ ихъ дали, пошелъ на биржу продавать.

Сосипатовъ *(пожимая плечами)*. Не понимаю я!

Прокудинъ. И я тоже.

Живодеровъ *(уже съ азартомъ)*. Да такъ-съ! Цѣлая

шайка была составлена! Одинъ продалъ, кладемъ такъ, другому акцій на тридцать тысячъ. Другой, тамъ третьему тѣхъ же акцій на пятьдесятъ, четвертый опять этому третьему на сто; а на дѣлѣ-то, можетъ, и на грошъ никто никому не продалъ; а у маклера промежъ тѣмъ заявляютъ; тотъ, по ихнимъ сказкамъ, цѣну этимъ акціямъ биржевую выставляетъ, а потомъ насъ, подрядчиковъ, вызываютъ: «Принимайте, говорятъ, вонъ эти бумаги по биржевой цѣнѣ!.. Мы сдуру-то взяли, хвать на биржѣ-то продавать, а за нихъ, вмѣсто полутораста, настоящіе покупатели семьдесятъ пять только даютъ.

Сосипатовъ (*у котораго въ продолженіе этого разсказа все болѣе подергивало лицо, обращая наконецъ къ Живодерову гордо голову*). Что жь ты, говоря это, полагаешь, что и я что-нибудь подобное устрою?

Живодеровъ (*нѣсколько уже и струсивъ*). Я, Василій Петровичъ, ничего того не полагаю; но, вѣдь, тоже, акціи не въ однѣхъ вашихъ рукахъ будутъ.

Сосипатовъ (*все болѣе и болѣе возвышаетъ свой голосъ*). Нѣтъ, ты очень хорошо знаешь, что онѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ по преимуществу будутъ сосредоточены въ моихъ рукахъ, поэтому мнѣ всѣхъ выгоднѣй это сдѣлать. Такъ какъ-же ты смѣешь говорить подобныя вещи въ глаза? Ты самъ весь замѣшанъ на плутняхъ, полагаешь, что и другіе тоже.

Живодеровъ. Никакихъ я, словно, плутенъ супротивъ васъ не дѣлалъ.

Сосипатовъ. Ты не противъ меня одного, а противъ цѣлаго міра ихъ дѣлалъ... Когда ты началъ дѣла, такъ у тебя крѣпкихъ сапогъ не было, а теперь домъ въ пятьсотъ тысячъ, сколько, значитъ, ты обобралъ и давальцевъ, и работниковъ.

Живодеровъ. Да, вѣдь, батюшка Василій Петровичъ, можетъ, какъ и вы за дѣла-то принялись, не богатенькіе были!.. Что-жь этимъ корить человѣка.

Сосипатовъ (*колотя себя въ грудь*). Я все, что имѣю, нажилъ моимъ умомъ, геніемъ, а не прижимами... Пошелъ вонъ, когда сталъ позволять себѣ такъ говорить!

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, гнѣваться и обижаться изволите не извѣстно за что.

Сосипатовъ (*обращаясь къ Прокудину*). А? Онъ не понимаетъ, за что я обижаюсь!.. Онъ мнѣ въ глаза говоритъ, что я подлецъ, и я, по его, не долженъ обижаться.

Прокудинъ (*грозя Живодерову пальцемъ*). Ты, дѣйствительно, любезный, слишкомъ ужь смѣло заговорилъ... слишкомъ.

Живодеровъ. Ваше превосходительство, я, можетъ, что и сказалъ по глупости.

Сосипатовъ (*перебивая его*). Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ! Чтобы твоя нога не смѣла больше здѣсь быть!

Живодеровъ (*почти уже упрашивающимъ голосомъ*). Позвольте по крайности къ барону зайти!.. Онъ все, словно, поразсудительнѣй...

Сосипатовъ. И къ барону не смѣй заходить! Ни одного гвоздя я тебѣ больше не дамъ вбить на моихъ работахъ.

Живодеровъ (*въ свою очередь тоже уже разсердившись*). Что-жь, Богъ съ вами!.. И безъ вашихъ гвоздей проживемъ. (*Поворачивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ (*Прокудину*). Это вотъ самая отвратительная сторона всякой торговой дѣятельности: постоянно приходится наталкиваться на разочарованіе!.. Десять лѣтъ я этого подрядчика знаю; всегда разумѣлъ за мужика хорошаго, умнаго и вдругъ какимъ скотомъ и гру-

біяномъ оказывается: наплутовалъ и навыжималъ изъ народа до полумилліона и полагаетъ, что онъ всѣмъ ужъ равный и можетъ всѣмъ говорить, что ему угодно. Взбѣсилъ такъ, что дрожу даже весь, а это мнѣ вреднѣй всего! *(Садится, беретъ себя за голову, и у него все лицо даже начинаетъ подергивать).*

Прокудинъ *(ему съ участіемъ).* Это не хорошо-съ, не хорошо такъ волноваться, и когда я буду служить у васъ, въ этомъ отношеніи вы успокойтесь: я ужъ съ этими господами стану разговаривать, и у меня на этотъ счетъ простая метода: какъ онъ заговорилъ очень, и если нѣтъ свидѣтелей, на которыхъ бы можно было указать, что при семъ находились, я прямо въ зубы!

Сосипатовъ. Именно, въ зубы!

Прокудинъ. Больше ничего-съ!.. Я всегда и особенно съ жидами такъ и дѣлалъ: заведу его въ амбаръ, за кули съ мукою—и за пейсы: трахъ, трахъ изъ стороны въ сторону,—сразу присмирѣетъ!

Сосипатовъ *(уже вставая).* И этотъ негодяй струсилъ, когда я на него прикрикнулъ.

Прокудинъ. И очень даже! .. Не смѣю болѣе безпокоить васъ!... *(Раскланивается).*

Сосипатовъ. Позвольте, однако, записку вамъ дать впередъ до полученія вами акцій. *(Начинаетъ писать записку).*

Прокудинъ *(стоя у него за спиною).* Слава Богу, можно вамъ вѣрить и безъ записки! Имѣете это реноме! А главная просьба моя—облагодѣтельствовать меня службою и не ради корысти какой-нибудь, а ради занятій: вѣкъ свой привыкъ умственно быть заняту!

Сосипатовъ *(подавая ему записку).* Первая же открывшаяся вакансія будетъ ваша.

Прокудинъ. Несказанно благодарю! Желаю вамъ полнаго здоровья и успокоенія! *(Еще разъ раскланивается и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сосипатовъ *одинъ; потомъ* **лакей.**

Сосипатовъ *(одинъ)*. Генералъ, сейчасъ видно, что человѣкъ умный... Понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ прямо бросилъ на столъ 25 тысячъ. «Дѣлайте съ ними, что вамъ угодно: я Сосипатова знаю—онъ геній всей Россіи! И почти правъ!... правъ! По крайней мѣрѣ, я первый двинулъ въ русской жизни спекулятивный духъ!.. По настоящему, биржа должна мнѣ памятникъ воздвигнуть, какъ начинателю великаго дѣла! Ломоносовъ справедливо писалъ, что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ россійская земля рождать! *(Беретъ шляпу и перчатки)* Карету мнѣ!

Лакей *(вошедшій на этотъ зовъ)*. Ненила Петровна желаетъ васъ видѣть!

Сосипатовъ. Но я сейчасъ уѣзжаю.

Лакей. Имъ не надолго-съ!

Сосипатовъ. Хорошо!.. *(Начинаетъ было надѣвать перчатки, но останавливается, увидя входящую Ненилу Петровну, которая шла, опираясь на руку m-r Шемуа и была въ какомъ-то истерзанномъ видѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Сосипатовъ, Ненила Петровна и m-r Шемуа.

Сосипатовъ *(съ нѣкоторымъ уже испугомъ)*. Что, ты больна, что-ли?

Ненила Петровна *(трагическимъ голосомъ)*. Нѣтъ!.. Но я пришла къ тебѣ просить убѣжища и защиты: я расхожусь съ мужемъ!

Сосипатовъ. Отчего?

Ненила Петровна (*опускаясь въ кресло и беря себя за голову*). Я не въ состояніи тебѣ и передать!.. M-r Шемуа, разскажите брату.

Шемуа (*пожимая плечами и по обыкновенію своимъ отрывистымъ голосомъ*). C'est affreux!.. M-r Журиленко сегодня дѣлаетъ кулакъ... кричитъ: «Ненилъ Петровна, ты дура... гдѣ твои ценьги?.. братъ укралъ твои деньги... я бью тебя»! Я всталъ... говорю: m-r, vous n'osez pas tuer votre femme!.. il prend... беретъ мои плеча... толкаетъ дверь меня... даетъ мнѣ боксъ ici (*показываетъ на шею*). Après cela il fermait la porte... замокъ щелкаетъ... запираетъ... Ненила Петровна кричитъ... плачетъ... J'ai perdu mon raison, говорю: garcons, люди! Они боятся... дрожатъ, и тутъ бѣжитъ Ненилъ Петровна... изъ лица кровь!

Сосипатовъ (*взглянувъ въ лицо сестры*). Билъ, значитъ, онъ тебя?

Ненила Петровна. Билъ; я уже другими дверями отъ него убѣжала.

Сосипатовъ. За то, что ты отдала мнѣ деньги?

Ненила Петровна. Да; но тутъ было и другое. Я тебѣ сейчасъ скажу! M-r Шемуа, выйдите въ гостиную, я хочу остаться съ братомъ наединѣ.

M-r Шемуа (*уходя*). C'est affreux... C'est incroyable!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сосипатовъ и Ненила Петровна; *потомъ* **баронъ.**

Сосипатовъ (*нетерпѣливымъ тономъ*). Говори, что такое?

Ненила Петровна (*тяжело переводя дыханіе*).

Тутъ есть и ревность, и ревность совершенно справедливая!

Сосипатовъ. Къ кому ревность?

Ненила Петровна. Къ m-r Шемуа, котораго я люблю! *(Стыдливо потупляетъ при этомъ глаза).*

Сосипатовъ *(возмущенный и удивленный).* Ненила, въ твои годы?

Ненила Петровна. Постой, братъ, постой!.. Погоди укорять меня! Въ этомъ и ты отчасти виноватъ!.. Зачѣмъ-же ты меня, дѣвушку съ умомъ, съ чувствомъ, отдалъ за Журиленко?.. Вѣдь, онъ не человѣкъ!.. Онъ кабанъ дикій! Я десять лѣтъ его терпѣла, но теперь больше силъ моихъ ужъ не хватаетъ, и я тебя рѣшительно прошу позволить мнѣ съ нимъ разойтись и жить у тебя.

Сосипатовъ. Разумѣется, надобно разойтись! Нельзя же послѣ подобныхъ сценъ оставаться жить! Деньги твои я все-таки однако хочу возвратить тебѣ!.. *(подходитъ къ слуховой трубѣ и говоритъ въ нее).* Просите ко мнѣ барона!

Ненила Петровна *(съ чувствомъ).* Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не возвращай мнѣ денегъ!.. Не оскорбляй меня этимъ.

Сосипатовъ. Я долженъ возвратить! Болтовню твоего супруга, что я обокралъ васъ, я могу уничтожить только фактомъ возврата.

Ненила Петровна *(стремительно).* Но клянусь тебѣ честью, что это было не столько за деньги, сколько за мой проступокъ, въ которомъ я почти не считаю себя виновною; я совершенно убѣждена, что очень немного въ мірѣ женщинъ, которыя въ состояніи были-бы противустоять m-r Шемуа!.. Это человѣкъ самой возвышенной души! Сколько въ немъ поэзіи, благородства, этого рыцарства французскаго! Онъ очень въ этомъ отношеніи схожъ съ тобою. (*Входитъ баронъ*).

Сосипатовъ (*ему*). Извините, Эдуардъ Карлычъ что я васъ безпокою! Какой глупый случай вышелъ, супругъ сестры моей взбѣсился, зачѣмъ я взялъ ея деньги и кричитъ теперь, что я ихъ обокралъ, а потому я желаю возвратить имъ эти деньги назадъ.

Ненила Петровна. Но я, баронъ, не хочу этого и умоляю брата не возвращать мнѣ ихъ.

Сосипатовъ. Ты можешь умолять, но я тебя не послушаю! (*барону*). Распорядитесь, пожалуйста, если можно, сегодня-же передать ей всю сумму обратно.

Баронъ (*съ нѣкоторой разстановкой*). Деньги эти собственно теперь уже издержаны: ихъ нѣтъ въ кассѣ.

Сосипатовъ (*немного удивляясь*). На что-же такъ быстро потребовалось издержать ихъ?

Баронъ (*опять тѣмъ же нетерпѣливымъ тономъ*). Я взялъ ихъ на уплату себѣ по векселямъ моимъ.

Сосипатовъ (*уже болѣе удивленный*). Но почему-же съ вашей стороны въ этомъ случаѣ была такая поспѣшность... и хоть деньги вами взяты, я всетаки просилъ бы васъ ссудить ими меня, пообождать нѣсколько уплатою по вашимъ векселямъ.

Баронъ. Нѣтъ-съ, я не могу этого сдѣлать.

Сосипатовъ. Баронъ, мнѣ даже странно слышать отъ васъ такой отвѣтъ.

Баронъ. Онъ вамъ будетъ не страненъ, если я вамъ объясню, что я совсѣмъ желаю выйти изъ вашего товарищества.

Сосипатовъ (*поблѣднѣвъ уже*). Вы?.. Выйти?

Баронъ. Да!

Сосипатовъ (*почти испуганнымъ голосомъ*). Что такое, баронъ!.. Я васъ начинаю совершенно не понимать: вы за что-нибудь разсердились на меня или потеряли ко мнѣ довѣріе?

Баронъ. Ни за что я на васъ не разсердился и нисколько не утратилъ къ вамъ довѣрія.

Сосипатовъ. Но что жъ васъ заставляетъ оставлять наши общія дѣла?

Баронъ. Заставляетъ меня это сдѣлать и требуетъ даже отъ меня этого жена ваша!

Сосипатовъ (*окончательно пораженный удивленіемъ*). Какъ жена требуетъ?

Ненила Петровна (*съ любопытствомъ*). Марья Александровна, вы говорите?

Баронъ. Она!

Ненила Петровна (*пожимая плечами и въ сторону*). Тутъ что-то такое новое открывается: подозрѣнія мои, значитъ, были справедливы.

Сосипатовъ (*все еще не могшій прійти въ себя*). Но съ какой-же стати жена требовала отъ васъ этого?

Баронъ. Она говоритъ, что я врагъ всей вашей семьи.

Сосипатовъ. На какомъ же основаніи она это говоритъ?

Баронъ. Это уже вы ее спросите!

Сосипатовъ. Непремѣнно-съ!.. Сію же минуту! (*Ненилѣ Петровнѣ*). Попросите сюда Марью Александровну. (*Та уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сосипатовъ и баронъ.

Сосипатовъ (*подходя къ барону и протягивая ему руку*). Но если бы и такъ это было, то неужели-же ваша дружба ко мнѣ, которой вы дали столько доказательствъ, могла поколебаться отъ какихъ-то капризныхъ женскихъ требованій.

Баронъ (*отвѣчая Сосипатову пожатіемъ руки и въ то же время не глядя на него*). Марья Александровна, вѣроятно, не находитъ свое требованіе капризнымъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же. *Входятъ* **Марья Александровна и Ненила Петровна.** *Послѣдняя становится въ сторонѣ и начинаетъ ко всему внимательно присматриваться.*

Сосипатовъ *(строго женѣ)*. Марья Александровна, вы поссорили меня съ барономъ!.. Отъ какихъ-то вздорныхъ словъ вашихъ онъ кидаетъ меня.

Марья Александровна *(по наружности какъ-бы спокойно)*. Ахъ, я очень рада, что баронъ такъ скоро исполнилъ свое обѣщаніе.

Сосипатовъ *(почти уже выходя изъ себя)*. Но какъ же вы смѣли требовать отъ него этого обѣщанія?

Марья Александровна. Смѣла, потому что хочу этимъ спасти и тебя, и дѣтей, и самое себя!

Сосипатовъ. Но откуда-же и какимъ образомъ могло войти въ твою маленькую голову подобное подозрѣніе?.. Ты становишься поперекъ пути всей моей жизни!.. Парализируешь всю мою двадцатилѣтнюю дѣятельность!

Марья Александровна. Тебѣ не нужно никакой дѣятельности и прежде всего надо успокоиться...

Сосипатовъ (*топнувъ уже ногой*). Не хочу я вашего успокоенія! Ты, наконецъ, врываешься въ мой нравственный міръ и хочешь тамъ хозяйничать, заставляя меня дѣлать то, что тебѣ угодно, а не мнѣ!.. Извольте сейчасъ же, на колѣняхъ, вымаливать у барона прощеніе!..

Марья Александровна (*тоже уже со вспыхнувшимъ отъ гнѣва лицомъ*). Ты, кажется, съ ума сошелъ!.. Я ни у кого въ мірѣ не стану вымаливать прощенія!.. Я во всѣхъ проступкахъ противъ каждаго права́ и чиста! Баронъ очень хорошо знаетъ, почему я считаю его врагомъ всего нашего семейства!

Сосипатовъ. Вы знаете это, баронъ?

Баронъ. Отчасти.

Сосипатовъ. И вы дѣйствительно врагъ моей семьи и мой врагъ?

Баронъ. Больше всѣхъ вашъ.

Сосипатовъ (*пораженный*). Но за что же?

Баронъ. За то, что вы слишкомъ долго злоупотребляли мной: я работалъ, а вы на этомъ богатѣли и славу себѣ пріобрѣтали!.. Теперь ужь я хочу позаботиться объ себѣ и больше этого никакого другаго объясненія дать не могу (*раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, *кромѣ* барона.

Сосипатовъ (*не могшій окончательно прійти въ себя*). Что такое онъ тутъ наговорилъ?.. Онъ работалъ, а я этимъ только прославлялся!..

Марья Александровна. Конечно, онъ очень много дѣлалъ и трудился!..

Сосипатовъ. А я что-же?.. Такъ уже?.. ничего?.. Пѣшкой, что-ли, стоялъ у дѣлъ?

Марья Александровна. Не пѣшкой!.. Напротивъ! Я всегда очень хорошо знала и даже барону въ глаза говорила, что ты по своему уму неизмѣримо выше его; но ты человѣкъ не практичный и фантазеръ; а кромѣ того, теперь ужь и боленъ.

Сосипатовъ (*взбѣшеннымъ голосомъ*). Я еще разъ прошу васъ не анализировать меня!.. Не вашего ума, кажется, это дѣло!.. Коротокъ онъ для этого!

Ненила Петровна. По моему тоже: чтобы такъ судить рѣшительно, надо имѣть большую смѣлость.

Марья Александровна (*со слезами уже на глазахъ*).

Я сужу мужа по моей любви къ нему, а не изъ пустаго чехвальства, какъ дѣлаете это вы!

Сосипатовъ (*женѣ*). Извольте молчать и завтра-же приготовьтесь уѣхать съ дѣтьми въ деревню... Вы не можете здѣсь оставаться!.. Вы мнѣ мѣшаете. Я теперь возьму себѣ другихъ помощниковъ, вы и съ тѣми, можетъ быть, найдете нужнымъ разсориться... Сестра у меня въ настоящее время остается жить, вамъ и то будетъ не пріятно, потому что вы всегда съ нею въ какой-то контрѣ.

Марья Александровна (*глубоко оскорбленная*). Мнѣ дѣйствительно лучше уѣхать, если ты такъ меня понимаешь; но Богъ видитъ мое сердце и знаетъ, какъ ты несправедливъ противъ меня! (*Уходитъ окончательно расплакавшись*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Сосипатовъ и Ненила Петровна.

Сосипатовъ. Она-же плачетъ!.. Она-же!.. Сама тутъ надурила, убила и умертвила, я всетаки скажу, лучшую половину нашего дѣла, разсоривъ меня съ барономъ.

Ненила Петровна (*таинственно перебивая брата*). Ну, ты этому радуйся скорѣе, Базиль.

Сосипатовъ. Никакъ ужъ я тому не могу радоваться... Никакъ...

Ненила Петровна (*неистово*). Радуйся!.. Неужели ты думаешь, что это такъ... безъ причинъ произошла между Марьей Александровной и барономъ ссора?

Сосипатовъ. Почемъ же я знаю эти причины.

Ненила Петровна (*усмѣхаясь*). Потому, что ты мало знаешь женщинъ!.. Ясно, что тутъ прежде была любовь, а потомъ послѣдовалъ разрывъ.

Сосипатовъ. Можетъ быть, и то; но тогда мнѣ новый поводъ удалить ее въ деревню... Теперь вотъ что *(беретъ себя за голову)*. Скажи: этотъ Шемуа... Онъ какъ-то тутъ проговаривалъ, что пріѣхалъ въ Россію съ какими-то коммерческими цѣлями.

Ненила Петровна. Да, онъ желалъ бы занять какое-нибудь видное мѣсто по коммерческой части.

Сосипатовъ. Стало быть, онъ знакомъ съ этого рода дѣятельностью?

Ненила Петровна. Всю жизнь ею занимался! и притомъ онъ очень уменъ!

Сосипатовъ. Онъ уменъ, и я хочу ему, вмѣсто барона, поручить весь иностранный отдѣлъ, а потомъ у меня сейчасъ былъ генералъ, тоже долженъ быть человѣкъ со смѣткой... Я составлю себѣ товарищество не хуже, чѣмъ съ барономъ...

Ненила Петровна. Конечно... Неужели то, что ты разошелся съ какимъ-то нѣмчурой—это можетъ поколебать твое положеніе.

Сосипатовъ. Никто и ничто не можетъ поколебать меня!... Наперекоръ Марьѣ Александровнѣ и барону я могу еще работать: голова моя полна замыслами! Я докажу и имъ, и всему міру, что такое Сосипатовъ!

Ненила Петровна *(совершенно искреннимъ тономъ)*. Разумѣется, докажешь!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

Богатый кабинетъ барона Кергофа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ и баронесса, *одѣтая въ бальное платье; потомъ* **лакей**.

Баронесса (*обращаясь къ мужу съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ*). Что-жь, по твоему, я одна должна ѣхать въ концертъ?

Баронъ. Почему-жь тебѣ и не ѣхать? Ты не молоденькая!

Баронесса (*съ удареніемъ*). Но и не старенькая! Не старенькая!.. Наконецъ, если ты такъ смотрѣлъ на семейную жизнь, зачѣмъ же ты женился?

Баронъ. Вы знаете причину, по которой я на васъ женился; я никакъ ужь не искалъ счастія имѣть васъ моей супругой, а хотѣлъ только дать имя ребенку, котораго, вы говорили, что носите подъ сердцемъ, тогда какъ это была совершенная ложь.

Баронесса (*вспыхнувъ отъ гнѣва*). Нѣтъ, это была не ложь!.. Ты не смѣешь мнѣ это говорить! Мало-ли женщинъ, которыя думаютъ, что онѣ будутъ матерями, и Богъ не даетъ имъ этого счастія; но какъ бы то ни было, ты теперь мнѣ мужъ, и я не содержанка твоя.

Баронъ. Все равно, была же ею прежде!

Баронесса. Мало-ли кто чѣмъ былъ; но ты тѣмъ болѣе долженъ поднимать и возвышать меня въ обществѣ своимъ вниманіемъ и уваженіемъ!.. Вонъ, даже Ненила Петровна, которой я очень мало разсказывала про свою семейную жизнь и которую ужъ тоже мужъ не баловалъ — билъ даже ее — и та говоритъ, что лучше быть женой подобнаго дикаго кабана, чѣмъ барона!

Баронъ. Я эту Ненилу Петровну еще упрячу въ тюрьму за всѣ ея гнусности, которыя она творитъ въ послѣднее время.

Баронесса. И все это, безъ сомнѣнія, за m-me Сосипатову?

Баронъ *(съ удареніемъ)*. Именно за Сосипатову.

Баронесса. Конечно!.. Конечно!.. Но, къ сожалѣнію, та нисколько не отвѣчала вамъ и выгнала даже васъ изъ своего дома; а если бы она хоть только улыбнулась вамъ, вы готовы были-бы въ огонь и воду. Не знаю только, какія достоинства вы видѣли и видите въ ней.

Баронъ. Достоинство, какое не у многихъ женщинъ въ настоящее время есть.

Баронесса. Какое это такое, желала бы я знать?

Баронъ. Чистая, безупречная жизнь.

Баронесса. Ну да, такъ вотъ и увѣрите!.. Весь городъ знаетъ, что она съ вами была въ связи, и только разгнѣвалась за то, что мало денегъ давали... Но, положимъ, она дѣйствительно, какъ вы изволите увѣрять, нравственна; но прежде еще надобно рѣшить вопросъ, что такое эта нравственность?.. Нынче совсѣмъ иначе на это смотрятъ: если какая-нибудь женщина холоднаго темперамента, та будетъ нравственна, а если пылкая, такъ нѣтъ, особенно, когда мужъ ея не любитъ! *(порывисто звонитъ. Входитъ лакей)*. Скажи молодому человѣку, который у насъ живетъ внизу, что если онъ одѣтъ

и готовъ ѣхать въ концертъ, такъ пришелъ бы ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ и Баронесса; *потомъ* m-r **Шулькинъ.**

Баронъ *(взбѣсившись)*. По крайней мѣрѣ, принимай ты эту дрянь у себя, на своей половинѣ.

Баронесса. Извините, я нарочно при васъ даже стану съ нимъ кокетничать!.. Вамъ что до этого? Вы не любите меня.

Баронъ. Отвяжись ты отъ меня съ твоей любовью!.. Вспомни свои лѣта и взглянись въ зеркало: неужели можетъ кто любить тебя такъ, какъ ты того желаешь? Одна штукатурка твоя...

Баронесса. Полюбятъ еще, сдѣлайте одолженіе, полюбятъ! И потомъ: какъ ты смѣешь такъ выражаться: штукатурка! Я притираюсь, какъ и всѣ почти женщины нынче это дѣлаютъ, а не щекотурюсь. А, вотъ и m-r Шулькинъ. Такъ какъ мужъ мой не ѣдетъ со мной въ концертъ, то я васъ приглашаю быть моимъ кавалеромъ и ѣхать со мной въ каретѣ—угодно?

М-r Шулькинъ. Очень радъ.

Баронесса *(вѣтренно помахивая своимъ вѣеромъ)*. А потомъ послѣ концерта... я не знаю еще, въ какомъ настроеніи я буду; но мы, можетъ-быть, поѣдемъ съ вами ужинать въ какой-нибудь отель.

М-r Шулькинъ. Если вамъ угодно!

Баронесса. А теперь дайте мнѣ вашу руку. *(Шулькинъ подаетъ ей руку. Баронесса, опираясь на нее и обращаясь къ мужу)*. Мы ужъ уѣзжаемъ и надѣюсь, что весело проведемъ время!.. Желаю, чтобы и для тебя также оно пріятно прошло! *(Уходитъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III

Баронъ *одинъ; по временамъ входитъ* **лакей**. *Позже входитъ* **Персиковъ**, *видимо, человѣкъ свѣтскій и не очень ужъ молодыхъ лѣтъ.*

Баронъ *(съ бѣшенствомъ и насмѣшкою)*. Никакого терпѣнія не хватаетъ жить съ этой женщиной!.. Всѣмъ этимъ безобразничаньемъ своимъ она ревность хочетъ возбудить во мнѣ, не зная того, что я озолотилъ бы всякаго, кто-бы стяжалъ ея любовь и отвратилъ-бы ея сердечный пламень отъ меня на себя! *(Входитъ лакей).*

Лакей *(подавая барону письмо)*. Отъ г-жи Сосипатовой.

Баронъ *(съ удивленіемъ и почти съ испугомъ)*. Какъ отъ Сосипатовой?.. По почтѣ?

Лакей. Никакъ нѣтъ-съ!.. Человѣкъ его принесъ.

Баронъ. Откуда?

Лакей. Изъ дома г-на Сосипатова! Камердинеръ Василья Петровича!.. Онъ проситъ дать ему отвѣтъ.

Баронъ *(торопливо прочитавъ письмо и взволнованнымъ голосомъ)*. Пусть онъ скажетъ Марьѣ Александровнѣ, что я дома и что очень радъ ее видѣть! *(Лакей уходитъ. Баронъ тѣмъ же взволнованнымъ тономъ)*. Пріѣхать ко мнѣ за чѣмъ-то желаетъ! Ужъ не случилось-ли тамъ бѣды какой! А Персикова до сихъ поръ нѣтъ: хоть-бы отъ него узнать! *(громко звонитъ, вбѣгаетъ прежній лакей)*. Послать сейчасъ верховаго за Персиковымъ къ нему на квартиру... въ театръ!..

Лакей. Г-нъ Персиковъ здѣсь и играютъ съ управляющимъ на билліардѣ!

Баронъ. Фу, ты, Боже мой, что это за человѣкъ!.. Поди, зови, веди его сюда скорѣй. *(Лакей уходитъ)*. Я его жду, Богъ знаетъ, съ какимъ нетерпѣніемъ третій

день, — а онъ играетъ съ моими лакеями на билліардѣ! *(Баронъ вошедшему Персикову)*. Вамъ, Персиковъ, я думаю, прежде слѣдовало-бы идти ко мнѣ, чѣмъ въ билліардную.

Персиковъ *(совершенно безпечнымъ тономъ)*. Pardon, mon cher! но я сыгралъ только партію съ твоимъ управителемъ! Смотрѣть, какъ этотъ господинъ дѣлаетъ шары — просто эстетическое наслажденіе!.. Запоздалъ же я собственно къ тебѣ потому, что княгиня Рымкова клятвой меня связала быть у ней сегодня въ шесть часовъ!.. Къ ней пріѣхалъ братецъ посланникъ, а у ней рѣшительно некому занимать его, такъ что я обѣдалъ у нихъ и до сихъ поръ болталъ.

Баронъ *(съ досадой)*. Богъ мнѣ съ ними, съ вашими посланниками!.. Скажите лучше, что дѣло Сосипатова?

Персиковъ *(садясь въ кресло и разваливаясь въ немъ)*. Все, все, сейчасъ по порядку разскажу! Я тогда прямо проѣхалъ въ одну кофейную, гдѣ, какъ водится, нашелъ Мишу!.. Я ему разсказалъ все, что ты мнѣ говорилъ... Милѣйшій этотъ человѣкъ въ то же утро оповѣстилъ другихъ, нужныхъ по закону членовъ, такъ что къ вечеру была окончательно организована вся коммисія и положено было немедля ѣхать къ Сосипатову на дачу...

Баронъ. Зачѣмъ на дачу? Развѣ онъ тамъ?

Персиковъ. Тамъ!.. Они его туда перевезли, чтобы посекретнѣе держать, а то въ городѣ, говорятъ, онъ у нихъ очень дурилъ, и дача эта чортъ знаетъ какъ далеко — версты три отъ города!.. Хорошо, что еще ночь мѣсячная случилась, и мы рѣшительно какой-то набѣгъ непріятельскій учинили. Впереди у насъ летѣлъ полицмейстеръ съ бѣлымъ султаномъ!.. За нимъ доктора въ каретѣ и сзади ихъ въ четверо-мѣстной колясвѣ мы, т.-е. я, Миша и два судебные члена.

Баронъ. Но какъ же вы въ коммиссіи очутились?

Персиковъ. Въ качествѣ репортера, какъ репортеръ газетный! Я, вѣдь, цензоръ и наблюдатель нравовъ и долженъ всюду и вездѣ бывать!.. Сценъ, я тебѣ скажу, мы насмотрѣлись восхитительныхъ. Imaginez: дача въ глухомъ, тѣнистомъ саду... собаки на дворѣ лаютъ... мы стучимся въ нѣсколько кулаковъ... наконецъ, намъ отпираютъ; спрашиваютъ, что мы за люди... мы говоримъ: «именемъ закона пропускайте насъ!..» идемъ!.. первая встрѣчаетъ насъ Ненила. Щеки у нея дрожатъ, губы дрожатъ, пейсы ея, которые она, вѣроятно, считаетъ за букли, дрожатъ, и вообще выраженіе всей физіономіи таково, что еслибы она въ эту минуту плюнула, то ея слюна, я убѣжденъ, по своей ядовитости, провертѣла бы паркетъ! «Чему мы—говоритъ—обязаны такимъ позднимъ вашимъ посѣщеніемъ?» Миша ей на это очень спокойно объяснилъ, что до свѣдѣнія правительства дошло, что Василій Петровичъ Сосипатовъ находится въ такомъ сильномъ, нервномъ разстройствѣ, по которому его необходимо освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ!.. Comprenez vous: физіономія у Ненилы окончательно вытянулась. «Съ какого же повода, говоритъ, она, это свидѣтельствованіе?.. Отъ родныхъ и людей, близкихъ Василью Петровичу, сколько ей извѣстно, ходатайства о томъ не было!» На это ей отвѣтили, что объ этомъ ходатайствуетъ одинъ изъ кредиторовъ Василья Петровича, баронъ Кергофъ!.. «Баронъ Кергофъ,—говоритъ,—злѣйшій врагъ Василья Петровича и на это можетъ представить доказательства жена брата, за которой, говоритъ, я сейчасъ пошлю!» И дѣйствительно послала...

Баронъ. Стало быть, Марья Александровна тамъже, съ нимъ живетъ.

Персиковъ (*восклицаетъ*). Нѣту!.. У нихъ предъ тѣмъ только была цѣлая исторія: они сначала Марьи Александровны совсѣмъ не пустили къ мужу. Этотъ

m-r Шемуа, любовникъ Ненилы, когда Марья Александровна пріѣхала съ желѣзной дороги, вышелъ къ ней и прямо объявилъ, что Василій Петровичъ не желаетъ ея видѣть во всю свою жизнь, такъ что съ бѣдной женщиной стало дурно; она упала въ обморокъ.

Баронъ. Ахъ, негодяи какіе!

Персиковъ. Классическіе! я тебѣ говорю... Но ты еще послушай, дальше интереснѣе будетъ. Когда мы, несмотря на всѣ преграды, воздвигаемыя намъ Ненилой, которая только-что юбки предъ нами не растопыривала, всетаки проникли въ большой кабинетъ Василья Петровича, видимъ тамъ, что онъ, при единственной стеариновой свѣчкѣ, бесѣдуетъ съ этимъ глухонѣмымъ американцемъ-медіумомъ, который вызываетъ ему духовъ въ какомъ угодно количествѣ, а Сосипатовъ предлагаетъ имъ разные финансовые вопросы на разрѣшеніе.

Баронъ. Что за чепуха такая?

Персиковъ. Увѣряю тебя!... Полицмейстеръ, разумѣется, сейчасъ-же попросилъ удалиться этого духовызывателя. Я сначала думалъ: хорошо было-бы его задержать, такъ какъ онъ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ, что Сосипатовъ спятилъ съ ума... Я говорю объ этомъ доктору... «Чорта съ два,—говоритъ,—какое-же это доказательство, когда милліоны людей вѣрятъ этому!»...

Баронъ. А самъ Сосипатовъ удивился вашему посѣщенію?

Персиковъ. Нисколько! Даже когда Миша объявилъ ему, что онъ желалъ бы получить отъ него нѣсколько письменныхъ отвѣтовъ, Сосипатовъ весьма вѣжливо и покойно отвѣчалъ: «извольте, я готовъ»! И первоначально сталъ писать отвѣты совершенно умные, даже умнѣе самыхъ вопросовъ, и только ужъ, когда докторъ замѣтилъ ему, что такъ какъ у него сильное разстройство нервъ, то, вѣроятно, ему трудно заниматься коммер-

ціей!.. Батюшки мои, онъ и пошелъ, и пошелъ!.. «Я, говоритъ, геній коммерческій; только меня всюду окружаютъ мошенники»!.. Правительству тоже порядкомъ досталось. Наконецъ, говоритъ, что онъ для спасенія своего финансоваго имени намѣренъ объявить себя банкротомъ, и что это повелѣлъ ему сдѣлать одинъ изъ вызванныхъ для него духовъ.

Баронъ. И что же, онъ все это написалъ?

Персиковъ. Отъ слова до слова, и коммиссія тутъ же постановила свое заключеніе, что считаетъ его сумасшедшимъ.

Баронъ. Но надобно однако, чтобы сенатъ утвердилъ это.

Персиковъ. Да, я тебѣ и это охлопочу очень скоро!.. Сенаторы мнѣ всѣ знакомы и отличнѣйшій народъ, а это дѣло чисто, какъ кристаллъ.

Баронъ. Благодарю васъ несказанно.

Персиковъ. О, mon cher, стоитъ благодарить за это! Я даже статью по этому поводу вчера ночью изготовилъ, гдѣ доказываю всю законность и непреложность твоего права требовать это свидѣтельство, потому что тѣ господа, конечно, ужъ съ своей стороны выдвинутъ цѣлую фалангу нашего брата, которые будутъ развивать, что это варварство домогаться освидѣтельствованія человѣка въ умственныхъ способностяхъ потому только, что онъ кому-нибудь денегъ не платитъ, о чемъ ужъ m-r Шемуа, какъ мнѣ разсказывали, и заявилъ въ клубѣ, что это, по французской гуманитэ—нельзя!.. Гуманёръ какой: пріѣхалъ изъ Парижа и прямо запустилъ лапу въ милліонное состояніе!..

Баронъ. Говорятъ, онъ Ненилу сильно обираетъ.

Персиковъ *(почти съ азартомъ)*. Тысячи она на него переводитъ!.. Сотни тысячъ!.. Я тебѣ говорю: послѣднее время я рѣшительно начинаю вѣрить, что одни люди родятся подъ счастливою звѣздой, а другіе подъ

несчастной!.. Возьму въ примѣръ себя: сколько женщинъ меня любило и женщинъ богатыхъ, но ни одна изъ нихъ запонки бриллiантовой мнѣ не подарила!

Баронъ. Но вы, вѣроятно, и не приняли бы такого подарка.

Персиковъ. Конечно, не принялъ, потому что мы люди всетаки не нынѣшняго, а прежняго, нѣсколько идеальнаго направленія; но что-жь изъ того выходитъ: и живешь нищимъ, ѣздящимъ въ каретѣ; а это тяжело!.. У меня вонъ печенка вся сгнила... Я высохъ, какъ лимонъ!.. Не отъ радости-же, въ самомъ дѣлѣ, я пишу фельетоны: будь у меня хоть сколько-нибудь обезпеченное состояніе, я скорѣе бы руку себѣ отрубилъ, чѣмъ строчку печатную написалъ! Я всетаки человѣкъ порядочно воспитанный и очень ясно сознаю, что такое наша братья фельетонисты? Это тѣ же торговки, которыя бѣгали прежде по разнымъ богатымъ домамъ и разносили новости.

Баронъ *(усмѣхаясь)*. Зачѣмъ же такое самоуниженіе! Вы всетаки проводите мысль какую-нибудь.

Персиковъ *(снова съ азартомъ)*. Поди ты,—мысль проводимъ! Мы всѣ питаемся кой-какими фактишками и скандалами, да и тѣхъ иногда нѣтъ. Вотъ хорошо, что на нынѣшней недѣлѣ дѣло этого Сосипатова случилось, а то иногда цѣлый мѣсяцъ зарядитъ—ничего! А между тѣмъ въ передней у тебя каждую пятницу торчитъ эта грубая скотина разсыльный изъ типографіи: «Давайте, ваше высокородіе, фельетонъ!» Просто, я тебѣ говорю, каторга и пытка, а не жизнь!

Баронъ. Но отчего же за-границей фельетонисты, съ которыми я только былъ знакомъ, совершенно довольны своимъ положеніемъ?

Персиковъ. Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они такъ довольны! Преимущество ихъ, конечно, въ томъ, что каждый изъ нихъ всю жизнь можетъ говорить въ одномъ

духѣ, т.-е., быть публично честнымъ человѣкомъ: онъ торчитъ при какой-нибудь газетѣ, которая служитъ выраженіемъ извѣстной партіи и какъ кукушка поетъ свою пѣсню. А у насъ и того нельзя. У насъ вдругъ г-нъ редакторъ призываетъ васъ къ себѣ и начинаетъ съ благороднымъ негодованіемъ распекать. «Такъ-съ писать нельзя: у васъ нѣтъ чутья къ общественному настроенію!» Что такое?—думаешь; начинаешь стороной узнавать... оказывается, что прежде субсидію онъ получалъ отъ одного господина, а теперь перебѣжалъ къ другому. Вотъ и угадывай это настроеніе.

Баронъ. Значитъ, вмѣстѣ съ нимъ и вамъ надо поворачивать въ другую сторону!

Персиковъ. Надо! и поворачиваемъ, потому что иначе, кушать, жрать будетъ нечего. Но это еще ничего, продавалъ-бы себя, какъ умная кокотка, за порядочную цѣну, а то за гроши какіе-то. Помнишь вотъ по этому... по Сосипатовскому предпріятію, я у тебя тысячи четыре перебралъ,—цыфра, кажется, порядочная; но надо знать, много-ли мнѣ изъ нея попало? Вся львиная часть ушла по редакціямъ, гдѣ мнѣ прямо говорили, что онѣ вовсе не обязаны дѣлать другимъ услуги, не извлекая себѣ изъ того пользы.

Баронъ. По моему, въ этомъ случаѣ они совершенно правы!

Персиковъ. Нѣтъ, не правы: потому что они такимъ образомъ должны хвалить всякаго мерзавца. Ну, и стяжали себѣ славное общественное мнѣніе; такъ что, по милости ихъ, совѣстно въ обществѣ показаться. Мнѣ на дняхъ одинъ желѣзнодорожникъ встрѣтился въ театрѣ и чрезъ весь партеръ кричитъ: «скажите—говоритъ—вашему принципалу, чтобъ онъ меня поддерживалъ: я ему за это деньги хорошія заплачу»! *(Входитъ лакей).*

Лакей. Марья Александровна Сосипатова пріѣхала.

Баронъ *(съ замѣтнымъ волненіемъ)*. Проси, или нѣтъ, погоди, постой.

Персиковъ. Вѣроятно, она пройдетъ къ баронессѣ въ гостиную.

Баронъ. Баронессы дома нѣтъ! Она на этомъ сегодняшнемъ знаменитомъ концертѣ.

Персиковъ *(ударяя себя по лбу)*. Батюшки, я непремѣнно тоже долженъ быть тамъ, какъ лицо подкупленное: третьяго дня я обѣдалъ у этой божественной примадонны, и она накормила меня макаронами á l'italien и русскими рубцами съ чеснокомъ,—чудо что такое! Прощай! *(Быстро уходитъ)*.

Баронъ *(лакею)*. Проси сюда ко мнѣ Марью Александровну. *(Лакей уходитъ)*.

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

ЯВЛЕНІЕ IV.

Баронъ *одинъ, потомъ* Марья Александровна; *позже* Баронесса.

Баронъ *(беря себя за голову)*. И не вѣрится блаженству, что я еще ее увижу и буду съ ней разговаривать! *(Входитъ Марья Александровна. Баронъ встрѣчаетъ ее и сначала было радостнымъ голосомъ)*. Здравствуйте, Марья Александровна, какъ я радъ васъ видѣть!... *(протягиваетъ ей руку; но Марья Александровна отвѣчаетъ ему однимъ только легкимъ поклономъ. Баронъ, видимо, сконфуженный этимъ, уже молча пододвигаетъ ей кресло. Она садится. Баронъ тоже садится. Проходитъ нѣсколько времени въ молчаніи)*.

Марья Александровна *(трепещущимъ нѣсколько голосомъ)*. Я къ вамъ по порученію отъ родныхъ моего мужа и привезла пять тысячъ, которыя долженъ вамъ Василій Петровичъ. Прошу васъ уничтожить вашъ вексель.

Баронъ. Съ какой-же цѣлью родные вашего мужа такъ желаютъ уничтожить мой вексель?

Марья Александровна. Это не они одни желаютъ, но и я тоже: вы, пользуясь этимъ векселемъ, требовали освидѣтельствованія мужа въ сумашествіи, а это его убило окончательно. И мы поэтому хотимъ отнять у васъ это право.

Баронъ. Права этого нельзя у меня отнять: я уже имъ воспользовался!

Марья Александровна *(саркастически усмѣхаясь).* И вы до такой степени преслѣдовали вашего прежняго друга изъ единственнаго опасенія потерпѣть маленькій убытокъ въ вашемъ дѣлѣ.

Баронъ. Изъ какихъ опасеній я это дѣлалъ, вы узнаете потомъ.

Марья Александровна. Во всякомъ случаѣ они совершенно излишнія: мужъ мой объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а потому распоряжаться его состояніемъ будетъ не самъ онъ, а конкурсъ.

Баронъ. Уже объявилъ? И какъ я слышалъ, онъ исполнилъ, въ этомъ случаѣ, приказаніе духа, котораго вызвалъ ему Тонель.

Марья Александровна. Не знаю, приказывалъ ли ему это духъ, но онъ сдѣлалъ это потому, что долги его превышаютъ состояніе.

Баронъ. Кто жъ вамъ это говорилъ? Самъ Василій Петровичъ?

Марья Александрова *(сконфузившись).* Нѣтъ, не онъ! Мужа я еще не видала; но мнѣ это говорили его главный управляющій генералъ Прокудинъ и Ненила Петровна. Она показывала даже цифру: на Васильѣ Петровичѣ около двухъ милліоновъ долгу.

Баронъ *(усмѣхаясь).* Не много насчитали! И весь этотъ долгъ, вѣроятно, раздѣленъ между Шемуа, Ненилой Петровной и ея супругомъ, который безпрестанно

требуетъ ее къ себѣ, и она откупается отъ него векселями брата.

Марья Александровна. Не имъ однимъ, но и на мое имя есть вексель во сто тысячъ!

Баронъ *(уже съ испугомъ)*. И вы взяли этотъ вексель, приняли его?

Марья Александровна. Взяла, желая сберечь для себя хоть маленькую частичку состоянія.

Баронъ *(все болѣе и болѣе съ волненіемъ и уже вставая съ своего стула)*. Ничего онъ вамъ не спасетъ и не можетъ спасти!... Вотъ смотрите *(беретъ со стола книжку законовъ, раскрываетъ ее и бьетъ по раскрытой страницѣ рукою)*. Существуетъ прямая статья закона, по которой, если кто объявилъ себя несостоятельнымъ, то все, что имъ за послѣднія десять лѣтъ передано женѣ, отбирается отъ нея!

Марья Александровна. Но это не отъ мужа ко мнѣ перешло! Это мои приданыя деньги, которыя были у него въ дѣлахъ.

Баронъ. Знаю-съ это я, но какъ и чѣмъ вы это докажете!.. Теперь другое надо дѣлать... Всѣ эти Шемуа и Прокудины нарочно васъ втягиваютъ, чтобы лишить меня возможности преслѣдовать ихъ уголовнымъ судомъ, и когда вы возьмете этотъ вексель, вы сами будете такой-же преступницей, какъ и они, потому что всѣ векселя, выданные въ послѣднее время Васильемъ Петровичемъ, безденежные и взяты отъ сумашедшаго человѣка.

Марья Александровна *(поблѣднѣвъ и съ испугомъ)*. Стало быть, послѣ этого я должна остаться нищей, безъ всякаго состоянія.

Баронъ. Я спасу вамъ все ваше состояніе! Только слушайтесь меня! Я нарочно сохранилъ мой пустой вексселишка, чтобы не устраняться окончательно отъ дѣлъ Василья Петровича. Я заранѣе предчувствовалъ, что все это будетъ происходить!.. Прежде всего вы скажите

отъ моего имени его главному управляющему, что я не беру уплаты по моему векселю, и пусть онъ самъ объясняется со мной объ этомъ. Про вашъ же вексель прямо объясните, что вы считаете его безденежнымъ и по этому не принимаете.

Марья Александровна *(смущеннымъ тономъ).* Вашъ совѣтъ, баронъ, такъ рѣшителенъ, что мнѣ, согласитесь, трудно разомъ и не подумавъ послѣдовать ему, тѣмъ болѣе, что я не знаю еще, насколько онъ искрененъ.

Баронъ. Да, Господи, повѣрьте мнѣ хоть одинъ разъ въ жизни!.. Вы давно уже видите во мнѣ какого-то врага вашего, тогда какъ я питаю къ вамъ самую горячую и чистую любовь. Я не избалованъ женщинами!.. Вы знаете, на какомъ чудовищѣ я женатъ, а потому мудрено ли, что вы мнѣ представляетесь какимъ-то ангеломъ святымъ.

Марья Александровна *(уже съ недовольнымъ лицомъ).* Баронъ, въ такія минуты подобныя объясненія!

Баронъ. Это не объясненія, нѣтъ, это мольба, чтобы вы хоть въ то время, когда на волоскѣ все ваше состояніе, мнѣ довѣрились. Я бы желалъ теперь Богъ знаетъ обладать какимъ краснорѣчіемъ, чтобы убѣдить васъ въ себѣ!.. Неужели-же мои глаза, полные, какъ вы видите, слезъ, мои дрожащія руки и умоляющій голосъ, все это притворство?.. И для чего оно? Мужа вашего окружаетъ цѣлая шайка негодяевъ, которые, разумѣется, боятся васъ и ненавидятъ!.. Одинъ вамъ преданный человѣкъ —я, но мнѣ-то именно вы и не вѣрите!..

Марья Александровна *(вдругъ оборачивая къ нему голову).* Нѣтъ, баронъ, я вамъ начинаю вѣрить! Если ужь вы меня обманываете, что-жь послѣ того! *(протягиваетъ ему руку, которую баронъ почти страстно начинаетъ цѣловать; въ это время въ дверяхъ показывается баронесса, разсвирѣпѣлая какъ тигрица).*

Баронесса *(почти задыхающимся голосомъ)*. Прекрасная сцена!.. Превосходная!.. Персиковъ не обманулъ меня! *(мужу)*. Впрочемъ я и сама предчувствовала, почему ты не хотѣлъ со мной ѣхать въ концертъ?

Баронъ *(тоже взбѣсившись)*. Какъ ты смѣешь входить въ кабинетъ, когда тебѣ только вздумается?

Баронесса *(уже насмѣшливо)*. Скажите, я въ своемъ домѣ не могу входить, куда мнѣ угодно. Скорѣй ты уѣзжай, куда хочешь, и назначай тамъ себѣ свиданья! *(Сосипатовой)*. А вамъ, сударыня, самимъ предоставляю назвать вашъ поступокъ.

Марья Александровна. Тутъ нѣтъ никакого поступка съ моей стороны... Вы ошибаетесь.

Баронесса. А что-же это по вашему: пріѣхать къ мужчинѣ, прежнему вашему поклоннику, ночью, когда онъ выпроводилъ жену свою?

Марья Александровна. Я пріѣхала къ барону по дѣламъ съ нимъ объясниться.

Баронесса. Да-съ, извольте видѣть, мы должны вамъ вѣрить во всемъ: вы женщина чистая, нравственная, мы только порочныя и безнравственныя!...

Марья Александровна. Не понимаю, что такое вы говорите!

Баронъ *(ей)*. И не слушайте этой безумицы.. Я завтра поутру пріѣду къ вамъ и подробно вамъ объясню, какъ вамъ дѣйствовать;—послушаетесь-ли вы только меня?

Марья Александровна. Да, послушаюсь.

Баронесса *(ей)* Я вамъ не позволю его слушаться и принимать его къ себѣ!.. Я требую отъ васъ этого, какъ жена его, какъ женщина, которую онъ всетаки обязанъ любить...

Марья Александровна. Успокойтесь, баронесса, пожалуйста, успокойтесь! Я совершенно для васъ безопасна, я слишкомъ не молода и слишкомъ несчастна,

чтобы быть чьей-нибудь соперницей! До свиданія, баронъ! *(протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ и идетъ провожать Сосипатову).*

Баронесса *(на аванъ-сценѣ и въ бѣшенствѣ сжимаетъ кулаки).* Я убью эту женщину!.. Что жь дѣлать: я сознаюсь, что я ревнива!.. Это мой порокъ! Я завтра же пойду къ ней и изобью ее! *(Баронъ возвращается на аванъ-сцену).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Баронъ и баронесса.

Баронесса. Что-жь ты уморить меня хочешь? Непремѣнно на это рѣшился?

Баронъ *(хладнокровно садясь за столъ).* Да, плакать бы много не сталъ, еслибы умерла.

Баронесса *(съ азартомъ).* Такъ нарочно, на зло вамъ, не умру: буду жить и веселиться! Вотъ сейчасъ же позову Шулькина и поѣду съ нимъ на тройкѣ!

Баронъ *(тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ).* Скатертью дорога!

Баронесса. Да, я знаю, вы счастливы даже отъ этого будете; но только вы и тутъ ошиблись: я вовсе не такая развратница, какъ ваша Сосипатова, и теперь дѣйствительно поѣду, только къ жандармскому полковнику... губернатору... Пусть они заставятъ васъ быть мнѣ мужемъ! Безнаказанно нельзя такъ кидать жену! *(уходитъ).*

Баронъ *(пожимая плечами).* Бываютъ дуры, но все не такія!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зало въ домѣ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Около большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Говорковъ. *По правую отъ него сторону* Ненила Петровна и m-r Шемуа, *а налѣво генералъ* Прокудинъ и Живодеровъ.

Говорковъ *(видимо говорящій заранѣе приготовленную имъ рѣчь)*. Какъ предсѣдатель конкурса, учрежденнаго надъ г-номъ Сосипатовымъ, я долженъ изложить предъ вами нѣкоторыя обстоятельства нашего общаго дѣла: на дняхъ г-нъ баронъ Кергофъ исходатайствовалъ, чтобы должникъ нашъ, г-нъ Сосипатовъ, былъ освидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ, —съ какой цѣлью онъ это дѣлалъ...

Ненила Петровна *(перебивая его)*. Съ очень понятною: чтобы унизить человѣка, которому, какъ баронъ самъ признался, онъ всегда завидовалъ.

Говорковъ. Нѣтъ, я подозрѣваю, что цѣль эта была болѣе серьезная и чисто юридическая.

Прокудинъ *(подхватывая)*. Непремѣнно юридическая.

Говорковъ Въ виду чего я и полагалъ бы пригласить сюда г-на Сосипатова и, перечисливъ ему его векселя, просить его дать намъ отъ себя удостовѣреніе, что онъ признаетъ ихъ дѣйствительными, и что всѣ они даны имъ въ твердомъ умѣ и памяти.

Прокудинъ *(опять подхватывая)*. Это будетъ полезно!

Шемуа *(которому Ненила Петровна потихоньку переводила все, что говорилъ Говорковъ)*. Oui, cela sera bien!

Говорковъ *(взглядывая на всѣхъ присуствующихъ)*. Но кто же пригласитъ г-на Сосипатова?

Ненила Петровна. Я!.. Онъ меня пока еще больше, чѣмъ другихъ, слушаетъ! *(встаетъ и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, *кромѣ* **Ненилы Петровны.**

Говорковъ *(Прокудину)*. Вы справлялись въ сенатѣ, утверждено-ли сумашествіе г-на Сосипатова?

Прокудинъ. Справлялся!.. Утверждено!.. Но что-жь изъ того: всетаки векселя выданы имъ раньше этого утвержденія.

Говорковъ *(протяжно)*. Да, но нынѣшній судъ признаетъ сумасшествіе и ранѣе утвержденія сената, если только обстоятельства подтверждаютъ это.

ЯВЛЕНІЕ III.

Говорковъ, м-г Шемуа, Прокудинъ, Живодеровъ, Марья Александровна и баронъ Кергофъ.

Марья Александровна *(подходя прямо къ столу и съ нѣсколько насильственною смѣлостью)*. Мнѣ доставили

вексель отъ мужа, который я принять не могу, потому что вчера узнала, что мужъ мой въ то время, какъ я была въ деревнѣ, совершенно помѣшался.

Говорковъ. Не знаю-съ, мы не замѣчали этого! Впрочемъ вы сейчасъ сами увидите вашего мужа, и надѣюсь, что не найдете его сумашедшимъ.

Марья Александровна. Я очень рада тому: но и тогда векселя не возьму! *(кладетъ вексель на столъ, отходитъ въ сторону и садится).*

Говорковъ *(барону Кергофу, сѣвшему вмѣстѣ съ другими кураторами за столъ).* Вы также не приняли уплаты по вашему векселю?

Баронъ *(рѣзко).* Не принялъ! И даже удивился какъ конкурсъ позволилъ себѣ предложить мнѣ ее: претензія моя должна быть удовлетворена наравнѣ съ прочими, а не полной суммой,—какъ мнѣ предлагали: такихъ милостей я никогда и ни отъ кого не принималъ!

Говорковъ. Но ваша претензія такая ничтожная!..

Баронъ. Какъ бы она ни была ничтожна, законъ ни для какихъ маленькихъ суммъ не дѣлаетъ исключеній. Намѣреніе ваше я очень хорошо понимаю: вамъ хочется, чтобы я не былъ кредиторомъ г-на Сосипатова, а я желаю имъ остаться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, Ненила Петровна и Сосипатовъ. *Онъ веселъ и бодръ, только съ окончательно уже пылающими глазами. Потомъ* **лакей.**

Сосипатовъ *(дружески со всѣми раскланиваясь).* Очень радъ васъ, господа, видѣть у себя! *(увидавъ жену, онъ сейчасъ измѣняетъ выраженіе въ лицѣ и почти строгимъ голосомъ).* Вы, я надѣюсь, посѣтили мой домъ, только какъ кредиторша моя?

Марья Александровна *(дрожащимъ голосомъ)..* Я

не желаю быть вашей кредиторшею: я возвратила вашъ вексель назадъ.

Сосипатовъ *(кивнувъ головой на барона)* Видно, съ той стороны хорошо обезпечены *(садится и обращается къ Говоркову)*. Вы желали о чемъ-нибудь переговорить со мной? *(Ненила Петровна тоже садится около него и замѣтно начинаетъ наблюдать за нимъ)*.

Говорковъ *(Сосипатову оффиціальнымъ тономъ)*. Нѣкоторые злонамѣренные люди распустили слухъ, что будто вы находитесь не въ здравомъ состояніи вашего ума и даже были освидѣтельствованы...

Сосипатовъ *(смѣясь)*. Былъ-съ! Былъ!.. Но кто тутъ одураченъ, еще не рѣшено: они хотѣли меня одурачить. а, кажется, я ихъ одурачилъ.

Говорковъ. Вамъ извѣстно, по требованію кого вы освидѣтельствованы?

Сосипатовъ. Извѣстно: этого желали баронъ Кергофъ и жена моя, которая находится съ нимъ въ любовной связи.

Марья Александровна *(вспыхнувъ и закрывая лицо рукою)*. Василій Петровичъ, пощади меня хоть съ этой стороны: я все это время жила въ деревнѣ.

Сосипатовъ *(съ озлобленіемъ)*. Да-съ, но и имѣнье барона тутъ не далеко,—вы забыли это. Впрочемъ, все это ничего не значитъ!.. Я даже счастливъ и блаженъ оттого! Это снимаетъ послѣднюю узду съ моихъ обязанностей къ вамъ! Женщина, которая нѣкогда позволила себѣ сказать мнѣ, что я болванъ, неспособный ничего дѣлать, не можетъ оставаться моей женой... Возвращаюсь, однако, къ моему сумасшествію: когда эта глупая комедія была сыграна со мною, я, признаюсь, на первыхъ порахъ, впалъ въ нѣкоторое сомнѣніе, потому что какъ ни свѣтелъ и ни ясенъ нашъ разумъ, но все-таки человѣкъ самъ за себя вполнѣ поручиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилъ докторъ Круповъ, мы всѣ сумашедшіе

и разница только въ степени помѣшательства, такъ что я обратился наконецъ къ моему милѣйшему медіуму и вмѣстѣ моему другу, говорю ему: «Сэръ, вызовите мнѣ духа и спросите его, въ какомъ состояніи мой разсудокъ!» Тотъ, не далѣе какъ прошедшую ночь — вотъ сестра была свидѣтельницей тому—вызвалъ мнѣ духа, который далъ мнѣ даже письменный отвѣтъ, каковой и имѣю честь представить вамъ! *(вынимаетъ изъ жилетнаго кармана клочокъ бумаги и кидаетъ его на столъ)*. Тутъ, какъ вы видите, написано «разумъ вашъ находится въ прежнемъ здравомъ и геніальномъ состояніи!» *(Всѣ потупляются)*.

Баронъ *(взявъ самый клочекъ бумаги и взглянувъ на него)*. Почеркъ этотъ очень похожъ на вашъ, Василій Петровичъ!

Сосипатовъ. Да, это я писалъ, но только подъ диктовку духа! Вы этимъ ядовитымъ замѣчаніемъ вашимъ, конечно, хотѣли меня срѣзать, уничтожить, но увы! Какъ нѣмецъ, вы не знали великой нашей поговорки, что лбомъ стѣны не прошибешь!.. Спиритизмъ фактъ-съ! Все равно, что бревно, дерево, его не уничтожишь!.. Но потомъ и путемъ аналогіи я разуму вашему докажу! Что всѣ мы состоимъ изъ духа и тѣла, въ этомъ и вы, несмотря на вашъ скептицизмъ, вѣроятно, не сомнѣваетесь; но духъ въ человѣкѣ, существѣ, по преимуществу, реальномъ, столь замкнутъ, что между нимъ и Богомъ, этимъ духомъ совершенно абстрактнымъ и безтѣлеснымъ, непремѣнно должны быть переходныя существа, все болѣе и болѣе теряющія свою реальность; это признается даже христіанствомъ! Отсюда вытекла вѣра въ ангеловъ, архангеловъ, и вотъ въ числѣ этихъ чистыхъ духовъ существуютъ, между прочимъ, и души умершихъ людей, которыхъ связь съ землей еще не кончилась совершенно, но которыхъ мы уже, по грубости нашихъ наблюдательныхъ органовъ, мы не имѣемъ средствъ ни видѣть и ни осязать и только нѣкоторыя... вслушайтесь: нѣкоторыя

избранныя натуры, вотъ эти самые медіумы, способные, по своей нервозности, почти совершенно освобождать свою душу отъ тѣла, могутъ, такъ сказать, соприкасаться съ этими тѣнями умершихъ людей!.. Ко мнѣ... это уже повѣрено мною даже портретомъ... является духъ Ло, извѣстнаго изобрѣтателя билетовъ на предъявителя, съ которымъ я поэтому и имѣю нѣкоторое сродство!.. Кажется, ясно?

Говорковъ. Да-съ, ясно!.. Значитъ, мы теперь можемъ перейти къ перечню долговъ вашихъ.

Сосипатовъ. Сдѣлайте одолженіе.

Говорковъ *(не совсѣмъ твердымъ голосомъ)*. Говоркову полтораста тысячъ.

Сосипатовъ *(кивая головой)*. Вѣрно-съ!

Живодеровъ *(поблѣднѣвъ)*. Сумма знатная!

Говорковъ *(продолжаетъ)*. Г-ну Журиленко сто тысячъ!

Сосипатовъ *(беря себя за голову)*. Не помню, за что же именно!.. за какія операціи!..

Ненила Петровна *(краснѣя)*. За пажити, которыя въ послѣднее время куплены у мужа.

Сосипатовъ. Это, которыя отъ Бердряги идутъ къ Сумлину?

Ненила Петровна. Да!

Сосипатовъ Но это солончаки какіе-то, на которыхъ можно только скорпіоновъ разводить.

Ненила Петровна. Ахъ, нѣтъ!... Пажити очень хорошія и огромныя.

Сосипатовъ. Ну, не помню!... Не спорю!.. *(Говоркову)*. Потрудитесь продолжать!

Говорковъ *(читаетъ)*. Г-жѣ Журиленко восемьсотъ тысячъ!.. Г-ну Шемуа четыреста тысячъ!.. Генералъ-Маіору Прокудину полтораста тысячъ!.. Г-ну Живодерову двѣсти тысячъ!.. И потомъ по претензіямъ другихъ лицъ—всего на два милліона. Признаете-ли вы, Василій

Петровичъ, всѣ эти долги ваши и даны-ли они вами въ полномъ и ясномъ сознаніи?

Сосипатовъ. Въ совершенномъ сознаніи.

Живодеровъ *(уже вставая и обращаясь къ Говоркову).* А какъ-съ теперь велико имущество Василья Петровича?

Говорковъ. По примѣрной оцѣнкѣ до пятисотъ тысячъ простирается.

Живодеровъ *(опять поблѣднѣвъ).* Вотъ тѣ разъ!.. Поэтому, мы копѣекъ по двадцати пяти на рубль получимъ?

Говорковъ. Да, не больше.

Живодеровъ *(обращаясь къ Сосипатову).* Вы, батюшка, Василій Петровичъ, накиньте мнѣ тысченокъ хоть двѣсти еще, чтобы мнѣ не совсѣмъ ужь въ раззоренье придти.

Сосипатовъ *(гордо поднимая передъ нимъ голову).* Какъ-же это и за что я стану тебѣ накидывать?

Живодеровъ. За долгъ мой, помилуйте! Другимъ давали-же векселя и безъ всякихъ денегъ, рублевика за нихъ не получивши, а я за свои труды прошу.

Сосипатовъ *(ударяя на слова).* Кто это такіе другіе, кто?

Живодеровъ. Да вотъ тотъ-же г-нъ Шемуа и Говорковъ. Я съ недѣлю тому назадъ въ конторѣ справлялся: никакого долга имъ не значилось, а теперь на-ка, какіе векселища выросли. Г-ну генералу тоже: онъ тогда на моихъ глазахъ принесъ вамъ всего двадцать пять тысячъ, да и на тѣ ему были акціи выданы, а онъ потомъ сунулъ ихъ назадъ и деньги на нихъ пріобрѣлъ!

Шемуа *(обращаясь ко всѣмъ).* Je ne comprends pas... что онъ говоритъ: Шемуа... Что такое Шемуа?..

Прокудинъ *(Живодерову).* За это «сунулъ»—я посчитаюсь съ тобой послѣ съ глаза на глазъ, а теперь только спрошу: ты знаешь всѣ мои отношенія къ Ва-

силью Петровичу и всѣ мои денежныя дѣла, которыя я съ нимъ велъ?

Живодеровъ. Я, сударь, ничего не знаю!.. Знаю только про себя!.. Тогда Василій Петровичъ разгнѣваться на меня изволили, прогнали отъ себя, а вы вдругъ, сдѣлаючись его управляющимъ, шлете за мной: давай вамъ народу, бери, какую хочешь цѣну!.. Я бы могъ притѣсненіе сдѣлать!.. однакоче я вамъ все въ удовольствіе исполнилъ, и работали, сами видѣли, все равно, что изъ огня рвали: я на тотъ случай работнику, можетъ, платилъ дороже, чѣмъ самъ получалъ, и за всѣ такія свои послуги, на-ка, получай по двадцати пяти копѣекъ на рубль—Бога тоже надо знать!.. Господа-то только обзываютъ насъ мошенниками, а сами, пожалуй, еще хуже насъ.

Сосипатовъ *(при послѣднихъ словахъ приподнимаясь и мрачнымъ голосомъ)* Чаша терпѣнія моего исполнилась!.. *(показывая рукой на Живодерова)*. Негодяй этотъ давно меня бѣсилъ, но прежде я ничего не могъ ему сдѣлать... теперь-же месть моя настала!.. Онъ не знаетъ еще, дерзкій дуракъ, что я верховный жрецъ и судія всего финансоваго міра!.. Я царь торговли! Мнѣ самъ Богъ вручилъ этотъ вѣнецъ! *(Живодерову)*. Я устраиваю надъ тобою судъ! *(прочимъ лицамъ)*. Господа! Надѣвайте ваши судейскія тоги!.. *(снова Живодерову)*. Скажи, несчастный, давно-ли ты запутался въ дѣлахъ твоихъ!

Живодеровъ. Ничего я, ни въ какихъ дѣлахъ моихъ не запутывался

Сосипатовъ. Молчи! раскаяніе—твое единственное спасеніе! Одно слово еще отъ тебя, и голова твоя слетитъ съ плечъ.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ извините! Вамъ голова моя неподначальная! Нынѣ безъ суда никому головы не рубятъ!

Сосипатовъ. Но я-то могу тебя судить!.. Палачъ тутъ за дверьми. Позовите палача сюда!.. *(Всѣ крайне смущены)*.

Ненила Петровна *(умоляющимъ голосомъ)*. Братъ, прошу тебя: успокойся! *(Марья Александровна тоже не знаетъ, что и дѣлать; глаза ея полны слезъ)*.

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, Василій Петровичъ, смѣяться или шутить вы изволите!

Сосипатовъ *(вдругъ съ плачемъ въ голосѣ)*. Нѣтъ, я плачу, жерновами плачу, какими ты, каналья, никогда не плакивалъ!.. *(выходя на авансцену и къ публикѣ)*. Гг. публика, я вашего уже суда и защиты требую! Вы сами видите, я отовсюду окруженъ моими врагами и завистниками!.. Меня безстыднѣйшимъ образомъ хотятъ представить за сумашедшаго!.. Меня, торговаго человѣка, засадили, какъ арестанта, почти въ тюрьму и приставили вотъ эту сентиментальную дуру *(показываетъ на сестру)* стражемъ ко мнѣ!.. Какъ я могу поправить дѣла мои, когда мнѣ шагу никуда не позволяютъ сдѣлать! Я каждый день, видитъ Богъ, несу отътого десятки тысячъ убытку!.. Я молчалъ-бы, если-бы личность моя была иная: я бы могъ тогда умереть, издохнуть, раззориться: дюжинныхъ людей жалѣть много нечего!.. Но во мнѣ губятъ генія всей Россіи!.. Меня держатъ, какъ Прометея, прикованнымъ къ скалѣ, тогда какъ я, подобно ангелу, несущему въ рукахъ свѣточъ, долженъ былъ-бы облетать весь міръ. *(Говорковъ вдругъ звонитъ. Входятъ лакеи)*.

Говорковъ *(имъ)*. Уведите г-на Сосипатова.

Сосипатовъ *(снова гордо поднявъ голову)*. И ты, презрѣнный торгашъ фальшивыми телеграммами, смѣешь сказать, чтобы меня вывели, но я брошусь къ народу, и тотъ будетъ за меня: тебя онъ растерзаетъ на части, а меня вознесетъ, какъ императора на щитахъ!.. *(Въ самомъ дѣлѣ кидается было къ открытому окну, но ла-*

кеи схватываютъ его и уводятъ. Сосипатовъ, уходя съ поднятыми руками). Духа Ло давайте мнѣ! Я хочу съ нимъ бесѣдовать. Духа Ло!

Марья Александровна *(совсѣмъ растерявшись, уходя за мужемъ).* Господи, что это такое съ нимъ!

Ненила Петровна *(также слѣдуя за ней).* Сами всю жизнь его мучили, а теперь удивляетесь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Говорковъ, m-r Шемуа, Прокудинъ. Живодеровъ и баронъ Кергофъ; *потомъ* **лакей.**

Говорковъ *(съ необычнымъ ему одушевленіемъ).* Никогда съ нимъ этого не бывало, никогда!

Баронъ *(простодушнымъ тономъ).* Никогда?

Говорковъ. Никогда, ни разу!

Прокудинъ *(показывая головой на Живодерова).* А все вотъ этотъ грубіанъ! *(Подходя къ нему и сжимая кулаки).* Тебѣ бороду за это ополовинить стоитъ.

Живодеровъ. За что-жь мнѣ ополовинивать-то, я и самъ вамъ усы-то подправить съумѣю.

Прокудинъ (*Говоркову*). Г-нъ предсѣдатель, я не могу болѣе это переносить!.. Прошу составить объ этомъ протоколъ и представить общему собранію объ удаленіи г-на Живодерова изъ кураторовъ.

Живодеровъ (*насмѣшливо*).. Да, такъ вотъ сейчасъ общее собраніе васъ и послушается. Меня съ барономъ выбрали настоящіе кредиторы, которымъ Василій Петровичъ доподлинно долженъ былъ, а не дутые бронзовики...

Шемуа (*вслушавшись*). А, бронзовикъ! A présent, je comprends: vous dites, que nous sommes des canailles, плуты. Такъ... Да!.. Je vous ferai vous taire... Дайте мнѣ votre adresse! Я васъ зову en duel.

Живодеровъ. Зови!.. Благуй, сколько хочешь и лепечи тамъ по своему!.. (*тѣ же и лакей*).

Лакей. Какой-то господинъ и полиція съ нимъ спрашиваютъ, гдѣ конкурсъ.

Баронъ. Это, вѣроятно, судебный слѣдователь.

Говорковъ. Слѣдователь, вы говорите?

Баронъ. Да! (*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, *кромѣ* лакея. *Входитъ дѣйствительно судебный слѣдователь, а за нимъ частный приставъ и два квартальные надзирателя.*

Судебный слѣдователь (*нѣсколько взволнованнымъ голосомъ*). Извините, господа, что я прервалъ ваши занятія; но, къ сожалѣнію, я долженъ подвергнуть аресту нѣкоторыхъ членовъ конкурса.

Говорковъ (*ему*). По какому именно обвиненію?

Судебный слѣдователь. Васъ, собственно, по обвиненію въ составленіи фальшивыхъ телеграмъ и въ написаніи безденежныхъ векселей отъ человѣка, завѣдомо вамъ сумасшедшаго.

Говорковъ. И это доказано дознаніемъ?

Судебный слѣдователь Совершенно доказано. (*Говорковъ послѣ того отыскиваетъ свою шляпу. Частный приставъ между тѣмъ мигаетъ квартальному; тотъ приближается къ Говоркову*).

Говорковъ (*ему*). Въ ту часть, что и прежде?

Квартальный. Въ ту же самую-съ! (*оба уходятъ*).

Частный приставъ (*показывая барону головою на ушедшаго Говоркова*). Года два тому назадъ, какъ выпущенъ изъ острога: содержался тоже за предсѣдательство въ конкурсѣ.

Судебный слѣдователь *(между тѣмъ подходитъ къ генералу Прокудину)*. Вы господинъ Прокудинъ?

Прокудинъ *(весь вспыхнувъ)*. Точно такъ.

Судебный слѣдователь. Васъ тоже положено арестовать за составленіе безденежныхъ векселей.

Прокудинъ. Но кто жъ это положилъ и постановилъ?

Судебный слѣдователь. Я!

Прокудинъ. Но вы забываете нѣсколько мое званіе!... Мнѣ, полагаю, могли бы на слово повѣрить, что я не убѣгу и буду являться къ слѣдствію.

Судебный слѣдователь. Постановлено впредь до окончанія изслѣдованія всѣхъ подвергнуть одиночному заключенію.

Прокудинъ. Вы, молодой человѣкъ, рискуете многимъ, многимъ! Я буду жаловаться Государю Императору моему! *(уходитъ; за нимъ также уходитъ и квартальный)*.

Судебный слѣдователь *(барону, показывая глазами на Шемуа)*. Это, если я не ошибаюсь, г-нъ Шемуа?

Баронъ. Онъ!

Судебный слѣдователь *(Шемуа)*. Вы говорите по-русски?

Шемуа. Да я немного... русски... говорю.

Судебный слѣдователь. Je dois vous arrêter aussi.

Шемуа. Mais c'est impossible!.. Я не вашъ подданный! Moi! je suis citoyen de France, de la république!.. Мнѣ вашъ законъ не надо!

Судебный слѣдователь. Всякій, кто на какой территоріи совершилъ преступленіе, по законамъ той страны и судится?

Шемуа. Но вы давайте мой консулъ... Я пишу мой консулъ.

Судебный слѣдователь. Консула извѣстятъ о вашемъ арестѣ. Потрудитесь слѣдовать за г-мъ квартальнымъ.

Шемуа *(уже замѣтно растерявшись)*. Но я долженъ, je veux dire adieu... Хозяинъ!.. *(быстро уходитъ во внутреннія комнаты)*.

Судебный слѣдователь *(частному приставу)*. Не позволяйте, пожалуйста, никому съ нимъ совѣщаться!

Частный приставъ. О, да-съ, непремѣнно!.. *(быстро уходитъ за Шемуа)*.

Судебный слѣдователь *(Живодерову)*. А вы потрудитесь дать показаніе.

Живодеровъ *(уже струсивши)*. Я, ваше высокородіе, ни въ чемъ тутъ не причастенъ, видитъ Богъ!

Судебный слѣдователь. Васъ и спрашиваютъ, въ качествѣ свидѣтеля. Извольте говорить, а я буду записывать... *(садится и начинаетъ записывать то, что говоритъ Живодеровъ)*.

Живодеровъ *(сначала нѣсколько запинаясь)*. Я, извините такъ... зашелъ по своему дѣлу къ маклеру; вижу тамъ вотъ этого г-на генерала и г-на Шемуа; на столѣ цѣлая куча векселей!.. Я на глазъ-то востеръ, хоть и далеко стою, но различаю: суммы все на двѣсти, триста, пятьсотъ тысячъ и все вездѣ подпись: «Сосипатовъ, Сосипатовъ»!.. Ахъ, ты, думаю, это бронзовики льютъ; а у меня тутъ, ваше высокородіе, чистыя денежки, кровные труды мои засосаны!.. Я бросился къ барону: «ваше сіятельство, говорю, научите, какъ мнѣ тутъ быть: въявь, середь бѣлаго дня грабятъ человѣка?» «Заявите, говоритъ, прокурору, и я съ своей стороны, напишу!» Я тогда явился къ его высокопревосходительству, г-ну прокурору, все имъ и доложилъ-съ!

Судебный слѣдователь. Но не извѣстно ли вамъ еще чего-нибудь по этому дѣлу?

Живодеровъ. Ничего больше того не знаю, боюсь, и за то въ отвѣтѣ будешь.

Судебный слѣдователь. Ни въ какомъ отвѣтѣ вы не будете. До свиданія, баронъ! *(Живодерову)*. Вы по-

Bayerische Staatsbibliothek München

трудитесь зайти въ мою канцелярію и подписаться къ этому вашему показанію.

Живодеровъ. Слушаю-съ! И раззоренье-то, и безпокойство этакое! *(машетъ только рукой и уходитъ вслѣдъ за судебнымъ слѣдователемъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Баронъ *одинъ; потомъ* **Марья Александровна** *трепещущая и съ удивленнымъ лицомъ.*

Баронъ *(одинъ).* Пойметъ-ли хоть теперь меня и оцѣнитъ ли сколько-нибудь Марья Александровна?

Марья Александровна. Что такое тутъ происходитъ? Шемуа какіе-то солдаты увели... Ненилу Петровну заперли въ ея комнатѣ!

Баронъ. Слѣдствіе начинается по ихнимъ плутнямъ!

Марья Александровна. Но, можетъ быть, и мужа моего найдутъ виновнымъ?

Баронъ. Нѣтъ, онъ въ положеніи невмѣняемости. Все состояніе ваше спасено, изъ двухъ милліоновъ долга милліонъ восемьсотъ тысячъ зачеркнуты, какъ фальшивые.

Марья Александровна. Баронъ, я такъ виновата передъ вами... Я была въ отношеніи васъ глупа, неблагодарна, дерзка; мнѣ совѣстно глядѣть на васъ.

Баронъ *(съ удареніемъ).* Не совѣститесь и убѣдитесь только, что финансовый геній не мужъ вашъ, а скорѣй я!

(Занавѣсъ падаетъ).

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ТОМА

	стр.
ИПОХОНДРИКЪ—комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ	5
РАЗДѢЛЪ—комедія въ трехъ дѣйствіяхъ	119
ХИЩНИКИ—комедія въ пяти дѣйствіяхъ	187
ФИНАНСОВЫЙ ГЕНІЙ—комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ	287

BIBLIOTEKA
Wacława
Wilniewczyca

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА X 1896 ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М.О. ВОЛЬФЪ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М.О. ВОЛЬФЪ.

Pisemskij, Aleksej F.,

Polnoe sobranie sočinenij A. F. Pisemskago

Bd.: 22

1896

Opp. 658 x-22
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11817293-1